

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

9

Методы изучения территориальных
и социальных диалектов. К итогам
опыта славянской диалектологии XX в.

Москва 2004

Российская академия наук
Институт славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

9

**Методы изучения территориальных
и социальных диалектов. К итогам
опыта славянской диалектологии XX в.**

Москва
2004

Редколлегия: *д.ф.н. Л.Э.Калнынь (председатель),*
к.ф.н. М.И.Ермакова,
к.ф.н. Г.П.Клепикова

Ответственный редактор выпуска: *Л.Э.Калнынь*

Рецензенты: *д.ф.н. Т.Н.Молошная,*
к.ф.н. Р.П.Усикова

Статьи очередного, 9-го, выпуска «Исследований по славянской диалектологии» посвящены опыту использования в славянской (и прежде всего – в отечественной) диалектологии XX в. различных методов изучения народных говоров: лингвогеографического (позднее – и ареалогического) метода, метода системного описания отдельного диалекта на всех его уровнях, социолингвистического метода, акцентирующего внимание на условиях функционирования диалектных идиомов. Материалы сборника представляют интерес для специалистов в области славянской диалектологии, истории славянских языков /диалектов, диалектной фонетики, грамматики, лексикологии и др., а также славяно-неславянских языковых взаимодействий.

ISBN-5-7576-0157-4

© Институт славяноведения РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 2002 г. в Институте славяноведения РАН состоялся Круглый стол, посвященный методам исследования территориально и социально ограниченных форм языка, т.е. диалектов. Эти методы являются производными от совокупности вопросов, которые предварительно предполагается решить в ходе предпринимаемого исследования.

В славянской диалектологии на протяжении XX в. приоритет принадлежал составлению диалектных карт. Для этого создавались специальные программы обследования диалектов, содержание которых обычно основывалось на корпусе уже установленных диалектных различий в соответствующих языках. Новизна результата эксплицировалась полученными изоглоссами, которые могли использоваться в целях классификации или аргументации выводов относительно истории языка. Менее распространенным типом диалектологического исследования являлось описание диалектов на всех уровнях как языка, используемого территориально ограниченным кругом населения.

Развитие лингвогеографии и описательной диалектологии в конце XX в. во многом было обусловлено применением новых методов получения материала и его интерпретации. Это типологическая классификация больших собраний диалектов с применением компьютерных методов, использование средств экспериментальной фонетики для характеристики синхронного состояния диалектной системы, выявление социолингвистических характеристик территориально ограниченных идиомов, создание монографических описаний отдельных говоров.

Перечисленные вопросы стали предметом обсуждения на данном Круглом столе, а прочитанные на нем доклады публикуются в предлагаемом выпуске «Исследований по славянской диалектологии».

PREFACE

A round table discussion was held in December 2002 at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. It was devoted to the methods of research of territorially and socially limited dialects. There is a number of questions which are supposed to be solved in the course of the planned research project, and methods will be derived from the results obtained.

During the 20th century the Slavic dialectology primarily concentrated on compiling the dialectological maps. For this purpose special survey programs had been elaborated. The contents of these programs was based on the already known dialectological differences in certain languages. The novelty of results was explicated by the obtained isoglottic lines, which could be used for the purpose of classification or argumentation concerning the history of language. The description of the dialect on all levels as a language used by a territorially limited group of population was less widespread.

The development of linguistic geography and descriptive dialectology in the end of 20th century was to a large extent determined by the application of new methods of obtaining research data and its interpretation. These are: application of computer research for the purpose of typological classification of large collections of dialects; use of experimental phonetics for description of synchronic state of dialect system; exposure of sociolinguistic parameters of territorially limited idioms, monographic descriptions of certain *govors*.

Abovementioned issues were discussed during the round table, and the papers presented there are now published in the current issue of "Research on Slavic Dialectology. Territorial Dialects' Research Methods. The Experience of Slavic Dialectology in the 20th Century".

К вопросу об иерархии методов изучения славянских диалектов

Изучение территориального диалекта как языкового идиома может предприниматься с разной целью. Это может быть извлечение аргументов для сравнительно-исторических штудий, для истории языка, в состав которого входит диалект, сбор материала для составления диалектных атласов и словарей. Но при этом традиционно почти всегда принцип отбора диалектных фактов основан на дифференциальном методе. Это в большой степени является реакцией на языковое устройство диалекта. Диалектная речь в пределах каждого территориально ограниченного идиома отличается большой вариативностью. Генезис синхронно сосуществующих вариантов может быть разным, являясь как результатом влияния литературного языка (стандарта) на диалекты, так и отражением внутренней динамики, эксплицированной сосуществованием архаизмов и инноваций. Стремление представить диалект как относительно однородное образование и подчеркнуть его отличие от литературного языка лежит в основе дифференциального метода в диалектологии.

Существо дифференциального метода в общем виде сводится к сопоставлению диалектной речи с эталоном. Как показывает практика, такой эталон может иметь разное содержание.

Обычно за эталон принимается литературный язык, а программа исследования диалекта ориентирует на фиксацию элементов, отличающихся от стандарта. Между тем, как отметил [Панов 1972, 14], указанием лишь на отличия данного говора от литературного языка разрушается представление о системной целостности диалекта «поскольку черты «общие» у говора с литературным языком, могут быть функционально совершенно разными благодаря соотношению с другими участками системы, которые различны в говоре и литературном языке». Сопоставление русских диалектов со стандартом лежит в основе принятого в русской диалектологии классификационного определения «центральные» и «периферийные» говоры.

Дальнейшая детализация эталона имеет место, когда в диалекте/говоре выделяется архаический (традиционный) и более новый слой говора, чему обычно соответствует генерационное разграничение носителей диалекта. Различие между этими вариантами диалектной речи часто состоит в уровне отличия от литературного языка и может отражать изменения, происходящие в диалекте. Основной диалектной системой принято считать ту, которая

реализуется архаической формой речи (этим, в частности, определяется подбор информантов при обследовании диалекта).

В любом случае дифференциальный подход к диалекту предполагает рассмотрение диалекта не в качестве самостоятельного языкового образования, а как явление, сущность которого может определяться только на фоне другого языкового идиома (преимущественно на фоне стандарта). Это делает необходимым при определении особенностей говора выход за пределы наблюдаемого объекта (сравнение со стандартом), с одной стороны, и игнорирование некоторых частей того же объекта (совпадения со стандартом), с другой.

Между тем, к изучению территориальных диалектов можно подходить с позиций, основанных на том, что диалектология как наука имеет свои собственно лингвистические задачи, а не только выполняет прикладную роль по отношению к истории языка или этнографии.

Исходным объектом изучения в диалектологии является диалект/говор одного населенного пункта. Именно он в цепи диалектного дробления принимается за исходную далее неделимую единицу. Соответственно, диалектная речь говора является объектом первичного наблюдения, что в максимально наглядном виде подтверждается сеткой населенных пунктов каждого диалектного атласа.

Если считать, что успехи любой науки определяются уровнем изученности ее исходных объектов, то следует признать, что важным аспектом диалектологии является всестороннее изучение диалектов/говоров как языковых систем. Конкретно это эксплицируется в виде описания говора в сего синхронном состоянии на всех уровнях (фонетика, словообразование, словоизменение), что означает моделирование частной диалектной системы. В виду своей исключительной трудоемкости, такие описания не могут иметь массовый характер. Но как репрезентанты основных диалектных типов в рамках отдельных национальных диалектологий такие описания необходимы и могут быть весьма эффективны.

Описание диалекта как синхронной системы исключает дифференциальный принцип выделения его особенностей. Поэтому, кстати, подобное описание не следует отождествлять с таким распространенным в славянской диалектологии жанром, как «полное монографическое описание диалекта». Само по себе определение полноты такого описания обычно не формулируется. Чаще всего понятие полноты описания означает, что в нем представлена информация о всех уровнях диалекта, каждый из которых рассматривается через призму диалектных различий, известных в соответствующем ареале. Если обратиться к фонетике, то это преимущественно факты инвентаря. В меньшей степени учитываются правила сочетания звуков и их позиционное поведение. Подобные лакуны отнюдь не являются результатом отсутствия интереса к соответствующим фрагментам фонетического строя диалектов. Причина в

том, что дифференциально ориентированная программа обследования диалекта не предусматривает получения указанных сведений. Подтверждение этого можно найти в [FO], где авторы описаний фонетик/фонологии отдельных южнославянских говоров, включенных в сетку Общеславянского лингвистического атласа, нередко отмечают, что для суждения о дистрибуции той или иной фонетической единицы не хватает данных, поскольку [Вопросник ОЛА] не предусматривает соответствующий объем сведений.

Отказ от дифференциального метода при обследовании и описании диалектов требует известного преодоления стереотипов.

Диалект в качестве объекта синхронного системного описания должен исследоваться как язык, используемый обозримым территориально ограниченным коллективом говорящих. Это значит, что в этом случае надо применять такие исследовательские приемы, которые приняты при изучении языков вообще в их синхронном состоянии.

Предпосылкой успешного проведения любого обследования диалектов является координация цели исследования, с одной стороны, и программы извлечения соответствующих этой цели данных, с другой. Выбор предполагаемой конечной формы описания определяет как вид искомым лингвистических данных, так и методику работы с информантами. Ошибочно думать, что можно получить лингвистически значимые результаты, «непредвзято» наблюдая язык, а полученные таким образом факты подскажут схему описания. Р.И.Аванесов, подчеркивая определяющее значение вопросника в диалектном исследовании, иллюстрировал это пословицей «за чем пойдешь, то и найдешь» [ОЛА 1978, с.33].

Программа обследования говора как целостной системы по своему содержанию принципиально отличается от программы сбора материала для диалектного атласа. В программе любого атласа внимание сосредоточено на диалектных различиях, актуальных в пределах диалектного континуума, охваченного атласом. Все, что находится за пределами диалектных различий, не входит в зону лингвогеографических интересов. Диалектный атлас, по определению, дифференциален, поскольку имеет своей целью показать членение диалектного пространства на основе распределения в нем компонентов установленных диалектных различий.

Программа синхронного описания диалекта должна выявить все компоненты диалектной системы независимо от их отношения к диалектным различиям. Прежде всего это означает, что программа должна ориентироваться на выявление максимально полного корпуса сведений о синтагматическом и парадигматическом аспектах выбранного фрагмента системы.

В конце статьи приводятся фрагменты вопросников для обследования фонетики ряда славянских диалектов. Полученный с помощью этих вопросников материал использован для описания фонетики в разных аспектах и

моделирования фонологической системы диалектов в [Калнынь 1973; Калнынь, Масленникова 1981; Калнынь, Масленникова 1985].

Вопросники составлены таким образом, чтобы получить сведения о составе гласных и согласных, употребляющихся в идиоме, и о правилах их сочетания друг с другом и паузой. С этой целью на базе предварительных знаний о фонетике той диалектной группы, в состав которой входит обследуемый диалект, устанавливается список «звукослоговых единиц» (термин из [Кузнецов 1959]), присутствие которых в диалекте вероятно. Звуки языка комбинируются в сочетании друг с другом и паузой (#). Для гласных учитывается положение относительно ударения. Каждое сочетание звуков в вопроснике снабжается иллюстративным словом, произношение которых должно быть проверено при обследовании диалекта. Реализация такой программы обследования диалекта предъявляет специфические требования к информанту – единственному источнику лингвистически значимых данных. Необходимо стимулировать его речевое поведение в нужном направлении, провоцировать в его речи явления, заданные программой (например, произношение незнакомых слов, построение словоизменительной парадигмы).

В результате обследования говора по такой программе одни сочетания звуков языка будут зафиксированы в определенных словах, а другие окажутся не зафиксированными. Однако сама по себе незафиксированность сочетания – это отнюдь не аргумент в пользу его синтагматической запрещенности. Как отмечает [Панов 1967, 79], возможность звуковой синтагматики шире ее лексической реализации. Об этом же в [Ивич 1970, 3] – «число дистриктивных возможностей определяется инвентарем фонем и правилами их дистрибуции. Решающую роль играют только свойства системы, а не такие второстепенные факторы, как наличие или отсутствие отдельных комбинаций в лексических единицах или частотность разных типов».

В соответствии с этим, не зафиксированные в ходе обследования сочетания должны быть разделены на 1) запрещенные законами синтагматической фонетики, с одной стороны, и 2) допустимые фонетически, но не представленные лексически, с другой. Логика принятия такого решения показана ниже на примере фрагмента консонантной синтагматики в украинском бойковском говоре, описанном в [Калнынь 1973].

Из сказанного можно сделать вывод, что задачу моделирования диалектной системы (как и любой языковой системы) нельзя решить оперируя только тем материалом, который попадает в зону непосредственного наблюдения. В диалектной речи реализуется не весь набор системных возможностей. Но, поскольку не реализованные возможности в потенциальном виде существуют в системе, они должны учитываться при моделировании этой системы.

Описание диалекта как синхронной системы даже в пределах одного уровня (фонетика, морфология) – занятие весьма трудоемкое. Некоторый опыт таких

исследований имеется. Помимо названных выше работ по славянской фонетике/фонологии, это работы по болгарскому глагольному словоизменению [Попова 1975], по русской морфологии [Бромлей, Булатова 1972]. Может возникнуть вопрос, насколько исследования такого типа необходимы. Ответ зависит от того, какое значение следует придавать описательному разделу лингвистики вообще. В связи с этим можно привести высказывание [Щерба 174, 49], сделанное по поводу «презрительного отношения некоторых лингвистов к описательной грамматике как ненаучной»: «выведение из данных в опыте фактов «речи» общего, т.е. «языка как системы», является как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которой стремится каждая наука: вопрос о причинных связях явлений может с успехом ставиться лишь в той мере, в которой продвинут процесс обобщения частного. Кроме того, задача эта является самой трудной в лингвистике; если бы это было иначе, мы давно бы имели прекрасные грамматики и словари для всех известных языков. У нас не только этого нет,... но мы даже не знаем, как должны выглядеть в идеале эти грамматики и словари».

Описательный раздел в диалектологии начинается с описания отдельных диалектов/говоров как синхронных систем. Значение такого описания многообразно. Показав синхронное устройство и правила функционирования системы, принимаемой в диалектологии за исходную, подобное описание может выявить черты диалекта, которые часто проходят мимо внимания исследователей. Так, только путем такого описания диалекта на фонетическом уровне можно обнаружить в полном объеме такие системные характеристики, как правила сочетания и чередования звуков и фонематических единиц, правила нейтрализации фонемных оппозиций. Накопление такого рода знаний создает основу для построения содержательной структурной классификации диалектов на фонетическом/фонемном уровне, что в применении к славянским диалектам является актуальной задачей.

Описание диалектов как синхронных систем имеет значение и для исторической диалектологии, назначение которой состоит в том, чтобы изучать структуру диалектного языка (диасистемы) в ее временной динамике. История отдельных языков, по идее, должна проследиваться как смена синхронных состояний, соотносимых с разными хронологическими срезами (речь, естественно, идет не об абсолютной, а об относительной хронологии). Смена синхронных состояний не сводится к истории изолированных явлений (например, рефлексии отдельных праславянских элементов). Системные выводы диахронического значения могут быть получены путем сравнения синхронных описаний отдельных диалектов при условии, что различия в устройстве синхронно сосуществующих диалектов могут интерпретироваться как развернутая в пространстве диахрония.

Все сказанное имеет своей целью доказать, что в иерархии методов изучения диалектов приоритет должен принадлежать описанию диалекта/говора

как целостной системы. Развитие жанра описательной диалектологии в сочетании с успехами славянской лингвогеографии может способствовать созданию более адекватного представления о структуре славянского диалектного континуума как в синхронном, так и диахроническом плане.

* * *

Фрагмент вопросника для обследования фонетики украинского диалекта.

Согласный з перед согласными.

зп, зп' розпорóти, розповідати, без піскá; зб, зб' розбúти, збирання, збúгати, збúжжя; зв, зв' звада, зварúти, звíр⁽¹⁾, безвísний; зф, зф' з фéрми; зм, зм' змúти, бéзмаль, змítати, змíй; зт, зт' лúти, без тебе, вёрзти, розтягáти, безтямно; зд, зд' газдá, здоровíй, роздílити, гвísзь, паздúря; зс, зс' з собóй, врóзсип, розсúчи, зсьóрбати; зц, зц' мúсце, сцементувáти, розц'ídити, бéзцúнь; здз, здз' з дзéром, D sg от рóзга; зн, зн' знайóмий, знева́га, знісок, зняти; зл, зл' злúй, козла́, злí, з лúта, злюбúти; зш, зж нúзший, без ша́пки, изженú го, розжувáти; зч, здж розчесáти, зчарувáти, прийíзджали; зр, зр' зрубúти, зрúвáти, зрízати, зрídка; зй зйазáти, з'ява; зк, зк' кáзка, из корбóвой, вúзкі (pl); зг, зг' рóзга, згáрда, зг'íгнути; зх, зх' розходúтися, зхилúтися; зг, зг' згáбна, згóда, згúнути, згúдний.

Согласный з на стыке слов.

вúз + упáу, наш, мíй, тяжкúй, дроу́, síна, ширóкий, чúстий, цúлий, гнóйу;

зáраз + она́, идé, моучú, рízати, пишú, бúду, спи, цúлувáти, шукáти;

морóз + велúкий, í снíг, у нас, буу́;

раз + десять, сто, пять, одинадцáть.

Фрагмент вопросника для обследования русского говора с целью установления правил слогораздела в интервокальных консонантных сочетаниях.

Учитываются сочетания в начале, середине, конце слова.

Согласный т перед согласными.

#CCV	VCCV	VCC#
тп, тп'	отпуск, отпирать	
тб, тб'	отбой, отбить, футбол	
тв, тв' твой, твердый, Тверь	затвор, плотва, ответ	G pl клятв, ветвь
тф, тф'	платформа, от фермы	
тм, тм' тмин	отмочить, затмить	ритм
тт, тт'	оттащить, оттянуть	
тд, тд'	детдом, отделать	
тс, тс'	отсыпать, бутсы, отсеять, дается	бутс
тз, тз'	отзыв, от зубов, от зимы	

тц	отцедить, отца	
тн, тн'	ватный, отнять, путник	
тл, тл' до тла, тлеть	ветла, отломать, петля, отлить	утл, G pl метл
тш	ветшать, отшить	G pl музыкантш
тж	отжать, отжыл	
тч	отчим, летчик, отчистить матч,	G pl притч
тщ тщентно	отшипнуть, вотще	
тр, тр' трудно, труба,	отрава, отруби, утри, отрежь, три, трясти	Петр, литр, метр, внутри
тй	прутья, отъезд	
тк, тк' ткать, тки	ветка, битком, чуткий	
тх, тх' отход,	ветхий	ветх
тг, тг'	отгон, отгибели.	

Фрагмент вопросника для обследования польского диалекта с целью установления правил слогораздела в интервокальных консонантных сочетаниях.

(Вопросник составлен Л.И.Масленниковой).

#CCV	VCCV	VCC#
sp, sp' spa, spis, z piwnicy	zaspа, gospodarz, bezpieczny	G pl wysp
zb, zb' zbożt, zbiory	rozbój, bez butów, rozbić	
sw, sw' swat, sweter	poswatać	
zw, zw' zwykły, zwiśać	nazwa, rozwód, przezwisko	
sf, sf' sfalszować, sfilcować	bez forsy, bez firanek	
sm smutny, smoła	ósmу, pasmo, kosmaty	G pl pasm
sm' –		
zm, zm' zmarły, zmienić	rozmowa, rozmiatać	spazm, organizm
st stary, sto	czysty, wystarczy	most, fest
zd zdać, zdechnąć	jazda, bruzda, rozdeptać	zjazd, G pl gniazd
ss, zz ssać, z zegarkiem, zsu- wać	rozsunąć, wyssać, bezzębny	
sc, zdz z cebuli, zcedzić	w kołysce, na wiosce	
sn snop, sny	jasny, sosna, czosnek	
sn' –		
zn, zn' znać, zniszczyć, z nią	żelazny, roznieść	
sl słup, słodki	masło, obwisły, postać	przyniosł
sl' –		
zl, zl, zl' złoto, z lodem	rozłamać, ugryźli, rozlatować	znalazł, przywiózł

śś, źź –		
ść, źdź –		
sš –		
zż, zś z żyta, z żoną, zszyc	rozżuć, bez żadnego	
ść, zć z czego, zczarnieć	jastrząb, rozczesać, roczochrany	
zdź zdrzemnąć, z drzewa	bez drzewa, przez dżungle	
sr, zr sroka, z rana, zręczny	osromocić, przryć, posrebrzony	
zj, sj zjawić się, zjeść	rozjaśnić, przez jesień, rewizja Rosja, kasjerka	
sk, sk' skura, skiba, z kina	deska, bez końca, męski, woskiem	wosk, pysk
zg, zg' zgon, z góry, zginać	różga, miazga, pozginać, drobiazgi	móżg, drobiazgg
sx, sx' schody, schadzka, s Chińczykiem	rozchylić, rozchorować się, bez chirurga, przez Chiny.	

Мотивировка допустимости/запрещенности незафиксированных в речи сочетаний согласных в украинском (бойковском) говоре (Турковский р-н Львовской обл.).

1. Незафиксированные сочетания *мд', мз, мдж', мг, мг', мз, мг'* допустимы, так как все согласные, являющиеся вторым компонентом этих сочетаний, принадлежат к классам, члены которых образуют реальные сочетания с предшествующим *м*, т.е. *трэмт'ім, тзімс, тзімс'і, имієти, ими'ім, т'ámка, т'ámк'і, имху'*.

2. Незафиксированные сочетания согласных *т'н, т'н', д'в, д'в', т'м', д'д, т'х, д'з* допустимы, так как есть *свád'ба, свád'б'і, р'іс'т'ván'і, с'váто, в'іd'м'і, bát'ко, bát'к'і, сáт'те*.

3. Из состава реально зафиксированных сочетаний нельзя извлечь аргументы ни за, ни против допустимости сочетания согласных *т', д'* с сонорными согласными не губного ряда и с *й*. Проверка показала, что сочетания *т'н, т'н', д'л, д'л', т'л, т'л', т'р, т'р', д'р, т'і, д'й* труднопроизносимы для носителей говора. Поэтому сочетания считаются синтагматически запрещенными.

Литература

- [Бромлей, Булатова] – Бромлей С.В., Булатова Л.И. Очерк морфологии русских говоров. М., 1972.
 [Вопросник ОЛА] – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965
 [Ивич] – Ивич П. Расширение инвентаря фонем и число дистинктивных возможностей // ВЯ 1970, № 3.
 [Калнынь 1973] – Калнынь Л.Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973.
 [Калнынь, Масленникова 1981] – Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.
 [Калнынь, Масленникова 1985] – Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
 [Кузнецов] – Кузнецов П.С. Об основных положениях фонологии // ВЯ 1959, №2.

- [ОЛА 1978] – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1978
- [Панов 1967] – Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
- [Панов 1972] – Панов М.В. Р.И.Аванесов – фонолог // Русское и славянское языкознание. М., 1972.
- [Попова] – Попова Т.В. Глагольное словоизменение в болгарском языке. М., 1975.
- [Щерба] – Щерба Л.В. Очередные проблемы языкознания // Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- [FO] – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih Obšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

Summary

On the Hierarchy of Slavic Dialects Research Methods.

Dialectology as a science researches dialect/*govor*, taken as an indivisible unit in the chain of dialectological splitting, as the main object of attention. For this reason the priority is given to the dialects as synchronically functioning language systems. Such approach is possible if dialectological research applies the same methods and techniques as those used in the research of languages in their synchronic state. Differentiated method of inquiring the dialect is not acceptable. The article shows fragments of certain programs, oriented on obtaining the necessary amount of dialect data, which can allow to work out the model of a dialects phonetic/phonological system on a synchronic level.

Об объекте картографирования в разных типах диалектных атласов

Программа обследования диалектов для любого атласа ориентирована на выявление компонентов диалектных различий, актуальных в пределах обследуемой территории. Компоненты диалектных различий, становясь объектом картографирования, должны удовлетворять условиям сопоставимости. Наряду с чертами, различающимися в диалектах, этот объект имеет черты, актуальные во всех диалектах, т.е. составляющие собственно «основу сравнения». Как показано в [Вопросы теории, 177, 194], для фонетики русских говоров такой основой сравнения может быть организация отдельного фрагмента системы (например, предударный вокализм после мягких согласных) или фонетика отдельных слов. В соответствии с этим выбирается тема карты (объект картографирования). Так, в [ДАРЯ] карта 3 посвящена «Типам различия или совпадения гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных», а карта 76 «Твердому или мягкому *p* в слове *старше, старший*».

Имеются диалектные особенности, которые в пределах картографируемого континуума не имеют соотносительного эквивалента [Вопросы теории, 197]. В этом случае значение основы сравнения получает явление как таковое, а особенность его состоит в том, что оно имеет нулевое соответствие в других говорах – в русских говорах такая ситуация имеет место в лексике и отчасти в словообразовании и синтаксисе.

Диалектные особенности, являющиеся объектом непосредственного наблюдения, могут быть переформулированы в типологически значимые категории. На уровне фонетики русских говоров это показано Р.И. Аванесовым в [Вопросы теории, 49] в виде схемы, демонстрирующей ступени филиации звуковых диалектных различий – «А. Относящихся к фонетическому слову как целому» и «Б. Относящихся к отдельной кратчайшей звуковой единице». В последнем случае имеются в виду факты, как относящиеся, так и не относящиеся к фонематическому уровню.

Положения, изложенные в «Вопросах теории лингвистической географии», составляют основу московской диалектологической школы и могут быть применимы в принципе к выбору объекта картографирования в любом национальном атласе, исходящем из состава установленных для данной территории диалектных различий.

Иной подход к выбору объекта картографирования применяется в многоязыковом атласе, каким является Общеславянский лингвистический атлас. Покажем это на примере карт фонетической серии.

Фонетическая часть в [Вопросник ОЛА] ориентирована на показ того, как современный славянский континуум дифференцирован в зависимости от рефлексии реконструированных праславянских фонем в отдельных говорах сетки ОЛА. Праславянские фонемы даются в составе конкретных морфем, что и является той основой сравнения, которая позволяет сопоставлять рефлексии одной праславянской фонемы в пределах славянского континуума.

Праславянская фонема в каждой морфеме задана в конкретной позиции. Для гласных это – начало слова, позиции перед твердым или палатальным согласным, перед слогом с передним или непредним гласным, слабым или сильным редуцированным, после палатального согласного, под разного вида ударением.

В пределах современных диалектов одного языка состав позиций релевантных для поведения отдельных звуков в основном унифицирован. Поэтому в национальном атласе часто позиция становится центральным моментом характеристики диалектного различия. Ср. в [ДАРЯ] – карта 1 «Различие или совпадение гласных на месте *o* и *a* в 1-м предударном слоге после твердых согласных»; карта 73 «Звонкие согласные *д, б, з, ж, г* на конце слова» и др.

Многообразие путей развития каждой праславянской фонемы в совокупности славянских диалектов сопровождается такой дробностью позиционных условий ее рефлексии и таким принципиальным различием в характере релевантно значимых позиций, что выделить основу сравнения на уровне позиции (т.е. представить позицию как объект картографирования) в ОЛА невозможно. С одной стороны, позиция может не повторяться во всех диалектах, – например, позиции между мягкими согласными русских диалектов в сербских и хорватских соответствует позиция между твердыми согласными; позиция в первом предударном слоге, существенная для русских диалектов, отсутствует в чешских и др. С другой стороны, позиция, повторяющаяся во всех диалектах, может быть релевантной для рефлексии праславянской фонемы лишь в одном языке и заведомо будет выделять этот язык среди прочих – например, позиция перед переднеязычными согласными имеет значение для развития **ě* только в польском; позиция после губных и задненебных не перед губными и задненебными (Р/К-Г) обуславливает рефлексацию **o* только в нижнелужицких говорах. Возможна и такая ситуация, когда позиция влияет на рефлексацию праславянского элемента во многих диалектах, но проявляется это в разных говорах в разном составе морфем, а в одном говоре соответствующий элемент не во всех морфемах реагирует на данную позицию. Так, например, по данным картотеки ОЛА, в состав рефлекса инициального **o* входит консонантная протеза в белорусских, украинских, польских, чешских, некоторых словенских говорах. Но распределение протезы в корпусе морфем, данном в [Вопросник ОЛА, 23], таково, что по этому явлению ни одна из морфем не совпадает с какой либо другой в пределах всей территории ОЛА и, как следствие этого, становится невозможным объединение нескольких морфем, содержащих инициальный **o*, в качестве объекта картографирования.

В этих условиях выбрано решение, согласно которому за основу сравнения принималась общность морфемы, в которой выступает картографируемый рефлекс. Объектом картографирования стало фонетическое явление, выступающее в рамках конкретной морфемы. В соответствии с этим, опубликованные выпуски фонетико-грамматической серии ОЛА, посвященные рефлексам *ѣ, *е, *ѡ, интерконсонантных *ъг, *ьг, *ъл, *ьл, содержат карты, отражающие развитие названных праславянских элементов в конкретных словоформах в том виде как это представлено в современных диалектах сети ОЛА. На карте зафиксирован не только рефлекс как таковой, но и условия сегментного и суперсегментного характера, в которых этот рефлекс зафиксирован. В целях сопоставимости даваемой картами информации в каждом выпуске, посвященном рефлексации одного праславянского элемента, используется единая система знаков.

Эти, так называемые «монографии отдельных словоформ» [Керик и др., 62], отражают синхронную дифференциацию славянского континуума в зависимости от рефлексации праславянского элемента в конкретной морфеме, а сопровождающий карту материал ответов на вопрос из всех пунктов ОЛА показывает специфику общего фонетического состава картографируемого континуанта. Однако уже на начальных стадиях работы над ОЛА предполагалось, что карты на отдельные словоформы станут основой для создания обобщающих карт, охватывающих целые фрагменты языковой системы. В [ОЛА. Вступительный выпуск., 33] Р.И.Аванесов отмечает, что «такими фрагментами в области фонологии могли бы служить соотношение вокализма и консонантизма (вокалические и консонантные системы), место сонантов в фонологической системе, проблемы просодии – различия по долготе и краткости, по тону, ударение разноместное и фиксированное, корреляция согласных по велярности, палатализованности, палатальности и др.». Эта программа намечалась как перспектива и могла быть выполнена лишь при условии картографической обработки всей картотеки ОЛА. Попутно можно отметить, что лингвистическая значимость сформулированной Р.И.Аванесовым тематики в дальнейшем нашла подтверждение при рекартографировании восточнославянских диалектных атласов. В [ВСИ 2000] включена карта «Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов» (автор Л.Э.Калнынь), где на основе анализа серии отраженных в атласах фонетических явлений выделены восточнославянские регионы, для которых характерны наиболее консонантный и наиболее вокалический типы фонетического устройства.

Хотя сформулированные Р.И.Аванесовым темы, выходящие за пределы картографирования отдельных словоформ, не могли быть реализованы на начальных этапах работы над ОЛА, тем не менее все выпуски фонетической серии содержат обобщающие (или синтетические) карты, в которых рефлексы картографируе-

мых праславянских элементов показаны как компоненты системы в их позиционных связях с фонетическим контекстом и суперсегментным уровнем.

Составление обобщающих карт не является прямым продолжением информации, содержащейся на картах на отдельные словоформы. ОЛА оперирует двумя хронологическими уровнями. Это – гипотетически реконструируемая система позднепраславянского языка и системы диалектов периода 60-70 годов XX века. На картах отдельных словоформ отражены оба этих уровня – праславянская фонема соотносится с ее современным рефлексом. Для обобщающей карты чаще всего недостаточно ориентации только на эти два уровня. Может оказаться, что современные факты, являясь результатом разнообразных перекрестных изменений с участием исследуемой праславянской фонемы, сформировались уже после того, как линия развития этой фонемы как специфического праславянского явления прервалась. Из таких фактов нельзя извлечь искомой информации о судьбе праславянской фонемы. Возникает необходимость обращения к периодам, находящимся между праславянским и современным состоянием, не принимая при этом во внимание факты, которые не являются продолжением собственно праславянской фонемы, а возникли в результате более поздних совпадений. В связи с этим в применении к обобщающим картам встает проблема реконструкции более ранних состояний диалекта, ее аргументации, сопоставимости реконструированных данных друг с другом и с фактами современных диалектов. Из этого следует, что, хотя в принципе в основе обобщающих карт лежит информация, даваемая картами на отдельные словоформы, тем не менее, прямое соответствие между этими типами карт не всегда необходимо и возможно.

Тематика обобщающих карт была сформулирована в первом выпуске фонетико-грамматической серии ОЛА [Рефлексы *ѣ] и была повторена в основном в последующих выпусках этой серии. Особенности составления обобщающих карт в выпуске «Рефлексы *ѣ» была посвящена статья [Аванесов, Калнынь]. Некоторые из высказанных там положений важны для тематики предлагаемой статьи.

В выпуске «Рефлексы *ѣ» кроме 65 карт на отдельные словоформы, имеются четыре обобщающие карты:

«Фонетические рефлексы *ѣ в позиции максимальной дифференциации»;

«Фонологический статус рефлексов *ѣ/ѣ:»;

«Влияние вокального количества на рефлексы *ѣ»;

«Влияние консонантного окружения на рефлексы *ѣ».

Карта, показывающая фонетическое качество рефлексов *ѣ, по своему содержанию наиболее близка к картам на отдельные словоформы. Тем не менее словоформы подвергнуты селекции. Карта фиксирует такие рефлексы, которые в наименьшей степени позиционно обусловлены и могут считаться непосредственным продолжением *ѣ. Эти позиции неодинаковы в разных диалектах. Так, в словенских – это континуант гласного, имевшего древнесловенское долгое ударение; в русских – только перед твердыми согласными; в польских фиксируется

*ѣ (не *ѣ:) перед всеми согласными кроме носовых и т.д. Хотя эта карта близка к синхронным картам на конкретные словоформы, тем не менее на нее внесена информация, полученная путем реконструкции более раннего состояния диалектов. Это выражается в том, что карта, фиксируя качество рефлексов *ѣ, показывает направление передвижения артикуляции *ѣ по вертикальной оси (линия $i - e - a$), приведшее к названным рефлексам. С этой целью современные рефлексы сопоставляются с предполагаемым исходным качеством *ѣ. Сведения об этом качестве не могут быть почерпнуты из картотеки ОЛА, а лишь из исследований по истории отдельных славянских языков. При этом авторам карты приходится выбирать из имеющихся разных точек зрения на исходное качество *ѣ. Так, принимая гипотезу о качестве праславянского *ѣ, изложенную в [Stieber], авторы карты констатируют в польских диалектах изменение *ѣ по линии расширения e в a . Но если придерживаться другого мнения, согласно которому *ѣ артикулировался как a [Klemensiewicz, 81; Селищев, 308], то польское развитие *ѣ можно интерпретировать и как сужение первоначальной артикуляции.

На карте, дающей фонологическую интерпретацию рефлексов *ѣ, *ѣ:, показано, совпали они с рефлексами других праславянских фонем или же отличаются от них и тем самым «сохраняют фонологическую индивидуальность». Задача карты потребовала довольно широкого выхода за пределы той информации, которую дают карты на отдельные словоформы. Фонологическая судьба *ѣ прослеживается на этапах, предшествующих дальнейшим изменениям, относящимся не собственно к *ѣ, а к тем единицам, которые заменили *ѣ. Это потребовало для части диалектов реконструкции более ранних систем вокализма, так как современных данных недостаточно для аргументации фонологической судьбы *ѣ.

Следы влияния вокального количества на рефлексы *ѣ представлены в словенских, хорватских, сербских, чешских, словацких, польских диалектах – соответственно и картографируется лишь эта часть территории ОЛА. Фиксируя внимание на качестве гласных, продолжающих *ѣ и *ѣ:, карта не сообщает о наличии/отсутствии оппозиции по вокальному количеству в современных диалектах. Карта ориентирована на показ первого этапа рефлексации *ѣ, не перекрытого последующими изменениями. Поэтому в необходимых случаях элиминируются современные факты, а на карту наносится информация о рефлексах, реконструируемых для более раннего состояния соответствующих диалектов.

Отношение рефлексации *ѣ к ударению диагностируется сравнением качества ударного и безударного рефлексов. В тех диалектах, где замена *ѣ не совпала ни с одним из рефлексов других праславянских гласных, это могло произойти независимо от ударения или только под ударением. В первом случае имеет место недифференцированное отношение рефлекса *ѣ к ударности/безударности слога, а во втором – просматривается влияние безударности на рефлексацию *ѣ. Совпадение рефлексов *ѣ с рефлексами одних и тех же праславянских гласных под ударением и без ударения также

можно отнести к свидетельствам недифференцированного отношения рефлексации *ѣ к ударению. Но полностью скрыто первоначальное отношение рефлексации *ѣ к ударению там, где начальный рефлекс перекрыт позднейшими фонетическими изменениями – например, при иканье или яканье в русских, белорусских говорах. В этих случаях для суждения об отношении рефлексации *ѣ к ударению следует обращаться к реконструкции более ранних состояний, минуя данные современных диалектов.

Из сказанного можно заключить, что обобщающие карты ОЛА не для всех диалектов могут быть аргументированы современными данными, составляющими картотеку ОЛА. Отличаются они от карт на отдельные словоформы выбором объекта сопоставления. На конкретных картах – это морфема, содержащая праславянскую фонему, а на обобщающих картах – это позиция, в которой выявляются картографируемые параметры рефлекса праславянской фонемы. Критерий выделения позиции может быть разным. С одной стороны, это конкретный фонетический контекст, учет которого необходим для выяснения закономерностей рефлексации праславянского гласного в сравнении с другими праславянскими гласными или безотносительно к другим праславянским гласным (позиция перед переднеязычными согласными в польских). С другой стороны, на карту выносятся позиция в значении фонологической категории – именно в такой позиции констатируется наиболее позиционно независимый рефлекс, т.е. рефлекс в сильной фонологической позиции.

Таким образом, обобщающие карты первого фонетико-грамматического выпуска показали, что картотека ОЛА, отражающая современное состояние диалектов, не всегда располагает аргументами, необходимыми для показа изменения праславянских фонем в их системных связях. В связи с тем, что в обобщающие карты включаются элементы реконструкции более ранних состояний славянских диалектов, к этим картам не могут быть приложены унификационные требования, которые обязательны в отношении карт на отдельные словоформы. В частности, обобщающая карта имеет легенду, отличающуюся от той, которая принята в качестве обязательной для соответствующей серии карт на отдельные словоформы. Обобщающая карта в ОЛА – это произведение, отражающее индивидуальную концепцию ее автора. Хотя по характеру своей аргументации обобщающие карты выходят отчасти за пределы картотеки ОЛА, тем не менее они являются логически необходимым компонентом атласа, поскольку устанавливают связь между современным состоянием диалектов и их историей и дают некоторую системную интерпретацию тем изменениям, которые претерпела фонетика славянских диалектов.

В последующие выпуски фонетико-грамматической серии ОЛА, посвященные рефлексации назальных гласных и интерконсонантных сочетаний редуцированных с плавными [Рефлексы *ѣ; Рефлексы *ѣ; Рефлексы *ѣг, *ѣг, *ѣ], включены обобщающие карты, по своей тематике и исполнению не во всем совпадающие с картами первого выпуска.

Везде даны карты, посвященные фонетическим рефлексам праславянской фонемы. В выпуске, посвященном **o*, при этом на отдельной карте специально показан регион, где в рефлексе сохранилась артикуляция назальности. Фонетические рефлексы **ъ*, **ь*, **ы*, **ь* детализированы в зависимости от типа рефлекса (слоговой плавный, последовательность гласного и сонанта с разной локализацией гласного), качества его вокальной и консонантной части.

Фонологический статус рефлексов показан во всех названных выпусках, а влияние вокального количества только относительно назальных согласных.

Влияние консонантного окружения актуально для рефлексации **e* и сочетаний редуцированных с плавными. Сопоставление карт на эту тему в выпусках «Рефлексы **ě*» и «Рефлексы **e*» показывает, что решение проблемы может быть основано на разных принципах. Анализ связи рефлексации **ě* с консонантным окружением максимально исходит из данных картотеки ОЛА. Поэтому учитывается не только влияние позиции как таковой, но и частота проявления этого. Вплоть до того, что картографически обозначены рефлексы **ě*, ограниченные позицией в одном слове.

Карта же «Влияние консонантного окружения на рефлексы **e*» основана на обобщении позиционных условий в классы – для предшествующих согласных это три класса, для последующих – четыре; отдельно выделена позиция перед (#). Специально отмечено, что карта должна показать лишь «структуру зависимости между консонантным окружением и характером замены **e*, а не его конкретное материальное воплощение» (с. 173).

Отношение к ударению в выпусках, следующих после «Рефлексов **ě*», не выносится на обобщающую карту.

В дальнейшем возможны и другие изменения в интерпретации рефлексов праславянских фонем на обобщающих картах. Так, для **o* не дифференцирован фонологический статус его континуантов, поскольку во всех диалектах имеется на месте **o* непередний лабиализованный гласный, локализованный в зоне подъема между верхним и средним. В то же время при обобщении влияния вокального количества на г-рефлексы **o* необходимо учитывать не только первичное различие долгого/краткости, но и то, как отразилось на качестве континуанта **o* заменительное удлинение, имевшее место после падения редуцированных в некоторых диалектах.

Предложенный обзор объектов картографирования в виде явлений фонетического уровня позволяет сделать следующие выводы.

Существует принципиальное различие между объектами картографирования в национальном атласе, с одной стороны, и в многоязыковом, с другой. В качестве примера многоязыкового атласа взят ОЛА. В этих атласах карта строится на разной основе сравнения. В национальном атласе это может быть организация отдельных фрагментов системы, отдельная позиция, фонетика отдельного слова. Многоязыковой атлас, объединяя разносистемные идиомы, предполагает максимальное сужение первичного объекта кар-

тографирования – основа сравнения здесь сводится к генетическому тождеству картографируемой морфемы/словоформы. И лишь как результат обобщения информации, предложенной такими картами, в комбинации с данными, находящимися за пределами картотеки атласа, объектом картографирования может стать явление фонетического и фонемного уровня, выходящее за пределы фонетики отдельных морфем.

Проблема выбора объекта картографирования на диалектной карте является составным компонентом теории лингвогеографии и практически она решается по-разному в зависимости от типа атласа и языкового уровня диалектных различий, которым посвящены карты.

Литература

- [Аванесов, Калнынь] – *Аванесов Р.И., Калнынь Л.Э.* Обобщающие карты как особый тип карт в Общеславянском лингвистическом атласе. // ВЯ, 1983, № 4.
- [Вопросник ОЛА] – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
- [Вопросы теории] – Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1962.
- [ВСИ 2000] – Восточнославянские изоглоссы. Выпуск 3. 2000. М., 2000.
- [ДАРЯ] – Диалектологический атлас русского языка. Выпуск 1. Фонетика. М., 1986.
- [Керик и др] – *Керик С., Тополиньска З., Видоески Б.* Интерпретация на фонетиска карта со проблемот *ѣ в *gvězda в општословенскот лингвистички атлас (ОЛА). // Македонски јазик, 1977, XXVIII.
- [ОЛА. Вступительный выпуск] – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1978.
- [Рефлексы *ѣ] – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 1. Рефлексы *ѣ. Белград, 1988.
- [Рефлексы *е] – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 2а. Рефлексы *е. М., 1990.
- [Рефлексы *о] – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 2б. Рефлексы *о. Wrocław, 1990.
- [Рефлексы *ъ, *ь, *ы, *ь] – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 3. Рефлексы *ъ, *ь, *ы, *ь. Warszawa, 1994.
- [Селищев] – *Селищев А.М.* Славянское языкознание. М., 1941.
- [Klemensiewicz] – *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
- [Stieber] – *Stieber Z.* Jak brzmiało prasłowiańskie jat? // Prace filologiczne, 1964, XVIII, cz.2.

Summary

About objects of cartography in different types of dialectological atlases

Becoming an object of cartography, the dialectological differences must comply with the conditions of comparability. Alongside with differentiating features this object must have properties actual for all dialects. The latter constitute «comparative basis» for the analysis of different dialects. Such comparative basis is different in national and polylinguistic atlases. The article shows, how the abovementioned factors influence the object of cartography. The author particularly discusses the cartography of phonetical facts in «The Slavic linguistic atlas» and the interpretation of the obtained results in the general maps.

О современных методах изучения периферийных крестьянских польских говоров

Как известно, периферийные польские говоры не являются однородным образованием. В пределах их двух территориальных разновидностей (северо-восточной, связанной с балтийским и белорусским субстратом или влиянием и в целом тяготеющей к северо-мазовецкому ареалу “материковых” говоров Польши, и юго-восточной, впитавшей в себя элементы украинского языка и соотносящейся с малопольским ареалом “внутрипольского” диалектного континуума) исследователи последнего времени выявляют наличие переселенческих говоров¹. В этих идиомах в большей степени, нежели в типичном “кресовом” диалекте, представлены (хотя и в реликтовом, морфологизованном или лексикализованном виде) особенности, входящие в шкалу дифференциальных признаков, существенных для характеристики говоров “материковой” (этнической) Польши.

Естественно, что разные типы периферийных крестьянских говоров требуют и разного к ним исследовательского подхода, составления разных программ их обследования. Например, при изучении вокализма типичного периферийного крестьянского диалекта юго-восточного типа (такие говоры в нашей практике нам встретились, например, под г. Каменец-Подольский) следует отразить в программе-вопроснике особенности произношения гласных верхнего подъема в безударной позиции (в 1-ом предударном слоге, в заударном и т.д.), вопросы же, существенные для классификации традиционных польских говоров (например, что произносится на месте др.-польск. *ā* или др.-польск. *ē*), элиминируются. С другой стороны, для говоров, имеющих связи (возможно, генетического характера) с говорами “материковой” Польши, помимо особенностей безударного вокализма вопросы о наличии континуанта *ā* или о представленности следов мазурения будут существенными. Например, это важно для польского говора ряда сел под г. Хмельницкий на Украине (Гречаны, Шаровечка, Матьковцы, Марьяновка), где перед *m* сохраняется в ряде лексем и в определенных морфологических категориях (в презентной глагольной парадигме, соответствующей *am*-спряжению ЛПЯ) *o* на месте *ā*: *nom* ‘*nam*’, *vom* ‘*wam*’; 1 л. ед. ч. *tom*, *cytom*; 1 л. мн. ч. *toma*, *cytoma*. Характерным показателем переселенческого типа этого говора является также наличие в презентных парадигмах флексий 1 л. мн. ч. *-ma* и 2 л. мн. ч. *-ta* (ср. в типичных кресовых говорах *-T'E*, реализуемое как *-c'i*, *-c''i*, *-c'e* и т.п.): *naśu-*

noma, pudgżywoma; mus'ita, čylata. В лексикализованном виде в этих говорах зафиксированы реликты мазурения — одного из двух основных признаков, положенных К. Нитчем в основу классификации польских диалектов (*су 'czy', inacej 'inaczej'*). До сих пор сохраняется, в частности на Украине, отмечаемая еще С.Б. Бернштейном [Бернштейн 1941] (а для мазовецких говоров — К. Нитчем) дифференциация в языке жителей старых крестьянских поселений и потомков бывших поселений мелкой шляхты. О подобных различиях в польских говорах Подолья (но не касающихся такой особенности, как наличие мазурения у потомков крестьян и отсутствие этой черты у потомков шляхты, о чем писал С.Б. Бернштейн на примере поляков Волины и что отмечал К. Нитч для мазовецкого диалекта) сообщает Я. Ригер в статье "Interferencje ukraińskie w gwarach polskich na Podolu" [Rieger 1997:134—140]. По мнению польского исследователя, язык потомков шляхты (самоназвание "ляхи") отличается от речи крестьян—"мазуров" ("мазуры" — и самоназвание, и определение их соседями). Примеры различий, которые приводит Я. Ригер, касаются лексики и свидетельствуют о большей степени влияния украинского языка у "мазуров" по сравнению с "ляхами": ляхск. *fšystko, dužo, roź'ice, proz'ba* ~ мазурск. *fs'o, šmat, bat'ki, zajawa*. Что касается дефиниции "мазуры", то, по крайней мере для Украины (а также говоров переселенцев с Украины в Келлеровский район под Кокчетау в Казахстане), этот "микрорзномим" не имеет отношения к мазовецкому диалекту. Как обнаружил в одном лексикографическом источнике П. Зволинский, данным термином обозначались и "малопольяне". Факты наличия в так называемых "мазурских" говорах под Хмельницким малопольских элементов (например, в фонетике: кроме вышеперечисленных примеров лексикализованного и морфологизованного *o* и *ā* перед *m*, реликты звонкого сандхи, расширенное произношение *y^e* (*kobela* и т.п.), что совершенно невозможно для мазовецких говоров с их слабой степенью сужения *ā*, совпадением *i* с *y*, глухим типом сандхи; отдельные лексемы: *prześcieradło* "зеркало" ~ малоп. *przeźrzadko* и др. (подробнее [Ананьева 1983]) свидетельствуют о справедливости для данного региона связи носителей дефиниции "мазур" с малопольским ареалом. Возможно, что в других регионах этот термин имеет другое содержание. Так, мы пока почти ничего не знаем о "мазурах" под Абаканом (с. Знаменка) и в Красноярском крае (д. Александровка)², как и вообще мало что знаем о польских говорах Сибири. Кроме краткого перечня отдельных особенностей польского говора с. Вершина (Иркутская обл.), сделанного в 80-е гг. Ю.П. Гольцекером, отсутствуют какие-либо сведения о языке сибирских поляков-крестьян³.

Кроме этой неоднородности феномена, объединяемого дефиницией «польщизна кресова», внутри каждого из ее подтипов, как субстратного происхождения, так и переселенческого характера, отмечается исключительная

поливариантность элементов. На многообразии вариантов (наряду с аналогическими обобщениями типа им. ед. *męś 'maq̄', stol 'stól'*, флексией *-a* в род. ед. суш. м. р. и отсутствием «архаизмов») указывали для северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта еще первые (довоенные) польские исследователи данного диалектного ареала (К. Нитч и Г. Турская).

После Второй мировой войны явление вариативности, вообще присущее любому языковому идиому, усилилось. Причины такой поливариантности чрезвычайно разнообразны: это и сосуществование с иносистемными элементами ЛПЯ (в частности, в Литве у тех представителей старшего поколения, которые посещали польские школы, и у молодежи, обучавшейся в польских классах), это и сильное воздействие (по крайней мере до 90-х гг. XX в.) русского языка, которое у детей, обучающихся в школах на русском языке, могло привести к изменениям даже в области такого стабильного по степени сохранения своих признаков уровня, как фонетика (вернее, проникновению чуждых польскому говору звуков через определенные словоформы и лексемы). Так, исследуя польские детские диалектные подсистемы д. Гайде Игналинского р-на (Литва), мы выявили в них следующие две яркие особенности:

1) своеобразный «ренессанс» фонемы *r'*: если у старшего поколения *r'* как «угасающее» явление изредка отмечалось перед *i* (*r'ipka 'rybka'*), что обусловлено субстратным воздействием литовского языка, то у детей *r'* фиксировалось перед гласным *-e* в определенных морфологических формах (предл. ед. ч. суш., компаратив наречий и прилагательных) под влиянием закономерностей русского языка; ср.: *v v'adr'e, na p'ur'e, na žebr'e; x'itr'ėj;*

2) увеличение частотности мягких заднебных *k', x'* при наличии форм предл. п. ед. ч. типа *o matk'i, o žonk'e, na bl'ax'i* (ср. макросистемные: *o matce, o žonce, na bl'as'e*).

На материале польского языка сел Озерное и Степное в Казахстане (Келлеровский р-н Кокчетавская обл.), относящегося к юго-восточному подтипу «польщизны кресовой», мы также проводили исследование детских идиолектов. При этом были отмечены не только изменения в языке, но и в сфере языкового поведения, т.е. в психолингвистической области. Укажем на некоторые из этих проявлений: неправильная оценка принадлежности лексемы к тому или иному идиому (ср.: *bl'izn'ecy — pu pol'sku*); приведение на вопрос в качестве ответа ряда вариантов, генетически восходящих к разным идиомам (*kažo «говорят»: sus'ėt, sąs'at, na sus'ádov'i*). Языковое поведение (польск. „zachowania językowe”) свидетельствует о более частом употреблении в 80-е гг. XX в. русского языка:

- 1) частое незнание польской номинации реалии (*nie v'im, nie v'im jak skazat'*);
- 2) приведение в качестве первого из вариантов формы русского языка;

3) своеобразный «комментарий» к формам, приводимым представителями старшего поколения (ср. реакцию ребенка на приведенную пожилым информантом лексему *zdjęcie* — *u nas n'ikt n'e skaży, futografija čes 'c'ej*);

4) колебания при приведении польских грамматических форм;

5) из двух грамматических вариантов выбирается более близкий к русской словоформе (ср. *yafcy* у старшего поколения и 1 л. ед. ч. *yafkam* «гавкаю» у молодого; при макросистемных формах *vezny* — *vez 'n'iš* и т.д. у детей школьного возраста под влиянием русского языка (а не польского литературного *wezme*) представлены формы *vezmy* (1 л. ед. ч.) — *vezmu* (3 л. мн. ч.);

б) избытие цитат на русском языке в польской речи;

7) большое число гибридных польско-русских образований:

а) гибридные формы: *sjał 'zjadł* (ср. рус. *съел*), *s'ijal'i 'siali* (ср. рус. *сеяли*);

б) парадигмы-гибриды (словоизменительная: *stał* — *stujala*; словообразовательная: *p'in 's'es 'unt* → *p'it 'id'is 'atyj*);

в) гибридные видовые пары: *skakac'* (нес. в.) — *pryynut'* (сов. в.);

г) гибридные антонимические пары: *głymbok'i* — *m'elk'i* и др. Подробнее см. [Ananiewa 1993]. Польские исследователи пишут в таких случаях о «расшатанности языковой системы» (польск. „rozchwianie systemu”).

Надо сказать, что аналогичные процессы дезинтеграции традиционных крестьянских говоров наблюдаются и в этнически польском диалектном континуме. Эти тенденции проявились там особенно после Второй мировой войны и связаны с развитием новой сельскохозяйственной техники, способствующей утрате части старого диалектного словаря, влиянием школы и масс-медиа, а также с послевоенными миграционными процессами. Польская диалектолог Г. Пельц отмечает, что в польской деревне происходит столкновение двух миров: традиционной крестьянской культуры и мира современной техники и цивилизации [Pelcowa 2001]. Польские лингвисты пишут даже не о польских говорах, а об устном языке деревни (польск. „język mówiony mieszkańców wsi”), поскольку в польской деревне представлен уже не единообразный диалект: наряду со старым традиционным языком старшего поколения здесь функционируют различные варианты (польск. „odmiany”) польской речи.

Польский лингвист К. Ожуг, уроженец поджешовской д. Гурно, на основе собственных материалов, собранных им на протяжении четверти века, утверждает, что язык польской деревни сильно изменился по сравнению с тем, каким он был 30—40 лет назад. К. Ожуг перечисляет диалектные лексемы, которые вскоре будут забыты в Гурне: *uodwecyś* «сумерки» (литер. *zmierzch*), *pożur* «взгляд» (литер. *spojrzanie*), *fuńić* «курить» (литер. *palic papierosy*), *n'e żivota* «ничего удивительного» (литер. *nic dziwnego*) и др. [Ożóg 2001:219—220]. Исследователь выделяет три варианта сельской речи: 1) последовательный традиционный говор, носителем которого является старшее поколение, в

первую очередь его женская часть; 2) более распространенный смешанный, или переходный тип речи, который состоит из трех слоев: преобладающего слоя диалектных элементов, слоя разговорного польского языка и даже вошедших в диалект из радио, газет и телевидения элементов ЛПЯ; при этом в каждом конкретном тексте может наблюдаться преобладание одного из трех слоев; тем не менее фонетическая база пользователей диалекта смешанного типа (а к таковым относится большинство представителей старшего и среднего поколений, а также дети и молодежь за пределами школы) остается диалектной; 3) ЛПЯ, на котором говорят живущие в селе и работающие в городе (так называемые „chłorobotnicy”); этот слой — источник распространения образцов разговорного ЛПЯ, элементы которого являются преобладающими и в речи молодого поколения.

К. Ожуг подчеркивает, что во всех трех типах сохраняются региональные особенности и фонетическая диалектная база. Исследователь приходит к следующим выводам: польский язык переживает огромные изменения; все более редким явлением в деревне становится традиционный крестьянский диалект („konsekwentna piękna gwara”), сохраняющийся лишь в наиболее удаленных регионах, где представлено большое число архаических и наиболее своеобразных особенностей (Подгалье и Кашубы, являющие собой род диалектных скансенов); во многих польских деревнях доминирует 2-й тип (смешанный, или переходный, т.е. состоящий из разнородных элементов); утрата тысяч диалектных слов связана с новыми формами земледелия и животноводства; из «языка потребления» («język konsumpcyjny») и компьютерной техники в диалекты приходят новые слова, и таким образом постепенно стираются различия между языком города и деревни (при одновременном проникновении регионализмов в язык городского населения). В связи с указанными явлениями диалектология обязана изменить как цели исследования, так и его методологию, в частности, учитывать при описании деревенской речи возрастную, гендерный и социолингвистический подходы. Еще раз: еще З. Тополинская писала о том, что диалект как устная форма языка, не держиваемая в своем развитии кодифицирующими нормами, становится полем для изучения общеязыковых тенденций и процессов [Topolińska 1992].

Таким образом, современные польские диалекты на территории «материковой» Польши в настоящее время также характеризуются поливариантностью и неоднородностью (главным образом, вследствие влияния тех или иных форм ЛПЯ). Отличие ситуации для кресовых польских говоров состоит в том, что многообразие вариантов в этих говорах обусловлено (по крайней мере до последнего времени) не столько влиянием ЛПЯ в виде языка польской школы, книги или масс-медиа, сколько воздействием иносистем, находящихся в постоянном контакте, как внутреннем, если мы имеем дело с полилингвами или

билингвами, так и внешнем — с окружающими украинским, белорусским, балтийскими языками, а до недавнего времени также внутреннем и внешнем взаимодействием с русским языком. Такое разнообразие форм периферийных крестьянских говоров, их неоднородность обуславливают многообразие палитры применяемых для их исследования и описания методов и приемов, постановку различных задач при изучении феномена «периферийный польский диалект». Перечислим основные методы и направления в исследовании и описании польских периферийных говоров⁴.

1) Монографическое описание говора, опирающееся на наиболее типичные диалектные микросистемы. При этом «монографическое» не всегда предполагает «системный» характер описания. Примером такого традиционного атомистического описания отдельных особенностей говора является монография Б. Двилевич о говоре д. Буйвидзы на Виленщине [Dwilewicz 1997].

2) Описание отдельных подсистем говора в их наиболее типичном виде (фонетической и фонологической, морфонологической, морфологической — многочисленные работы Л.И. Масленниковой, Н.Е. Ананьевой).

3) Системное монографическое описание морфологии говора, проведенное с учетом данных других периферийных говоров той же территориальной разновидности в качестве фона. Ср. работы учениц Я Ригера: Э. Дзенгель [Dziegiel 2001] и И. Цехош-Фельчик [Cechosz 2001]. Типичная картина глагольного и именного словоизменения дополняется сведениями о фонемном инвентаре, социолингвистической характеристикой, информацией о возрастных различиях, существенных для наличия тех или иных языковых особенностей, различиях в языке между определенными группами («мазуры» — крестьяне и «ляхи» — бывшая шляхта), а также комментарием об иноязычном характере тех или иных диалектных элементов (украинских, русских).

4) Исследование детской подсистемы говора или ее фрагментов (например, статья Н.Е. Ананьевой [Ananiewa 1993]).

5) Изучение заимствований (балтийских и белорусских в северо-восточной разновидности периферийного диалекта и украинских в юго-восточном подтипе периферийных говоров). Ср. работы Т. Зданцевича (например, его монография о белорусских элементах в польских говорах под Сейнами [Zdanczewicz 1966]). Особый пласт составляют исследования влияния русского на обе территориальные разновидности «польшизны кресовой» (монография И. Мендельской [Mędelaska 1993], статья Б. Пацан [Pacan 2000] и др.).

6) Изучение ономастики (топонимии, антропонимии и микротопонимии) на смешанных территориях польско-восточнославянско-балтийского пограничья. Работы М. Кондратока по микротопонимии Белосточчины, З. Абрамович и Л. Дацевич по топонимике и антропонимике этого же региона. Из последних

работ ср. исследование Э. Вольнич-Павловской и В. Шулёвской по антропони- мике юго-восточных Кресов [Wolnicz-Pawłowska, Szulowska 1998].

7) Социолингвистические исследования, особенно для тех регионов, где польский язык (диалект) активно утрачивается. Ср. многие статьи из сборника [Kontakty językowe 2000]: О. Лазаренко (об остатках польского языка в районе Белой Церкви на Киевщине), О. Остапчук (о языке польской интеллигенции в окрестностях Винницы в условиях исчезновения польского языка), С. Рудницкого (о степени знания и функциях польского языка в одной из деревень на юге Житомирщины) и др. Сюда же относятся исследования З. Саваневской-Мох и А.Зелиньской о польском языке Ковенщины, а также недавно защищенная докторская диссертация А. Зелиньской [Zielińska 2002] и работы немецкого лингвиста Б. Вимэра (B. Wiemer).

8) Создание словарей отдельных пунктов (например, созданы учениками Я. Ригера компьютерные лексиконы д. Зеленой и Олешковец на Украине) и словарей, охватывающих более широкий ареал (проект И. Грек-Пабис и И. Марыняк по созданию Словаря современного разговорного польского языка Литвы и Белоруссии; проект создания конфронтативного словаря двух территориальных разновидностей периферийных крестьянских польских говоров — Н.Е. Ананьева). См., например [Ананьева 1998] и др. Издание рукописных словарей (например, Я. Ригер издал Словарь виленских регионализмов Л. Яшчанина [Rieger 1996; Rieger 1999]) и переиздание старых словариков «кресовизмов» (например, юго-восточных — словарики П. Парыляка и А. Кремера [Parylak (1877)—1999; Kremer (1870)—1999]).

9) Создание пробных карт (лексических, морфологических, морфонологических, фонетических) для Атласа польских говоров Литвы и Белоруссии с использованием картотеки Института языкознания им. Я. Коласа БАН и других материалов (Н.Е. Ананьева. Ср., например, [Ananiewa 2000]).

10) Конфронтативное грамматическое описание двух территориальных разновидностей периферийных польских говоров (Н.Е. Ананьева. Ср., например, [Ananiewa 1998] и др.).

11) Психолингвистические исследования (изучение процессов интерференции у носителей польского периферийного диалекта, являющихся билингвами или полилингвами).

12) Запись спонтанной польской диалектной речи с последующим изданием печатных (ср. [Maryniakowa, Grek-Pabisowa, Zielińska 1996]) и звучащих текстов.

13) Работы по изучению истории формирования периферийного диалекта. Например, монография Й. Косця о формировании юго-восточного ареала «польшизмы кресовой» [Kość 1999].

14) Извлечение «кресовизмов» и «регионализмов» из печатных и рукописных трудов (филологический метод исследования). Кроме известных фундаментальных трудов З. Курц (о языке филوماتов и филаретов, например, [Kawyn-Kurzowa 1963]), о львовском диалекте [Kurzowa 1983], о польском языке Виленщины и северо-восточных кресов в XVI—XX вв. [Kurzowa 1993]), из последних работ сюда относятся вышеуказанная работа И. Мендельской и исследование З. Саваневской-Мох об учебнике Я. Карловича как источнике изучения лексики северо-восточной разновидности «польщизны кресовой» [Sawaniewska-Mochowa 1990].

15) Изучение языка польских переселенцев с территории Литвы, Белоруссии и Украины, проживающих в настоящее время в Польше на так называемых «воссоединенных землях» (*Ziemie Odzyskane*). Ср. монографию К. Венгоровской о виленской лексике у жителей ряда пунктов на Западном Поморье [Węgorowska 2000].

Краткое перечисление основных методов и направлений в изучении и описании польских говоров дает, на наш взгляд, общее представление о разнообразии исследовательских подходов к такому сложному и неоднородному феномену, который являет собой «польский периферийный диалект».

Литература

- Ананьева 1983 — Н.Е. Ананьева. К вопросу о диалектной принадлежности польского говора двух сел на территории Украинской ССР // *Studia nad polszczyzną kresową*. Tom II. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1983. S. 31–47.
- Ананьева 1998 — Н.Е. Ананьева. Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 3. К XII Международному съезду славистов в Кракове 27 августа — 3 сентября 1998 года. М., 1998.
- Бернштейн 1941 — С.Б. Бернштейн. К вопросу о диалектной основе польского литературного языка // Изв. ОЛЯ, №1. С. 99—105.
- Масяж 2002 — В. Масяж. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX — начале XX века // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 241—254.
- Ananiewa 1993 — N. Ananiewa. Mowa młodszej generacji użytkowników polszczyzny kresowej odłamu południowo-wschodniego jako przykład gwary przejściowej // *Rozprawy Slawistyczne* 6. UMCS, Lublin, 1993. S. 1—9.
- Ananiewa 2000 — N. Ananiewa. Jeszcze raz w sprawie „Atlasu kresowych gwar polskich” (mapa ‘nietoperza’) // *Kontakty językowe*, 2000. S. 11—21.
- Cechosz 2001 — I. Cechosz. Polska gwara Oleszkowiec na Podolu. Kraków, 2001.
- Dawlewicz 2000 — M. Dawlewicz. Słownictwo socjolektu młodzieży polskiego pochodzenia w Wilnie. Warszawa, 2000.
- Dwilewicz 1997 — B. Dwilewicz. Język mieszkańców wsi Bujwidze na Wileńszczyźnie. Warszawa, 1997.
- Dzięgiel 2001 — I. Dzięgiel. Polska gwara wsi Zielonej na Podolu na tle innych gwar południowokresowych. Kraków, 2001.
- Kawyn-Kurzowa 1963 — Z. Kawyn-Kurzowa. Język filomatów i filaretów. Słowotwórstwo i słownictwo. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1963.

- Kontakty językowe 2000 — Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim. Prace ofiarowane profesorowi Januszowi Riegerowi. Warszawa, 2000.
- Kość 1999 — J. Kość. Polszczyzna południowokresowa na polsko-ukraińskim pograniczu językowym w perspektywie historycznej. UMCS, Lublin, 1999.
- Kremer (1870)—1999 — A. Kremer. Słowniczek prowincjonalizmów podolskich (przedruk) // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. Tom 2. Studia i materiały. Warszawa, 1999. S. 259—340.
- Kurzowa 1983 — Z. Kurzowa. Polszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 roku. Warszawa — Kraków, 1983.
- Kurzowa 1993 — Z. Kurzowa. Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI—XX w. Warszawa — Kraków, 1993.
- Maryniakowa, Grek-Pabisowa, Zielińska 1996 — I. Maryniakowa, I. Grek-Pabisowa, A. Zielińska. Polskie teksty gwarowe z obszaru dawnych Kresów północno-wschodnich. Warszawa, 1996.
- Masojć 2001 — I. Masojć. Regionalne cechy systemu gramatycznego współczesnej polszczyzny kulturalnej na Wileńszczyźnie. Warszawa, 2001.
- Mędelśka 1993 — J. Mędelśka. Język polski na Litwie w dziewiątym dziesięcioleciu XX wieku. Bydgoszcz, 1993.
- Ozóg 2001 — K. Ozóg. Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia. Rzeszów, 2001.
- Pacan 2000 — B. Pacan. Wpływ języka rosyjskiego i ukraińskiego na polszczyznę inteligencji lwowskiej pokolenia powojennego // *Kontakty językowe 2000*. S. 169—177.
- Parylak (1877) — 1999 — P. Parylak. Prowincjonalizmy mowy polskiej w Drohobyczu i jego okolicach (przedruk) // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. Tom 2. Studia i materiały. Warszawa, 1999. S. 341—363.
- Pelcowa 2001 — H. Pelcowa. Interferencje leksykalne w gwarach Lubelszczyzny. Lublin, 2001.
- Rieger 1996 — J. Rieger. Słownictwo “wileńskie” ze zbioru Leonarda Jaszczanina dziś // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. Tom 1. Studia i materiały. Warszawa, 1996. S. 79—109.
- Rieger 1997 — J. Rieger. Interferencje ukraińskie w gwarach polskich na Podolu // *Interferencje w językach i dialektach słowiańskich*. Łódź, 1997. S. 134—140.
- Rieger 1999 — J. Rieger. Słownictwa “wileńskiego” ze zbioru Leonarda Jaszczanina ciąg dalszy // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. Tom 2. Studia i materiały. Warszawa, 1999. S. 57—76.
- Sawaniewska-Mochowa 1990 — Z. Sawaniewska-Mochowa. Poradnik Jana Karłowicza jako źródło poznania potocznej polszczyzny północnokresowej. Słownictwo. Warszawa, 1990.
- Topolińska 1992 — Z. Topolińska. Miejsce dialektologii wśród innych dyscyplin sławistycznych. Seria VIII. Warszawa, 1992. S. 249—254.
- Węgorowska 2000 — K. Węgorowska. Słownictwo wileńskie na Pomorzu Zachodnim. Zielona Góra, 2000.
- Wolnicz-Pawłowska, Szulowska 1998 — E. Wolnicz-Pawłowska, W. Szulowska. Antroponimia polska na Kresach południowo-wschodnich. XV — XIX wiek. Warszawa, 1998.
- Zdanczewicz 1966 — T. Zdanczewicz. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Poznań, 1966.
- Zielińska 2002 — A. Zielińska. Mniejszość polska na Litwie kowieńskiej. Studium socjolingwistyczne. Warszawa, 2002.

Примечания

¹ В данной работе не рассматриваются такие феномены, как региональные разновидности устной польской речи городского населения бывших “Кресов” (виленская, гродненская или львовская). Польский язык горожан (носителей польского регионального варианта литературного польского языка — далее ЛПЯ) анализируют, в частности, З. Курц (в монографии о “львовском диалекте” до 1939 г. [Kurzowa 1983]) и И. Масойц (в работе о грамматических регионализмах в современной культурной виленской разновидности польского языка [Masojć 2001]). Специально лексике “социолекта” польской молодежи г. Вильнюса посвящена монография М. Давлевича [Dawlewicz 2000].

- ² Информация об этих поселениях как “мазурских” сообщена нам председателем национально-культурного общества “Полония” Республики Хакасия Сергеем Леончиком. По его данным в с. Знаменка, находящемся в 80 км от Абакана, проживает 400 поляков-“мазуров”, а в д. Александровка (Краснотуранский р-н Красноярского края) — 150.
- ³ В сентябре 2003 г. нам посчастливилось во время конференции в Томском государственном педагогическом университете посетить находящуюся в 200 км от Томска д. Белостоке, жители которой — потомки поляков, переселившихся в к. XIX в. в эти места с территории Гродненщины. Подробно история этой деревни изложена в [Масяж 2002:244—246]. Несмотря на утверждения автора статьи о том, что “единственное, что сохранилось до наших дней в Белостоке, это память о польских корнях первых поселенцев” [Масяж 2002:246], удалось записать польскую диалектную речь одной из жительниц села Марии Маркиш 1928 г. рождения. Кроме нее, по словам сопровождавшей нас местной жительницы Валентины Бернатовны Ханевич (матери известного в Сибири историка и общественного деятеля, председателя Томского польского общества “Белый орел” Василия Антоновича Ханевича), на местном польском языке говорит еще один 80-летний житель села, до которого, к сожалению, нам дойти не удалось. Любопытно, что М. Маркиш (в девичестве Йоч) является потомком первого переселенца-“холока” Александра Йоча, в семье которого родился и первый на здешней земле ребенок — Мария Магдалена Йоч. Анализ записанной речи — материал отдельной статьи. Заметим лишь, что для полониста представляет интерес и русский язык местных жителей, поскольку он сохранил ряд польских и белорусских лексем. Так, В.Б.Ханевич в беседе с нами употребляла такие слова, как *kapac̄ka* (‘тляпка’), *abraz* ‘ik (‘картинка’), *sv’ajo* (‘праздник’), *koʒuk* (‘корзинка’), (NB! в школьном краеведческом музее под этим экспонатом написано *кошек*), *krosny* (‘ткацкий станок’), *zaxr’ist’ija* (‘ризница’). Во время нашей беседы с М.Маркиш В.Б.Ханевич тоже начинала вспоминать знакомые в детстве слова, как говорили дома и т.д. Все это указывает на настоятельную необходимость скорейшего изучения польских говоров Сибири, в том числе и в случае сохранения их лишь в реликтовой форме.
- ⁴ В нашу задачу не входит подробная экзemplификация конкретными исследованиями выделенных направлений. Подробные библиографии трудов по периферийному польскому диалекту содержатся, например, в сб. «Польские говоры в СССР» (Минск, 1973, ч. 1), VI и VIII томах издания „Studia nad polszczyzną kresową” (Т. VI — Wrocław – Warszawa – Kraków, 1991; Т. VIII — Warszawa, 1995).

Summary

About methods of studying of peripheral rural Polish dialects

The survey presents the most important recent publications, devoted to the analysis of peripheral dialects on the baltic, east- and westslavic borderlands. In the article works of the polish (J.Rieger, A.Zielińska, I.Cechors) and other foreign scholars, based mainly on the material of Polish dialects in Ukraine, Belorussia and Lithuania, are discussed. The main attention has been paid to the new methods in the study of peripheral dialects, including not only traditional dialectal analysis, but also sociolinguistic, aerial linguistic methods.

Социолингвистический метод в диалектологических исследованиях (ситуация говора языкового меньшинства)

Признание неоднородности коммуникативного пространства, включающего различные по своей природе, статусу, функциональной нагрузке и происхождению языковые идиомы, является одним из основных постулатов социолингвистики. Однако в большинстве случаев акцент делается на социальной дифференциации языка, а территориальные диалекты как особый предмет анализа оказываются на периферии социолингвистических исследований. В свою очередь, довольно немногочисленны и работы диалектологов, использующих социолингвистические методики. В то же время рассмотрение взаимоотношений диалекта и литературного языка, диалектов разных языков, говора и идиолекта в категориях социолингвистики может оказаться чрезвычайно плодотворным, приближая нас к пониманию причин языковых изменений, наблюдаемых в литературном и диалектном языке, как в синхронии, так и в диахронии.

Широкая трактовка введенного Ч. Фергюссоном термина диглоссии как оппозиции «высокого» и «низкого» языков в категориях статуса и престижа охватывает любое коммуникативное сообщество, в котором сосуществуют несколько языков [Fishman 1971: 74]. Вслед за выделением Дж.Фишманом особого понятия «социодialeктия» для широкого спектра явлений такого рода пришло понимание отношений диалекта и стандарта как частной разновидности диглоссии [Hudson 1996: 49–51]. Распространенность билингвизма носителей говоров и частотность «переключения кодов», ограниченность сферы употребления диалекта (в категориях возраста, функции, территории распространения) и преобладание литературного стандарта во внешних контактах естественным образом приводят к постепенному вытеснению диалектного языка из языкового сообщества. Данное явление, носящее глобальный характер, в каждом конкретном случае имеет ряд особенностей. Скорость процесса «смены» языка, традиционно в условиях языкового контакта происходящего в течение трех поколений [Brenzinger 1997: 282–283], может меняться в зависимости от близости диалекта к литературному языку, численности носителей говора, степени его специфичности, географии диалекта (близость к крупным культурным центрам, положение в центре или на периферии диалектного континуума, обособленность говора в рамках диалектной группы и удаленность от соседних диалектов). Серьез-

ные коррективы вносит также существование в рамках одного коммуникативного сообщества диалектов нескольких языков.

Активное развитие теории языковых контактов в современной социолингвистике позволяет по-новому подойти к проблеме взаимодействия диалектов разных языков в контактных зонах, а также использовать понятие диглоссии при описании отношений языков (диалектов) меньшинств и литературного языка (языков) титульной нации или *lingua franca*. Одной из таких зон, дающих богатый материал для собственно диалектологического и одновременно социолингвистического анализа контактов восточнославянских и западнославянских языков как на уровне идиолектов и говоров, так и на уровне стандартов, представляют собой современные территории Литвы, Украины и Белоруссии, некогда входившие в состав Речи Посполитой (так называемые «кресы»). Исследование локализованных на этих землях польских периферийных говоров, взаимодействующих с восточнославянской и балтийской языковой стихией, ведется в разных направлениях, включая традиционные диалектологические методы, в том числе картографирование и лексикографическую обработку диалектных данных [Ананьева 1998]. Однако все чаще в качестве необходимого условия анализа собственно языковых процессов в польских островных говорах выдвигается также учет экстралингвистических факторов [Rieger 1996], [Rieger, Cechosz, Dzięgiel 2001].

В последнее время появился ряд работ, посвященных изучению современной языковой ситуации в отдельных пунктах и микрорегионах, где сохраняются польские периферийные говоры в украиноязычном [Nepor 1999] или белорусскоязычном [Kozłowska-Doda 1999], [Rieger, Stelmaczonek, Jasinowicz 2002] окружении. Чаще всего эти работы являются своеобразным введением к традиционному анализу диалектной системы, так же, как краткие очерки социолингвистической ситуации в монографических описаниях говоров [Janiak 1995: 7]. Привлечение экстралингвистических данных (история колонизации, тип многоязычия, социальный статус говорящих) дало возможность установить зависимость между социальными характеристиками и языковыми навыками, выявив неоднородность феномена, традиционно обозначаемого общим термином «польские периферийные говоры» или «региональный вариант польского языка» [Sawanięwska-Mochowa 2000]. Так, в монографическом описании говора д. Зеленая, произведенном на широком сопоставительном фоне, было установлено наличие как минимум двух социальных разновидностей диалектного языка («шляхетской» и «крестьянской»), имеющих не только очевидные языковые отличия, но и противопоставленных по уровню языковой компетенции, происхождению носителей и часто их социальному статусу и под. [Dzięgiel 2001: 23–24].

Чрезвычайно важное значение как для диалектологических исследований в контактных зонах, так и для общей социолингвистической теории, имеет

выявление критериев, необходимых и достаточных для максимально полного описания языковой ситуации говора в иноязычном окружении. Традиционно к факторам, определяющим выбор языка в ситуации полилингвизма и в целом влияющим на динамику языковой ситуации относятся: тип коммуникации (в данном случае неофициальная), средство коммуникации (здесь преобладает устная коммуникация), сфера функционирования (религия, образование, семья, локальное сообщество), характер собеседника и его ролевая функция (внутри локального сообщества – вне его, внутри семьи – вне ее и под.) [Clupe 1997: 301]. Не менее важными, прежде всего для анализа идиолекта, являются показатели, традиционно учитываемые диалектологами при опросе информантов: пол, возраст, происхождение говорящего, его место рождения и место постоянного проживания, образование, социальное положение, сведения о родителях и супруге [Sawaniewska-Mochowa 2002: 32–33].

Опираясь на выявленные З. Саваневской-Моховой параметры языковой ситуации, характеризующие положение польского языка в Литве, а также используя собственные наблюдения, сделанные в ходе исследования реликтовых польских говоров на Центральной Украине¹, попытаемся выделить аспекты анализа социоллингвистической ситуации, характерной для говоров языкового меньшинства (в данном случае это польские периферийные диалекты). Заметим, что эти факторы определяют языковую ситуацию не на уровне отдельных идиолектов, но на социолектальном и даже коммуникативном уровне, характерном для всей диалектной микросистемы как особого типа языкового сообщества в целом:

- характер языковой и национальной политики в регионе (в исторической перспективе это преследования национальных меньшинств в 1930-е гг., а также официальная советская языковая политика, направленная на утверждение доминирующей роли русского – литературного – языка);
- специфика этнодемографических процессов (насиленные переселения поляков и украинцев в 1930-е гг., репатриация польского населения после II мировой войны, а также активизация процесса миграции в направлении деревня–город и общее изменение социальной и этнической структуры данного региона);
- тип многоязычия (в нашем случае возможны колебания между польско-украинским и польско-русским билингвизмом и польско-русско-украинским триязычием, ситуация осложняется наличием различных стратов названных языков);
- функциональное распределение языков и диалектов по сферам употребления (официальная – неофициальная коммуникация, письменная – устная, в рамках локального этноязыкового сообщества – вне его);

- способ освоения каждого из языков (естественный – искусственный), уровень их взаимодействия (диалект – стандарт);
- уровень национального и языкового сознания, роль в нем религиозного сознания (отношение к костелу как к оплоту польского национального духа и роль католической церкви), связь национального сознания с уровнем языковой компетенции;
- престиж и статус языков, отношение к родному (первому) языку;
- наличие / отсутствие социолектальных различий внутри языкового сообщества;
- факторы, определяющие выбор индивидуальной языковой стратегии.

Каждый из названных аспектов языковой ситуации мог бы стать предметом отдельного исследования. Здесь мы позволим себе остановиться лишь на некоторых из них.

Характерной чертой социолингвистической ситуации в нашем случае является несоответствие числа представителей национального меньшинства (в Винницкой области примерно 80 тыс. поляков, что составляет около 6% населения) и реальное количество носителей польского языка. Этот разрыв будет особенно впечатляющим, если учесть, что значительная часть этнических поляков в документах значатся как украинцы. Показательна в этом отношении ситуация в одном из районных центров (Баре), где, по словам настоятеля костела св. Анны, из 7 тысяч прихожан около тысячи считают себя поляками, но лишь около 40 из них могут отвечать на вопросы ксендза на исповеди по-польски.

Из трех языков, используемых в сфере коммуникации: украинского, русского и польского, – последний оказывается наиболее уязвимым и при любом типе многоязычия (русско-украинско-польский трилингвизм, польско-украинский или польско-русский билингвизм) оказывается в положении «низкого» языка. Исключение составляет такая модель билингвизма, при которой употребляются параллельно польский и украинский диалекты, однако и в этом случае обоим говорам будет противостоять «высокий» язык: русский или украинский литературный. Примечательно, что при таком типе билингвизма даже в рамках локального сообщества довольно часто в повседневном общении происходит замена польского говора украинским. Такая ситуация во многом объясняется отсутствием польской языковой среды, утратой связи говоров с литературным языком в условиях иноязычного окружения и разрушением коммуникативной системы, основанной на использовании польского языка. Все прочие функции, прежде всего внешние и официальные, в том числе «высокие», а также вся сфера письменной коммуникации, обслуживаются литературным украинским или русским языками (с тенденцией к уменьшению роли последнего в связи с официальной языковой политикой современной Украины). Единственной сферой, в которой не только использу-

ется польский язык (литературный), но и осуществляется взаимодействие стандарта и диалектного языка, является сфера религиозного культа.

Специфика этнорелигиозного и языкового развития региона обусловила тот факт, что именно католическая церковь воспринимается большинством польского населения как оплот национальной культуры и языка, что вступает в определенное противоречие с проводимой в настоящий момент политикой костела, направленной на расширение использования украинского (реже – русского) языка в практике богослужения. Исследования национального самосознания на бывших польских «кресах» показывают абсолютное преобладание конфессиональной идентичности над всеми прочими типами идентичности (социальной, этнической, локальной, языковой): отвечая на вопрос, кого можно считать поляком, носители польских периферийных говоров на первом месте указывают «католик»². Это накладывает отпечаток и на характер функционирования польского языка в данном коммуникативном сообществе.

На Винничине насчитывается более 100 костелов. Богослужение в большинстве из них ведется на двух языках: польском и украинском, причем по-украински чаще всего произносятся проповеди. По словам священников, большая часть прихожан обладает лишь пассивным знанием польского языка: они понимают обращенные к ним по-польски вопросы, однако исповедуются по-украински и к продуцированию польской речи не способны, не считая воспроизведения по памяти текстов молитв, песнопений и религиозных формул. Большинство лексических полонизмов в языке информантов, пассивно владеющих польским языком, также связаны со сферой религии (*v'e`žonca*, *v'e`žoncy*, *'brev'az*) и нередко представляют собой устойчивые обороты, которые функционируют в их речи на правах цитат (*'matka naj's`v'entša O*, *'Jezu drogi*, *ra`χunek su`m'en'a*). Однако даже в этой сфере наблюдается смена основного языка, особенно в практике общения младшего поколения говорящих. Характерно, что в то время как пожилые люди, встречаясь у костела, приветствуют друг друга по-польски: *«N'eχ ben'dz'e poχval'ony Jezus Chrystus»* – *«Na v'ek'i v ekuf Amen»*, молодежь обменивается украинскими фразами: *«Слава Йесу Христу»* – *«На віки слава»*.

Довольно интересные результаты дает исследование способа освоения языков в данном коммуникативном сообществе. Традиционно в социолингвистике противопоставляется естественный (через общение с носителями, в том числе в семье) и искусственный (путем изучения в школе) способ овладения языком. В этом отношении оппозиция литературный язык – диалект поддерживается противопоставлением искусственной (в первом случае) и естественной (во втором) формы освоения идиома. Ситуация, однако, осложняется тем, что «искусственным» элементом в системе коммуникации будут не только литературные языки (и украинский, и русский, и польский), но в определенной мере и сам польский говор. Так, весьма характерно для

исследуемого региона появление свидетельств носителей польского языка о том, что их язык не является вынесенным из дома, а, как они сами это определяют, «*wyuczony*» – “выученный”. Чаще всего такое «искусственное» овладение польским языком связано с религиозной практикой. В ряде случаев происходит сочетание «естественного» и «искусственного» способов освоения польского языка, например, если в детстве носитель говора слышал польскую речь в доме, а затем изучал польский язык в школе (в том числе воскресной) или самостоятельно. Такой «выученный» язык демонстрирует черты, характерные для системы польских периферийных говоров (в сфере фонетики – замена ряда польских среднеязычных *ś, ź, ć* мягкими зубными *s', z', c'*, «уканье» (*ru`dz'ina*), деназализация конечных носовых гласных, асинхронная мягкость губных; в сфере морфологии – проникновение украинских флексий в формы имен, смешение лично-мужских и нелично-мужских форм и т.д.). Однако в данном случае очевидным образом наблюдается смена адстратных и субстратных явлений, что нельзя не учитывать при собственно языковом анализе. Таким образом, единственным идиомом, осваиваемым естественным путем, в нашем случае становится украинский диалект или соответствующий ему в системе городской коммуникации субстандарт на основе украинского и русского языков (так называемый «суржик»). Естественный способ освоения данных стратов облегчает их проникновение в сферу повседневного общения и является одной из причин смены основного язык на украинский в польскоязычном меньшинстве.

Характерно, что в данном коммуникативном сообществе наблюдается высокий коммуникативный престиж родного – польского – языка даже в сознании тех информантов, которые обладают только пассивным его знанием. Таким образом, лишенный официального статуса, польский язык тем не менее сохраняет свою культурную привлекательность, в частности, благодаря использованию его в практике богослужения. Русский язык, преобладавший долгое время вследствие советской языковой политики во внешних контактах и «высоких» коммуникативных функциях, рассматривался главным образом как условие социального успеха, однако увязывание языковой политики с жестким давлением на национальные меньшинства снижало реальный престиж русского языка в среде этнических поляков. Что же касается украинского языка, то его низкий коммуникативный статус, закрепленный практикой русско-украинского билингвизма, в данном локальном сообществе оказался довольно стойким, хотя после обретения Украиной независимости наблюдается определенная тенденция к повышению его культурного и социального престижа. Показательно, что в то время как старшее поколение прихожан выказывает свое недовольство проникновением украинского языка в костел, упрекая ксендза в использовании «хлопской мовы», младшее активно использует украинский язык в ежедневной практике.

Лингвистические характеристики сохраняют свою важность в качестве критериев, определяющих этнонациональную принадлежность [Trudgill 2000: 44–46], причем в данном случае это может быть как диалект, так и один из присутствующих в коммуникативном пространстве литературных языков. Самоидентификация с польским языком, или, по крайней мере, с билингвальным сообществом³, где одним из языков является польский, служит важным средством формирования чувства локальной общности. В свою очередь, уровень этнонационального самосознания непосредственным образом влияет на языковую компетенцию и языковые способности говорящих.

В этом отношении, как и во многих других, данное коммуникативное сообщество оказывается неоднородным. Проведенные нами исследования демонстрируют существование — правда, в ослабленном виде — социолектальной дифференциации польского языка на Центральной Украине. В качестве основных разновидностей польского языка в нашем случае выступают, с одной стороны, крестьянские говоры в их традиционном понимании, представленные суммой идиолектов и находящиеся на стадии разрушения системы, а, с другой, язык интеллигенции, находящийся под сильным влиянием польского литературного стандарта. Основой для разграничения этих двух разновидностей польского языка на Украине являются прежде всего собственно языковые критерии, в том числе степень и уровни восточнославянского влияния, разная функциональная нагрузка и частотность проявления характерных «кресовых» черт (таких, как отсутствие ряда среднеязычных шипящих в фонетической системе или дифференциации лично-мужских и нелично-мужских форм в сфере морфологии). Современный язык польской интеллигенции на Украине можно рассматривать как своеобразное продолжение регионального варианта польского литературного языка⁴ XIX в., несмотря на ряд существенных отличий (преимущественно устная форма существования, ограниченное количество носителей, фактическое отсутствие связи с основным польским языковым массивом).

Наряду с собственно языковыми критериями, в социолектальной дифференциации польского языка важную роль играет также языковая компетенция говорящих и уровень их языкового и национального сознания. Так, в отличие от носителей говоров, носители региональной разновидности польского литературного польского языка демонстрируют не только пассивное, но и активное знание языка, способны оценить степень соответствия собственной речи литературной норме. Как правило, по своему происхождению они связаны со шляхтой или интеллигенцией и бережно сохраняют память о своих польских корнях. Это дает нам основания с определенными оговорками применять к данному явлению термин «социолект»⁵. Несмотря на то, что в нашем случае нарушается критерий стабильности группы носителей и частотности контактов между ними, налицо подобный социальный статус говорящих, общие

формы освоения языка (в большинстве случаев это «выученный язык»), освоенный («искусственно») и идентичная модель языкового поведения.

Заметим, что выбор формы языкового поведения осуществляется чаще всего сознательно под влиянием эмоциональных и идеологических факторов разного рода. Поддержание не только рецептивного, но и активного владения польским языком в условиях отсутствия польской языковой среды связано со стремлением сохранить свою национальную идентичность в иноязычном окружении, и потому характерно в первую очередь для социальной группы интеллигенции, отличающейся высоким уровнем национального самосознания. Как показывают исследования польских периферийных говоров, говорящими может производиться выбор не только основного языка, но и типа билингвизма. Так, в советское время отмечалась распространенность билингвальной польско-украинской модели поведения среди представителей польскоязычного меньшинства в условиях общей русификации публичной сферы общения. Те, кто вынесли из дома знание польского языка и после закрытия школ в 1930-е гг. не имели возможности в дальнейшем изучать этот язык, сознательно отдавали своих детей в украинские – а не русские, численно преобладавшие на Центральной Украине – школы. Такая модель языкового поведения становилась своеобразной формой протеста против официальной языковой и национальной политики.

Социолингвистический метод оказывается также чрезвычайно плодотворным при анализе истории языковых контактов, их природы и направления, как на индивидуальном, так и социолектальном и коммуникативном уровнях. Для понимания сути взаимоотношений языков и диалектов на Правобережной Украине важное значение имеет специфика польской колонизации в данном регионе. По мнению историков, этот процесс относится к XVII–XVIII вв. и никогда не носил массового характера, приводя к появлению островных поселений (и говоров) в сплошном украиноязычном массиве. Вхождение этих земель в состав Речи Посполитой способствовало установлению высокого коммуникативного статуса польского литературного языка, который сохранял свой культурный престиж и после разделов Польши в течение всего XIX в. и в начале XX в., вплоть до драматических событий 1930-х гг. Подобно тому как польские деревни и хутора были местом бытования польских периферийных говоров, польские школы⁶ способствовали распространению литературного языка и поддержанию связи говоров с основным языковым массивом.

Определение языковой ситуации на Правобережье в XIX в. как ситуации многоязычия предполагает взаимодействие как литературных языков (русского и польского), так и диалектов (украинских и польских). При этом наблюдается зависимость между набором стратов, используемых в коммуникации, и моделью языкового поведения, с одной стороны, и социальным

статусом носителей, с другой. Так, утверждение, что в среде польской и полонизированной шляхты основным (первым) языком является в это время польский, означает владение и польским периферийным диалектом, и региональной разновидностью польского литературного языка. Кроме того, потенциально представители среднего и высшего сословия обладали по крайней мере пассивным знанием украинского языка (диалекта). После присоединения к Российской империи существенным фактом языковой действительности становится также польско-русский билингвизм на уровне стандартов, который характеризовался особой сферой употребления (официальное общение), формой коммуникации (письменная речь) и способом освоения языка (искусственный, а не естественный). В свою очередь, выбор языковой стратегии в преимущественно украиноязычных средних и низших слоях населения предполагал сосуществование украинского диалекта как основного языка, функционировавшего в рамках национального сообщества, польского литературного, а с середины XIX в. сменившего его русского литературного как языка внешнего общения, используемого в «высоких» коммуникативных функциях. Для польских крестьян-«мазуров» первым (основным) языком безусловно является польский «кресовый» диалект, для сферы неофициального внешнего общения можно предположить также наличие польско-украинского билингвизма (на уровне диалектов), а для официального общения – владение региональной разновидностью литературного польского языка, постепенно сменяемого в высоких функциях русским языком или польско-русской билингвальной моделью поведения.

Динамика языковой ситуации определяется сменой моделей языкового поведения и функциональных ролей языков. В высших слоях общества постепенно устанавливается доминирование русско-польской (на уровне стандартов) модели билингвального поведения с тенденцией к смене языка (на русский), которая явилась одним из средств социальной эмансипации местной шляхты⁷ и повлияла на установление аналогичной украинско-польской модели после появления в коммуникативном пространстве украинского литературного стандарта. Польский язык, утративший сначала свой официальный статус, а затем и коммуникативную привлекательность, с конца XIX в. представлен в данном регионе в основном островными польскими говорами. Это привело к постепенной трансформации искусственного конфликта польского и украинского как языков с разными статусами в естественный конфликт языков с одинаковым статусом (более низким по сравнению с обладающим официальной поддержкой русским), где украинский становится классическим языком большинства, а польский – меньшинства⁸. Со временем изменяется также форма польско-украинского билингвизма. Если в начале XIX в. речь шла главным образом о противопоставлении польского литературного языка и украинского диалекта или польских и украинских говоров, то с середины

XX в. польско-украинское двуязычие для польскоязычного меньшинства означает одновременное владение польским периферийным диалектом, украинским говором и одновременно литературным языком.

Специфика функционально-ролевого распределения языков и их стратов в коммуникативном пространстве оказала непосредственное влияние на характер и результаты языковых контактов. Можно выделить несколько уровней взаимодействия языков. Так, контакты польских и украинских говоров в данном регионе характеризуются как взаимные и охватившие различные уровни языковой системы. С одной стороны, свидетельством активности польско-украинских контактов на уровне диалектов стали многочисленные полонизмы в западно-подольских говорах: так, изолекса *кузут* (пол.) – *півень* (укр.) служит одним из средств разграничения западно-подольских и южно-волинских говоров [Ткачук 1982]; как результат широко понимаемого польского влияния оцениваются передвижки ударения в направлении начального слога, широко фиксируемые в подольских говорах [Dejna 1968]⁹. С другой стороны, результатом западно-восточнославянских контактов стало возникновение особой территориальной разновидности польского диалектного языка, обозначаемой термином польские периферийные диалекты. Другое объяснение имеет формирование региональной разновидности литературного польского языка. Здесь мы имеем дело с однонаправленным влиянием: польский литературный язык впитал в себя как элементы местных «кресовых» говоров, так и ряд украинских диалектизмов на разных уровнях, что стало возможным благодаря восприятию украинских говоров как части собственного языкового пространства в условиях незавершенности процесса формирования украинского литературного стандарта. Русско-польские и русско-украинские языковые контакты в данном регионе описываются как однонаправленное влияние русского литературного языка на систему польских и украинских говоров, а в перспективе также украинского литературного языка. Уровень и характер языковых контактов объясняет, в частности, тот факт, что русизмы долгое время проникали только в сферу лексики украинских и польских говоров (главным образом связанную с общественной жизнью, администрацией, управлением и под.), в то время как украинские заимствования в польских говорах и региональной разновидности польского литературного языка наблюдались главным образом в сфере фонетики и морфологии. Появление русско-украинской интерференции на фонетическом и морфологическом уровне становится возможным только после установления билингвальной модели языкового поведения с русским языком как коммуникативной доминантой в середине XX в. В то же время польские говоры сохраняют тенденцию к распределению иноязычных влияний: русизмы локализуются главным образом в сфере лексики, а украиниз-

мы, помимо лексической системы, затрагивают также уровень фонетики, морфологии и синтаксиса.

Стихийное обращение исследователей, занимающихся изучением островных говоров в иноязычном окружении, к социолингвистике вполне объяснимо: факт социо- и идиолектальной дифференциации диалектов, находящегося на стадии исчезновения, требует своего объяснения, которое невозможно найти в сугубо языковой сфере. В то же время использование социолингвистических методик может оказаться не менее полезным и при анализе диалектной системы в «одноязычном» коммуникативном сообществе при решении вопросов о дискретности и континуальности диалектного пространства, степени расчлененности языкового континуума и под. Надо сказать, что с технической точки зрения это довольно легко осуществимо. Сбор сведений о функциональном распределении диалекта и литературного языка, выборе стратов в ежедневной коммуникации в зависимости от ситуации и т.п., вполне может производиться по модифицированным с этой целью вопросам, традиционно используемым диалектологами. В свою очередь, детальный анализ взаимоотношений диалектного и литературного языка, а также введение в проблематику языковых контактов такого важного уровня, как диалектный и социолектальный, с учетом возможного взаимодействия говоров языкового меньшинства и большинства, может существенно обогатить социолингвистическую теорию в целом.

Литература

- [Brenzinger 1997] – Brenzinger M. Language Contact and Language Displacement // The Handbook of Sociolinguistics. Cambridge, MA, 1997. Pp. 273–284.
- [Clyne 1997] – Clyne M. Multilingualism // The Handbook of Sociolinguistics. Cambridge, MA, 1997. Pp. 301–314.
- [Czekmonas 1994] – Czekmonas W. O etapach socjolingwistycznej historii Wileńszczyzny i rozwoju polskiej świadomości narodowej na Litwie // Belarus, Lithuania, Poland, Ukraine. The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. International Conference, Rome 28 April – 6 May 1990. Lublin – Rome, 1994. S. 457–463.
- [Dejna 1968] – Dejna K. Z dialektnych przesunięć akcentu w języku ukraińskim // Slavia Occidentalis, 1968. S. 50–53.
- [Dzięgiel 2001] – Dzięgiel E. Polska gwara wsi Zielonej na Podolu na tle innych gwar południowokresowych. Fleksja imienna i werbalna. Kraków, 2001.
- [Fishman 1971: 74] – Fishman J. Sociolinguistics: A Brief Introduction. Rowley, 1971.
- [Hudson 1996] – Hudson R.A. Sociolinguistics. 2-nd edition. Cambridge, 1996.
- [Janiak 1995] – Janiak B. Polsko-ukraińskie związki językowe na przykładzie gwary Niemirowa nad Bugiem. Fonetyka, fonologia, słownictwo. Łódź, 1995.
- [Kozłowska-Doda 1999] – Kozłowska-Doda J. O sytuacji języka polskiego w rejonie woronowskim na Białorusi // Język polski dawnych Kresów Wschodnich. T. 2. Warszawa, 1999. S. 11–27.
- [Nedle 1997] – Nedle P.H. Language Conflict // The Handbook of Sociolinguistics. Cambridge, MA, 1997. Pp. 285–300.

- [Nepop 1999] – *Nepop L.* O sytuacji językowej w Burtynie koło Polonnoego // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T. 2. Warszawa, 1999. S. 165–173.
- [Ostapczuk 2001] – *Ostapczuk O.* Należałości regionalne w “*Dienniku codziennych wydarzeń w Gimnazjum Podolskim*” z pierwszej połowy XIX wieku // *Studia nad polszczyzną kresową*. Księga ku czci profesora W. Werenicza. T. X. Warszawa, 2001. S. 277–284.
- [Rieger 1996] – *Rieger J.* Język polski na Ukrainie (rozpowszechnienie, funkcje, znaczenie, świadomość językowa) // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T. 1. Warszawa, 1996. S. 131–145.
- [Rieger 1997] – *Rieger J.* Polska rzeczywistość językowa na Ukrainie // *Kresy – pojęcie i rzeczywistość*. Warszawa, 1997. S. 202–203.
- [Rieger, Cechosz, Dziegiel 2001] – *Rieger J., Cechosz I., Dziegiel E.* Badania gwar kresowych dziś // *Gwary dziś*. T. 1. Metodologia badań. Poznań, 2001. S. 95–110.
- [Rieger, Stelmaczonek, Jasinowicz] – *Rieger J., Stelmaczonek A., Jasinowicz B.* O języku polskim w rejonie brasławskim na Białorusi. Sytuacja językowa // *Język mniejszości w otoczeniu obcym*. Warszawa, 2002.
- [Rzepka, Walczak 1992] – *Rzepka W.R., Walczak B.* Socjolekt szlachecki XVII wieku (próba ogólnej charakterystyki) // *Barok w polskiej kulturze, literaturze i języku*. Materiały konferencji naukowej. 25–29 sierpnia 1987 r. w Krakowie. Warszawa–Kraków, 1992. S. 179–188.
- [Sawaniewska-Mochowa 2000] – *Sawaniewska-Mochowa Z.* Świat jeden, ale nie jednolity, czyli o zróżnicowaniu socjalnym polszczyzny kowieńskiej // *Kontakty językowe na pograniczu wschodnim*. Warszawa, 2000. S. 221–231.
- [Sawaniewska-Mochowa 2002] – *Sawaniewska-Mochowa Z.* Po co i jak badać polszczyznę kowieńską // *Język mniejszości w otoczeniu obcym*. Warszawa, 2002. S. 27–35.
- [Tabouret-Keller 1997] – *Tabouret-Keller A.* Language and Identity // *The Handbook of Sociolinguistics*. Cambridge, MA, 1997. Pp. 315–326.
- [Taras 2000] – *Taras B.* Socjolekt szlachty polskiej – próba opisu // *Socjolingwistyczne aspekty funkcjonowania języka*. Materiały konferencji naukowej. Siedlce, 8–9 października 1999. Siedlce, 2000. S. 77–79.
- [Trudgill 2000] – *Trudgill P.* Sociolinguistics. An introduction to language and society. 4-th edition. London, 2000.
- [Wilkoń 1987] – *Wilkoń A.* Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. Katowice, 1987.
- [Zasztowt 1997] – *Zasztowt L.* Kresy. 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997.
- [Ананьева 1998] – *Ананьева Н.Е.* Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас // *Научные доклады филологического факультета МГУ*. Выпуск 3. К XII Международному съезду славистов в Кракове 27 августа – 3 сентября 1998 года. М., 1998. С. 3–22.
- [ВДОА] – *Вінницький державний обласний архів*, ф. 254, оп. 1, № 764, л. 21–22.
- [Ostapczuk 2002] – *Ostapczuk O.A.* K вопросу о взаимодействии восточнославянских и польского языков (на примере польских говоров Центральной Украины) // *Исследования по славянской диалектологии*. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 88–102.
- [Ткачук 1982] – *Ткачук П.Є.* Взаємодія говіркових систем та явища інтерференції в подільському ареалі (лексичний рівень) // *Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами*. Тези доповідей. Ужгород, 1982. С. 111–113.

Примечания

¹ Данная работа ведется нами в течение ряда лет в сотрудничестве с коллективом Отдела польских периферийных диалектов ПАН (Pracownia polszczyzny kresowej), возглавляемым проф. Я. Риге-

ром. Исследование базируется на материале магнитофонных записей бесед с носителями польского говора из нескольких населенных пунктов в южной части Подолья (Винницкая область) [Остапчук 2002]. Нами производился опрос информантов в самой Виннице, районных центрах Бар и Гнивань, а также в 2 «польских» деревнях: Мурафе и Витаве (в настоящий момент часть местечка Гнивань). Параллельно с анализом современного материала ведется изучение языка исторических документов, в частности, связанных с деятельностью польской гимназии в г. Виннице в первой половине XIX в. [Ostarczuk 2001].

² Из беседы с информанткой из Винницы: «A Pani uwaza siebie za Polkę?» [*Ja tag i 'jestem*] A Polak - kto to jest? [*Ka 'tol'ik*».

³ Об идентификации билингва с результатами языкового контакта см. [Tabouret-Keller 1997: 320].

⁴ О региональном варианте польского литературного языка на «кресах» см. [Rieger 1997].

⁵ Термин «социолект» введен А. Вильконом [Wilkoń 1987: 92] и используется главным образом в диахронии [Rzepka, Walczak 1992]; [Taras 2000].

⁶ В первой половине XIX в. в трех западных (Вольнской, Подольской и Киевской) губерниях действовало более 20 средних школ и гимназий с польским как основным языком обучения [Zasztowt 1997: 375], примерно такое же количество польских школ существовало и в 1920-е гг. [ВДОА].

⁷ Подобную роль играл польско-белорусский билингвизм в среде литовско-белорусской шляхты [Czekmonas 1994: 457].

⁸ О разграничении искусственных и естественных конфликтов языков см. [Nedle 1997: 295].

⁹ О существовании в подольских говорах тенденции к аналогическому выравниванию в корнях глаголов, приводящей к передвижке ударения на предпоследний или начальный слог, и связи данного явления с польским парокситонизмом см. [Dejna 1968].

Summary

Sociolinguistic methods in dialectology (the case of the dialect of the language minority)

The article illustrates how sociolinguistic methods could be applied to the analysis of dialects both in synchrony and diachrony. It concentrates on the situation of polish dialects, which are maintained up to resent time in the isolation outside of Poland in Podolia (Ukraine). The paper presents some of the extralinguistic factors determining current sociolinguistic situation, which influences both models of linguistic behavior in the speech community and the language system of polish dialect as such. There are, among others: official policy of language, ethnodemographic situation, national and language consciousness, type of multilingualism (including different levels of language idioms), functional distribution of languages and dialects, type of language acquisition, status each of idioms in the speech community (including first language), sociolectal differentiation, models of individual linguistic strategy. The article also shows how the dynamics of sociolinguistic situation in diachrony (especially models of linguistic behavior and type of multilingualism) could affect the results of language contacts, such as borrowings on different levels of language system, both in dialect and literary standard.

Использование вопросников при изучении периферийных польских диалектов северо-восточной зоны

Под периферийными польскими диалектами северо-восточной зоны мы понимаем так называемую «polszczyznę kresową», т.е. польские говоры, возникшие в конце XIX – начале XX века на землях современных Белоруссии и Литвы, принадлежавших в то время Речи Посполитой. Вопрос о возникновении народного варианта северо-восточного периферийного говора польского языка подробно рассматривается в работе Г.Турской «O powstaniu zwartych polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie». Ею были выделены три крупных компактных ареала, возникших на этой территории вследствие начавшегося в XIX веке распространения польского языка среди сельского населения: виленский, расположенный в основном на правом берегу Вилии, ковенский – к северу от Ковна (Каунаса) в треугольнике между Неманом, Вилией и Невяжью и смолвенский, находящийся между Видзами и Зарасаем.

Г. Турскую можно считать «подлинной основоположницей традиции научного изучения польских говоров литовско-славянского пограничья» [Чекмонас 1995 : 14]. Сохранились упоминания о том, как она на велосипеде объезжала Вильнюсский край, собирая материал для своего исследования. К сожалению, не сохранилось сведений о том, какими конкретными методами она пользовалась для сбора материала. В статье В. Чекмонаса, Е. Коницкой и М. Круповес [Czekmonas, Konicka, Krupowies 1996], написанной по результатам экспедиции 1996 года, есть такие строки: «...одна из самых старших информантов – Стефания Трыпуцка из Гритюн – рассказала нам, что в 30-х годах их деревню посетила одна пани из Вильнюса, которая летними вечерами расспрашивала пожилых людей, особенно мужчин, о значении различных литовских слов (в межвоенный период в Гритюнах ещё говорили по-литовски). [...] Исследовательницей этой была Г.Турска».

На основании вышеприведённых строк, а также работ самой Г.Турской можно говорить о том, что её интересовали прежде всего литовские и белорусские элементы как субстратные явления в польской речи жителей Виленского края.

После Второй мировой войны изучение польских говоров на территории трёх компактных ареалов, выделенных Г.Турской, было продолжено, в том числе учёными тогда ещё республик Советского Союза: Белоруссии, Латвии, Литвы, России¹.

¹ См. [Веренич 1973 : 183–212], где представлены анализ и библиография работ, появившихся до 1973 года, [Польские говоры 1973], а также [Sawaniowska-Mochowa 1991, 1995].

Говоря о методах, которые использовали и используют исследователи польских периферийных говоров после Второй мировой войны, хотелось бы остановиться на вопросниках, которые служат для сбора диалектного материала. Среди них можно выделить «лексические» вопросники, нацеленные прежде всего на сбор лексического материала говора, вопросники «фонетические»², «морфологические», «социолингвистические» и комплексные, объединяющие в себе вопросы разного типа. Выбор того или иного вопросника зависит от целей и задач, которые ставят перед собой исследователи. Очевидно, что для более полного описания говора целесообразно использовать вопросники разных типов или комплексный вопросник.

И. Примером лексического вопросника может служить вопросник «Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego» под ред. В.Дорошевского [Doroszewski 1958]. Создавая его в 50-х годах XX века по результатам полевых исследований в Вармии и Мазурах, составители хотели, чтобы вопросник мог послужить для работы в других регионах распространения польского языка, для чего обогатили его данными из Куяв, Мазовша, Подлесья, Подгалья, а также Любельского, Ленчицкого, Келецкого и Жешовского воеводств.

И действительно, этот вопросник послужил исследователям и при работе с периферийными польскими говорами. Так, во время студенческих экспедиций под руководством В.Л.Веренича он использовался при сборе материала для картотеки польских говоров на территории СССР (картотека сейчас находится в Институте языкознания Белорусской АН).

И.1. Вопросник состоит из четырёх тетрадей – главных разделов, каждый из которых включает в себя то или иное количество подразделов (в общей сложности 27). Общее количество вопросов – около 3500. Там, где это необходимо, вопросы сопровождаются иллюстрациями.

Тетрадь 1. Животноводство и животный мир.

1. Животный мир.
2. Рыболовство.
3. Пастушество.
4. Животноводство.

Тетрадь 2. Растительный мир.

5. Растительность.

Тетрадь 3. Крестьянское хозяйство.

6. Сад, огород, палисадник.

² О фонетическом вопроснике (или «фонетической программе»), составленном в Институте языкознания им.Я.Купалы АН БССР, упоминает Н.Е.Ананьева в своей дипломной работе [Ананьева 1970 : 7], эта программа послужила Н.Е.Ананьевой для обследования польского говора села Майшагола Вильнюсского района Литовской ССР. Вероятно, этот же вопросник имеет в виду Я.Рнгер во вступительной статье к X тому *Studiów nad polszczyzną kresową* [Rieger 2000 : 8], говоря о фонетико-грамматическом вопроснике из 360 вопросов, использовавшемся во время экспедиций под руководством В.Л.Веренича.

7. Земледелие.
8. Обработка волокон растительного и животного происхождения.
9. Обработка кожи.
10. Обработка железа.
11. Обработка дерева.
12. Обработка глины.
13. Обработка янтаря.
14. Транспорт и средства сообщения.
15. Строительное дело.
16. Домашняя утварь.
17. Приготовление пищи.
18. Одежда.

Тетрадь 4. Общественная и духовная культура.

19. Части тела.
20. Народная гигиена.
21. Народная медицина.
22. Терминология родства.
23. Индивидуальные особенности человека и прозвища.
24. Профессии и общественная жизнь.
25. Верования и обряды.
26. Ландшафт.
27. Метеорология, небесные тела, измерение времени.

Ф. Чижевский в своей статье [Czyzewski 2001 : 195–205] отмечает, что вопросы Kwestionariusza можно разбить на три группы:

1. «от значения к слову» / «od znaczenia do nazwy», например «jak się nazywa drewniane części koła, na które nakłada się obręcz?»

2. «от слова к значению» / «od nazwy do znaczenia», например «co to jest furmanka?»

3. «синтетические» (как их называет сам В. Дорошевский, см. [Doroszewski 1958, zeszyt I : 21]) вопросы, например, «jakie ryby żyją w waszych wodach?».

Анализируя материал картотеки польских говоров БАН и высказывая замечания о результатах работы с данным вопросником, Ф. Чижевский утверждает, что наибольшую ценность представляют ответы на вопросы второй и третьей групп, так как они исключают возможность случайной или преднамеренной подсказки ответа информанту со стороны исследователя.

Использование вопросника требует от исследователя определённой подготовки. Так, он должен хорошо знать те реалии, о которых спрашивает у информанта, а не узнавать о них только в процессе беседы. Это также необходимо для того, чтобы избежать непонимания между исследователем и информантом и фиксации неправильных ответов.

1.2. Во вступительной статье к вопроснику ([Doroszewski 1958, zeszyt I : 11–21]) В.Дорошевский приводит рекомендации для исследователей о выборе и количестве информантов, а также о том, какие данные о населённом пункте и информанте необходимо фиксировать при опросе.

В качестве информанта В.Дорошевский, в соответствии с традицией, советует выбирать человека, наиболее «репрезентативного» для своего окружения: родившегося в обследуемом населённом пункте и постоянно проживающего в нём; кроме того, желательны, чтобы родители информанта также были родом из этого населённого пункта.

Возраст информанта, согласно Дорошевскому, должен зависеть от того, что является главной целью исследования: воссоздание прошлого говора или фиксация происходящих в нём изменений.

Число информантов находится в зависимости от того, проводятся лексические исследования или фонетические. В силу того, что один человек не может быть одинаково хорошо осведомлён обо всех тех реалиях, которых касаются вопросы, при исследовании лексики говора необходимо опрашивать несколько информантов, по возможности задавая ему вопросы о том, в чём он лучше разбирается. При исследовании же фонетики в каждом обследуемом населённом пункте можно беседовать только с одним информантом, однако необходимо записать большое количество материала.

В.Дорошевский рекомендует также фиксировать социально-исторические сведения о населённом пункте, а именно: время его возникновения, история; количество жителей и род их занятий; тип застройки; наличие школы, костёла, почты, пункта медицинской помощи; удалённость от других населённых пунктов, дорог, железнодорожной станции. Кроме того, следует записывать, название деревни, отдельных её частей, название жителей, а также названия близлежащих рек, озёр, урочищ и т.п.

II. Примером социолингвистического вопросника является вопросник «Wieś – wiadomości ogólne, stosunki narodowościowe i wyznaniowe», составленный В.Н.Чекманом и использовавшийся на Виленщине во время диалектологических экспедиций, организованных кафедрами славянской филологии и польский филологии Вильнюсского университета. Целями экспедиций было определение границ распространения польского языка на севере виленского польскоязычного ареала и сбор сведений для описания современной социолингвистической ситуации и её истории в данном районе.

II.1. Основную часть вопросника предваряет раздел «Данные о информанте», который содержит следующие пункты:

- имя и фамилия;
- место и год рождения;
- национальность и вероисповедание;
- образование (когда и на каком языке получено);

- знание языков (например, польского, русского и литовского – свободное или слабое; умение как говорить, так и писать);
- на каком языке информант говорит дома, с прочими родственниками, с соседями, знакомыми, на работе, в официальных учреждениях, магазинах, костёле и т. д.;
- на каком языке говорили родители информанта, его дед и бабка; какие языки знали (польский, литовский, русский, белорусский);
- сведения о семье информанта, хозяйстве родителей и т. п.

II.2. Основная часть вопросника состоит из 5 разделов.

Раздел 1. Деревня.

1. Статус (является ли деревня по своему происхождению крестьянской или возникла из шляхетского «засцянка»).
2. Название (официальное и неофициальное; происхождение и возможные изменения названия).
3. Возникновение деревни (информация об основателях населённого пункта, размерах деревни, возможных переселениях жителей деревни в Польшу).
4. Окрестности (другие населённые пункты по соседству и их статус).

Раздел 2. Ономастикон.

1. Фамилии (их происхождение, разноязычные варианты одной фамилии; наиболее распространённые фамилии).
2. Имена (имя информанта, как его называют родные, соседи; уменьшительно-ласкательные формы).
3. Прозвища (обидные и необидные).
4. Микротопонимы (названия частей деревни, поля, луга, леса и их части, болота и т. д.).

Раздел 3. Конфессия.

1. Вероисповедание информанта (а также его родителей и родственников; чтение религиозных книг; на каком языке информант знает «Отче наш», на каком языке исповедуется).
2. Конфессиональный «ландшафт» (представители иных вероисповеданий в данной местности: евреи, татары, старообрядцы, протестанты, сектанты).
3. Межконфессиональные отношения (богослужебный язык в местном костёле; язык, «наиболее соответствующий», с точки зрения информанта, католической религии; мнение о людях не католического вероисповедания, отношения с ними; браки между людьми разных религий).

Раздел 4. Национальность (набор вопросов аналогичный разделу «Конфессия»).

1. Национальность информанта.
2. Национальный «ландшафт».
3. Межнациональные отношения.

Раздел 5. Историческое сознание.

1. Шляхта (считает ли себя информант принадлежащим к «шляхте»; происхождение «шляхты» с точки зрения информанта; не обидно ли быть отнесённым к «шляхте»).

2. Историческая традиция (как давно поляки живут в Литве и как они там появились; могли ли литовцы полонизироваться; что информант считает своей родиной).

III. Вопросник Я.Ригера «Kwuestionariusz do badań polskich gwar kresowych» можно отнести к типу комплексных вопросников³. Его первой частью является инструкция по записыванию текстов, а вторая часть представляет собой перечень основных тем для опроса информантов.

III.1. Первую часть, инструкцию по записыванию текстов, можно назвать кратким социолингвистическим вопросником, так как Я.Ригер рекомендует в обязательном порядке записывать следующую информацию:

- дата, место записи;
- **информант:** возраст или дата рождения, место рождения, биография; место рождения отца и матери; деда и бабушки; образование, контакты с польским языком (в школе, на курсах, дома), пресса, радио, телевидение;
- **населённый пункт,** данные о нём: сколько поляков, людей других национальностей, как было ранее; все ли поляки говорят по-польски; была ли и есть ли сейчас польская школа;
- **костёл:** есть ли, как было ранее (обратить внимание на довоенный, военный и послевоенный период);
- **этнический и социальный состав:** языковая ситуация – какие языки используют для общения разные группы людей, в семье, при смешанных браках;
- **история:** жизнь до революции и во время революции (если известно по рассказам), в советские времена; раскулачивание, высылка.

Как видим, основные пункты здесь пересекаются с вопросником В. Чекмана, каждый раздел в котором, однако, в силу социолингвистической специфики, проработан подробнее.

III.2. Структура основной части вопросника такова:

1. История, костёл, образование.

- революция, раскулачивание, образование колхозов, переселения и ссылки;
- общественная жизнь: свободное время, встречи, гости;

³ «Kwuestionariusz do badań polskich gwar kresowych» Я.Ригера (1998 г.) составлен на основе материала разговоров юго-восточной разновидности периферийных польских диалектов, однако использовался также для исследования северо-восточных «кресов» (в частности, студентами и магистрантами Варшавского университета в Браславском р-не Витебской обл. Беларуси).

- образование на польском языке, ранее и сейчас; образование на других языках;
 - польские книги, религиозные и светские;
 - религиозная жизнь, молитвы: похороны, свадьбы, крестины, праздники;
 - костёл, ксёндз, месса, исповедь, грех;
 - верования и суеверия;
 - (само)сознание: что значит «быть католиком», «быть поляком».
- 2. Деревня (всевозможная информация).**
- возникновение, название, количество жителей, их национальный, конфессиональный и социальный состав; образование;
 - ярмарки, магазин, торговля;
 - кустарные изделия и ремесленники.
- 3. Соседи.**
- соседи-поляки и соседи других национальностей, отношения с ними;
 - окрестные деревни.
- 4. Дом, хозяйство.**
- части дома;
 - постройка дома;
 - домашняя и кухонная утварь;
 - подвал, погреб;
 - усадьба, двор.
- 5. Работа по дому. Приготовление пищи.**
- уборка; мужская и женская работа по дому;
 - пища; продукты, блюда, процесс приготовления;
 - освещение дома в прошлом;
 - стирка, гигиенические процедуры;
 - одежда и обувь.
- 6. Сад и огород.**
- 7. Домашние животные.**
- уход за ними,
 - части тела, издаваемые звуки;
 - домашняя птица;
 - пчёлы и другие насекомые.
- 8. Работа в поле.**
- воз и его части;
 - плуг и его части;
 - удобрение;
 - пахота, сев, боронование;
 - зерно, его сбор, молотьба;
 - сенокос;
 - лён и конопля.
- 9. Человек. Семья.**

- родственные отношения, терминология родства.
- 10. Жизнь человека от рождения до смерти.**
 - детство и молодость;
 - бракосочетание, свадьба;
 - семейная жизнь;
 - старость, смерть.
- 11. Болезни и народная медицина.**
- 12. Части тела, физиология.**
- 13. Обозначение людей по их физическим и психическим качествам.**
- 14. Время. Метеорологические явления.**
 - погода, осадки, ветер, мороз;
 - день, ночь, утро, полдень, вечер, сумерки;
 - сегодня, завтра, вчера...
 - солнце, месяц;
 - сутки, неделя, месяц, год;
 - времени года.
- 15. Ландшафт.**
 - равнина, гора, низменность...
 - земля, река, дорога...
- 16. Окрестности.**
 - лес;
 - дикие животные и птицы.
- 17. Антропонимия.**
 - фамилии жителей в версии официальной и неофициальной;
 - типичные мужские и женские имена в официальной и неофициальной версии;
 - названия жён и детей по имени мужа и отца.

Эта часть вопросника построена таким образом, что предполагает сбор как лексической и словообразовательной информации по вышеперечисленным темам, так и информации грамматической (составитель предлагает записывать видовые, личные и другие формы глаголов; падежные формы существительных; сочетания числительных с существительными и т.д.). В силу этого, а также с учётом «вводной» социалингвистической части данный вопросник можно считать приспособленным для комплексного исследования того или иного говора. В отличие от вопросника В.Дорошевского, где вопросы конкретно сформулированы, данный вопросник скорее намечает темы разговора, что даёт исследователю определённую свободу и возможность извлекать необходимую информацию из непринуждённой беседы с информантом.

От вопросника В.Дорошевского вопросники В.Чекмана и Я.Ригера отличается также то, что они составлены специально для исследования периферийных польских говоров с учётом специфики их возникновения и направлены на выявление как социалингвистических, так и собственно языковых

особенностей говоров (например, процесса распространения польского языка и польского самосознания среди ранее непольскоязычного населения, а также лексических, грамматических и фонетических заимствований из контактных языков и языков-субстратов).

Таким образом, интерес к изучению периферийных польских диалектов как северо-восточной, так и юго-восточной зон способствует созданию новых вопросников, ориентированных на выявление особенностей "polszczyzny kresowej". Однако их появление не исключает возможности использования вопросников, "не специализованных" в отношении периферийных говоров, таких, как, например, "Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego" под ред. В.Дорошевского.

Литература

- Ананьева 1970 – *Ананьева Н.Е.* Фонетическое и фонологическое описание польского говора села Майшагола Вильнюсского района Литовской ССР. Дипломная работа. Москва, 1970.
- Веренич 1973 – *Веренич В.Л.* «Состояние и перспективы исследования „польщизны кресовой”» // Польские говоры в СССР. Ч. 1. Минск, 1973.
- Польские говоры 1973 – Польские говоры в СССР. Ч.1, 2. Минск, 1973.
- Чекмонас 1995 – *Чекмонас В.* Вступительная статья к книге: *Н. Турска* «О powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie». Vilnius, 1995.
- Чекмонас, Конickaя, Круповиес 1996 – *Чекмонас В., Конickaя J., Круповиес М.* Między Niemenczynem a Małatami (z kroniki badań nad polszczyzną ludową na Wileńszczyźnie). Vilnius, 1996 (рукопись).
- Чыжэўскі 2001 – *Чыжэўскі Ф.* Uwagi o metodzie gromadzenia materiałów z gwar kresowych) // Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2000. У гонар К. М.Гюлюмянц. Мінск, 2001.
- Doroszewski 1958 – Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego, zeszyt I–IV. Wrocław, 1958.
- Rieger 2001 – *Rieger J.* Przedmowa // Studia nad polszczyzną kresową. Tom X. Warszawa, 2001.
- Sawaniewska-Mochowa 1991 – *Sawaniewska-Mochowa Z.* Bibliografia prac o polszczyźnie kresowej // Studia nad polszczyzną kresową, t.VI. 1991.
- Sawaniewska-Mochowa 1995 – *Sawaniewska-Mochowa Z.* Bibliografia prac o polszczyźnie kresowej za lata 1989–1993 (z uzupełnieniami do roku 1988) // Studia nad polszczyzną kresową, t.VIII. Warszawa, 1995.

Summary

The questionnaires and the studies of peripheral north-eastern Polish Dialects

This paper is concerned with using questionnaires for studies of peripheral Polish dialects of North-East zone. The following types of questionnaires are distinguished: lexical, phonetic, morphological, sociolinguistical. Complex questionnaires, which include some or all of the mentioned ones, are in use as well. As an example of lexical questionnaire is taken „Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego” ed.W.Doroszewski; „Wieś - wiadomości ogólne, stosunki narodowościowe i wyznaniowe” by W.Czekman is taken as an example of sociolinguistical questionnaire. „Kwestionariusz do badań polskich gwar kresowych” by J.Rieger serves as an example of complex questionnaire.

Сопоставление данных национальных атласов как метод установления новых изоглосс

К настоящему времени вышло из печати три выпуска коллективного труда «Восточнославянские изоглоссы» (далее – ВСИ), в котором впервые в славистике осуществляется лингвогеографический анализ диалектных явлений из области фонетики, морфонологии, морфологии, словообразования синтаксиса и лексики на материале всех трех восточнославянских языков вместе взятых. Основным объектом исследования являются карты трех национальных атласов – русского, украинского и белорусского (ДАРЯ, АУМ и ДАБМ). Однозначные явления, представленные на картах этих атласов, сопоставляются между собой, и результаты этого сопоставления служат основой для новых карт и подробных комментариев к ним в труде ВСИ. Сейчас сделано и опубликовано уже около 100 таких карт.

Идея о необходимости целостного лингвогеографического изучения диалектных явлений данных языков была высказана проф. Р.И.Аванесовым еще в 1958 г. в докладе на IV Международном съезде славистов. В дальнейшем, в 80-е годы прошлого века многое было сделано С.В.Бромлей для реализации этой идеи (а именно – для сопоставительного изучения трех национальных диалектологических атласов, подготовки предварительного вопросника и разработки методики лингвогеографического исследования восточнославянских диалектов). С начала 90-х годов русские диалектологи приступили к конкретному воплощению этого научного проекта, важного для решения многих проблем восточнославянского глоттогенеза и этногенеза.

Труд ВСИ ставит перед собой одну из важнейших задач, заключающуюся в поиске новых лингвогеографических (= ареалогических) аргументов для прояснения или даже решения некоторых фундаментальных и до сих пор остающимися дискуссионными проблем восточнославянской диалектологической и исторической науки и шире – современной славистики. Обращаясь к карте как к основному объекту исследования, необходимо специально подчеркнуть, что диалектологическая карта, на которой представлено в ареалогическом плане то или иное явление, отражает результаты определенного исторического процесса столкновения и смешения языковых потоков различной хронологии и географической отнесенности. Поэтому в ВСИ большое внимание уделено как интерпретации сложного синхронного соотношения ареалов, так и их многообразным типам (компактные ареалы, размытые, кружевные, островные и т.п.). На основании лингвогеографического сопоставительного анализа диалектного материала (с привлечением в ряде случаев данных па-

мятников письменности) в работе делаются определенные заключения, относящиеся не только к собственно географическому распределению разных соотносительных диалектных явлений (диалектных вариантов) и конструированию о в ы х изоглосс, но и к истории их возникновения.

Метод сопоставления отдельных диалектных явлений, представленных на картах трех национальных атласов, помог авторам ВСИ вплотную подойти к постановке и решению целого ряда вопросов, имеющих важное значение для анализа проблем, связанных с восточнославянским диалектным континуумом. На некоторых из этих вопросов я и остановлюсь в настоящем сообщении.

1. Так, сейчас уже можно вполне аргументированно говорить о реально существующей и наглядно представленной дифференциации *всего* восточнославянского диалектного пространства; об этом свидетельствуют карты, содержащиеся в трех вышедших выпусках ВСИ.

2. На данном пространстве выделяются *юго-западный* и *северо-восточный* ареалы, образованные одними и теми же признаками (явлениями) и очерченные целыми пучками изоглосс. В качестве примера можно привести наличие в указанных ареалах таких явлений из области фонетики, как: сравнительно высокая степень признака вокальность, что выражается, в частности, в максимальном наборе гласных под ударением; в отсутствии сокращения состава гласных в предударной позиции по модели аканья; в соноризации шумного согласного в сочетаниях *дн,бм* (*ланно, омман*) и т.д.; из области морфологии – в наличии указательного местоимения *тот*; в употреблении инфинитивных форм *печи, беречи* и мн. др. черты. Интерпретация этого сходства и объяснение его причин – одна из задач дальнейшей работы над ВСИ.

3. По целому ряду признаков четко выделяется ареал, охватывающий *украинские* и *южнобелорусские* говоры. Об этом свидетельствует, например, такая архаическая черта, как сохранение флексии И.-В. дв. существительных *а-* и *о-*основ (женский и средний род), ср. в укр. *дві руки, дві відрі*; в бел. *дзве жане, дзве вядре*; можно отметить и такое раннее новообразование, как инфинитивные формы *пекти, берегти*.

4. По многим признакам выделяется ареал, охватывающий *украинские, южнобелорусские* (а иногда и *все белорусские*), *южнорусские* говоры. Об этом говорит, например, и наличие в данных говорах глагольной флексии 3 л.ед.наст. /т'/ - *он сидит*’, и наличие глагола *орат*’ в значении «пахать», и наличие таких синтаксических черт, как: употребление архаической формы И.-В. мн. одушевленных существительных в функции прямого объекта – *пасти коровы, коні, свині, волы*; употребление конструкции *по лесах* (*по лясах*) и др.

5. Многие явления свидетельствуют об известной обособленности *украинского* языка: так, только в украинских говорах находим указательное местоимение *цей* в значении «этот»; стяженную глагольную форму 3 л.ед.наст.

типа *зна*; глагольную парадигму настоящего времени, образованную по модели *люблю, любить – любиш...*; название «кукушки» – *зозуля* и мн.др.

6. Стало возможным выделение зон, в которых наиболее часто фиксируются архаические диалектные черты. Чаще всего такие черты мы находим в периферийных говорах.

7. Возможным стало выделение и зон, в которых наиболее последовательно фиксируются инновации; они располагаются обычно в центральных говорах.

8. Исследование соотношения отдельных изоглосс и пучков изоглосс, расположенных в рамках всего восточнославянского диалектного пространства, в ряде случаев помогло положительно решить вопрос о явной архаичности некоторых явлений, которые ранее считались инновациями. Так, например, изоглоссы многих явлений могут быть интерпретированы как принадлежащие позднепраславянскому периоду только на том основании, что они совпадают с изоглоссами тех явлений, архаичность которых несомненна. Основываясь, например, на такой аргументации, нами было высказано предположение, что морфологическая характеристика исхода глагольных основ на губной уже в позднепраславянском была вариативной, а именно – наряду с явно архаическим сочетанием в исходе основы губного с /l' (например, в случаях *дремл'у, дрэмл'еш...*, *сыпл'у, сыпл'еш...*), сосуществовали и формы с мягким губным в основе (*дрем'у, дрэм'еш...*), которые, как правило, считаются и по сей день в славистике новообразованиями.

9. Четко определено соотношение зон с предельно развитыми вокальными чертами (это обычно периферийные говоры) и с предельно развитыми консонантными чертами (это чаще всего центральные говоры). Так, периферийным говорам свойственны, например, явления замены веляризованного сонанта билабиальным спирантом (*л → љ*) в позиции перед согласными и на конце слова; в этих же говорах находим результат превращения древнерусских фонем /ш'т'ш'/ и /ж'д'ж'/ в двухфонемные сочетания; в донских говорах зафиксировано употребление глагольной формы 3 л.мн.наст. типа *вóз'ут'у* с эпитезой [у]; в периферийных говорах отмечены также формы инфинитива с вокалическими суффиксами /т'и, ч'и/ (*писати, печи*), в то время как в центральных говорах находим консонантные суффиксы /т', ч'/ (*писát', печ'*); отмечены и многие другие черты.

10. Анализ изоглосс и ареалов, выделенных на всем восточнославянском диалектном пространстве, а также анализ их соотношений, указывает и на движение (направление) и тенденцию развития того или иного явления в рамках восточнославянского диалектного пространства во временном и географическом аспектах. Так, глаголы II спряжения на зубной с унифицированной по форме 3 л.наст. с исходом основы на мягкий зубной согласный (например, *сид'у, плат'у, кос'у*) образуют такой ареал на восточнославянской территории, который свидетельствует о продуктивности этого инновационного явления в восточнославян-

ских диалектах и о том, что распространение данной морфонологической черты идет в настоящее время с юга на север; также ясно, что процесс распространения другого новообразования, такого, как наличие безударной флексии /ʏtʲ/ в формах 3 л.мн.наст. в глаголах II спряжения с наосновным ударением (образованных по модели глаголов I спряжения) типа *вóз'ʏtʲ*, *нóс'ʏtʲ* идет опять же с юга на север (см., например, Трубачев О.Н. «Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения» // ВЯ, № 5, 2000, с.16). Но есть, безусловно, и явления, характеризующиеся обратным направлением.

11. Примененный в ВСИ сопоставительный лингвогеографический анализ различных языковых фактов дал возможность определить наличие продуктивных и непродуктивных диалектных явлений. Так, например, в некоторых говорах белорусского ареала в формах 3 л.мн.наст. достаточно позднее новообразование – флексия /atʲ/ в глаголах II спряжения, вытеснившее более раннее новообразование – флексию /ʏtʲ/, является в этих говорах продуктивной чертой (т.е. изначально было *кóрм'ʏtʲ*, затем – *кóрм'ʏtʲ* и, наконец, снова *кóрм'atʲ*).

12. Отмечены зоны, сформированные диалектами, которые характеризуются на современном этапе развития повышенным уровнем сосуществования вариантов некоторых явлений; такие диалекты, возможно, свидетельствуют о том, что их системы и сейчас еще не являются стабильными (т.е. окончательно сложившимися). По нашим наблюдениям, это прежде всего белорусские говоры и юго-восточные украинские (степные и слобожанские) говоры.

13. Кроме того, сопоставительное исследование лингвогеографических диалектных данных всех трех восточнославянских языков с привлечением доступных материалов памятников письменности дает некоторые основания утверждать, что в прежние периоды влияния литературных языков на развитие диалектов было менее значительным по сравнению с влиянием диалектов на формирование литературных языков. Это и не удивительно, поскольку известно, что в литературном языке в качестве нормы реализуется лишь часть явлений, характеризующих систему диалектного языка. Собственно, история формирования русского, украинского, белорусского литературных языков с неизменным учетом диалектных материалов подтверждает этот тезис. Однако для настоящего времени важно учитывать, в противоположность прошлым эпохам, огромное воздействие именно литературных языков на развитие современных диалектов.

14. В ВСИ необходимой составной частью метода исследования следует считать обращение к разным уровням языка.

15. Также положительным фактором является и то, что в ВСИ по возможности привлекаются и данные памятников письменности древнерусского и всех трех восточнославянских языков, которые дополняют диалектные материалы историческими сведениями.

16. И, наконец, результаты сопоставительного картографирования диалектных явлений трех восточнославянских языков свидетельствуют об эффективности и перспективности такого метода исследования, который позволяет расширить пространство лингвистических наблюдений и тем самым глубже проникнуть в суть анализируемых явлений. Материалы, содержащиеся в трех выпусках ВСИ и основанные именно на сопоставлении трех национальных атласов, достаточно убедительно говорят о правомерности гипотезы, согласно которой истоки многих современных восточнославянских диалектных различий следует искать в глубокой древности – т.е. в восточнославянских (племенных) диалектах. В связи с этим уже сейчас можно сделать вполне определенный вывод о том, что восточнославянский праязык не был генетически единым.

Важно также отметить, что картографирование в ВСИ тех или иных диалектных явлений на всей территории восточнославянского диалектного пространства в результате применения метода сопоставления лингвогеографических данных трех восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского) позволяет увидеть распространение каждого из явлений в полном объеме, в то время как в национальных атласах (в отличие от ВСИ) ареалы распространения исследуемых явлений предстают обычно в искусственно урезанном виде, так как они ограничены рамками государственных границ. При этом членение восточнославянской территории в ВСИ может быть представлено двумя способами, хотя и основано в каждом случае на одних и тех же синхронных диалектных материалах. Первый способ обусловлен тем, что на картах ВСИ показываются все фонетические реализации картографируемого явления (например, фонетические диалектные рефлексy глагольной флексии /t'/ - [t', ц', к'...]). В этом случае на новую карту как бы механически переносятся все сведения, содержащиеся в национальных атласах. Второй способ представляет собой уже некоторое обобщение и переосмысление конкретного материала, представленного в национальных атласах; например, на карте изображается ареал распространения инфинитивных глагольных форм с суффиксом /t'/, но при этом его конкретные фонетические реализации (т.е. [t', ц', к'...]) при картографировании не учитываются. И хотя второй способ картографирования также основан на том же самом синхронном диалектном материале, он показывает на карте уже другое членение диалектного пространства – в ряде случаев это может быть более ранняя временная стадия в развитии данного явления, как бы более архаический срез. Право на существование в ВСИ имеют оба способа, но выбор того или иного диктуется темой карты. Различия же в картине диалектного членения требуют еще специальной интерпретации в последующих исследованиях.

Есть в ВСИ и так называемые типологические карты, также основанные на тех же самых синхронных диалектных данных, но показывающие лишь

определенные связи между различными диалектными явлениями. Например, одна из таких карт посвящена проблеме взаимоотношения двух типов склонения имен существительных (*i-основ и *а-основ); другая – взаимоотношению парадигм настоящего времени глаголов I и II спряжений и результатам этого взаимоотношения. Данные вопросы в определенной степени рассматривались и ранее, но только на материале отдельных восточнославянских языков. Исследование же указанных вопросов на материале русского, украинского и белорусского языков вместе взятых внесло существенные коррективы в наши прежние представления об этих явлениях.

В настоящее время, когда сделано, как уже указывалось ранее, около 100 карт, показывающих распространение разноуровневых диалектных явлений на всей восточнославянской территории, перед авторами ВСИ стоит целый ряд актуальных задач; одна из них – это разработка методики ретроспективного изучения полученных изоглосс и определения тех критериев, которые позволили бы квалифицировать лингвогеографические данные как архаические или инновационные.

Summary

Comparison of the data of national atlases as a method to reveal new isoglosses

The paper deals with some results of comparative linguogeographical research of the data of three national atlases (of Russian, Ukrainian and Byelorussian languages) as they are presented in 3 issues of monography "East Slavonic Isoglosses". The tasks of the further investigations in the field of linguogeography of three East Slavonic languages are formulated in the present article.

*И.А Букринская,
О.Е Кармакова*

Лингвистическое картографирование как метод изучения лексики диалектов

Конец XX века характеризуется выходом в свет большого количества лингвогеографических трудов. Среди них отметим такие, как Диалектологический атлас русского языка (ДАРЯ) в 3-х томах, три тома Атласа української мови (АУМ), Белорусский лексический атлас (БЛА) в 5-ти томах, семь томов Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), включая три тома по лексике, выпуски Общекарпатского лингвистического атласа (ОКДА). В последнее десятилетие начато новое отечественное лингвогеографическое предприятие – Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ), в работе над которым принимают участие многие вузы России, к настоящему времени подготовлен “Пробный выпуск”, состоящий из 36 карт и комментариев к ним. Цели и задачи, стоящие перед лингвистами при создании атласа одного языка, атласа семьи языков, а также атласа языкового союза, различны, в связи с этим различны и методики, используемые лингвогеографами.

Ниже мы остановимся на особенностях ареального метода, примененного в национальном атласе, и на результатах картографирования, т.е. на том новом, что можно извлечь из анализа лексических карт. Напомним, что системный подход при картографировании прежде всего и подробнее всего был разработан на фонетическом и морфологическом уровнях [Вопросы теории 1962]. Сложнее дело обстояло с лексико-семантическим уровнем, потому что важнейший для лексикологии вопрос о тождестве и отдельности слова приходится решать на огромном диалектном материале, отражающем вариативность всех уровней: фонетического, акцент логического, словообразовательного, морфологического, собственно лексического и этнографического. Таким образом, постоянно возникают трудности с объектом картографирования и установлением иерархии картографируемых признаков. Так, редактор лексического выпуска ДАРЯ О.Н. Мораховская пишет: “Типология различительных признаков помогает при любой вариативности выявить характер оппозиций между членами диалектного различия, установить их иерархию, правильно определить объект картографирования и найти картографическое решение” [Мораховская 1987:С.: 23]. Именно такой подход к лексике осуществлен в полной мере в лексическом выпуске ДАРЯ. Благодаря этой методике, большинство карт, какой бы теме они ни были посвящены, оказываются более лингвистически информативными, чем следует из предпосланного им названия.

Большая часть карт посвящена диалектным различиям плана выражения, т.е. собственно лексическим диалектным различиям. Однако выбранный подход дал возможность представить семантику (план содержания) почти в половине карт ДАРЯ. В качестве примера рассмотрим некоторые карты, в которых семантические признаки учитывались при составлении легенды. Так, при анализе материала и выборе знаков для картографирования названий 'вечерних собраний молодежи' существенным оказался семантический признак - устраиваются собрания с работой или без работы. В большинстве пунктов существуют два названия, одно из них обозначает собрание с работой, а второе без работы. Номинации, образованные от корня *вечер-* (*вечерки, вечеринки, вечерушки, вечерованья* и др.), - 'молодежные гуляния без работы' - картографированы знаком, который легко накладывается на цветные заливки и штриховки, обозначающие основное противопоставление корней: *бесед-* (*беседки, бесёдки, беседы*), *сид-* (*посиделки, посиденки, сиделки, поседки, засидки*) и *пряд-* (*супрядки, попрядухи, попрядушки*) - 'молодежные собрания с работой'. Семантические признаки включены также в систему знаков карты "Глаголы со значением 'снимать одежду'". В процессе работы с материалом были выявлены следующие семантические оппозиции: 'снимать верхнюю одежду' ~ 'снимать платье, бельё' и 'снимать будничную одежду' ~ 'снимать праздничную одежду'. Эти различия при сосуществовании лексем были показаны дополнительными знаками - штриховками.

При выявлении семантических признаков крайне важным является учет этнографического параметра, так как многие языковые противопоставления осложнены этнографическими различиями, что нашло отражение в цикле карт по названиям крестьянского жилища, мужской одежды разного покроя, на картах по названию малых и больших укладок снопов и сена и др. Связь лингвистического материала с этнографическим может проявляться при поддержке этнографических черт языковыми средствами, т.е. при закреплённости в названии этнографической специфики.

Например, в крестьянском хозяйстве издавна различалось два способа укладки снопов - горизонтальный и вертикальный [Русские 1967]. Наименование горизонтальных укладок: *крест, хрест, крестец* и др. с этим же корнем - распространены в южном наречии. Подобные укладки состоят из 12-20, реже 50 снопов любой зерновой культуры, лежат на земле крест-накрест либо крестообразно колосьями внутрь, могут быть сложены в виде колодца. Таким образом, название мотивировано способом укладки. В качестве наименований вертикальных укладок употребляются следующие лексемы: *суслон* - северо-восточная зона, *стойка, стоянка, бабка* - западная зона, *шиш, поп, куча, гряда* - в среднерусских и севернорусских говорах. Эти номинации тоже мотивированы самим способом укладки, например, *суслон* состоит из 10-20 прислоненных друг к другу снопов, прикрытых сверху двумя снопами, развернутыми

веером; *бабка* - вертикальная коническая укладка, состоящая из 5-10 снопов. У рассматриваемой лексики имеется целая группа близких значений: 'короткие стойки в разных механизмах', 'столбик', 'подставка', 'опора' и др., в которых можно выделить интегральный признак 'вертикальное положение предмета'. Очевидной представляется мотивация названий от корней *стой-/став-*: *стойка, стоянка, стойка, стоюшка, поставушка, ставушка, ставка, поставок* [Букринская, Кармакова 2004].

Большую группу составляют наименования укладок снопов, возникшие в результате переноса значения, т.е. лексико-семантическим способом. К ним относятся *баран (боран), свинка, кобылка, боровок, скамейка, скамья* и др. Все они служат для обозначения укладок продолговатой формы, состоящих из 10-15 снопов яровых культур.

При множестве лексем, а нами приведены не все, употребляющиеся в говорах, наглядное представление их на карте вызывает трудности технического характера. В этом случае этнографическое различие, отраженное в названиях, может быть положено в основу противопоставления знаков: например, цветовое противопоставление закреплено за этнографическим компонентом - все горизонтальные укладки показаны одним цветом, а вертикальные - другим. Названия укладок, образованные метафорическим путем, даются разными, но однотипными знаками. Кроме того, при сосуществовании нескольких лексем дополнительным знаком - черной штриховкой - выявлен еще один семантический признак - из каких именно снопов состоит укладка: яровых или озимых. Следовательно, легенда к карте - это не формальная фиксация имеющихся лексем, а результат разноплановой интерпретации материала автором карты.

Этнографические различия особенно существенны при наличии нескольких слов в одном говоре или в одной частной диалектной системе. В этом случае возникает вопрос о тождестве картографируемого денотата, а также вопрос о полисемии слова в пределах диалектного языка. Например, *изба* может означать: 1. автономную постройку, с печью или без неё (в среднерусских и южных говорах), 2. отдельное помещение (комнату) в пределах многокамерного дома (в северных и части среднерусских говоров), 3. простую постройку (чаще в псковских говорах); 4. ветхую постройку (единично) и т.д. Такой же многозначностью в диалектном языке отличаются слова *дом* и *хоромы*: *дом* - 1. усложненная постройка; 2. большая постройка, включающая помещение для скота; 3. жилое помещение; а *хоромы* (на севере и северо-западе) - 1. большая постройка, включая помещение для скота; 2. богатая, добротная постройка; дериват *хоромина* наряду с другими значениями, может обозначать только хозяйственную постройку. Для разграничения семантических и этнографических различий при сосуществовании слов на картах введены дополнительные специальные знаки. Таким образом,

глядя на карту, читатель сразу видит противопоставление релевантных признаков. Отражение на карте получают не все сведения, зафиксированные собирателем, но лишь ареально существенные, те, которые дают значимую с точки зрения лингвогеографии картину. Прочие же единичные характеристики, а также разного рода уточнения находят свое место в комментариях.

Помимо семантики и этнографии на многих картах ДАРЯ учтены как мотивационные, так и словообразовательные особенности. Естественно, что во всех случаях на лексических картах самым важным выступает противопоставление корней. Вторым планом оппозиции могут стать мотивационные признаки, например, различие предметной и процессуальной мотивации. И хотя типы мотивационных отношений в названии карт не заявлены, но способы мотивации показаны в ряде карт и даже положены в основу системы знаков при картографировании. Так построены карты, связанные с терминологической лексикой. В них противопоставлены отглагольные и отыменные наименования. Отглагольные названия, как правило, отражают конкретные действия, совершаемые с помощью предмета, и носят закрепленный характер – *бич*, *било* (от *бить*), *молотило*, *молотилка* (от *молотить*), *тепец* (от *тепти* ‘бить’) – названия ‘бьющей части цепа’; *пральник* (от *прать* ‘бить’), *валек* (от *валить*), *колоталка* (от *колотить*) – названия ‘орудия для выколачивания белья при стирке’; *гнет* – (от гл. *гнести* [ЭССЯ 6]), *гнеток*, *пригнет*, *пригнетка*; *жсим*, *жсимок*, *прижсим*, *прижсимка* (от *прижсима*); *тягиа*, *притяг*, *потяг*; *притиск*, *притисок*; *привяз*, *привязень* – названия ‘жерди, скрепляющей укладку снопов на возу’.

Названия же с предметной мотивацией менее терминологичны: одни и те же лексемы служат для называния целого ряда денотатов. Например, *палка*, *палица*, *дубинка* – названия ‘бьющей части цепа’, *палка*, *палица* – названия ‘валька’, *палка*, *дубинка*, *жердь*, *слега* – названия ‘жерди, скрепляющие снопы или сено на возу’.

Интерес представляет в лингвогеографическом плане карта по названию ‘жерди, скрепляющей снопы или сено на возу’ [ДАРЯ Ш, карта 52]. Центральную диалектную зону в ее максимальном варианте занимают дериваты, образованные от глагола **gnesti*. Как известно, на материале ДАРЯ было разработано диалектное членение, в котором помимо наречий, говоров и групп говоров, т.е. традиционных единиц, было введено понятие диалектной зоны, в том числе выделена центральная диалектная зона со своими специфическими чертами [Захарова, Орлова 1965]. Позже это положение о центре и периферии развивалось в работах указанных авторов [Образование севернорусского наречия 1970], а также [С.В.Бромлей 1985]. Исследованием говоров центра на материале акцентологии занимался [Николаев 1994], который для обозначения центральных говоров пользуется терминами “восточные говоры литературного типа”.

В настоящее время тема центра и периферии вновь стала актуальной в связи с лингвогеографическим проектом “Восточнославянские изоглоссы” [ВСИ I 1995, ВСИ II 1998, ВСИ III 2000]. В указанных работах материалом для утверждения этого противопоставления стали явления фонетического и морфологического уровня. Однако указанное противопоставление может быть подтверждено и на лексическом [Букринская, Кармакова 2003], и на мотивационном уровне, что демонстрирует анализируемая карта. Рассмотрим ее более подробно.

Лексема *гнет* распространена в нижегородских, костромских, ярославских, части вологодских говоров, а по терминологии [Захарова, Орлова 1965] это восточные среднерусские окающие, восточные среднерусские акающие, костромские, белозерско-бежецкие, селигеро-торжковские и отчасти вологодские говоры. Внутри и по краям описанного ареала отмечены дериваты от указанного корня: *гнетень, пригнет, пригнетка*. На периферии большого единого ареала образований от корня *гнет-* распространены другие отглагольные наименования: *жим, прижимка, прижим, жимок, жатень; притяг, потяг, стяг; притиск, притисок; привязь, привязень*. Широкой полосой обрамляют эту территорию на севере, востоке и юго-востоке названия с отыменной мотивацией: *жердь, жердина, слега, кол, хлуд, оглобля, дерево*, наиболее распространенными являются первые три. Таким образом, карта демонстрирует, что в центральных говорах распространены названия с глагольной мотивацией, а в периферийных – названия с предметной мотивацией.

Лексические карты позволяют выявить и другие территории, противопоставленные по преобладанию того или иного типа мотивации в зависимости от характера самой реалии и представления о ней в сознании диалектоносителя. Так, карта, посвященная номинациям бьющей части цепа, показывает преобладание лишь в части северного наречия предметной мотивации, а на остальной территории глагольной, т.е. там отмечены названия, образованные от глаголов [ДАРЯ III, карта 41]

При анализе названий ‘ручки цепа’ видно, что преобладают наименования с предметной мотивацией: *матка, кадка, палка, дубинка, ручка* и под. Однако ярко выделяются южнорусские говоры (курские, орловские, калужские, рязанские, воронежские), в которых названия ‘ручки цепа’ мотивированы глаголом *держать*: *держалень, держак, держальник, держалка, держальня*. В том же ареале южнорусских говоров в названиях ‘ручки сковороды’ также представлена глагольная мотивация (от глагола *цанать - цеплять*): *чапля, цапля, чапельник, цапельник*. В остальных же говорах распространено название *сковородник* – образованное от названия предмета.

Словообразовательные различия, существенные в лингвогеографическом отношении, нашли, естественно, отражение практически на всех кар-

тах выпуска. Хотя, если исходить из формального названия, к словообразовательным картам относятся только две.

Словообразовательный параметр получил воплощение в знаках на многих картах, например: названия 'большой' и 'маленькой ручек косы', 'сжатого поля', названия 'муравьев', 'каши из муки', названия 'рукавиц', 'жерди, скрепляющей снопы или сено на возу'. Так, на карте по названиям 'каши' (которая весьма любопытна во многих отношениях – лингвогеографическом, этимологическом, культурологическом) представлены следующие словообразовательные модели: 1. с нулевым суффиксом – *загуста, затира, завара*; 2. с суф. – *их(а)-: завариха, валяха (повалиха), балиха (обалиха), густиха, мучаниха, солодиха, колотиха*, 3. с суф. – *ух(а)-: густуха, мучнуха, солодуха, колотуха, затируха*; 4. с суф. – *ах(а)-: валяха, мучаха, затираха, густяха* 5. с суф. – *к(а)-: затирка, заварка*. На данной карте изоглоссы, очерчивающие распространение многих корней, по своей конфигурации соотносимы с изоглоссами других лексических и не только лексических феноменов. Например, названия от корня *вар-* известны в уже описанной центральной диалектной зоне (восточных говорах литературного типа); от корня *густ-* – в северо-западной диалектной зоне: новгородских и ладого-тихвинских говорах; от корня *муч(к)-* – в псковских говорах [Букринская, Кармакова 2002а]. На карте отражено как распространение корней, показанное цветowymi заливками, так и ареалы распространения суффиксов, показанные накладывающимися на заливки штриховками. Мы так подробно описываем карту и способы подачи материала на ней, потому что считаем методику картографирования не формальным процессом, а способом осмысления и организации материала.

Таким образом, при анализе лингвистического ландшафта видно, какие корни и модели являются распространенными, имеющими компактные ареалы, а какие нет. Образуют большой ареал дериваты с нулевым аффиксом: *загуста* – ладого-тихвинские говоры, *завара* – вологодские и примыкающие к ним костромские. В восточных и северо-восточных говорах отмечена модель с суффиксом – *их(а)*: *повалиха, повариха, завариха*. В костромских, нижегородских, пензенских и тамбовских находится ареал модели с суффиксом – *ух(а)*: *заваруха* (северная часть), *затируха* (южная часть, на самой юго-восточной окраине ДАРЯ). Кроме того, суффикс – *ух(а)* образует небольшой островок в южнопсковских говорах: *колотуха, солодуха*.

Опираясь на имеющиеся карты ДАРЯ, можно построить новые, демонстрирующие территории определенных словообразовательных моделей и способов мотивации.

Итак, лексическая карта, представляя собой высшую ступень лингвогеографического обобщения диалектных данных, строится на принципах взаимодействия внутренней и внешней структуры языка и предполагает всегда, как минимум, двумерное, или, что чаще, многомерное описание. Она ориен-

тирована прежде всего на установление территориально значимых диалектных признаков и не должна отражать материал целиком, как он дан в ответах информантов. Единичные лингвистические факты отсекаются на этапах предкартографирования и выбора темы карты. Безусловно, они не должны быть упущены, поскольку могут представлять особый интерес для различного рода синхронных и диахронных работ, но их место в комментарии.

* * *

Хочется обратить внимание на тот факт, что лексический ландшафт достаточно отличается от фонетического и морфологического, потому что лексические ареалы обладают своей собственной спецификой: большей дробностью, часто имеют островной или кружевной характер.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов: является ли пестрота русского лексического пространства результатом поздних изменений, происшедших в языке, миграций населения или же она - отражение древней диалектной неоднородности? Трактую лексические феномены, диалектологи стоят на разных позициях. Одни считают этот уровень языка наиболее подверженным изменениям. Однако другие исследователи полагают, что лексика в большей степени консервативна, изменяется медленно и поэтому, напротив, может быть успешно использована при установлении архаичности того или иного диалекта, а также для выявления различного рода связей между языками и диалектами. Так, А.Ф.Журавлев, изучающий славянскую лексику как этимолог и диалектолог делает вывод "о высокой степени устойчивости лексики на фоне других языковых уровней" [Журавлев 1994 : 28]. Мы разделяем именно эту точку зрения.

Сплошной анализ карт лексического выпуска ДАРЯ позволяет выделить на основе пучков лексических изоглосс несколько значимых ареалов. Сопоставление их с изоглоссами явлений других языковых уровней помогает диахроническим исследованиям и исторической интерпретации лексических фактов. Попытка членения не только русско-го, но всего восточнославянского пространства на основе цикла карт по названиям цепа и его составляющих была предпринята [Букринская, Кармакова 1998]. Расширение исследуемого материала способствует уточнению полученных ранее зон.

В результате выявились следующие территории: 1. **новгородско-ладоготихвинский ареал** (ядро) и небольшие рваные ареалы, уходящие на север в архангельские и вологодские говоры (новгородская колонизация), выделились на основе следующих изоглосс: *приузь* 'цеп', *матица* 'ручка цепа', *тепец* 'бьющая часть цепа', *дельницы* 'вязаные рукавицы', *густиха* 'каша из муки', *зарод* 'укладка снопов или сена', *таскать* 'теребить лен', *райдуга* 'радуга'. 2. **псковский ареал** (ядро) и продолжение отдельных изоглосс находим во вла-

димирских говорах и южнее, в кривичском поясе – территория переселения псковских кривичей на восток [Букринская, Кармакова 2002б]: *привязь* ‘цеп’, *цевеѣ* ‘ручка’, *цепник* ‘било’; *дянки, дьянки* ‘вязаные рукавицы’, *мучаха* ‘каша из муки’, *оденье, одэнье* ‘большая укладка снопов’, *тягать* ‘теребить лен’, *супрядки* ‘вечерние собрания молодежи’, *калика, каливка* ‘брюква’, *баркан* ‘морковь’. 3. **южнопсковско-смоленский ареал**, продолжение которого в белорусских говорах: *исподки* ‘вязаные рукавицы’, *весёлка* ‘радуга’, *лапина* ‘заплата’, названия бьющей части цепа от глагола *бить*: *било, бияк, бич, бичук*. 4. **владимирско-поволжский ареал** и примыкающие к нему с севера костромские говоры (центральная диалектная зона – это так называемые “восточные говоры литературного типа”): *кадка* ‘ручка цепа’ *молотило* ‘бьющая часть цепа’, *заваруха, завариха* ‘каша из муки’, *жито* ‘общее родовое название зерновых культур’, *теребить* (лен), композиты *радуга-дуга, елоха* ‘ольха’, *кринка* ‘глиняная посуда для молока’, *усад* ‘место, где расположен дом с хозяйственными постройками, огород, сад’, *западня* ‘ход в подполье или дверка в подполье’. 5. **южнорусские лексические изоглоссы** выделяют два ареала, **южный центральный** и **юго-восточный**. Первый из них характеризуется следующими изоглоссами: *держак, держалень* ‘ручка цепа’, *цепинка* ‘бьющая часть цепа’, *закута* ‘название постройки для скота при доме’, *каток* ‘палка для выколачивания белья’, *кумары, ку(о)маши* ‘муравьи’. Юго-восток: *цепильня* ‘ручка цепа’, *тепец* ‘бьющая часть’, *волочить* ‘боронить’, *котух* ‘постройка для скота при доме’, *брухает* ‘бодает’ – о корове, *кричать* ‘голосить по покойнику’. Есть и такие изоглоссы, которые объединяют юг целиком: *крест, крестец* ‘малая укладка снопов’, *рогач* ‘ухват’, *чапля, чепела, цапельник* ‘сковородник’, *одонок, одонье* ‘малая укладка снопов’, *саломата* ‘каша из муки’, *махотка* ‘глиняная посуда для молока’. Перечисленные ареалы показаны на прилагаемой карте (см. карту), однако по техническим причинам на ней представлены не пучки изоглоссы, а выбран для наглядности лишь один лексический признак.

Кроме того, отмечены изоглоссы, которые являются общими для южнорусских, белорусских и украинских говоров: *дежа* ‘деревянная посуда для теста’, *хата* ‘жилая крестьянская постройка’, *жито* ‘рожь’, *пральник* ‘палка для выколачивания белья’, *дюже* ‘очень’. Некоторые из означенных в статье изоглоссы находят соответствие в других славянских языках, например: *держак* – в польском, *тепец* – в словенском, *елоха, млатило* – в сербохорватском и болгарском языках, *кринка* – в южнославянских языках и т.д.

Исходя из положения об устойчивом характере лексики, можно утверждать, что определенные пучки лексических изоглоссы выделяют территории, соотносимые с племенными языками: словен (новгородско-ладоготихвинский ареал), псковских кривичей (псковский ареал), южных кривичей (южнопсковско-смоленский ареал), восточнославянским племенем славян,

характерным элементом культуры которых являются браслетообразные сомкнутые височные кольца [Седов 1994] (владимирско-поволжский ареал), вятичей (южный центральный ареал), славян Верхнего Дона (юго-восточный ареал). При этом, конечно же, следует учитывать фонетические и акцентологические архаические черты говоров. Часть изоглосс соотносима со старым административным делением русского государства в различные периоды его существования.

Лексические параллели, которые отмечены и в других славянских языках, могут послужить материалом для изучения праславянских диалектных различий. И как неоднократно отмечали исследователи [Толстой 1977, 1997], русские северные и восточные говоры представляют собой периферию Славии и потому сохраняют многие архаические черты и имеют соответствия в других периферийных областях славянского мира.

Литература

- АУМ - Атлас української мови. Київ, 1984, т.1, 1986, т.П, т.3, 2000.
- Бромлей С.В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Дialeктография русского языка. М., 1985.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е. Интерпретация лексических изоглосс в связи с вопросами раннего диалектного членения восточнославянских языков // Славянское языкознание. XII Межд. съезд славистов. М., 1998.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексическое своеобразие русских северо-западных говоров (на материале Дialeктологического атласа русского языка) // Аванесовский сборник. М., 2002(а).
- Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лингвогеографическое изучение восточнославянской лексики // Исследования по славянской диалектологии, вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2000(б).
- Букринская И.А., Кармакова О.Е. Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвистической традиции // Славянское языкознание. К XIII Межд. съезду славистов. М., 2003.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е. Мотивация названий малых укладок снопов зерновых культур в русских говорах // Мат-лы и иссл. по русской диалектологии. Т. II (УIII). М., 2004.
- Вопросы теории лингвистической географии // Под ред. Р.А. Аванесова. М., 1962.
- ВСЯ - Восточнославянские изоглоссы. Вып. I. М., 1995; вып. II. М., 1998; вып. III. М., 2002.
- ДАРЯ - Дialeктологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III, ч. 1. Лексика. Карты. Комментарии. М., 1998.
- ДАБМ - Дialeкталагічны атлас беларускай мовы. Мінск. 1963.
- Журавлев А.Ф. Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Дialeктное членение русского языка // Русская диалектология. М., 1965.
- Мораховская О.Н. О лексическом разделе III выпуска Дialeктологического атласа русского языка // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.
- Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ, 1994, № 3.
- Николаев С.Л. Восточнославянский континуум с точки зрения исторической лингвогеографии // Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф. Фортунатова. Тезисы докладов. М., 1998.

- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Общеславянский лингвистический атлас. Вып.3. Серия лексико-словообразовательная. Растительный мир. Минск, 2000.
- Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967
- Седов В.В. Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ, 1994, №4.
- Толстой Н.И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
- Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т.1, М., 1997.
- ЭСЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-28. М., 1974–2002.8.

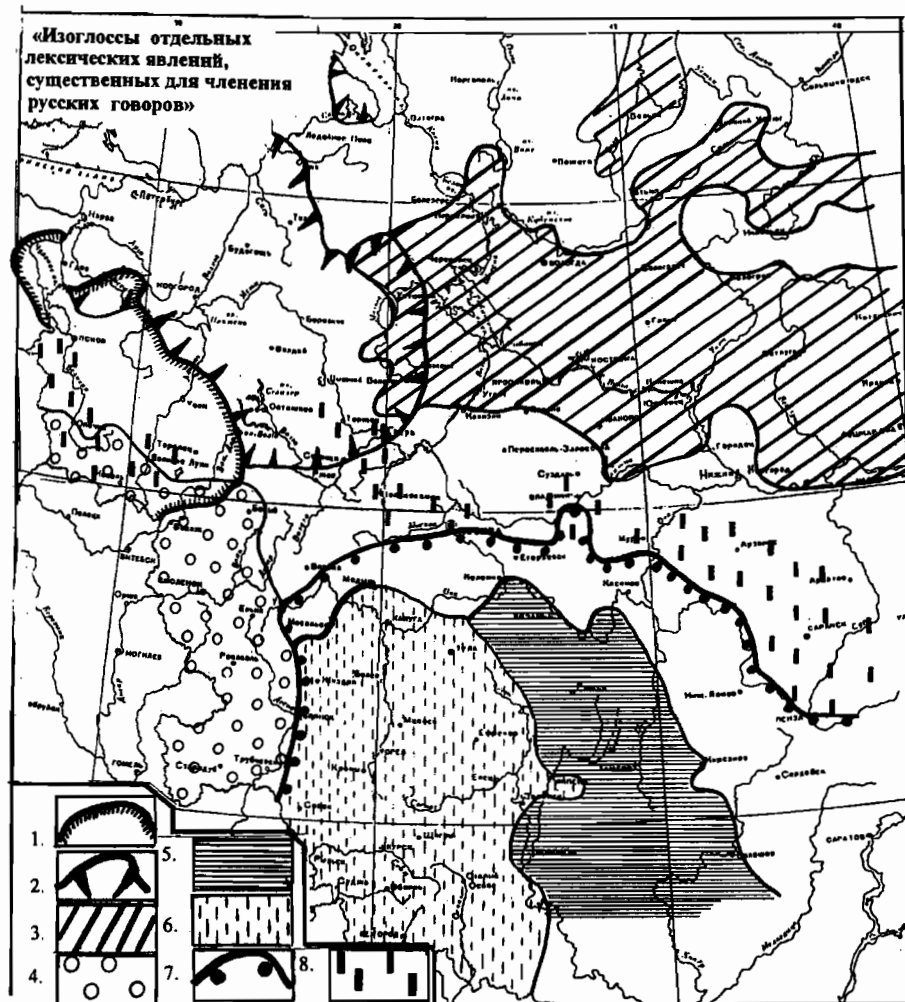
Легенда

1 – *тягать* 'убирать лен с поля', 2 – *таскать* 'то же', 3 – *теребить* 'то же', 4 – *лапик*, *лапка*, *лапина* 'заплата', 5 – *котух* 'помещение для скота при доме', 6 – *закута* 'то же', 7 – *хрестец*, *хрест* 'малая укладка снопов', 8 – *стойка*, *стоянка* 'то же'.

Summary

Linguistic mapping as a method of study of dialectal Lexics

The paper deals with *the potentiality* of the areal method. It is shown that the systemic approach in the map-drawing allows to show different levels of language on the map: to show not only lexical, but also semantic distinctions, as well as the motivation of the word and the other information about it, that belongs, for example, to the domain of word-building or ethnography. The throughout analysis of the maps of the lexical issue of the Dialectological atlas of Russian language made it possible to divide the territory into several zones. The certain bangles of the isoglosses may be correlated with the territories of the tribe languages or, in other cases, with the political subdivision of the territory in different periods of its history.

Рекартографирование в Общекарпатском диалектологическом Атласе (=ОКДА)

Рекартографирование (в качестве метода лингвогеографических исследований) мы понимаем как воспроизведение – полностью или частично, в аутентичном или модифицированном виде (1) – информации, извлеченной из того или иного лингвистического атласа (национального, регионального и под.) и включенной в другой, *новый атлас*, или же в *собрание* (=набор) тематически (resp. функционально) связанных карт (2). Такие атласы (наборы карт) призваны решать задачи, как правило (3), значительно отличающиеся от задач первоисточника, которые сводятся прежде всего к синхронной фиксации и описанию ряда противопоставленных на определенной территории разноуровневых диалектных явлений одного языка (=группы языков).

Соответственно - мы не считаем рекартографированием в собственном смысле слова составление, например, в диалектологических и др. исследованиях карт, основанных на разнородных источниках (атласах, диалектных и этнографических описаниях, словарях, текстах и под.) и, следовательно, на произвольной “сетке” фиксации тех или иных явлений. Это может быть названо картированием (4).

Во второй половине XX в. в европейской, в том числе и в славянской, диалектологии, по мере интенсификации лингвогеографического описания диалектов, создания (и публикации) лингвистических атласов разных типов - национальных, региональных, моно- и полилингвальных, которые, как известно, служат *материалом* для различных исследований, метод рекартографирования в указанном выше понимании постепенно получает значительное распространение. Ныне можно привести ряд примеров масштабного и достаточно эффективного его использования.

Так, например, он является основным при изучении в ареальном плане *истории* определенного диалекта - как *результата его взаимодействия* с соседними идиомами. Именно такую задачу решала М.А.Бородина в отношении лотарингского диалекта на основании рекартографической интерпретации большого числа карт Лингвистического атласа Франции (=Gilliéron J., Edmont E. Atlas linguistique de la France [Paris, 1902-1910]) (5). Иной целью рекартографирования данных национальных атласов может быть установление современной картины пространственной дифференциации соответствующего диалектного языка,- например, в отношении румынского языка подобная интерпретация проведена Э.Петровичем (6); тот же метод позволил изучить географию сла-

визмов в румынском - в качестве важнейшего этапа установления их хронологии (7). Именно с помощью метода рекартографирования (в строгом смысле этого термина) создан и новый "Болгарский диалектологический атлас (Обобщающий том)"(8), - но, разумеется лишь в той его части, которой соответствуют отдельные тома БДА (I-IV. София, 1964-1978 и др.)(9).

Подробный анализ задач и результатов применения метода рекартографирования фактов, отраженных в атласах русского, украинского и белорусского языков (в сопоставлении с материалами специальных диалектологических и историко-языковых работ) при изучении синхронических и диахронических аспектов проблемы "восточнославянские изоглоссы" содержится в ряде работ Т.В.Поповой (10). Наконец, уникальный опыт обращения к методу рекартографирования демонстрирует ОКДА - проект международного научного сотрудничества, который завершается публикацией последнего, 7-го, выпуска Атласа (11).

ОКДА, атлас нового поколения, характеризуется как *полилингвальный*, т.е. репрезентирующий данные диалектов ряда языков, *гетерофамильный*, т.к. изучает диалекты родственных (=славянские) и неродственных языков(=славянские, романские, финно-угорские и др.), *региональный*, поскольку охватывает карпато-балканскую диалектную область (часть Центральной и Юго-Восточной Европы). Задача Атласа, как известно, состоит в выявлении и изучении методами лингвистической географии корпуса лексико-семантических, по преимуществу, единиц, общих для всех или части диалектов указанной генетически гетерогенной зоны, - так называемых "карпатизмов", которые возникли в процессе длительных языковых (и этно-культурных) контактов и интерференции (12). Эти общие единицы, имеющие различный генезис, различное распространение и хронологическую "глубину", прошли сложный путь многоступенчатых преобразований, "многократных перекрестных заимствований" (13).

Необходимость широкого применения в ОКДА метода рекартографирования в отношении материалов румынских лингвистических атласов (=ALR) - как вынужденной меры, но и неперемennого условия реализации проекта в целом, - стала очевидной уже на начальном этапе работы (1973-1974 гг.), когда выяснилось, что румынские диалектологи не будут участвовать в создании Атласа и, следовательно, восточнороманский диалектный континуум может быть изучен по Вопроснику ОКДА лишь частично, а именно - только те говоры, которые расположены между рр.Днестром и Прутом, на территории бывш. МССР (ныне Республика Молдова), а также в восточнороманских анклавах в Закарпатской и Черновицкой областях Украины (14).

Между тем важность данных восточнороманских диалектов, и прежде всего диалектов на территории Румынии, для решения задач ОКДА очевидна. Она определяется, с одной стороны, географическим (=«срединным») положением последних в лингвистическом пространстве карпатской зоны,

описываемом в Атласе, что в свою очередь определило их роль как «центра иррадиации» в диалекты иных языков зоны многих исконнороманских лексических элементов, но и как связующего звена между балканской зоной и Северными Карпатами, как *посредника* в распространении в этой области соответствующих элементов, заимствованных восточнороманскими говорами в разное время из других языков (южнославянских [15], тюркских [16] и др.). Несомненно также, что данные периферийных говоров, изученных по Вопроснику ОКДА, не могут в полной мере компенсировать отсутствие информации из говоров Румынии (см. карты).

С другой стороны, следует иметь в виду роль восточнороманских диалектов как речи восточнороманского *этнического* элемента, который в карпатской зоне был достаточно многочисленным и очень мобильным, поэтому на протяжении многих веков он весьма активно участвовал в процессах этнического и языкового контактирования в самой этой зоне (например, начало контакта со славянами относится к V-VI вв. н.э., - период карпатской миграции славян), и за ее пределами (17). В силу своей мобильности указанный этнический элемент выступал и как член контактов маргинального типа, представленных в полосе этнолингвистического пограничья, и как фактор, оказывавший сильное влияние на значительном расстоянии от мест компактного обитания восточных романцев, что определялось, в частности, особенностями их хозяйственной жизни (ср. практику кочевничества, а позднее - отгонного скотоводства)(18). В этой связи, например, отмечается значение данного этнического элемента (или, по меньшей мере, *славизирующего* восточнороманского компонента) в процессе так наз. «валашской колонизации», охватившей в XIV-XVI вв. обширную область к северу и западу от Карпатской дуги - вплоть до Валашской Моравии (19).

Важнейшей предпосылкой перспективности использования в ОКДА данных, эксцерпированных из ALR, и их рекартографирование явилось *существование* нескольких национальных румынских атласов, содержащих большой объем информации о диалектной лексике и представляющих в с ю территорию Румынии. Это изданные в 30-40 гг. XX в. атласы С.Попа, Э.Петровича, а в 50-70 гг. - новая серия атласа под ред. Э.Петровича (ALR sp)(20); близка к завершению и реализация проекта создания серии региональных атласов Румынии (21). Материал общенациональных атласов позволил в значительной мере восполнить отсутствие данных прямого анкетирования для ОКДА и вполне точно воссоздать на картах последнего распределение многих лексико-семантических явлений. Вместе с тем реализация идеи рекартографирования столкнулась с определенными проблемами и потребовала в свое время всесторонних обсуждений в коллективе ОКДА.

1. Во временном отношении материалы румынских атласов, собранные в начале 30-х гг. XX в., и современные записи по Вопроснику ОКДА в известной мере неравноценны, поскольку не полностью синхронны. Однако практика

диалектологических исследований свидетельствует, что при сопоставлении одновременных фиксаций разницу между ними в несколько десятилетий можно не учитывать, так как за этот период, по-видимому, не происходят такие изменения, которые коренным образом меняли бы облик диалектов (22). Поэтому включение в ОКДА эксцерпированных материалов ALR вполне корректно. В этой связи можно упомянуть и практику составителей MAGP, которые вводят в его карты информацию атласа М.Малэцкого и К.Нича (см.сн.1).

2.Известную сложность представлял выбор сетки нас. пп. для рекартографирования, поскольку в атласах С.Попа и Э.Петровича использовались различные сетки обследования; оптимальной была признана сетка последнего, насчитывающая 60 пп. и в целом соответствующая густоте обследованных для ОКДА пунктов в других областях карпатской зоны; сетка обследования С.Попа была соответствующим образом разрежена, также до 60 пп., (и были выбраны те из пп., которые расположены ближе всего к пп., обследованным Э.Петровичем).

3.Первоначально предполагалось учитывать и сведения, содержащиеся в новых, региональных, атласах (что реализовано, например, в 1-м вып., где учтены материалы Атласа Олтении[=NALROlt.]), однако затем было решено отказаться от этого, поскольку указанные атласы находились в тот период на разной стадии готовности, а использование лишь *части* таких материалов могло нарушить *общую* картину противопоставленных явлений, - ту, которая описана в общенациональных атласах.

4.Было ясно, что в результате рекартографирования на *лексических* картах ОКДА, как правило, возможно воспроизведение материалов, вполне адекватных анкетированным; на *семантических* же картах эксцерпирование данных румынских атласов в принципе не может исчерпывающе описать семантический объем той или иной лексемы, включенной в Вопросник ОКДА, так как карты подобного типа в ALR единичны (23), и поэтому на румынской языковой территории может быть представлен лишь *фрагмент* семантического объема соответствующей лексемы.

5.Было решено заменить транскрибированные надписи на картах ALR, что соответствует традиции романской лингвогеографии, геометрическими знаками (=фигурами), - как это принято в славянской диалектологии.

Таким образом, хотя произведенное в ОКДА рекартографирование на некоторых картах имеет скорее символический характер и позволяет лишь *сигнализировать* о присутствии в румынских говорах той или иной лексемы или отдельных ее значений (24), однако, подчеркнем еще раз, что без использования подобной информации на картах ОКДА создание последнего было бы вообще невозможно. Результаты эксцерпции данных румынских атласов и сопоставление их с материалами анкетирования в говорах Молдовы на картах ОКДА в 1-6 вып. (при этом не учитывались факты, содержащиеся в некартографируемых материалах - НМ) сведены в следующей таблице:

Вып.	полностью учтены рум.говоры	частично учтены рум.говоры	только в Молдове	отсутствие на всей в.-роман. территории	всего карт
1	20	28	18	5	71
2	21	17	8	4	50
3	27	9	20	5	61
4	28	7	15	15	65
5	33	8	37	7	85
6	24	4	58(!)	3	89
Всего:	153	73	156	39	421

Из таблицы следует, что из 421 карты, опубликованной в первых 6-ти вып. Атласа румынские материалы - полностью или частично - присутствуют на 226 картах, т.е. в более чем 50% всех карт.

Таким образом, в ареалогическом плане рекартографирование выявило в восточнороманском сегменте территории ОКДА несколько типов ситуаций.

(1) Благодаря эксцерпции примерно в 35% карт ОКДА удастся воспроизвести материал в соответствие со *всей* сеткой нас.п., установленной для данного (восточнороманского) фрагмента карпато-балканского диалектного континуума, и - тем самым - обеспечить в целом реализацию такого параметра последнего, как "непрерывность". В *содержательном* плане подобное рекартографирование позволяет, **во-первых**, в полной мере выявлять и детально изучать в данном лингвистическом пространстве многие противопоставленные явления, прежде всего лексико-семантические, а также их совокупности, см. карты 1-4.

Карта № 1. По ОКДА (6, № 5), в значении 'печень животного' в карпатской зоне распространены рефлексы венг. máj 'печень' и др. (MNYTESz 2,818, - древнеуральского происхождения, ср.: ма= [<др.-ур.*maksа + =j]), само венг. ма:j (mɔ:j) 'то же', ср. рум. mai ('majigi и др. [Молдова]), mai (negru) (ед.ч.)(восток), 'majugi ('njaggy) (Молдова); на юге Румынии представлено название ficat (ficați negri - редко) (: лат. ficātum [ficatum] из *ficatum iecur, последнее - калька греч. σικωτόν ἴλαρ 'приготовленная с инжиром [гусиная] печень' - М.-Lübke № 8494; Фасмер III, 255 и др.); в восточнороманских диалектах изредка отмечаются и названия plə'mын ('negru), plāmii (negre) (мн.ч.) (: лат. pīlmo, =ōne 'легкие' - М.-Lübke № 6833; о plāmīn и вариантах как "устар.", "областном" - DLR VII, 788). В карпатославянских диалектах фиксируется значительное число исконных названий, ср. рефлексy слав.*Qtroba 'внутренности' (Фасмер [IV,177] - < *Qtro, от прилагательного *Qterъ + =oba - Machek 551), ср. польск. 'vuntroba, 'von'troba и др., рефлексy слав.*pečєнь (<*pekt'i - Фасмер III, 255; Machek 359; БЕР 5,214 и др.) - см. центр, восток Словакии: 'pečienka, 'pečeň и др., также укр. pe'č'unka (но и: 'čorna pe'činka, 'čorn'i ruč'in'k'e и под.); ср. и мор. 'ja:tra (< слав.*ętro - ЭССЯ 6,72), редко и

мор. (t'eške:) 'pl'u:ca, слов. (t'aške) 'pl'u:ca (< слав.*pl'utja; ср.лат. pulmo [<plumo] - Machek 376; в рус. *плюче* М.Фасмер [III, 290] видит связь с *плавать* и под.). В балканославянских представлены как исконные лексемы, ср. в.-серб. (срѣни) drob, мак. (срп) drop (<слав.*drobъ < *drobiti - ЭССЯ 5, 119-120), ср. болг. (*черен*) *дроб* 'печень (БЕР 1,429), редко - серб. (срѣна) utrobica (Черногория) (ср.: Skok 3, 532), так и заимствования из турецкого, ср.серб. (срѣна:) žigara, (срѣна:) žigerica и др., мак.(срп) žiger (<тур.ciger - Skok 1, 473 - džigara = džiger [с XVI в.] и под.), мак.(срп) žiger 'то же' (см. литер.: [црп] *џигер* - МРР 3,483), ср. болг. *џигер* '(бьял или) черен дроб' (БЕР 1, 362). Данный турцизм ОКДА фиксирует редко и в говорах Румынии (восток) - gighet negru, и на юге Молдовы - ž'igir' negru, ž'iger' negru; ср. арум. , также алб. диал. mël'çi, mušk'ni e zez 'печень' (ОКДА) (ср.литер. mëlçi, mëlçia e zezë ['печень *животного*'], также - mushkërite, xhiger - Fjalor 1123, 2199; см.: Домос.332).

Карта № 2. ОКДА (6, № 4) позволяет детально изучить и названия для 'легких у животных'. Для карпатославянских говоров это рефлексы слав.*pl'utja (польск. pl'usa, 'pisa и др., мор. 'pl'u:ca, слов. 'plu:ca; укр.лемк. 'pl'usa), слав.*льгькъ(ь) (см.: ЭССЯ 17,71) (польск. 'letk'e, мор. 'l'ехке:, укр. 'lexk'i, ['b'il'i] 'lexki и др., а также - укр. lehen'i <слав.*льг-упі -ЭССЯ 17, 79), из редких см. и укр.реџип'кы, реџип'кы , 'b'ity[i]'rotux (об этимологии - Фасмер III, 346). В венгерском - tődб 'легкие' (возможно, древнеуральское - MNyTESz 3,1009), диал. 'tudo:, 'tudoц и др.; в восточнороманском обычны названия plămîni (plămîii, редко - plămîiele albe и под.), на юге Румынии - boşogi, boşoci (по DLR I 604, 587, - специальное название для 'легких у животных', м.б., из *boasa 'мешочек' и др., ср.лат.bursea < bursa < гр. βουρσα 'кожа', о лат.бурса 'то же' и 'мешок' см.: M-Lübke № 1432), редко и mai alb (восток Румынии), măjer' albi ('majury 'alby) (Молдова), fcaşi albi (юго-запад Румынии); единично - и турцизм рум.jigărite и ž'iger (юго-восток Молдовы), ž'igir' alg' (юг, юго-восток Молдовы). В балканославянских также широко распространен турцизм, так, по ОКДА, ср. серб.bijela: žigerica ('be:la žigerica), мак.beł žiger и под.; кроме того, ср. в.-серб. 'beli drop и мак.beł drop (см.: Skok, МРР). Ср. и алб.диал.mušk'ni 'то же' (ОКДА)(ср.литер.mushkëri, mëlçia e bardhe [разг.] - Fjalor 1189; см. и: Домос.332-333).

Карта № 3. ОКДА (1, № 57) показывает широкое распространение в карпато-балканском ареале лексемы ⁺vatra (а также на север и восток от него, в Правобережной Украине [25]) и вместе с тем достаточно четкую его дифференциацию по семантическому признаку - одна "субзона" характеризуется фиксацией значения 'очаг; под печи' и под. (и множества явно вторичных значений), - оно представлено в румынском (vatră), в некоторых (карпато)украинских, отдельных западнославянских диалектах (как заимствование из румынского по: Machek ; ЕСУМ 1, 339 и др., также: Nița-Armaş 9, Vrabie 179 и др.), а на Балканах - в албанском - диал.(Косово) 'votër 'очаг'

(но и 'костер' [!], 'кухня')(ОКДА) (литер.vatĕr [чл.ф. vatra] 'место, где горит огонь'- Fjalor 2117), ср. и арум., мегл.vatră 'то же'. В другой "субзоне" лексема отмечена со значением 'огонь; костер; жар' и под. - во многих карпато-славянских говорах, а также в сербском (Skok 3, 569; о единичности фиксации *vatra* в болгарских говорах - БЕР 1,123). Наличие данного семантического противопоставления интерпретируется различным образом, в зависимости от той или иной точки зрения на генезис лексемы: с одной стороны, существование в славянских языках (диалектах) значения 'огонь' и под. рассматривается как результат сохранения рефлексов исконного слав.* *atra*(...> *vatra*, см.: ЭССЯ 1, 92; Skok и др.), а, с другой, если исходить из версии о заимствовании на Карпатах лексемы из румынского, то указанное значение должно толковаться как семантический сдвиг на славянской почве: 'очаг'... → 'огонь'; в самом румынском *vatră* рассматривается в качестве наследия общего румынско-албанского лексического фонда (подробнее; Клеп.1998, с.194 и сл.; обзор версий см.в: Калуж. 49; см. и: Домос.457 и др.).

Карта № 4. Репрезентанты слав.**košъ* (см.: ЭССЯ 11,196) известны, по данным ОКДА (1, № 54), практически во всем карпато-балканском регионе - слав.*koš* (*kiš* и др.), рум.*coș*, венг.*kaš* (*káš*), алб.*koš* - с широким кругом значений; в то же время указанное лингвистическое пространство оказывается достаточно расчлененным именно по семантическому признаку. Наиболее частотным (но не повсеместно зафиксированным) является значение 'корзина; виды корзин' и др.; на Севере и Юге представлены ареалами различной величины и конфигурации такие значения, как 'постройка (для початков кукурузы)', 'короб в мельнице', 'рыболовная снасть', 'дымоход', 'вид улья'(редко); лишь в карпатославянских, венгерских и некоторых румынских известно значение 'кузов ваза', только в румынском и на Славянском Юге - 'грудная клетка' (ср. также локализм в румынском - *coș* 'наволочка'); семантика болг. *koш* (*koš*) также отражена в ОКДА (архив; ср. и: БЕР 2, 690, где находим и ряд малочастотных значений - 'укладка снопов', 'коробочка, куда ставят зажженные свечи' и др. [Родопы]) (подробнее и в: Калн., Клеп. 98-100).

Во-вторых, рекартографирование дает возможность точно установить географию *общих* элементов для многих (=всех) диалектов ареала, и тем самым - *центры* иррадиации этих элементов (и возможные пути их распространения в карпатской зоне), ср., например, карты, на которых представлены романизмы ⁺KOLastra, ⁺cařlna, славизм ⁺opInK=, унгаризмы ⁺bunda, ⁺čipka.

Карта № 5. По ОКДА (6, № 58), несомненным заимствованием из румынского в карпатославянских диалектах является лексема ⁺KOLastra - рум.colastă (*coraslă, corastă* и др.) 'молозиво' (: лат.**colastra* < *colostra/ *colostrum*, - М.-Lübke № 2058; Ernout-M. № 238; подробнее: Клеп.1998, 202 и сл.); таковы, в значении 'первое молоко после окота (отела)', мор. *kurastva* (**kura:stva*), слов. *kurastra* (**kul'ajstra, *gul'ajstra* и др.), укр.*ku'lastra* (*ku'rastra, ku'l'astra* и др.), также

венг.диал. 'gura:slá ('gula:stá и др.) (см.: MNyTESz1, 1104.); на Юге - редко, ср. в.-серб. ku'lastra 'то же' (ОКДА) (вариант - kúnazdra [Черногория]) (ср.и: konastra 'то же' [Далмация] - Skok 2,137), мак.диал.gu'lastra 'то же' (ОКДА); в болгарском - *коластра* и др. 'первое молоко у роженицы и млекопитающего' (БЕР 2,548; Клеп.1974 112-113; Млад.1987, № 18 и др.); алб.ku'lošəg 'то же'(ОКДА) (ср. и: kulloštër [чл.ф.=tra] 'то же' и под.- Fjalor 911). В самих восточнороманских говорах источники, в том числе ОКДА, отмечают лексему повсеместно; правда, на территории Румынии Атлас (по данным ALR) фиксирует лишь значение 'первое молоко у роженицы', хотя очевидно, что и другое значение, 'первое молоко после окота (отела)', является для них обычным (см.: Клеп.1974, 114-115), оно представлено и в говорах между рр.Днестром и Прутом (=Молдова); на Балканах - арум.culastră, curastră, мегл.gulastră, ср. и истр. colastră (Клеп.1974, 115; также - Домос. 378-379).

Карта № 6. țarină 'поле (с хорошей почвой)', 'пашня (в горах)' и под. (: лат. *tiera < terra - Ros. I, 80; IV, 289; ср.: Vrabie 137 и под.) заимствовано, по ОКДА (5, № 33), в основном, с тем же кругом значений прежде всего в карпатоукраинские говоры; единично зафиксировано: 'огороженный сенокос', 'территория села' (!); этот румынизм редко отмечается на Балканах, ср., например, в.-серб. 'сагина 'огороженный сенокос', также топонимы в Черногории и Македонии (ОКДА; ср.также - 'ограда вокруг земли села' [Skok 1. 253]).

Карта № 7. ОКДА (2, № 28) показывает распределение в карпато-балканской области наименований 'вида кожаной крестьянской обуви', и прежде всего широкое распространение рефлексов слав.* обръпъкъ 'вид обуви' (<*обръпQ [: *obpęti] - ЭССЯ 29, 55; ср.и: БЕР 4, 909 и др.),* обръпъкъ 'то же' (< *obrpinati - ЭССЯ 28,196; БЕР 4, 901 и др.) прежде всего на Юге Славии, ср. серб. ора:псі, о'рапсі, о'рəпəк и др. 'вид (крестьянской) обуви' (ОКДА), мак.опинци (пинук и др. - БЕР; ср.и: опинок 'вид крестьянской обуви...' - МРР 2, 153), так же - зап.-болг.опин'ак, опин'ѣк и др., но и отън'ак, отънок, отънѣк, отънѣц (только р-н Трын - Брезник, единично - р-н Белоградчик - БДА III, № 283, IV № 351; ср. и: Млад.1983, № 4); в северославянских диалектах ОКДА фиксирует однокоренное название лишь в Западной Словакии: - 'ора:пкі 'то же'(ср.единичное рус.диал.опонки 'то же' - СРНГ 23, 271). Далее - как заимствование из (южно)славянского - лексема представлена в восточнороманских диалектах, ср.: orincă (orinci - мн.) 'то же' (диал.о'k'incă; мн. - o'pinc [o'pt'inč, цо'k'inč и др.) (ОКДА), которая возводится к болг.опинѣк (DLR VII, 240-241; там же - вторичные значения); заимствование из славянского - и алб.диал.о'rangə 'то же' (ОКДА) (ср.литер. - oringë [Fjalor 1304]). В диалектах карпатской зоны ОКДА фиксирует ряд исконных названий, ср. продолжения слав.*къррьсь (ЭССЯ 13,24) - польск. 'куррсе, 'k'erрсе и др., мор. 'k'ррсе, слов. 'k'ррсе, 'kerрсе и др., укр.(лемк.) 'kerрсі, также рефлексы слав.*ходакъ (ЭССЯ 8, 47) - укр.(бойк.) хо'dak, хода'k'e; отмечается и

укр.диал.(закарп., гуцул, буков.) *posto'ly, posto'le*, которое этимологизируется или как имеющее и.-е. происхождение (< *pod= - *tol), или как турцизм (ср: *postal* - Фасмер III, 341 и сл.; *Machek* 386; БЕР 5, 547 и др.), а также заимствование из венгерского, - ср.в.-слвц. *boš'kory*, укр. (закарп.) *boš'koгы* (< венг.*boskosk* с XIV в., подробно об этимологии - МNyTESz 1, 316).

Карта № 8. Позволяет изучить распространение двух лексем (также - их значений), которые считаются унгаризмами в языках (диалектах) карпатского ареала. Венг.*bunda* (с XVIII в.) 'меховая верхняя одежда', 'вид одежды', 'шкура (животного)' и под. - неясного происхождения, сопоставляется со ср.-нем.*bonta, bunta* 'пестрый', нем. *bunt* [МNy. TESz 1, 389]), в карпатославянских - из венгерского, по: *Machek* 51; ЕСУМ 1, 295 (также - из польского и словацкого) и др.; ср.: польск. *бunda, bonda* 'вид шубы', 'пальто', 'пиджак', мор. *бunda* - только 'пиджак' (!), слвц. *бunda* 'вид шубы', 'тулуп', укр. *бunda* 'вид шубы', 'вид верхней одежды' (Закарпатье, Гуцульщина), но в некоторых говорах и 'меховая безрукавка', 'вид пальто', 'вид покрывала из овечьей шкуры' и др. Рум.*bundă, boandă* (<венг.*bunda*) представлено на западе и в центре Румынии со значениями 'вид верхней (меховой) одежды', 'безрукавка' (см.и: DLR I,290; Tamás 154). Лексема хорошо известна и в балканославянских диалектах: серб. *бú:nda, бunda* 'вид шубы', мак. *бunda* 'то же' и '(покупное) пальто' (ОКДА; ср. и литер. *бунда* 'шуба, меховое манто' и др. - MPP 1,94), о происхождении сербских названий из венгерского - Skok 1,236; ср. зап.-болг. *бунда* 'безрукавка', 'вид одежды' (БЕР 1,90; слово считается сербизмом).

Венг. *csipke* 'зубец', 'край ткани, обработанный в виде зубчиков', 'зубчатый орнамент' и под. (с XVI в., МNyTESZ 1,537, - может быть, как развитие семантики в венгерском продолжения слав.* *šipъ* 'шип', а также влияние семантики нем. *Spitze* 'зубец и др. '; впрочем, В.Махек сравнивает с нем *Kippe* 'Spitze' [Machek 74]; о неясности источника венг.*csipke* и: Skok 1, 327) заимствовано в карпатославянские говоры в значении 'кружево (на скатерти, одежде и пр.)', ср.: польск.(редко) *ćipka* 'кружево', мор. *ćipka* 'то же' (только знают), слвц., укр. *ćipka* (закарп., бойк.) 'то же', далее - в румынские, ср. запад и центр Румынии: *сірса* и под. 'кружево', 'лента (на шляпе, в волосах и под.)'(Tamás 226), также в некоторые балканославянские диалекты: серб. *ćipka* ('*ćivka*), мак. *ćipka* 'кружево', 'лента в волосах' (редко) (ОКДА) (ср.и: Skok - с XVII в.).

С другой стороны, может быть установлен круг лексики, которая не подвергается заметному иноязычному влиянию и интерференции, демонстрируя территориальную противопоставленность прежде всего в сфере *исконной* лексики, - ср. карту 'бить масло' (карта № 9).

Карта № 9. Данные ОКДА (2, №2) позволяют изучить значительную дифференциацию карпато-балканского лингвистического пространства на уровне лексики, служащей для выражения указанного действия. Так, в славянских диалектах Карпат представлены рефлексy слав.**orbiti* (< и.е.**orb[h]*= - Фасмер

III, 453, 427; Skok 3, 150; см.: польск. 'robić, 'rđobić, мор. 'robic'(редко), слвц. 'robit' (редко), укр.го'byty), слав.*telkt'i (Фасмер IV, 73; Skok 3,518; ср.: мор.tłuct', 'stłu:kat' и др.), слав.*koltiti (ЭССЯ 10,156; укр.колю'tyту и др.), слав.*biti (ЭССЯ 2,99; укр. 'byty и под.), слав. *mQiti (ЭССЯ 20,142; ср.: слвц. 'mu:tit', 'micic). В балканославянских отмечены продолжения слав.*męsti (ЭССЯ 19, 12 и сл.; серб.мé:sti, ме:st и др.), слав. *mQiti (ю.-зап.-серб. muti, мак. 'matit и др. - параллель к слвц. 'mu:tit'), ср. в.-серб. 'biје, мак. 'bie (см. выше укр. 'byty), также единичные: в.-серб. 'bu-čka (< слав.*bučati, *bučiti 'шуметь и под. - ЭССЯ 3,74-75), ю.-мак. 'čuka (< слав.*čukati 'бить' - ЭССЯ 4, 131), ю.-зап.-серб. vadi (<слав.* vaditi, ср. БЕР 1, 11; Skok 3,558). На восточно-романской территории также отмечено несколько глаголов со значением 'бить масло', см. (a)alege (север, центр, Молдова - să aléje, ale'žem) (: лат.alligēre, м.б., и ēligēre - М.-Lübke № 364, 2843), (a)bate(юг, ю.-восток - să báce, bátim) (: лат.battuēre - М.-Lübke № 996), редко - (a)scoate (: лат. excūtēre - М.-Lübke № 2998), (a)face (: лат.facēre - М.-Lübke № 3128). В венгерских говорах отмечены: 'zurbol, 'kopu:l (ср.: zurbol 'бить [масло]' и др. [с XVI в., исконного происхождения - MNYTESz 3, 1204; köpül < köpű < тюрк. gübű 'маслобойка' [с XV в.] - там же, 2, 617), ср. соответствующие унгаризмы в некоторых украинских (Закарпатье) и северо-западных румынских говорах: укр. зигби'лицка, кипе'луцка (ОКДА; ср.:КДА № 137), рум.kipiléc (ОКДА).

Впрочем, особый аспект изучения подобных карт состоит в оценке возможности заимствований в карпато-балканской области и на уровне *мотивационных признаков*, или "внутренней формы" (=ВФ) (26). Так, на рассмотренной карте в восточнороманских говорах представлена исключительно исконная лексика, однако вместе с тем для некоторых районов могут быть указаны славянские мотивационные *параллели*, ср.рум.(a)bate : рефлексы слав.*biti и др., рум.(a)face : рефлексы слав.*orbiti и др. Явление подобного рода могут свидетельствовать об интенсивности и глубинном характере языковой интерференции, приводившей к созданию в некоторых генетически гетерогенных (микро)зонах общей модели метафоры, что, в свою очередь, несомненно способствовало формированию и общих фрагментов "картины мира" (27) у различных этнических групп, населяющих карпато-балканскую область.

(2)В ряде карт ОКДА, прежде всего типа "от слова к значению" (=семантических), рекартографирование дает возможность восполнить отсутствие анкетированных по Вопроснику атласа материалов лишь *частично* и, таким образом, представить *отдельные* фрагменты семантического объема лексем. Так, на соответствующей карте ОКДА (1, № 26) семантика лексемы 'Car()к на территории Румынии описана по данным двух лексических карт ALRsn - (№ 392) 'огороженное место, где стоят овцы зимой' и (№ 402) 'загон для ягнят'; эти значения в ОКДА обобщены составителем как 'загон', однако, по свидетельству говоров Молдовы и Северной Буковины, данная

лексема может иметь и иные значения, например, - 'помещение для ягнят' (п.110), а также прямо не связанные с животноводством: 'часть жилого помещения, где держат (маленьких) ягнят' (п.94), 'огороженное место для фуража, одного стога' (пп.78, 122,124), 'огород' (п.118), 'садик' (п.129) (см. нашу карту № 10 - ⁺car[jk]. Возможно, специальное исследование румынских пп. по Вопроснику ОКДА выявило бы сходные, а также иные, значения лексемы, - во всяком случае, следует иметь в виду, что представленные в ОКДА данные румынских говоров могут быть неполными, а выводы, которые будут сделаны на их основе, - соответственно, - предварительными.

Итак, карта № 10. По ОКДА, рум. țarc 'загон' и под., заимствованное в карпатославянские диалекты (ср.: Vrabie 138); Machek 55; Nița-Armaș 98 и др.) имеет широкое распространение со следующими значениями: 'огороженное место в хлеву (для молодых животных)', 'загон (перед хлевом, на пастбище и под.)'(реже), 'отгороженное место (в старом доме, где хранят картофель и под.)', ср.: польск. 'cerek, 'carek; слвц. 'sa:rok, 'carek - первые два значения, мор. 'sa:rek 'отгороженное место в хлеву', укр. 'carok 'часть хлева', 'загон', 'отгороженная часть дома..' и (единично) 'клетка, в которой везут птицу на рынок' и др. В восточнороманских диалектах, по ОКДА, основное значение лексемы - 'загон' (о редких значениях в некоторых говорах Молдовы и Сев.Буковины см.выше); ср. арум. țarc'загон' (Рар.), на Балканах - и алб. thark 'огороженное место в хлеву' (ОКДА; ср. литер.thark 'загон' и др.- Fjalor 2052), ср.н.-греч. τσάρκος (Клеп.1998, 248). Некоторые дополнительные сведения о географии и семантике румынских, венг. (=чангэу) cark и албанских форм см.в: Клеп.1974, 203-204,238; Домос.456. Этимология рум. țarc неясна (считается наследием общего албанорумынского фонда лексики - Ros.II,121; Russu 401 и сл.; Калуж.48 и др.).

О частичной представленности семантического объема лексем в румынских говорах на картах ОКДА и возможности экстраполировать соответствующие данные говоров Молдовы также выше, - см. описание географии и семантики ⁺KOLastra (карта № 5).

(3) На некоторых картах ОКДА рекартографированный материал не представлен вовсе, что объясняется отсутствием соответствующих карт в румынских атласах, и в конечном счете - различиями в содержании вопросников (см. и выше). Особенно показательны в данном отношении материалы 6 вып. Атласа, в котором эта ситуация отражена в 58 (из 89) картах, большей частью лексических (см.табл.). Это, с одной стороны, следствие чрезвычайной детализации того раздела вопросника ОКДА, который посвящен особенностям домашних животных (их внешнему виду: масти, возрасту, некоторым действиям, связанным с ними [28], междометиям [29] и др.), а, с другой, - желания составителей отразить имеющийся в их распоряжении мате-

риал именно в виде карт (а не “текстовых” материалов - НМ). Есть среди подобных карт и несколько семантических (см., например, № 11).

Карта № 11. По ОКДА [6, № 16], названия с основой *Ciga= зафиксированы в восточнороманских говорах (Сев.Буковина, Молдова): ('цoajі) сы'gajі 'с мягкой шерстью', 'с короткой шерстью' и под.; при этом рум. țigaie отсутствует на карте (как не отраженное ALR), вместе с тем существование лексемы в румынском и его говорах несомненно, о чем свидетельствуют различные источники, ср., например: țigaie (и țigău) 'то же' и под. (CADE 1454; DEx 986; ср. также: Vuia 84 [Олтения]; Домос. 339 и др.). Рум. țigaie не имеет надежной этимологии, сопоставляется с нем. Ziege 'коза' (Скурт 479; того же мнения - О.Трубачев, дополнивший словарь М.Фасмера статьей *цигейка*: Фасмер IV,305). Из румынского заимствовано в языки (диалекты) карпатской зоны (см.: Machek 58; Nița-Armaș 98; MNYTESz 1, 428 - с XVIII в. - cigája, cigáya и др.), ср.: польск.(редко) 'cigaj 'белая овца с черной головой', мор. 'cygaj(k)a 'порода овец', 'белая с черной головой' (редко), ср.-слвц. 'cigaja, 'cigarka, 'cigan'a 'овца с мягкой шерстью' и др., укр.(гуцул., буков.) су'gajka, сә'gajа 'овца с мягкой шерстью' (иногда - 'почти черная овца'), также в венгерских: 'cigə:j(a) 'с мягкой шерстью', 'белая овца с черной головой'. На Юге лексема известна лишь в некоторых говорах, ср.: в.-серб.сi'gaja 'с густой шерстью', cigá:ja (Воеводина) 'с мягкой шерстью' и др., см. также в литературе - *цига(ја)* 'белая овца с черной головой' (Космет - Јашовић 179; обл.Тимок - Ракић 136 и др.). Об алб. cigël 'темная, рыжая (овца)' - Домос.117.

=ОКДА (6, № 27) отмечает в карпато-балканской зоне наличие лексемы с корнем šut = и семантикой 'безрогий (без характерного признака и под.)', определяемой как заимствование из румынского (ср., например, - Vrabie 174), как “бродячее слово” (ср. венг.suta - MNYTESz 3,624), но и как имеющее славянское происхождение (к слав.* šutъ < *ašutъ: ст.-слав.ашоуть - Machek 518, ср.и: ЭССЯ 1,89, - далее неясно). Рум. šut 'то же', как и алб.shyt, относят к общему румынско-албанскому лексическому фонду (Ros. II, 112; обзор этимологических версий см.: Калуж. 47). Ср.польск. 'šuty, мор. 'šut(k)a, слвц. 'šuti:, укр. 'šuty, 'šutyi ('šuta), венг.диал. 'šutá, широко - в говорах Молдовы: ('oajі) 'šuty ('š'juty, 'čjuty), наиболее распространенное значение - 'безрогий', но и 'с маленькими рогами (ушами)' и под. Однако отсутствие на карте ОКДА соответствующих форм в говорах Румынии, объясняющееся особенностями вопросника ALR, не означает, что этим говорам неизвестна данная лексема, - она отражена в словарях, диалектологических (и этнографических) работах, см., например: Клеп.1974, 79-80,84 (и карта на стр.241). На Юге название отмечено ОКДА в славянских говорах, ср.серб.šut, 'šut(a) и др.'безрогий' и под. (ОКДА), мак. 'šut(a) 'то же' (ср. литер. шут и под. 'безрогий', 'шербатый' и под. - MPP 3,509), в албанских - 'šut(ə) (ОКДА) (ср. литер. shyt 'то же' - Fjalor 1939). Ср. также арум. šut 'безрогий'(Pap.1016).

=По ОКДА (2, № 7), в говорах Молдавии понятие 'короткий' выражается лексемой *skurt*, тогда как в говорах на территории Румынии оно не картографировалось; очевидно однако, что показания молдавских диалектов могут быть распространены на все восточнороманское диалектное пространство, что подтверждают и словари, ср.: *scurt* 'то же' (: лат. **excūrtus* 'то же' - DEx 843; у: М- Lübke [№№ 2421, 2418], арум. *scurtu* [сопоставляется с лат. *excurtiare*], рум. *scurt*). В то же время родственная лексема, как заимствование из средневековой латыни, отмечена в венгерском - ср. *kurta* 'короткий' (<лат. *curtus* [с XII в.], как и нем. *kurz* - MNYTESz 2, 679-680, ср. и: М.-Lübke [№ 2421]), диал. *'kurts* 'то же'(ОКДА), далее - заимствовано в некоторые карпатославянские диалекты, ср. в.-слвц. *'kurti* (редко), укр.(лемк., бойк., закарп.) *'kurtyj* и др. 'то же' (там же) (ЕСУМ 3, 158 предполагает также польское посредство). На Балканах, по ОКДА, - лишь алб. *škurt* 'короткий' (ср.литер. *shkurtër* 'короткий', *shkurt* 'небольшого роста', 'февраль' и др. - Fjalor 1877-1878); ср. однако и хорв.(кайк.) *kürtast*, *kürtav* 'короткий, укороченный', *skurtati* (<съ=; или из ит. *skortare* <лат. *excurtare*) др. (Skok 2, 245).

Таким образом, в подобных случаях данные восточнороманских говоров между рр.Прут и Днестр (=Молдова) могут быть с известной осторожностью интерпретированы как косвенное указание на эвентуальное присутствие аналогичных форм и на собственно румынской территории - на всей или на части ее (что, как видно из комментариев, в ряде случаев находит подтверждение и в работах по диалектной лексикографии, в словарях и под.). Помимо рассмотренных на карте № 11 лексем, может быть упомянута и семантическая карта № 5 *KOLastra*, - как указывалось выше, в ALR отсутствует карта, посвященная названиям 'первого молока после отела (око́та)' (рекартографировано лишь - 'первое молоко у роженицы'), поэтому есть основание экстраполировать показания молдавских говоров на в с е румынские говоры, тем более, что оно отмечается в диалектологической и этнографической литературе и было заимствовано языками (диалектами) карпато-балканской зоны (см.выше).

(4)Наконец, минимальна информативность карт, на которых вообще отсутствуют данные восточнороманских говоров (см. карту № 12).

Карта № 12. ОКДА (4, №34) показывает распространение и семантику металексемы ⁺*beĈar*, которая в карпатской зоне, по-видимому, является заимствованием из венгерского, ср. венг. *betuag* 'наемник, бродяга' и под.(с XVIII в. - MNYTESz 1,291, - через с.-хорватский от тур. *bekâr*; ср.также: Machek 30, ЕСУМ 1,175 и др.): польск. *'baĉ'ar* (*'baĉar*, *'bat'ar*) 'бродяга, гуляка, буян' и под., мор. *'bet'a:r* (*'bed'ar*) 'хитрый, завистливый' и 'толстый', слвц. *'bet'a:r* (*'bet'ar*) 'бродяга, гуляка', но и 'хитрый, завистливый', также 'крепкий', укр. *'bet'ar*, *'bat'ar* (*'bak'yr*) 'бродяга, гуляка' и под., в венгерских диалектах - *'bet'ar* (*'bet'ar*) 'то же' и 'разбойник'; ОКДА не фиксирует лексему в говорах Молдовы, о рум. *bechér* 'холостяк и др.' (Мунтения), *bichér*

‘(наемный) пастух’ (Трансильвания, Банат, Жиу) (DLR I, 534, 555; ср. CADE 137, DEх 80). На Балканах: серб. *béca:r, be'ca:r*), мак. *be'ka:r* ‘неженатый, холостяк’ (ОКДА; Skok 1,130; MPP 1,77) о болг. *бекаp* ‘холостяк’ см.:БЕР 1,41; ср.арум. *bikear* ‘холостяк’ (Pap.206), алб. *beqar* ‘то же’ (Fjalor).

=В виде двух островных ареалов в карпатской зоне - польско-моравско-западнорумынского и украинского - представлено ОКДА (4, № 35) распространение заимствования из венгерского с корнем *bant*= (Machek 25; ЕСУМ 1, 195) (ср.венг. *bánt*[с XII в.] < *bán* - MNyTESz 1,240), см. венг.диал. *'ba:nt, 'bɔ:nt* ‘обижать’ и под., ‘производить беспорядок’ (редко) (ОКДА): польск. *ban'tovać* ‘шуметь, производить беспорядок’, мор. *'bantovat* и др. ‘то же’, словц. *'bantovat* (*ban'tovac*) ‘то же’ и ‘обижать’ и под., укр. *bantu'vatu* ‘то же’; соответствующие лексемы не фиксируются, по ОКДА, в Молдове, однако отмечается в румынских словарях, см.: *bîntui* (*bântui, bântăli* (северо-запад) ‘причинять страдания’, ‘вредить’ и под. (DLR I,484; Tamás 126). На Славянском Юге: в.-серб. *'banta* (3 sg) ‘шуметь, кричать’, ‘делать беспорядок’ и ‘обижать’, в Боснии *bântati* с развитием семантики - ‘оклеветать’ (ср.: Skok 1,108 - *banta* ‘nepriлика’, ‘globa’ [чак. и словен., с XV в.] и *bantovati* ‘dosadivati’, ‘vrijediti’ [Лика]).

=Ареал продолжений слав.* *čučati* (<и.-е.**keuck*=, с исходной семантикой, отражающей идею кривизны - ЭССЯ 126-127) включает лишь славянские диалекты, ср. мор. *'č'uč'ec*, *'čučat* ‘долго оставить (где-нибудь)’, ‘пристально смотреть’ и под., но словц. *'čučat* (*'čušat*) - ‘сидеть тихо’, ‘молчать’, ‘спать (о детях)’ и др., укр.(закарп., буков.) *'čučaty* ‘то же’ и ‘подпрыгивать (о ребенке)’. Далее - серб. *čūca:ti, čūcat*, мак. *'čuče* (*'čučit*) ‘сидеть на корточках’ (ср.и: MPP 3,480 - *чучи* - ‘сидеть [на корточках]’ [детск.]).

Наконец, в ОКДА зафиксированы ареалы, конфигурация которых зависит от отсутствия не только соответствующих сведений в ALR, но и самих реалий. Таков ареал названий ‘лиственницы *Larix*’, отражающий, в частности, тот факт, что дерево произрастает на ограниченной территории, - оно неизвестно, например, в некоторых частях зоны Карпат, а также на Юге Славии (см.: ОЛА 3, № 33). По ОКДА (4, № 48) различные названия этого растения отмечены в моравских говорах (ср.рефлексы слав.**brǫpъ* и под., ср. *břup, břim*; подробнее - ЭССЯ 3, 30), словацких (основным являются описательные названия: **červ[j]eť[jь]* & **smъgъ*, ср. *červení: smrek, smrek* и под. - ЭССЯ 4,168; 460 ; то же - в некоторых польских), польских и украинских (дериваты от слав.* *modrъ[jь]* - ср.польск. *modzeł, uкр.mod'rena, mod'gyna* [из польского - ЕСУМ 3,496]); единичные укр. *'k'edra* (<греч.κέδρος - Фасмер II,221), *teг* (<лат.*Larix* - М.-Lübke № 4916); в Сев.Буковине единично и рум.*a'lescə* (?), *'listvinicy* (<слав.**listъ, *listvъpъ[jь]* - ЭССЯ 15, 147) (ОКДА). В венгерских говорах зафиксировано *'vörösfenyő*: и под. (ср.: *vörös & fenyő* - MNyTESz 3,1178, 1,884). На Юге ОЛА отмечает единично: мак., ю.-серб. *'tisa* (о слав.**tisъ* - Фасмер IV,61-62), *'ariš* (<*Larix*, ср.: М. -Lübke №), ср. и алб. *'mol'ikə* (ОКДА; литер.*molikë* - Fjalor 1061)

(рассматривается, например, как заимствование из серб. *оморика* 'смырч', подробнее: БЕР 4,216, 243 - о зап.-болг. *молика*, *морика* 'дерево *Picis*'; рум. *molid*[v] 'то же' считается или заимствованием из славянского - CADE 796, или из албанского - DEх 564).

* * *

Создание ОКДА свидетельствует, что метод рекартографирования оказывается действенным и вполне эффективным в работе над большими лингвогеографическими проектами, - прежде всего над атласами нового поколения, - только при соблюдении ряда условий. Во-первых, таким условием является существование значительного корпуса лингвогеографически интерпретированных данных, - т.е. ранее составленного атласа (атласов), атласа-первоисточника. Во-вторых, в зависимости от целей рекартографирования, материал первоисточника или просто включается, с помощью выбранных технических приемов, в новый атлас (MAGP и др.), или определенным образом трансформируется, и тогда необходимо критическое отношение к нему, понимание того, что во многих случаях этот материал может только частично соответствовать материалу, анкетированному по специальному вопроснику. Это следует учитывать при составлении карт подобного, нового, атласа и их дальнейшем использовании. Именно этот случай представлен в ОКДА.

Примечания

- (1) Рекартографирование в полном виде означает перенесение в другой атлас *всей* информации первичного атласа, с учетом данных *всей* его сетки обследования (например, в случае полного совпадения темы карты первоисточника и нового атласа); частичное использование материала первоисточника наблюдается в случае, когда, например, данные нескольких лексических карт используются при составлении семантической карты в новом атласе. Аутентичность способа подачи данных первоисточника в новом атласе означает сохранение *системы* графической презентации исходного материала; напротив, модифицированный способ предполагает ее замену - в соответствии с системой, принятой в новом атласе (так, транскрибированные надписи на картах заменяются на специальные знаки, изолинии, штриховки и пр.).
- (2) По-видимому, частным случаем рекартографирования можно считать и воспроизведение отдельных карт того или иного атласа в диалектологических исследованиях, посвященных монографическому изучению определенного, конкретного явления. Примеры публикаций подобного рода вполне обычны, например, в ряде славистических изданий, в том числе и в: ОЛА.Мат-лы и иссл.
- (3) Впрочем, иногда целью рекартографирования может быть лишь "сгущение" сетки обследования вновь создаваемого атласа (=национального) - за счет данных уже существующего (=регионального). Так, в некоторые карты в Малого атласа польских говоров, имеющем относительно редкую сетку, с помощью специальных, цифро-буквенных, обозначений включены данные атласов М.Малэцкого и К.Нича, З.Штибера и др.(см.: *Mały atlas gwar polskich. t.I, cz.II. Wstęp do ciałości. Wrocław-Kraków, 1957, s.X-XV*).
- (4) В свое время мы предложили разграничивать *терминологически* две указанные ситуации: *рекартографирование* материалов атласов при создании новых трудов лингвогеографического характера и *картирование* - создание карт на основании различных источников, - см.: *Клепикова Г.П. Проблемы рекартографирования и "Общекарпатский диалектологиче-*

- ский атлас”// ОЛА.Мат-лы и иссл., М., 1981, с.61. Так наз. “картирование” применялось, например, Н.И.Толстым в статьях серии “Из географии славянских слов”(ср.в: *Толстой Н.И.Избранные труды*. 1. М., 1997), в нашей книге “Славянская пастушеская терминология” (М., 1974). Этим методом широко пользовались Я.В.Закревская (в: “Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті”. Київ,1976), П.Е.Гриценко («Ареальне варіювання лексики». Київ,1990), Ю.С.Азарх (“Русское диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте”. М., 2000) и др. Ныне к “картированию” охотно прибегают авторы этнолингвистических трудов, включающих ареалогический аспект анализа соответствующих явлений (см.работы А.А.Плотниковой, И.А.Седаковой и др.).
- (5) *Бородина М.А.*Проблемы лингвистической географии.Л., 1966, с.36, 52; использовались также некоторые иные источники (с.38-40).
 - (6) *Petrovici E.*Repartiția graiurilor dacoromâne pe baza Atlasului lingvistic român// [*Petrovici E.*] Studii de dialectologie și toponimie. București, 1970. Близкие задачи в отношении русского диалектного континуума решали с помощью рекартографирования материалов Атласа русских говоров и авторы монографии “Образование севернорусского наречия и средне-русских говоров.М., 1970.
 - (7) *Petrovici E.* Raportul dintre isoglosele dialectale slave și isoglosele elementelor slave ale limbii române// [*Petrovici E.*]Studii... Более детально эта проблема изучена в: *Mihăilă Gh.*Criteriile periodiozării și geografia imprumuturilor slave în limba română // [*Mihăilă Gh.*]Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești. București,1973.
 - (8) Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София. 2001.
 - (9) И, напротив, помимо прочих соображений, на которых мы не будем останавливаться в данном случае, вызывает большие сомнения корректность включения в данный атлас некоторых областей, презентированных разнородными (и неравноценными) материалами, извлеченными из различных диалектологических исследований, словарей и под. См.и отзыв З.Тополинской на публикацию этого атласа в: МАНУ. Отделение за лингвистика и литературна наука. XXVI/1-2. Скопје, 2001.
 - (10) См., например: *Полова Т.В.*Введение // Восточнославянские изоглоссы. 1, М.,1995 (=ВСИ); *Она же.* Предисловие// ВСИ.2. М., 1998; *Она же.* Предисловие// ВСИ.3. М., 2002.
 - (11) ОКДА, [вып.]1.Кишинэу, 1989; [вып.]2. М., 1994; [вып.]3. Warszawa, 1992; [вып.]4 . Львів, 1993; [вып.]5.Bratislava, 1997; [вып.]6. Budapest, 2001.
 - (12) ОКДА.Вступительный выпуск.Скопје, 1987, с.9 (далее - ОКДА.ВВ).
 - (13) *Трубачев О.Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования// ВЯ, № 1, 1959, с.19.
 - (14) Список их см.в ОКДА.ВВ, с.69-82.
 - (15) *Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П.*Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных славянской лингвистической географии// XII Межд.съезд славистов. М., 1998.
 - (16) *Клепикова Г.П.*Стратификация заимствований из турецкого в диалектах карпато-балканского ареала// В поисках “ориентального” на Балканах. Тезисы и материалы. М., 2003; *Соболев А.Н.*Об ареальном распределении и системном статусе поркизмов в балканских диалектах// Там же.
 - (17) *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000, с.168.
 - (18) См., например, в: *Клепикова Г.П.*Славянская пастушеская терминология. М., 1974, с.15-22 (=Клеп.1974); *Домосилецкая М.В.*Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. СПб., 200, с. XXI-XXVI (=Домос.).
 - (19) Подробнее об этом см.в: *Грацианская Н.Н.* Этнографические группы Моравии. М., 1976, с.84,86,170. О собственно лингвистических последствиях этой колонизации см.: *Vašek A.*Sur la méthodologie des recherches carpatologizes// *Romanoslavica*. XIV. București, 1967; *Idem.*Jazykové vlivy karpatské salašnické kolonizace na Moravě. Konfrontačne-komparatistická gramatická studie karpato-logická. Praha, 1967 и др.
 - (20) *Pop S.* Atlasul lingvistic român.P.I(I-II). Cluj-Sibiu, 1938, 1942 (=ALR I); *Petrovici E.* Atlasul lingvistic român. P.I(I). Cluj-Leipzig, 1940 (=ALR II); Atlasul lingvistic român. Serie nouă I-VIII. [București], 1956-1972 (=ALR sn); *Pop S.* Micul atlas lingvistic român. I-II.Sibiu-Leipzig.1938-

- 1940 (=MALR I); *Petrovici E.* Micul atlas lingvistic român. Sibiu-Leipzig, 1938-1940 (=MALR II); *Micul atlas lingvistic român. Serie nouă. I-IV.* [București], 1956-1981 (=MALR sn).
- (21) *Neiescu P.* et al. Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureș. I-III. București, 1969-1973 (=ALRR); *Teaha T.* et al. Atlasul lingvistic român pe regiuni. Muntenia și Dobrogea. I-II. București, 1996 (=ALRR); *Russu G.* et al. Atlasul lingvistic român pe regiuni. Transilvania. I. București, 1992 (=ALRR); *Beltechi E.* et al. Noul atlas lingvistic român pe regiuni. Banat. I. București, 1980 (=NALR); *Teaha T.* et al. Noul atlas lingvistic român. Oltenia. I-V. București, 1967-1984 (=NALR); *Arvinte V.* et al. Noul atlas lingvistic român pe regiuni. Moldova și Bucovina. I. București, 1987 (=NALR).
- (22) Ср.: *Бородина М.А.* Указ. соч., с. 40.
- (23) Можно упомянуть две такие карты: № 152 и № 86 в MALR sn I, II.
- (24) ОКДА вып. 2, с. 7. Заметим, что даже в случае совпадения тем (заглавий) лексических карт тождество анкетированных и рекартографированных данных может быть условным, поскольку они собирались по различным вопросам, с различной детализацией формулировок одного и того же вопроса, которые отражают реалии, тождественные функционально, но не этнографически. Ср., например, названия одежды (см. карты ОКДА: №№ 9, 10 в вып. 2).
- (25) *Клепикова Г.П.* Карпатологический аспект славянской лингвистической географии// Славянское языкознание. XIII Межд. съезд славистов. М., 2003.
- (26) См.: *Бернштейн С.Б.* Из проблем..., с. 270-273 (и карты).
- (27) Подробнее о "картине мира" (и "модели мира") на Балканах см.: *Цивьян Т.В.* Движение и путь в балканской модели мира. М., 1999, с. 7-8; *Она же.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990, с. 5 и др.
- (28) См. вв. № 579-599, 613-627 (=ОКДА.ВВ).
- (29) См. вв. №№ 654-674 (там же).

Сокращения

- БДА – Български диалектен атлас. III. София, 1975; IV, 1981.
 КДА – Карпатский диалектологический атлас (1,2). М., 1967.
 Калн., Клеп. – *Калнынь Л.Э., Клепикова Г.П.* О значении многоязыковых атласов для славянской диалектологии// ВЯ, № 3, 1989.
 Калуж. – *Калужская И.А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001.
 Клеп. 1974 – *Клепикова Г.П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
 Клеп. 1998 – *Клепикова Г.П.* Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала – типологический аспект// ИСД 5. М., 1998.
 Млад. 1983 – *Младенов М.* Българо-румънски езикови ареали// Die slawischen Sprachen. 5. Salzburg, 1983.
 Млад. 1987 – *Младенов М.* Ареална характеристика на романски елементи в българските диалекти // Там же. 12, 1987.
 MPP – Македонско-руски речник. 1-3. Скопје, 1997.
 ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико- словообразовательная. Вып. 1. М., 1988; вып. 2. Warszawa, 2000; вып. 3. Минск, 2000.
 Ракић – *Ракић-Милојковић С.* Пастирска терминологија Кривовирског Тимока// Српски дијалектолошки зборник. XXXIX. Београд, 1993.
 Скурт – Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978.
 CADE – *Candrea I., Adamescu Gh.* Dicționarul enciclopedic ilustrat. București, 1931.
 DEX – Dicționarul explicativ al limbii române. București, 1975.
 DLR – Dicționarul limbii române. I-. București, 1913 -.
 Ernout-M. = Ernout-Meillet.
 Fjalor – Fjalor i gjuhës se sotme shqipe [1-2]. Prishtinë. 1980.
 Јашовић – *Јашовић Г.* Пастирска терминологија Пећког Подгора. Приштина, 1997.
 M.-Lübke = Meyer-Lübke.

MNyTESz – Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I-3. Budapest, 1967-1976.

Nița-Armaș – Nița-Armaș et al. L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves// Romanoslavica XVI. București, 1968.

Pap. – Papahagi T. Dicționarul dialectului român general și dialectal. București, 1963.

Ros. – Rosetti A. Istoria limbii române. I-III. București, 1964; IV-VI, 1966.

Russu – Russu I. Etnogeneza românilor. Fondul autohton. București, 1981.

Tamáš – Tamáš L. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966.

Vrabie – Vrabie E. Influența limbii române asupra limbii ucrainene// Romanoslavica. XVII, 1967.

Остальные сокращения см. в издании Ин-та русского языка РАН «Этимология».

Легенды

Карта 1. 'печень животного': 1. рум. ficat; 2. венг. maj, рум. mai=; 3. Ziger=; 4. рум. plămii; 5. слав. *qtrob=; 6. слав. *drobъ; 7. укр. potrox=; 8. слав. *rečen=; 9. чеш. jatra.

Карта 2. 'легкие животного': 1. рум. ficat; 2. рум. mai=; 4/ Ziger=; 5. слав. drobъ; 6. укр. potrox=; 7. слав. *rečen=; 8. слав. *lъgъкъ(ъ); 9. слав. *qtrob=.

Карта 3. *vatra. 1 - 'огонь, костер'; 2 - 'очаг, под печи'; 3 - '(горячий) пепел, сажа и под.'

Карта 4. *kOš: 1 - 'короб в мельнице'; 2 - 'вид корзины'; 3 - 'рыболовная снасть'; 4 - 'дымоход'; 5 - 'постройка для початков'; 6 - 'кузов воза'; 7 - 'улей'; 8 - 'грудная клетка'; 9 - 'наволочка'.

Карта 5. *KOLastra: 1 - 'первое молоко после отела, окота'; 2 - 'первое молоко у роженицы'.

Карта 6. *carlna: 1 - 'поле (в горах)'; 2 - 'поле с хорошей землей'; 3 - 'огороженный сенокос'; 4 - 'территория села'; 5 - топоним.

Карта 7. 'кожаные лапти': 1. рум. oprincă, =ci; 2. слав. *obръlъкъ; 3. венг. bocskor, укр. bočkor; 4. укр. postol; 5. укр. xodak.

Карта 8. 1 - *bunda; 2 - *šipka.

Карта 9. 'бить масло': 1. рум. (a)alege; 2. рум. (a)bate ~ слав. *biti (*koltiti и др.); 3. рум. (a)face ~ укр. pravuty; 4. слав. *orbiti; 5. рум. (a)scoate.

Карта 10. *carlna: 1 - 'загон'; 2 - 'огороженное место'; 3 - 'помещение для ягнят'; 4 - 'часть жилого помещения, где держат картофель и др.'; 5 - 'огороженное место в хлеве' (редко - 'загон').

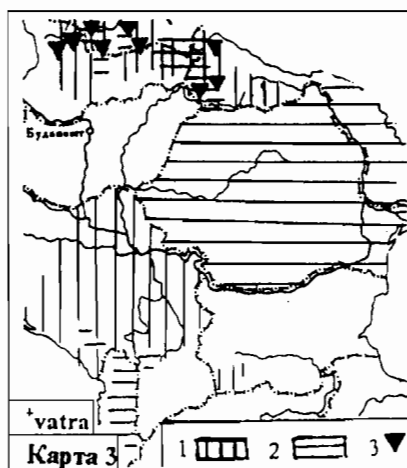
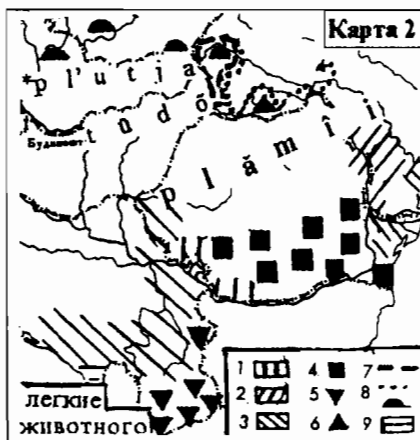
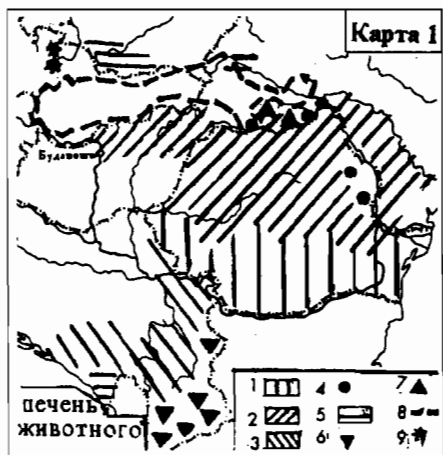
Карта 11. 1. венг., укр. kurt= 'короткий'; 2. рум. scurt, алб. skurt 'короткий'; 3. *Ciga=; 4. šut=.

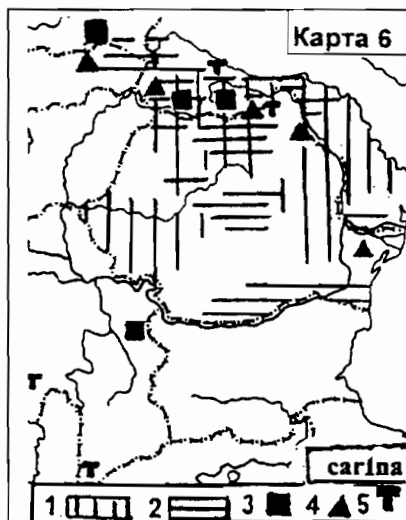
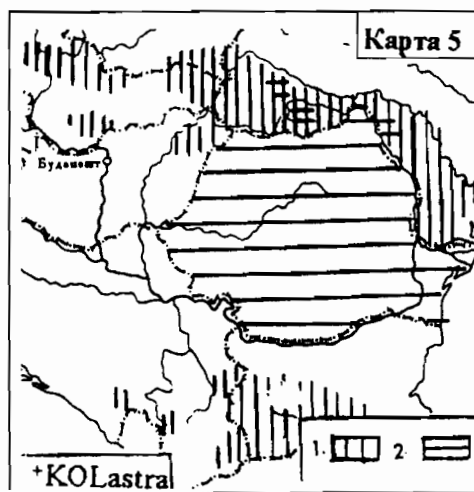
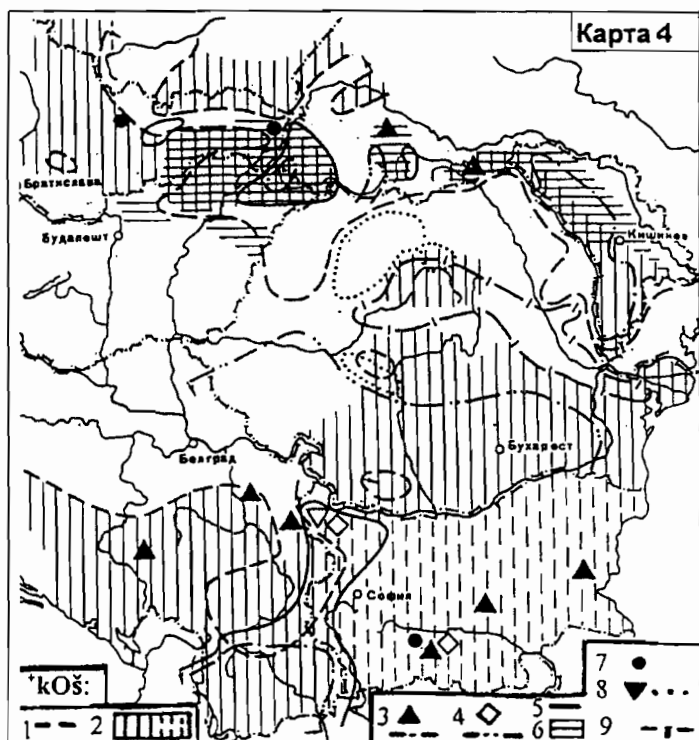
Карта 12. 1 - 'лиственница' (слав. *modryna, слав. smrek и др.; венг. vörösfenyő); 2. *beT'ar; 3. *bant=; 4 - слав. šučati

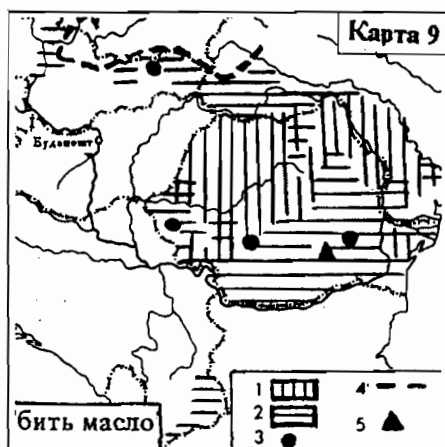
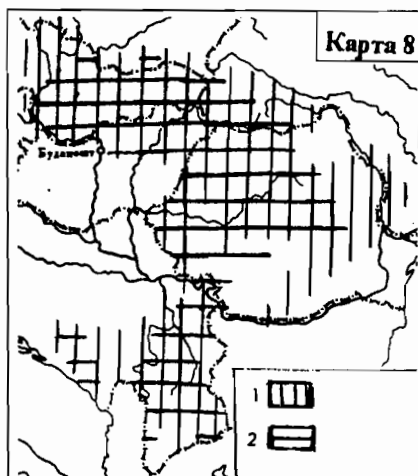
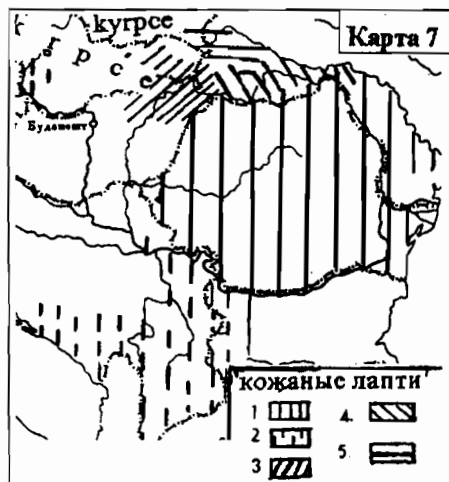
Summary

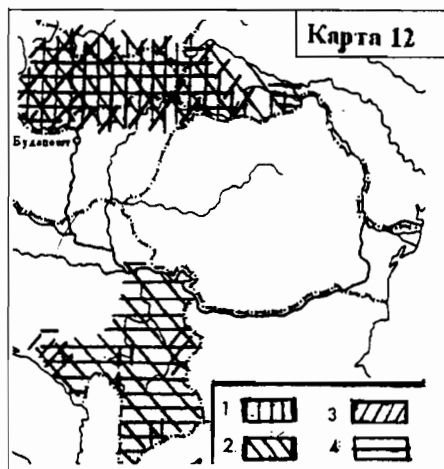
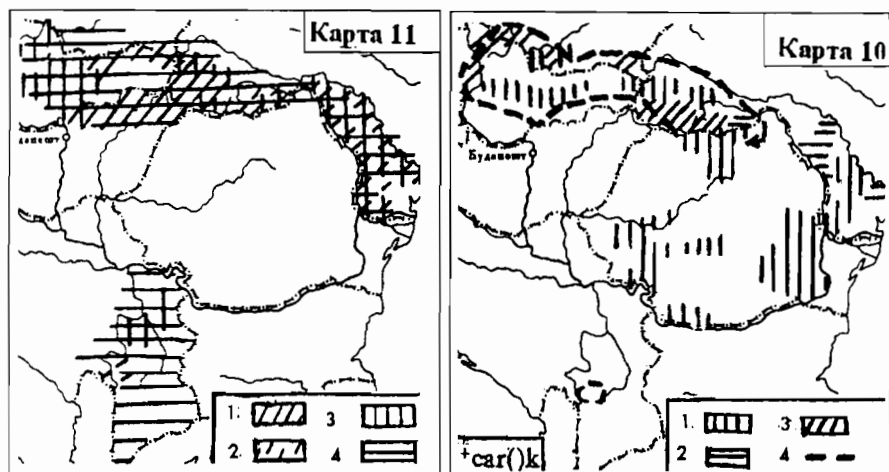
Re-mapping in the Atlas of the Carpathian Dialects (=ACD)

Re-mapping as a method of reproducing the data of the previous (national) atlases was widely used while creating a new ACD for describing the Roumanian dialect space on the basis of the materials of "Atlasul lingvistic român" (=ALR). As a result it became possible to examine in detail lexic-semantic differences within the limits of Carpathian-Balkan area (zone) on a number of maps contained in ACD. On some of ACD maps the ALR materials provide only partial information and only give a signal that certain language phenomenon does exist in the Roumanian dialects.

Лингвогеографические методы изучения субстратного ландшафта в русских говорах Северо-Запада

Первичные этапы работы над неисконными лексическими данными, в основе которых преимущественно лежали задачи показа их инородности, и, по возможности, определения круга языков источников, в настоящее время не могут уже быть самодостаточным. Анализ лексических данных финно-угорского происхождения известных в литературе и собранных полевым путем привели к выработке ряда методологических положений:

1. Наиболее продуктивен последовательный анализ выбранной тематической или лексико-семантической группы, а не алфавитный, часто разводящий фонетический или деривационные варианты, которые в этом случае рассматриваются раздельно, без соотнесения друг с другом. Особенно, если фонетическая вариантность не явная, не представляет собой исторические чередования или недостаточно полно описана. Так, например, Я.Калима, этимологизируя слово *ольга* 'болото' (Петрозав. Олон., Куликовский, 71), сопоставляет его с фин. *alho* 'низина, топь, болото' (Kalima, 1915, 175), которое не соотносится с русскими диалектными данным по типу вокализма, упуская из виду более распространенный вариант *орга* 'болотистое место', 'густой дремучий лес', который имеет достаточно апробированную этимологию, ср. кар. *orgo*¹.

2. Занятие диалектной этимологией требует непременно знания реалий народного крестьянского быта. Так, О.В.Востриков (Востриков, 1981) лексему *пáлья* сопоставляет с фин. *palja* 'молот', на самом деле являющийся коловоротом и соответственно восходит к германским источникам, ср. нем.диал. парег 'сверло' (Фасмер, 3, 42). Так, например, лексема *лэ́нда* 'сладкая заболонь сосны, используемая весной в пищу', первоначально воспринималось как сдвиг значения от *лэ́нда* 'постный суп, без мяса' (Мошен., НОС, 5, 25), с основным вариантом *ли'нда*, сопоставляемое с кар. *linda* (Kalima, 195, 152). Однако, дополнительные изыскания показали, что единица *лэ́нда* представляет собой вариант слова *лэ́нта* в общенародном значе-

¹ Более подробно см.: Мызников С.А. Ареальный анализ диалектного слова и некоторые аспекты этимологических исследований // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. С. 89-90.

нии: поскольку заболонь сосны сдирали с дерева ножом или стальной проволокой лентами, полосами и складывали их в корзину.

3. Бурно развивающаяся в настоящее время русская региональная лексикография вводит в научный оборот значительный объем новых диалектных материалов, которые сразу же становятся объектом этимологических исследований. Но, несмотря на то, что уровень выходящих в настоящее время региональных словарей достаточно высок, нередко к некоторым данным из этих источников следует относиться критично, поскольку можно отметить случаи, когда толковая часть словарной статьи грешит неточностями. Например, в СРГК лексема *кугровина* имеет толкование 'веранда', опирающееся на иллюстрацию: - *Кугровина, веранда одно и то же* (СРГК, 3, 49). В то время, когда лексема *верáнда* в данных говорах фиксируются с семантикой 'куча сучьев на подсеке, предназначенных для сжигания'.

4. Весьма действенный при выработке этимологической версии и при ее верификации (для диалектных данных) ареальный анализ должен базироваться на точной локализации слова. Однако, ошибки в географических пометах могут привести к ошибочным выводам. Так, например, слово, заимствованное из прибалтийско-финских языков *маймакала* 'рыба сом', кроме локализации в Олонецкой губернии получает фиксацию Шуйск. Иван. (СРНГ, 17, 304). И если не знать, что последняя географическая помета ошибочна, то можно значительно расширить зоны воздействия прибалтийско-финского континуума.

5. Наиболее эффективен ареальный метод при верификации этимологических версий для субстратной лексики. Поскольку большая часть таких слов представляет собой адаптированные реликты, обычно связанные с определенным субстратным типом со статичной и стабильной зоной распространения, указывающей на язык/диалект-источник.

6. Однако, при анализе ареала ряда субстратных лексем, широко распространенных в севернорусских говорах, эти единицы не проявлялись или имели ареал более широкий, чем первоначально выбранный регион обследования. И поэтому только рассмотрение лексического ареала не давало ответа на некоторые существенные вопросы: 1) Чем вызвано отсутствие единицы (например, прибалтийско-финского происхождения) в зоне, где она должна была бы вне всякого сомнения проявляться? 2) Существуют ли в данном регионе еще какое-либо иноязычное влияние? 3) Образуют ли (если такое влияние существует) коррелирующие или смешанные ареалы?

На такого рода вопросы может дать ответ только работа, в которой, главным образом, должны быть лингвогеографические методы исследования. Таким образом родилась идея исследования, в котором была бы дана полная картина лексического субстрата в русских говорах контактного региона, каким является Северо-Запад России в его широком понимании. Это

«Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» (СПб., 2003). Естественно, что тщательный анализ субстратных и заимствованных лексических данных должен осуществляться в регионе, выделенном по лингвистическим критериям. Поэтому территория обследования была выбрана максимально широкой, поскольку основной целью работы было выявление границ ареалов различных субстратных типов. Были обследованы районы Псковской, Новгородской, Вологодской, Архангельской, Тверской, Костромской, Ярославской областей, Республики Карелии, всего около 300 нас. пп.², которые на карте сведены к 131 номеру для большей наглядности и репрезентативности. Объясняется это следующим обстоятельством: лексика иноязычного происхождения в настоящее время находится на периферии языкового сознания и активно заменяется соответствующими русскими синонимами, поэтому для ряда районов с высокой интенсивностью действия субстрата требуется почти сплошное обследование (Заонежье, Белозерье, Валдай). На территориях, где субстратное влияние было минимальным, однако включенных в сетку обследования для выявления ареальных субстратных границ, и где лексические русские данные явно преобладали, число обследованных нас. пп. в административных единицах планировалось в минимальных размерах.

Одна из основных проблем для такой работы, от качественного решения которой зависит достоверность получаемых данных, — составление программы-вопросника. В Программе ЛАРНГ имеется свыше 5 тыс. вопросов, в которых затрагиваются все стороны народного крестьянского быта, и довольно полно отражена среда обитания, представленная в разделе «Природа»³. Однако, многие моменты, составляющие специфику русских говоров Северо-Запада были упущены в связи ее общерусской направленностью⁴. Кроме того, несмотря на гигантский объем Программы ЛАРНГ, некоторые темы не были разработаны, например, отсутствует раздел «Сенокосение» у нас насчитывающий 16 вопросов. Таким образом, программа-вопросник, составленная для АСЗЛ, в идеале должна быть ориентирована на выявление неисконных манифестаций по заданным концептам. Конечно, многие вопросы, в ответах на которые доминировала бы неисконная лексика, были получены эмпирическим путем, например: 'замерзший слой земли под оттаившей сверху почвой', 'сойка', 'глухарка' и т.п. (все они отсутствуют в Программе ЛАРНГ).

² Работа по сбору данных велась автором с 1990 г.

³ Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров СПб., 1994.

⁴ Общенациональный атлас и не может быть ориентирован на показ внутрирегиональной специфики.

Задачи такого рода исследования, в итоге, должны быть следующими: 1) выявление субстратной и заимствованной лексики; 2) уточнение ареальных характеристик таких данных; 3) выявление соотношения ареалов исконной, субстратной и заимствованной лексики; 4) выяснение природы неисконных данных. Причем главной целью исследования является попытка на уровне апеллятивной лексики реально отразить результаты влияния не только прибалтийских языков и диалектов, которые же конечно преобладают в этом плане на обследуемой территории, но и следы коми языка, балтийский субстрат, тюркские заимствования, а также ареалы с доминированием русских данных.

В качестве примера разработки субстратного материала в АСЗЛ в данной статье предлагается две карты: «ястреб», «красная смородина».

Наименования ястреба

В зонах высокой интенсивности субстрата довольно часто лексическая манифестация свидетельствует о каком-то определенном его типе. Так, например, концепт 'птица ястреб' реализуется двумя лексемами прибалтийско-финского происхождения: *gábúk* и *gauk* (см. карту 1). Лексема *gábúk* устойчиво фиксируется в большинстве населенных пунктов в Медвежьегорском (6)⁵, Кондожском (7), Прионежском (8), Пудожском (9) р-нах Карелии, в Вытегорском (42), Белозерском (48) р-нах Вологодской области, Подпорожском (10) р-нах Ленинградской. Консонантизм русского слова — фонема /б/ — позволяет достаточно определенно указать на вепсский источник, ср. вепс. *habuk* 'ястреб' (СВЯ, 101), при фин., кар. *haukka* 'ястреб' (SKES, 62). Вариант *gauk* отмечается в Устьянском р-не Архангельской области (80) по данным лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета. Вряд ли его следует сопоставлять с кар. *haukka* (см. выше), скорее всего, данная форма связывает говоры бассейна р. Устье с говорами Белозерья, где фиксируется выпадение фонемы /в/ в интервокальной позиции: *кroatки* ← *кроватьки*, *остроиана* ← *островина* 'стожар', *дроа* ← *дрова*, *быали* ← *бывали*, *короа* ← *корова*. Причем следует отметить, что такая форма могла появиться в случае заимствования русскими говорами этого ареала ранних вепсских данных, до перехода в вепсском языке /v/ в /b/. Кроме того, в пользу некарельской этимологии свидетельствует два факта: 1) только в вепсском языке усекается основа с выпадением конечно гласного; 2) фонема /г/ русских говоров, по нашим данным, в лексике прибалтийско-финского происхождения, соответствует звонкой фрикативной /h/ вепсского языка, тогда как для карельской фонемы /h/ следует сопоставление с русской /х/.

⁵ В скобках указаны номера районов на карте.

Наименования красной смородины

В Программе ЛАРНГ имеется 176 вопросов в разделе «Растительный мир», однако вопрос 'красная смородина' сюда не попал, войдя в другой раздел, хотя известно, что красная смородина *Ribes rubrum* L. произрастает в дикой природе в лесах по опушкам и по долинам рек на всей территории Северо-Запада, причем в западной части области русских говоров (Смоленщина, Брянщина, Прибалтика) ее название мотивировано наличием зарослей по берегам рек – *порéчка* (СРНГ, 30, 67, 58), кроме того, эта единица семантически близка к балтийскому материалу, ср. латыш. *ирепес'* 'черная смородина', при *ире* 'река' (Fraenkel, 1169). Кроме того, обращение к данному материалу было вызвано тем, что значительная часть выявленной лексической манифестации этой реалии представлена словами финно-угорского происхождения (см. карту 2). Основной задачей картографирования было представление ареалов лексем неисконного происхождения. Разнокорневые слова показаны знаками разной конфигурации, выдерживался единообразное обозначение суффиксов, фонетических явлений (неясное качество гласного в безударном слоге, вариативность ударения) и выделены ареал с вепсским влиянием, он определяется лексемами *сестрени'ка*, *сестреница*, *сестреницы*, *сестрень*, *сестренка*, ср. вепс. *sestrikaine*, *sestrirad* 'красная смородина' (СВЯ, 506), - это западное Прионежье, Посвирье, к востоку от бассейна р. Волхов, запад Вологодской области (7, 8, 9, 10, 11, 12, 19, 20, 35, 42).

Довольно узкий ареал дают лексемы *тю'хтя*, *тю'ктя* – Боровичский. Окуловский, Мошенской р-ны Новгородской области, они, возможно, связаны с кар. твер. *tuhjo* «куст» (СКЯП, 305).

Слова *ледуни'ка*, *ледуни'ца*, *ледунец* фиксируются, в основном, в говорах северо-востока Новгородской области и в смежных говорах Тверской и Вологодской областей. Данный материал не рассматривался в этимологической литературе. Возможно его исконное происхождение, ср. *лед*, *леденец*, *ледвенец* (Фасмер, 2, 475, 549), однако присутствие в прибалтийско-финских языках сходных данных, ср. вепс. *linzik* 'костяника' (СВЯ, 303), кар. *lintšoi*, *lindžoi* 'костяника' (KKS, 3, 113), кар. твер. *linčikkä* (СКЯП, 139), кар. *lindoi* 'полянника' (KKS, 3, 113), позволяют выдвинуть версию об их связи с русским диалектным материалом, но затруднительно говорить об определенном языковом типе прибалтийско-финского языкового воздействия.

Одна лишь лексема *жéстель*, зафиксированная в ярославских, тверских, владимирских говорах, по мнению А.Альквист, относится к мерянскому субстрату (Ahlqvist, 1998, 12).

Восток обследуемого региона занимает лексика исконного происхождения. Слова *ки'слица*, *кисли'ка* и подобные варианты занимают обширный ареал: восточное побережье Онежского озера, Беломорье, Кенозерье, Карго-

полье, говоры востока Архангельской и Вологодской областей. Это единица с прозрачной исконной мотивацией.

Гнездо с корнем княж-: княжени'ка, княжени'ца, княжи'ка, княжи'ца, княжѣнка, княжи'шник образуют ареал от Белозерья, распространяясь на юг и восток региона от Великоустюгского р-на Вологодской области. В.Меркулова полагает, что это слова прозрачной этимологической структуры, однако ей непонятно, почему красная смородина получила наименование *княжьей* ягоды (Меркулова, 1967, 221-222). Действительно, на первый взгляд кажется, что корень данного гнезда связан со словом *князь*, но неясна мотивация, поскольку красная смородина по сути своей княжьей ягодой не является. Непонятен также тот факт, является ли этот обширный и устойчивый ареал недавним образованием или представляет реликт более древнего языкового ландшафта, возможно, и субстратного типа, ср. латыш. *knēze* 'петушинный гребень' (слово отмечается у Фасмера, 2, 265) при наименовании 'шиповника' – *петушки, петунье дерево*.

Одна из самых сложных тем для лингвогеографического обследования – рыболовство. Во-первых, довольно трудно собирать материал, так как не любой информант может дать нужные сведения; во-вторых, наличие тех или иных рыболовных ловушек зависит от величины водоема или его типа (река, ручей, небольшое лесное озеро, большое озеро, море). В программе ЛАРНГ имеется 94 вопроса, большей частью ориентированные на севернорусские способы и приемы рыболовства. Неплохую лексическую манифестацию мы получили в ответах на вопрос 'сетный мешок, мотня невода'.

Наиболее распространенным является гнездо *чўп, чўпна* с обширным ареалом (Беломорье, Обонежье, Белозерье, Поволховье), с общеприбалтийско-финской этимологией, ср. вепс. *šup* 'мотня, матица, невода' (СВЯ, 65), люд. *šupp* 'конец верши' (Kalima, 1915, 242), фин. диал. 'задняя часть верши, вентеря' (SKES, 1125).

Лексема *чўлма* с фиксацией в северо-восточном Белозерье, является отражением вепсского субстрата, ср. вепс. *šbit* 'верша' (СВЯ, 63).

Вероятно, также на прибалтийско-финский источник указывает лексема *перш*, ср. водск. *perze*, эст. *perse* 'задняя часть, нижняя часть, дно', ливв. *perse, perše, perže, perze* 'задняя часть, дно мешка, посуды' (SKES, 525). Сюда же относится уже на русской почве *пёрзя* 'прозвище брюхан' (Черепов. Новг., 1898, СРНГ, 26, 281), *перзѣк* 'толстяк' (СРГК, 4, 478).

Лексема *пўрнас* представляет уже результат влияния коми языка, ср. *бор* 'зад, задок, задняя часть', *-ас* возможно сопоставить с показателем мн.ч. (КЭСКЯ, 41).

В заключение можно отметить, что в разных тематических группах проявление неисконных данных дифференцированно. Однако, можно выделить

зоны высокой субстратной интенсивности: Обонежье, северное Белозерье, бассейн р. Онега.

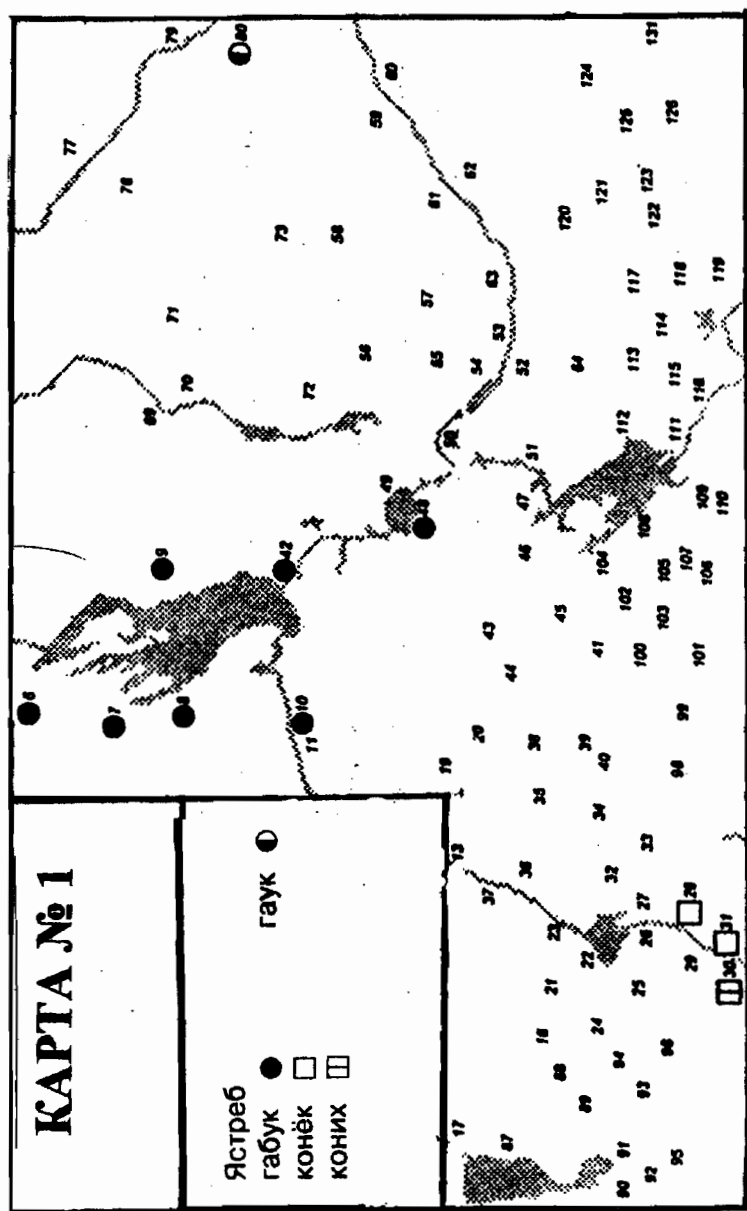
Литература

- АСЗЛ – Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада СПб., 2003.
- Востриков, 1981 – *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования.* Свердловск, 1981. С. 3-45.
- Куликовский - *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЯ – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Меркулова, 1967 – *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- НОС – Новгородский областной словарь. 1-12. Новгород, 1992-1995.
- СВЯ - *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. 1-4. СПб., 1994- 1999.
- СРНГ - Словарь русских народных говоров. 1- 36. М., Л., СПб., 1965-2002.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Тт. 1-4. М., 1964-1973.
- Ahlqvist, 1998 - *Ahlqvist A.* Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославо-Костромского Поволжья // *Studia slavica finlandensia.* Т. XV. Helsinki, 1998. S. 176.
- Fraenkel – *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Т. 1-2. Heidelberg, 1962-1965.
- Kalima, 1915 - *J. Kalima.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- KKK – Karjalan kielen sanakirja. 1- 5 // *Lexica societatis Fenno-Ugricae,* XVI, 1-5. Helsinki, 1968-1997.
- SKES - Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955- 1981.

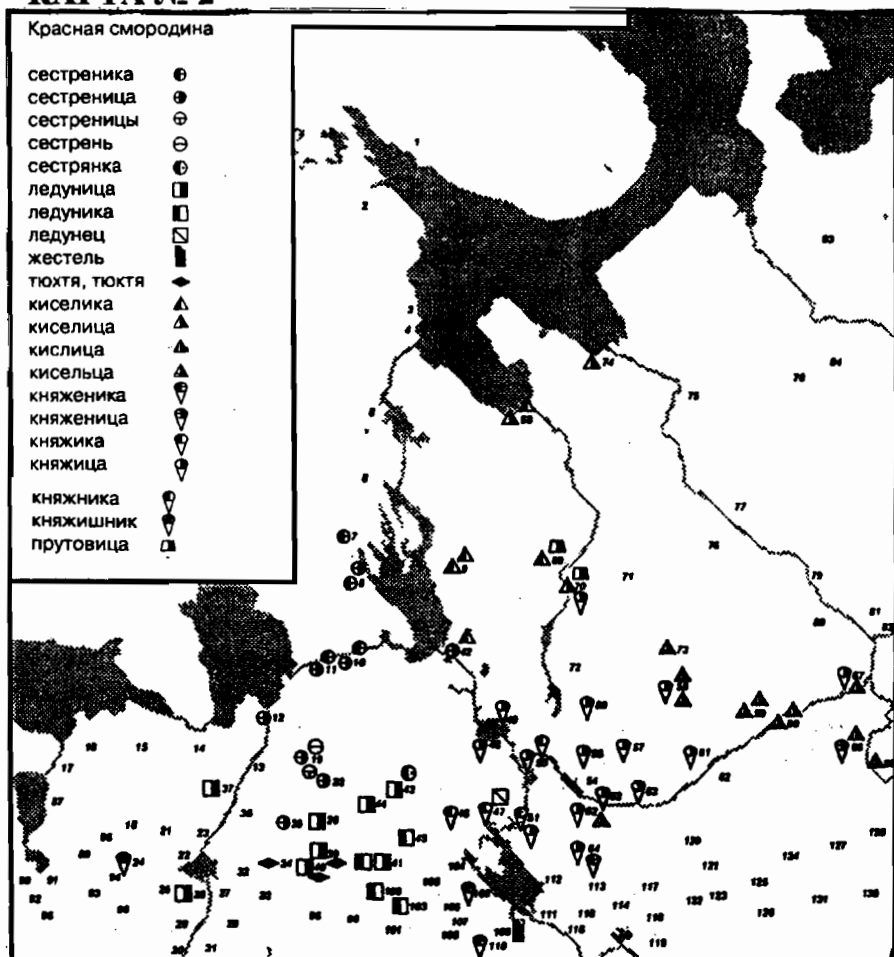
Summary

Geolinguistical methods in research of substratum landscape in Russian Dialects of North-West

The article deals with the problems of Balto-Fennic influence into Russian dialects. The author presents of his fundamental work “Atlas of substratum and loan words in north-west Russian dialects”. Lexical data were obtained in dialectological expeditions since 1989. Author offers new etymological methods for researching such words. There are some lexical maps in the article.

КАРТА № 2

К методам изучения истории серболужицких диалектов (с привлечением памятников серболужицкой письменности)

При всех достижениях серболужицкой диалектологии наименее разработанной ее областью остается историческая диалектология. Это объясняется рядом объективных причин и, прежде всего, трудностями в изучении серболужицких памятников письменности раннего периода, периода Реформации (XVI–XVII вв.). Эти памятники – в большинстве своем переводы Библии на серболужицкий язык с немецкой Библии М.Лютера (протестантская письменность) и латинской Вульгаты (католическая письменность) – уже с XVI в. – времени появления первых серболужицких переводов Библии – представляют два наиболее крупных диалектных комплекса – верхний и нижнелужицкий¹. Эти первые рукописные переводы библейских текстов создавались на основе местных диалектов, так как были предназначены для использования в рамках определенных церковных приходов для распространения нового учения среди серболужичан. Поэтому ранние серболужицкие памятники письменности отражают особенности конкретных серболужицких диалектов, зафиксированных автором перевода. При этом речь идет о самых ранних памятниках, так как для более поздних письменных источников серболужицкого языка характерна определенная нормированность языка (хотя и непоследовательная), поскольку речь шла о первых попытках создания серболужицкой наддиалектной нормы (верхне- и нижнелужицкой). В связи с этим они представляют меньше возможностей для выявления языковых особенностей, присущих отдельному конкретному диалекту.

Исследования в области исторической диалектологии предполагают разработку двух основных направлений. Первое – включает издание и изучение ранних переводов библейских текстов на серболужицкий язык, выяснение диалектной принадлежности отдельных серболужицких памятников. Последнее является основной частью лингвистического комментария к издаваемому тексту памятника и опирается на фонетические, грамматические, лексические, синтаксические характеристики языка соответствующего перевода библейского текста.

Трудности определения диалектной основы того или иного памятника серболужицкой письменности периода, предшествующего формированию литературного языка, могут иметь самый общий характер. Следует учитывать различную степень приближения языка памятника к живому диалекту, что обусловлено различиями между устной речью и письменной ее фиксацией;

жанровыми особенностями памятника, которые ограничивают возможность реконструкции тех или иных фрагментов языковой системы диалекта, субъективным восприятием фонетических отношений в диалекте автором памятника (что находит отражение в орфографии перевода). Степень изученности ранних памятников серболужицкой письменности определяет возможности реконструкции отдельных диалектных систем и воссоздания картины диалектной дифференциации в серболужицком народном языке (Volkssprache) в период зарождения серболужицкой письменности XVI–XVII вв. Воссоздание языковой ситуации в ранний период развития серболужицкой письменности долитературного периода требует не только общего определения диалектной основы памятника, но и реконструкции отдельных фрагментов языковой системы, отраженных в памятнике. Ср., например, серию работ М.И.Ермаковой, посвященных анализу и сопоставлению субстантивных словоизменительных систем, относящихся к различным синхронным срезам и основанных на описании парадигматики имени существительного по данным нижнелужицких памятников письменности XVI–XVII вв.²

Можно говорить о трех группах памятников в зависимости от их принадлежности к одному из самых крупных диалектных комплексов серболужицкого языка: верхнелужицкая, западнонижнелужицкая и восточнонижнелужицкая³. Более конкретное определение диалектной основы того или иного памятника, фиксирующего черты местных диалектов, в пределах этих комплексов, как правило, не является однозначным, тем более, что часто речь идет о ныне уже не существующих диалектах. К настоящему времени некоторые из этих памятников опубликованы полностью, другие – во фрагментах, третьи – еще остаются недоступными для исследователей⁴. Различная оценка диалектной основы некоторых памятников объясняется недостаточной изученностью языка серболужицких памятников раннего периода, привязанных к местным диалектам и фиксирующих их черты. Так, с достаточной определенностью выявляется диалектная основа одного из самых крупных памятников нижнелужицкой письменности – перевода “Нового Завета” М.Якубицы 1548 г. По мнению исследователей⁵, этот памятник возник на востоке нижнелужицкой языковой территории и представляет черты теперь уже не существующего жаровского диалекта. Изучение языка перевода М.Якубицы имеет в сорабистике длительную историю и связано с именами многих исследователей (К.Л.Енч, Г.Лотце, А.Лескин, Ю.Э.Вьелан, А.Мука, Зд. Штибер, Л.В.Щерба). Г.Шустер-Шевц издал рукопись перевода и детально исследовал диалектную основу и характера языка памятника.

Названные выше ученые на ряду с диалектной принадлежностью языка М.Якубицы пытались определить место этого памятника в рамках серболужицкого диалектного комплекса и среди западнославянских языков. Точки зрения на язык перевода М.Якубицы иногда принципиально различались.

Особенно, когда речь шла о доле в нем верхнелужицких или нижнелужицких элементов или степени чешского или польского влияния. В последней по времени статье Г.Шустера–Шевца, посвященной данному памятнику⁶, впервые подробно освещаются предположительно верхнелужицкие черты, наблюдаемые в языке перевода (лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические), их соотношение с чешскими и польскими элементами и делается вывод о в значительной мере смешанном характере языка перевода М.Якубицы. В нем вычлняются три языковых слоя – 1) теперь уже не существующий, родной для автора перевода, восточнонижнелужицкий диалект, распространенный в XVI в. в окрестностях г.Жаров; 2) относительно большой слой чешских элементов, главным образом, в лексике и графике перевода, отличающийся от основного восточнонижнелужицкого языкового слоя памятника своим искусственным характером и лексикой (результат влияния чешского образца); 3) слой, содержащий верхнелужицкие языковые элементы, который не всегда можно четко отграничить от элементов, возникших под влиянием чешского языка, и от особенностей, свойственных мужаковскому диалекту. Особый интерес представляет заключение Г.Шустера–Шевца о сознательном стремлении автора перевода создать уже в ранний период серболужицкой письменности письменное койнэ для всех серболужичан.

Не вызывало сомнений и определение диалектной основы другого памятника нижнелужицкой письменности 2-ой половины XVII в. (1574) – первой известной в Лужице печатной книги – “Сборник серболужицких песнопений и малый катехизис” А.Моллера⁷. В этом памятнике отражен один из западнонижнелужицких диалектов – шпреевальдский (или Lubbenau/Lübbener) диалект в окрестностях Штраупиц⁸. Большая часть территории распространения этого диалекта к концу XIX в. была уже германизирована. Его следы сохранились лишь в южной части в окрестностях г.Бург, а весь церковный приход Штраупиц теперь находится на территории распространения немецкого языка в Шпреевальде⁹. Западнонижнелужицким по своему характеру является и язык Вольфенбюттельской псалтыри (диалект окрестностей Лукау/Lukau) 2-ой половины XVI в.¹⁰

Однако при оценке некоторых других памятников ранней нижнелужицкой письменности нет единства мнения. Так, например, по-разному определяется диалектная основа такого нижнелужицкого памятника 1-ой половины XVII в. (1610), как “Энхиридион Вандаликум”, написанный А.Тарой на позже исчезнувшем диалекте¹¹. Исследователи указывают на то, что в языке памятника отражены черты не одного диалекта (в данном случае – шторковского), а некоторых других нижнелужицких диалектов того времени. Этот памятник возник в тогда еще серболужицких окрестностях Шторкова/Storkov на севере нижнелужицкой области в районе польско-полабской языковой границы. Язык памятника обнаруживает близкое родство с еще живым в то время жа-

ровским диалектом, на котором написан перевод М.Якубицы (М.Горник), или, по мнению других исследователей, – с мужаковским, родным диалектом автора памятника (А.Лескин, А.Мука, Зд. Штибер, М.Радловский). Г.Шустер-Шевц обнаруживает в языке памятника черты, с одной стороны, польского диалекта, с другой – верхнелужицкого. В соответствии с этим, диалектная основа памятника определяется по-разному: 1) как шторковская (М.Горник¹², А.Мука¹³) – ныне исчезнувший северный нижнелужицкий диалект, 2) как западнонижнелужицкий диалект окрестностей Коттбуса (Зд. Штибер¹⁴), точнее, коттбусский (М.Радловский¹⁵), 3) как центральный западнонижнелужицкий диалект с сильными элементами восточнонижнелужицкого мужаковского диалекта и определенной ролью шторковских элементов, которые трудно отделяются от чисто восточнолужицких (Г.Шустер-Шевц¹⁶). По мнению А.Лескина¹⁷, речь идет о нижнелужицком диалектном типе, который образовался из смешения элементов мужаковского диалекта с элементами другого нижнелужицкого диалекта. Как уже предполагали М.Горник и А.Мука, этот другой диалект должен быть шторковским. Но более точно определить специфические черты этого северного нижнелужицкого диалекта, теперь уже не существующего, и четко отделить его от мужаковского диалекта ни А.Лескин, ни его предшественники не смогли. Характеристика диалекта, представленная в данном памятнике, нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

Из верхнелужицких памятников письменности раннего периода, отражающих черты теперь уже несуществующих диалектов, следует упомянуть Катехизис Варихия 1597 г. и Семь покаянных псалмов Мартини¹⁸ 1627 г., в которых представлен диалект Лёбау/Löbau; упоминаемая М.Горником и А.Мукой¹⁹ Агенда 1667 г. из Ухиста/Uchyst как рукописный образец так называемого таушерского диалекта; два церковных песнопения анонимного автора XVII в., диалектная основа которых обнаруживает особенности диалекта Лёбау или Гебиргс-диалекта²⁰.

Второе направление в исследованиях по исторической диалектологии предполагает выявление динамики развития конкретных диалектов и связано с возможностями и условиями сопоставления данных письменных памятников, относящихся к различным синхронным срезам, но фиксирующих при этом черты одного и того же диалекта. Подобного рода сопоставительные исследования возможны лишь при наличии определенных жестких условий, а именно – точно локализованного памятника серболужицкого языка раннего периода, указывающего на особенности конкретного диалекта, с одной стороны, и данных соответствующего современного диалекта, с другой. Таким образом, одним источником сопоставления является памятник письменности, относящийся к раннему синхронному срезу, который на основе изучения его языковых данных должен быть точно локализован в рамках существующей в настоящее время языковой территории. Как отмечает

Ф.Михалк²¹, этому жесткому требованию удовлетворяют далеко не все серболужицкие памятники раннего периода. Кроме указанных выше верхнелужицких памятников XVI–XVII вв., источниками изучения исторического развития верхнелужицких диалектов являются сочинения представителя католической письменности Я.К.Тицина (1679 г.) и, с известными оговорками, произведения Ю.Х.Светлика (1690 г.). Я.К.Тицином, автором первой печатной серболужицкой грамматики 1679 г., перевода и издания Катехизиса (1685 г.), был кодифицирован куловский диалект как основа литературного языка серболужичан. Ю.Х.Светлик издал *Perikopen* (1690 г.). В *Observationes grammaticales pro debita libelli hujus Evangeliorum lectione*²², помещенных перед текстом одних *Perikopen*, Ю.Х.Светлик считал необходимым писать на диалекте, распространенном в окрестностях не только Кулова, но и Кросчиц, что могло бы повлиять на создание более широкой диалектной основы для нормы католического варианта верхнелужицкого литературного языка. Язык Ю.Х.Светлика основывается главным образом на куловском диалекте с элементами других католических диалектов.

Другим источником при сопоставлении данных одного из серболужицких диалектов, относящихся к разным синхронным срезам, является соответствующий современный, живой диалект. Этот источник установлен и идентично локализован в результате непосредственного опроса информаторов – носителей данного диалекта. Лишь при наличии двух указанных источников сопоставления можно проследить направление и характер языковых изменений в одном диалекте на протяжении определенного отрезка времени и их участия в диалектной дифференциации, в передвижке изоглосс в период после появления памятников письменности. В то же время, как отмечает Ф.Михалк²³, подчеркивание необходимости существования исторического и современного диалектного материала с идентичной локализацией для датирования передвижки изоглосс не исключает возможности использования относительной хронологии при исследовании различных изменений без помощи памятников письменности.

Изучение динамики развития одного и того же диалекта на протяжении достаточно большого периода, изменений в его фонетической, грамматической и лексической характеристиках с привлечением памятников письменности наряду с соблюдением тех условий, о которых упоминалось выше, требует также выработки определенной методики. Речь идет, прежде всего, о составлении программы обследования памятника и диалекта, включающей наблюдения над фонетическими, грамматическими и лексическими их особенностями. Эта программа должна включать слова и грамматические формы, существовавшие, как показывает материал памятников, в исследуемом диалекте в ранний период его истории. Этот исходный для дальнейшего сопоставления корпус слов и грамматических форм анализируется с точки зрения

наличия или отсутствия составляющих его элементов в соответствующем диалекте на современной стадии развития. При этом предполагается и учет материала современных диалектов, близких изучаемому диалекту. Это дает возможность выявить группы слов и грамматических форм, свойственных данному диалекту как в более ранний, так и в настоящий период, а также слова и грамматические формы, уже не употребляемые в этом диалекте. Теперь они могут характеризовать другие, соседние диалекты, а в данном диалекте заменяются соответствиями, возникшими под влиянием других диалектов, расположенных в непосредственной близости. Иногда в современном диалекте возможно и сосуществование вариантов, из которых один является инновацией, а другой отражает состояние диалекта на более ранней стадии развития. Серболужицкая письменность располагает ограниченным материалом для подобного рода исследований но в некоторых случаях можно говорить об идеальных условиях для такого сопоставительного анализа. Речь идет прежде всего о возможностях наблюдений над развитием на протяжении трех веков такого достаточно широко распространенного в настоящее время и при этом сравнительно стабильного верхнелужицкого диалекта как куловский. Этому посвящена, как единственное в своем роде исследование по исторической серболужицкой диалектологии, упомянутая работа Ф.Михалка. Автор исследует два синхронных среза куловского диалекта: один – это точно локализованный материал конца XVII в. (сочинения упомянутых выше Я.К.Тицина и Ю.Х.Светлика), другой – данные современного диалекта (1962 г.). Непосредственными соседями куловского диалекта являются на юге католический диалект, на севере – воеровский/Hoyerswerda. Современный куловский диалект обнаруживает много общих черт с более южным католическим диалектом и резко ограничен от более северного воеровского диалекта. Материалы *Sorbischer Sprachatlas* (1965-1992г.) свидетельствуют о том, что куловский диалект имеет более определенную границу на юге и менее определенную, неясную – на востоке. В диалектных текстах П.Вирта²⁴ показано существующее в некоторых случаях близкое родство куловского и частично католического диалекта с воеровским диалектом.

И Я.К.Тицин, и Ю.Х.Светлик родились в Кулове и в их сочинениях указана точная локализация их диалекта. Влияние других диалектов в силу ряда обстоятельств для обоих авторов (особенно для Тицина) было исключено. Ю.Х.Светлик употреблял куловский диалект с примесью элементов католического диалекта из окрестностей Каменца.

Наблюдения над соотношением двух синхронных срезов куловского диалекта было проведено Ф.Михалком по 84 пунктам, включающим фонетические, лексические, грамматические и словообразовательные особенности. Автор исследует слова и формы, которые в настоящее время известны в данном диалекте и засвидетельствованы в материалах XVII в.; слова и грамматические формы,

которые сейчас известны только в воеровском и куловском диалектах и существование которых зафиксировано 300 лет назад. Изучение этих слов и грамматических форм может дать основу для доказательства продолжающегося развития куловского диалекта и его сопротивления влияниям с юга.

Ср., например для первой из упомянутых групп приводимые Ф. Михалком в лексической части программы слова *kikernaki, trozbé, wuknasch* и др. Так, в куловском диалекте зафиксированы *kikernak, trozbé, wuknasch*; в воеровском – *kikornak, strózbú, wuknadže*. В грамматической части речь идет только о существовании *o/e*-спряжения. Формы типа *pjeku, pječeš, pječo, pječotó, pječéčo, pječotaj, pječotej* отмечены в куловском диалекте; в воеровском – только *o*-спряжение, т.е. *pječoš, pječóčo*; в католическом – только *e*-спряжение, т.е. *pječe, pječetó, pječetoj, pječetej* (исключение – глагол *hič*).

Для второй группы характерны в куловском диалекте слова *hawska, honak, ješcer, kondroza* и др. В воеровском, соответственно, *howska, honak, ješcer, kondroza*; в католическом – *howška, honać, ješčelka, kundroza*.

В грамматической части – в куловском и воеровском *ga > ha*, в католическом – *-da* и другие примеры.

Другая группа слов и грамматических форм отмечена в сочинениях Я.К.Тицина и Ю.Х.Светлика, но в современном куловском диалекте заменена южными соответствиями из католического диалекта. Так, в лексической части программы отмечены: в куловском диалекте – *khodojta, cžérkwa, kowodžju, nutži* и др.; в католическом – *khodotá, cyrkej, wojnar, nucka*; в воеровском – *khodota, cyrk(w)ja, kowodžij, nući*. В грамматической части: куловский диалект XVII в. – *praes. 3 sg. a-* и *o/e* спряжений имеет только флексию *-’u*; в настоящее время это *-u/-’a/-dža – pisaja, pisaju, pisadža*; в католическом только *-’a*; в воеровском только *-u* в *o*-спряжении.

Есть такие слова и грамматические формы, которые в куловском диалекте больше не существуют (они заменены южными соответствиями), не известны на север от него – в воеровском диалекте. В лексической части: куловский и католический диалекты – *štó, džěčo, započec, kopjeno* и др.; воеровский – *do, holo, khopić, kopjen*. В грамматической части – в D, I, L dual окончание *-imaj/otaj* в куловском и католическом диалектах; *-oma/-ima* в воеровском.

Выделяется также и группа слов и грамматических форм, которые уже не встречаются и в воеровском диалекте, а известны лишь еще дальше на север от него. Это – в куловском диалекте в лексической части *buna, kosa/kóska, jěrchen(k), sadliščo* и др.; в воеровском – *buna, kóska, jěrchen(k), sadliščo*; в католическом – *bob, kosa/kóska, jěrchen(k), sadliščo*.

В качестве инновации, которая была еще неизвестна во времена Я.К.Тицина и Ю.Х.Светлика, Ф. Михалк отмечает в современном куловском диалекте отсутствие форм простого прошедшего времени, полная парадигма которых представлена в сочинении Я.К.Тицина *Principia Linguae Wendicae*,

quam aliqui Wandalicam vocant, Pragaе, 1679; они часто употребляются в тексте перевода Нового Завета Ю.Х.Светлика. Эта же особенность свойственна переходным и собственно нижнелужицким диалектам.

В результате тщательного анализа всех особенностей куловского диалекта автор приходит к выводу, что этот диалект во многих случаях сохраняет в настоящее время свои индивидуальные черты относительно католического, более южного диалекта. 300 лет назад у куловского диалекта было больше, чем в настоящее время, общих черт с воеровским диалектом. Современные куловский и католический диалекты являются результатом взаимного выравнивания между прежней самой южной частью территории переходных диалектов и западной частью собственно верхнелужицких диалектов в период после завершения Реформации в Лужице. Таким образом, Ф.Михалк показывает активную роль конфессиональных границ при образовании пучков изоглоссе и тем самым опровергает точку зрения П.Вирта, который считал, что конфессиональные границы не образуют языковых границ, а лишь способствуют их консервации. Сопоставительный анализ диалектов данных двух синхронных срезов, свидетельствующих о состоянии современного куловского диалекта и куловского диалекта, отраженного в языке сочинений Я.К.Тицина и Ю.Х.Светлика, доказывает, что во многих случаях можно наблюдать передвижку изоглоссе с прежней позиции к конфессиональной границе.

Разработка различных направлений исторической диалектологии в серболужицком языке – изучение особенностей определенных диалектов в разные периоды истории этого языка, выяснение диалектной основы памятников раннего периода серболужицкой письменности, в которых еще не проявилось сознательное стремление авторов переводов Библии выработать и применить наддиалектную норму, реконструкция состояния диалектной системы, характеризующей различные синхронные срезы, непосредственно связана с возможностью создания фундаментальной исторической грамматики серболужицкого языка.

Источники исследований в области исторической диалектологии и исторической грамматики для ранних периодов функционирования серболужицкого языка совпадают. Это хорошо подтверждается известной грамматикой нижнелужицкого языка А.Муки, которая была задумана как историческая грамматика с учетом данных верхне- и нижнелужицких диалектов, относящихся к различным периодам. Данная в этом труде классификация серболужицких диалектов, включающая ныне уже не существующие, признана и применяется в современных исследованиях. Тем самым были заложены основы исторической диалектологии серболужицкого языка. Вкладом в развитие этого раздела сорабистики можно считать те работы в области серболужицкого языкознания, которые посвящены анализу происхождения

и развития отдельных грамматических явлений и категорий с привлечением материала серболужицкой письменности и данных современных диалектов²⁵. В этих трудах затронуты вопросы, касающиеся генезиса и развития категорий одушевленности-неодушевленности, личности-неличности, категории двойственного числа, форм Ac/G dual., Ac/G pl, системы времен, в частности, форм простых прошедших времен, развития окончания – *aj* как особого окончания мужского рода несубстантивных имен, особенностей образования и развития некоторых типов глаголов, глагольных форм.

Как в исторической диалектологии, так и в исторической грамматике основу для исследования составляет прежде всего предварительное изучение ранних памятников серболужицкой письменности. На основе их детального описания должна быть воссоздана по возможности определенная система, зафиксированная в памятнике (в данном случае речь идет о конкретной диалектной системе), сопоставимая с другими системами этого и других периодов развития серболужицкого языка. Именно "...последовательное описание всех исторических состояний необходимо предваряет составление общей картины его исторического развития"²⁶. При создании серболужицкой исторической грамматики, концепция которой основывается на понятии системности языковых фактов, встает целый ряд сложных и разноплановых задач, и исследование возможно более полного состава серболужицких памятников письменности приобретает особое значение. Тот синхронный срез, который представлен первыми памятниками серболужицкой письменности, репрезентует долитературный период развития серболужицкого языка (XVI в.) – время зарождения письменности, можно условно считать начальным для изучения диалектной истории серболужицкого языка и различных фрагментов его системы. Надо учитывать и те особенности письменных переводов библейских текстов на серболужицкий язык в ранний, долитературный период письменности, о которых упоминалось выше. Любой перевод богослужебных книг на серболужицкий язык дает представление об определенной языковой системе, отличной в большей или меньшей степени от той, которую мог представлять живой диалект. При этом морфология могла точнее отражать существовавшую в действительности картину (по сравнению с лексикой и фонетикой), хотя и в этом случае определенным препятствием могло стать несовершенство графической системы и орфографии любого из ранних памятников серболужицкой письменности²⁷.

Сопоставление данных, полученных в результате исследования по определенной программе ранних памятников серболужицкой письменности, и результатов изучения современной диалектной ситуации могут дать убедительные выводы относительно динамики диалектной серболужицкой ситуации.

Примечания

- ¹ Общее представление о составе верхне- и нижнелужицких памятников раннего периода развития серболужицкой письменности дает хрестоматия серболужицких памятников, составленная Г.Шустером-Шевцем: см. *H.Schuster-Šewc. Sorbische Sprachdenkmäler 16.-18. Jahrhundert. Bautzen, 1967*; см. также *K.E.Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891, S. 3-15.*
- ² *Ермакова М.И.* Из истории серболужицкого именного словоизменения. IV (парадигматика имени существительного по данным нижнелужицких памятников письменности XVI – XVII вв.) // Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. с. 138–164 М. 1995.
- Она же.* Из истории серболужицкого именного словоизменения (парадигматика имени существительного по данным перевода М.Якубицы) // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Bautzen, 1984. Rjad A, č. 31/2, S. 139-165*;
- Она же.* Из истории серболужицкого именного словоизменения... II. // *Lětopis, 1989, Rjad A, č. 36, S. 53-62*;
- Она же.* Из истории серболужицкого именного словоизменения... III. // *Lětopis, 1990. Rjad A, č. 37, S. 35-45.*
- ³ *H.Schuster-Šewc. 1967. Op.cit.*
- ⁴ *H.Schuster-Šewc. Zum gegenwärtigen Stand der sorbischen Sprachdenkmäler und ihrer Edition, Slavia 36, 1967, S. 537-546.*
- H.Schuster-Šewc. Sorbische Sprachdenkmäler... Lewaszkiewicz T. Łużyckie przekłady Biblii, przewodnik bibliograficzny, Warszawa, 1995.*
- ⁵ Das niedersorbische Testament des Mikławuš Jacubica 1548, herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen Kommentaren versehen von Heinz Schuster-Šewc. Berlin, 1967, S. XIV-XXIV.
- См. Šewc. H. Mikławša Jakubicowu pfełožk Noweho zakonja do serbšćiny z lěta 1548. Pospyt noweho hladanja na wosobinu pfełožowarja a jeho reč // Lětopis. 1997, 2. Budyšin. 1997. S. 31-52.*
- ⁷ *H.Schuster-Šewc. Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958. S. 92-94.*
- ⁸ *K.E.Mucke. Op.cit. S.8.*
- ⁹ *H.Schuster-Šewc. Vergleichende ... S. 92.*
- ¹⁰ *Trautmann R. Der Wolfenbütteler Niedersorbische Psalter (Einleitung und Edition), Leipzig, 1928. Słoński S. Wydanie i opracowanie je, zykowe Psalterza Wolfenbüttelskiego // Prace Filologiczne 16, 1934. S. 227-230.*
- ¹¹ *Andreas Tharaeus. Enchiridion Vandalicum. Ein niedersorbisches Sprachdenkmal aus dem Jahre 1610. Herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen Kommentaren versehen von Heinz Schuster-Šewc. Bautzen, 1967.*
- ¹² *Hórník M. W kotrej podrěči pisaše Tharaeus w leće 1610? // ČMS, H. 11, 1869. S. 108-119.*
- ¹³ *Mucke K.E. Op.cit. S.10.*
- ¹⁴ *Stieber Zd. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934. S. 89.*
- ¹⁵ *Radłowski M. Enchiridion Vandalicum Andreae Tharaei. Zabytek dolnołużycki z 1610 r. Rozbiór językowy. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1967. S. 119.*
- ¹⁶ *Andreas Tharaeus. Op.cit. S.43-44.*
- ¹⁷ *Leskien August. Bemerkungen über den niedersorbischen Dialekt des Tharaeus // AfslPh 2, 1877, S. 126-129.*
- ¹⁸ *Meyer K.H. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597). Text mit Einleitung und grammatischer Bearbeitung. Leipzig, 1923;*
- Hórník M. Martinowe pokutne psalmy z l. 1627 // ČMS, 1871, S. 5;*
- Mucke K.E. Op.cit. S.13.*
- Jenč H. Wotblyšćowanje dialektnych rozdźelów w hornjoserbskich rěčnych pomnikach 17. lětstotka // Lětopis Rjad A, č. 27, 1980. S. 26-36.*

- ¹⁹ *Hórnik M.* Rukopisna agenda z léta 1667 // ČMS, 1869, S. 45-48.
Jenč H. Op.cit.
- Mucke K.E.* Op.cit. S. 13.
- ²⁰ *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler, S. 87-89;
Jenč K.A. Op.cit. S. 44-58.
- ²¹ *Michalk F.* Kulowski dialect džensa a před 300 lětami. Přinošk k serbskej historiskej dialektologiji // Frido Michalk. Studia o języku lużyckim. Studije k serbskej rěči. Studien zur sorbischen Sprache. Warszawa, 1994. S. 102.
- ²² *Lewaszkiwicz T.* Op.cit. S. 39-41.
- ²³ *Michalk F.* Op. cit. S. 101-102.
- ²⁴ *Wirth P.* Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas. Textband und Tafelband. Leipzig, 1933-1936.
- ²⁵ См., например, *Fasske H.* Hišće raz k prašenju kategorijow žiwosće a cionalnosće w serbsčinje // Lětopis, Rjad A, 1977, č.24/2, S.177-186;
Fasske H. K prašenjam duala a k frekwency jeho zastupowanja přez plural // Lětopis, Rjad A, 1968, c.15/1, S.12-47;
Fasske H. Wuwiće ak./gen. jako wuraz kategorije žiwosće resp. kategorije racionalnosće w serbsčinje // Lětopis, Rjad A, 1972, č.19/1, S.18-51;
Lötzsch R. Die Verbreitung des Gen./Akk. du. in den sorbischen Dialekten und das Problem seiner Genese // ZfSI, 1964. IX, H. IV, S. 485-499;
Michalk F. Der Verlust der syntetischen Vergangenheitsformen im Norden des obersorbischen Sprachgebiets // Acta Universitatis Carolinae 1959, Slavica Pragensia I.Praha, 1959, S.103-112.
Schuster-Šewc H. Nastaće a wuwiće gramatiskeju kategorijow musko-wosobowosće a žiwosće w delnej a hornjej serbsčinje z wobkedźbowanjom poměrow w susodnych słowjanskich rěčach. // Lětopis, Rjad A, 1977, č.24/1, S. 28-41.
- ²⁶ *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960, с.13.
- ²⁷ *Ермакова М.И.* Op.cit. 1984, S.141.

Summary

On methods of researches in sorbian dialects history (Using the memorials of sorbian written language)

The article treats of sorbian historical dialectology which embraces two main sorts of researches: 1) publication of early sorbian biblical translations and determination of dialects they belong to; 2) revealing the centuries-long dynamics of sorbian dialect situation. The latter course expands the resources for creating the fundamental sorbian historical grammar.

Этнолингвистические и социоллингвистические методы изучения южнославянских диалектов*

Этнолингвистические методы изучения славянских и, в частности южнославянских, диалектов базируются на представлении о диалекте как культурно-языковом явлении. Этот подход к изучению славянской лингвогеографии связан с идеей о том, что «диалект (равно как и макро-микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную духовную культуру выделять из этнографических рамок» [Толстой 1995:21]. Если диалект в традиционном понимании определяется на основе набора фонетических, морфологических, возможно, синтаксических явлений, а также особенностей региональной лексики, то в случае этнолингвистического изучения славянских территориальных единиц исследуется специфика традиционной народной духовной культуры. Различные признаки культурных феноменов из сферы семейной и сельскохозяйственной обрядности, народного календаря и народной мифологии определенным образом членят территорию южных славян и формируют культурные диалекты, что подтверждает мысль Н.И. Толстого о том, что «...вся народная культура диалектна, ...все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутрдиалектных вариантов с неравной степенью различия» [Толстой 1995:20].

В центре этнолингвистического изучения славянских диалектов, помимо явлений этнографического и культурологического плана (экстралингвистический материал), оказывается терминологическая лексика традиционной народной духовной культуры, картографирование которой имеет свои особенности. Именно терминология традиционной народной культуры вместе с иными вербальными составляющими определяется как наиболее устойчивая часть структуры какого-либо феномена и служит источником для реконструкции древних пластов культуры (см. об этом [Толстая 1989]). При этнолингвистическом картографировании терминологической лексики традиционной народной культуры в большей степени учитывается этнокультурный контекст функционирования терминов в силу неоднозначного (непрямого) соотношения между обозначаемым и обозначающим, сложности «ментальных реалий», не поддающихся «фотографированию». Так, например, невозможна фотография мифологического персонажа из-за множественности соотносимых с именем персонажа мыслен-

* Авторская работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №02-05-120346)

ных образов, однако опора на релевантные (значимые) признаки мифологического образа или определенного класса персонажей может служить основой для картографирования соответствующих типов их названий. К таким значимым признакам относятся, прежде всего, действия (и шире — функции) мифологических персонажей, поэтому, например, при картографировании лексики, обозначающей южнославянскую ведьму, выбирается наиболее значимые признаки, а именно функция ведьмы «отнимать молоко, урожай» и функция «наносить порчу», но вместе с тем исключается из рассмотрения функция «снимать порчу» во избежание содержательно-смысловых пересечений с иным мифологическим персонажем — знахаркой (целительницей). Известная, на первый взгляд, во всем южнославянском ареале функция ведьмы «пить кровь» (см. статью «Вештица» в словаре «Славянские древности» [СД 1]) при конкретном изучении ее территориального распространения у южных славян оказывается нехарактерной для словенского и западнохорватского (кайжавского) ареала,¹ поэтому также не может быть выбрана в качестве определяющей для данного типа мифологических персонажей.

Изучение географии славянской народной культуры и обслуживающей ее терминологической лексики на основе источников, подробно описывающих традиционную народную духовную культуру по регионам (этнографические источники) или отчасти ее затрагивающих (диалектные словари), — один из способов сбора этнолингвистического материала, подлежащего картографированию. Вместе с тем, наиболее достоверные данные могут быть получены на основе полевого обследования посредством специально созданного этнолингвистического вопросника (для южнославянского ареала такой вопросник был составлен в рамках программы сбора лексического материала для «Малого диалектологического атласа балканских языков» [Плотникова 1996]; впоследствии этот вопросник стал применяться для сбора материала вне сетки атласа — в разных южнославянских регионах, см. [Плотникова 1998; Плотникова, Узенева 2002 и др.]). Сопоставление полевых этнолингвистических данных с этнографическими, лексикографическими, фольклорными материалами из опубликованных источников (см., например, [СЕЗб; ZNŽO; Пир.; Плов.; Род.; Добр.]) при картографировании явлений языка и культуры позволяет уточнить ареалы бытования терминологической лексики и соответствующих этнокультурных контекстов.

Отдельного внимания в этом плане заслуживает вопрос полевого сбора диалектной лексики традиционной народной духовной культуры, поскольку для точной фиксации языковых (лексических) сведений в этой сфере необходима подробная информация экстралингвистического характера. Таким

¹ Заметим попутно, что функция «пить кровь» оказывается несколько уже ареала наименований ведьмы *вештица* (и под. от **věšť*).

образом, фиксируется не только термин, но и весь культурный подтекст (или контекст) его функционирования. Например, при сборе мифологической лексики должны быть выявлены особенности образа (внешний облик, происхождение, локус, время появления и т.д.), а также и былички (рассказы о встрече с мифологическим персонажем), сказки и т.п. В случае обрядовой лексики, обозначающей реалии, действия, лица и пр., собирателем отмечаются время и место исполнения обряда (ритуала), действия обрядового лица, ритуальное назначение реалии и т.п.

Как показывает карта «Ведьма: названия и поверья», созданная на материале всех южнославянских традиций, правильный учет экстралингвистических признаков, формирующих мифологический образ, позволяет картографировать соотносимые друг с другом наименования: данная карта южнославянских названий ведьмы сделана на основе вычленения функций мифологического персонажа «отнимать молоко, урожай» и «наносить порчу». Получаемые на основе такого картографирования ареалы отражают основное членение южнославянского диалектного континуума по целому ряду признаков, один из которых — наименования ведьмы. На карте отчетливо прослеживается ведущий тип наименований — названия от слав. **věštrь*, известные на всей территории южнославянских культурно-языковых диалектов, главным образом — как серб., хорв. *вештица*, болг. *вещица*; на самом западе южнославянского континуума отмечаются модификации типа словен. *veščca* (Толмин [Kelemina 1998:86]), хорв. *veščca* (Каставштина [Jardas 1957:102]),² ср. босн.-мусульман. аналог *вишћа* (Сараево [Лилек 1894:669])³; на востоке возможны такие диалектные наименования, как макед. *вештерица* (Скопска Црна Гора [Петровић 1907:503], Скопска Котлина [Филиповић 1939:520]), *вештерка* (с.Слепче около Крушева [Ђорђевић 1953:5]), болг. *вещерица* (БМ:59). В центральном («срединном») ареале распространения названий типа *вештица* можно выделить еще один, более узкий ареал («узкий центр») параллельного с *вештица* или исключительного употребления названий от **čip-* (ср. серб. *чини* ‘чары’): босн. *чинилица*⁴, черногор. *чињелица*⁵, з.-серб. *чињарица*⁶, *чинилица*⁷. Южный балканославянский пояс образуют названия ведьмы с семантикой ‘отнимать, отбирать’, ‘переманивать’ (южная Македо-

² На о. Крк также и *вишка* [Ђорђевић 1953:5].

³ В восточной Боснии фиксируется также *вјежа* (Вишеградский и Чайничкий округа [Лилек 1894:664]).

⁴ Боснийская Краина [Ђорђевић 1953:27], боснийское Посавье в северо-восточной Боснии [Ђилдровић 1969:143], Маглай в северо-восточной Боснии [Ђорђевић 1953:12], Гласинац в восточной Боснии [Лилек 1894:669], окрестности Фочи [Лилек 1894:670].

⁵ Ускоки в средней Черногории [Станић 2:486].

⁶ Драгачево (соб. зап.), с. Рудно на Голии (соб. зап.).

⁷ Драгачево (соб. зап.).

ния, южная Болгария): ю.-макед. *презимачка*⁸, ю.-з.-болг. *мамячка*⁹, *мамница*¹⁰, *измамница*¹¹, ю.-болг. (Родопы, Пловдивский край) *мамница*¹², *омайница*¹³, ю.-в.-болг. (Странджа) *мамница*¹⁴, см. карту.

Преимущественно в тех же южных балканославянских областях, где известны наименования с семантикой 'отнимать', 'переманивать' (Родопы, Фракия, Странджа), распространены поверья о специфическом способе отбирания у соседей молока, урожая: ведьма вынашивает за пазухой яйцо, из которого вылупляется цыпленок с магическими свойствами отнимать у односельчан «спор» и приносить своей хозяйке. Так, по полевым записям из помакского села Аврен (Кырджалийский округ в южных Родобах, зап. Е.С. Узеновой, А.А. Плотниковой), в дни Великого поста перед Пасхой колдунья (*джди́я*, *жеди́я*) кладет за пазуху яйцо, из которого за 21 день появляется черный цыпленок (*ма́мник*, *ма́мниче* 'выманивающий'), с помощью которого она отбирает у чужой коровы молоко и масло: подсылает его в чужой двор, подбрасывает его перья в соседский загон и т.д. [Плотникова, Узенева 2002:42]. По поверьям из с. Устрем (р-н Тополовграда в южной Болгарии), такой цыпленок переносит своей хозяйке по зернышку соседский урожай, по капле — молоко от коровы; помогает сваливать месяц с неба [Мицева 1994:164]. В Родобах встречаются аналогичные поверья о двух сросшихся цыплятах (или цыплятах-близнецах), вылупившихся из выношенного ведьмой за пазухой яйца с двумя желтками [Мицева 1994:164-165; Род.:33]. Поверья о чудесном цыпленке ведьмы известны в Пловдивском крае (в окрестностях Асеновграда, Хаскова, Кырджали: *мамник*¹⁵, *мамяк*¹⁶), в Страндже (*ма́мяк*, *ма́мняк*)¹⁷. В Карнобатском крае *ма́мници*, *ма́мяци* — выношенные ведьмой за пазухой черные бабочки с желтыми пятнами, которых она посылает в чужое стадо, реже в поле, с целью отобрать молоко, урожай [ИККК 3:193]. Ср. также северо-восточноболгарскую семантическую параллель: *джди́я* (*неперуда*, *калинка*) — бабочка, которую ведьма посылает отобрать молоко у овец (Алфатар и др. [Добр.:331]).

⁸ Прилепский край, Мариово [Вражиновски 1995:142-143].

⁹ Гоцеделчевский край [ЕБ:50].

¹⁰ с. Кочан в Пирине [Пир.:469].

¹¹ с. Делчево в Пирине [Пир.:469].

¹² Чеч, Чепинско [Род.:30], с. Михилци в близи Хисаря [Плов.:269], села Ситово, Дылбок Извор вблизи Асеновграда [Плов.:269], Кырджалийский р-н [Род.:30], села Дрангово, Чакаларово в р-не Момчиловграда [БД 2:203].

¹³ Пазарджик [Род.:30].

¹⁴ Села Горно Ябылково, Голямо Буково, Тагарево, Желязково, Грудово [Стран.6227-228].

¹⁵ Села Хвойна, Павелско, Добралык [БД 2:203], Новаково [Пловд.:269], Мостово [БД 2:203]

¹⁶ С. Мостово [Род.:33]

¹⁷ Села Горно Ябылково, Голямо Буково, Богданово [Стран.:227].

Ставшее уже классическим деление на восток и запад южнославянского ареала показывает распределение названий ведьмы от образованные от греческого *μαγία*: болг. *маг'осница*, *магесница*, макед. *магесница*, в.-серб. *маџијарка* и под. Такие наименования широко распространены по всей Болгарии и Македонии; кроме того, они являются практически единственным наименованием этого мифологического персонажа в юго-восточной Сербии: в.-серб. *маџијарка* (Заглавак, МДАБЯ, соб. зап., Горни Висок, соб. зап.), ю.-серб. *мађијушница* (с. Равна Гора вблизи Власотинцев, соб. зап.), *мађешница* (с. Ябланица на Пчине, соб. зап.; с. Биляча в р-не Прешева [Златановић 1998:219]), *мађосница* (Горня Пчиня [Филиповић, Томић 1955:99]), *мађишница* (Метохия [Елезовић 1932:379]).

Компактную зону распространения в восточном южнославянском ареале имеют заимствования из турецкого, типа *джидия* 'ведьма': на востоке и юге Болгарии они употребляются наряду с терминами типа *маг'осница* и *вещица* (северо-восточные области) или *мамница* (Родопы): *джелия* (*желия*) (Кырджалийский, Хасковский р-ны [Род.:30]); *дждедія*, *жедія* (с. Аврен в окрестностях Крумловграда, зап. Е.С. Узеновой, А.А. Плотниковой); *джидія* (Карнобатский край [ИККК 3:193], Алфатар вблизи Силистры [Добр.:331]); *джадыя* (с. Равна в Провадии, МДАБЯ, зап. И.А. Седаковой); *джададжия* (с. Девня в Провадии¹⁸ [Вакарелски 1990:162]); *дждадја* (села Батово, Соколово в Добрудже [Добр.:331]); ср. также *дждадъ* — человек-оборотень, появляющийся в среду вечером в виде клубка, чтобы ткать в чужих домах (с. Капетан Петко в Шуменском крае [Мицева 1994:106]).

Приморскую периферию южнославянского территориального континуума образуют названия типа *штрига* романского происхождения, возможно, из албанского на юге зоны (Черногория) и итальянского — на севере (Истрия, Словения): черног. *штригна* (Васоевичи на западе Черногории¹⁹ [Ђорђевић 1953:5]), *штрига* (у албанцев на юго-западе Черногории [Дучић 1931:293-301], Заострог в Далмации [Ђорђевић 1953:9]), хорв. *štriga*, *štrigna* (о. Хвар, о. Брач [Ђорђевић 1953:5]), *štriga* (Каставщина [Jardas 1957:102])²⁰, Брест в северной Истрии [Микас 1934:196-199]), словен. *štrija* (Св. Петер при Горице в западной Словении [Kelemina 1998:86-87]).

В центральной и северной Словении, как и в сопредельных хорватских областях, преобладает заимствование из немецкого языка *coprnica* (ср. нем. *zaubern* 'колдовать') причем по мере удаления от словенских регионов чаще употребляется наряду с исконно славянским *вештица*, см. карту.

¹⁸ Здесь название употребляется для обозначения ведьмы, преследующей и убивающей вампира, см. [Вакарелски 1990:162].

¹⁹ Регионы, граничащие с Албанией.

²⁰ Наряду с *vešća*, см. карту.

Следует отметить, что на западе южнославянского ареала функции ведьмы могут расширяться до свойственных также и «погодным» (атмосферным) демонам: напр., вызывать град, дождь и пр., что имеет аналогии с западнославянской традицией. Так, в Каринтии известна *coprnica*, основные функции которой — «повелевать тучами», «напускать болезнь на людей» (Стройна [Makarovič 1982:447]). В северной Истрии *štriga* насылает на людей болезнь (чаще всего — на перекрестке); приводит в село град; отнимает у соседей молоко; ее дух вылетает из тела и мучает, душит человека во сне, превращаясь в муху, мышь [Mikas 1934:196-199]. В окрестностях Кастава (западное хорватское приморье) *štriga* или *vešća* — злая женщина, которая устраивает град и непогоду, делает людей больными, отбирает молоко у коровы, когда его видит [Jardas 1957:102]. Черты ведьмы как «погодного» демона постепенно стираются в направлении востока южнославянского территориального континуума. В словенском Прекмурье *coprnica* нападает на людей и гоняет их ночью [Kelemina 1998:88]; в соседнем Средишче на р. Драва — обирает чужой урожай [Kelemina 1998:88-89]; в Костаневице — ездит верхом на людях, обирает росу на соседском поле [Makarovič 1975:60]; *coprnica* или *vještica* может обращаться в жабу (Ступник, Чучерье в западной Хорватии, Луков Дол у Северина в Славонии [Ђорђевић 1953:10-11]). Очевидно, что в словенских и западнохорватских регионах называемая различным образом ведьма имеет черты, как общие для всех славянских традиций (отбирание молока, урожая; превращение в животных, прежде всего, — в жабу), так и специфические балканославянские (душа ведьмы покидает тело и улетает пить кровь / душить спящего человека).

Таким образом, среди южнославянских названий, обозначающих ведьму, прежде всего, выделяются термины, связанные со сверхъестественными способностями человека (от слав. **věštъ*) или колдовством (от греч. μαγία; от нем. *zaubern* 'колдовать'). Славянское название ведьмы от **věštъ* известно в той или иной степени всем южным славянам и, по всей видимости, является исконным древним культурным термином, наряду с наименованиями с семантикой 'отбирать', 'переманивать' (от *мам-* и др.) в южном балканославянском поясе (ср. также карпато-южнославянские параллели на функционально-семантическом уровне — мотивы о вынашивании за пазухой чудесного помощника), тогда как термины типа *маг'осница* представляют собой инновационное балканское явление в восточной части южнославянского культурно-языкового континуума. Компактный центральный ареал образований от **čin-*, возможно, является еще одним знаком южнославянского «центра» в противопоставлении периферии, где подобные названия не фиксируются.

Социолингвистические методы — на сегодняшний день также относятся к нетрадиционным методам изучения южнославянских диалектов. Более того, их применение при современной языковой ситуации на территории сербскохор-

ватского языка (или, в соответствии с предложенным Д.Брозовичем термином, среднеюжнославянского языка, см. [Плотникова 2003:103]) во многих случаях может оказаться «вызывающим» и даже «эпатирующим», поскольку именно социоллингвистический критерий в ряде случаев становится единственным релевантным признаком определения принадлежности того или иного пограничного диалекта к литературному (или «стандартному») южнославянскому языку. По мнению норвежского ученого С.Мённесланда, традиционный критерий генетической близости южнославянских языков в данном случае неприменим, поскольку трудно доказать, что все диалекты «среднеюжнославянской диасистемы» генетически теснее связаны между собой, нежели с соседними южнославянскими языками. Критерий «взаимного понимания» между носителями языка на территории от Болгарии до Словении также не выдерживает критики из-за существенных диалектных расхождений в крайних точках бывшего сербскохорватского языка [Mønnesland 2003:154-155]. Добавим к этому известные факты обособленности отдельных диалектов (говоров) уже в рамках новых южнославянских стандартных языков на рассматриваемой территории: таков тимокский (торлакский) говор в отношении к современному сербскому языку, кайкавский — в отношении к хорватскому, т.е. «непонятные» говоры с точки зрения носителей языковой нормы современного сербского и хорватского языков. С. Мённесланд в качестве наиболее приемлемого для так называемого «среднеюжнославянского языка» считает социоллингвистический критерий, ориентированный на ощущение идентитета с определенным стандартным языком у носителя говора. Так как для описания языковой ситуации на среднеюжнославянской территории понятие «диасистемы» является неясным (а потому и ненужным), ученый предлагает вести термин «социоллингвистический комплекс»: говоры Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории относятся к «среднеюжнославянскому социоллингвистическому комплексу», в рамках которого существует несколько стандартных языков. Несмотря на то, что некоторые говоры генетически или типологически ближе другим стандартным языкам (вне «комплекса»), боснийско-хорватско-сербский социоллингвистический комплекс является реальностью [Mønnesland 2003:155-158].

Для социоллингвистического исследования южнославянских диалектов можно предложить следующие необходимые пункты возможной программы полевого обследования:

1. Отношение носителей диалекта к своему диалекту, например, как к «самостоятельному языку», отличному от литературного или, наоборот, как к наиболее «чистому литературному языку» и т.д.;
2. Отношение носителей диалекта к разным идиомам, которыми пользуются носители говора (дихотомия в плане «старое — новое»; «деревенское — городское»);

3. Отношение носителей диалекта к литературному языку и генетически близким соседним языкам (дихотомия «свой — чужой»).

Результаты полевого социолингвистического обследования диалекта по представленной схеме можно представить на примере тимокского (торлакского) говора, близкого западноболгарским говорам, с которыми он по целому ряду признаков образует единое целое в рамках всего южнославянского диалектного континуума²¹. Носители тимокского говора в г. Княжевац и окрестных селах²² (1) свой говор рассматривают как особый язык («нити српски, нити бугарски, већ торлачки» — «не сербский, не болгарский, а торлакский»); (2) диалектные особенности говора считают «старинными» (в отличие от «новых»), по другим критериям — «деревенскими» (в отличие от «городских»); (3) сербский язык считают «своим», тогда как болгарский — «чужим», отрицая любое сходство с последним (подробнее см. [Плотникова 2003]). Данный синхронный срез социолингвистической ситуации в торлакском диалекте позволяет определить этот диалект как составляющую часть современного сербского языка и как диалект, в котором, наряду с процессом постепенной утраты отдельных региональных признаков, действуют механизмы консервации части диалектных особенностей (в частности, характерно сознательное стремление носителей диалекта сохранить свой региональный лексический фонд, что находит отражение в художественном творчестве местных поэтов и писателей).

Отдельного внимания заслуживает вопрос сопоставительного анализа особенностей говора деревни и города в рамках одного диалекта. На идее о постепенном «стирании» диалектных особенностей в городской среде построено исследование П.Л. Тома «Говоры Ниша и окрестных сел» [Тома 1998]. В его монографии представлен продуманный и отработанный аппарат средств, своего рода программа, с помощью которой осуществимо социолингвистическое сравнительно-сопоставительное изучение говора южнославянской патриархальной деревни и города.

Социолингвистические методы при изучении южнославянских диалектов в широком смысле этого слова, т.е. с привлечением материала традиционной народной духовной культуры, в последнее время применяются в исследованиях зон контакта славянских и неславянских диалектов, например, говоров «влахов» и сербов в северо-восточной Сербии (см. [Сикимић 2001]).

²¹ На этой основе стало возможным создание диалектологического атласа Восточной Сербии и Западной Болгарии [Sobolev 1998].

²² Наиболее тщательно было обследовано село Доня Каменица, экспедиция в которое была организована в рамках проекта «Малого диалектологического атласа балканских языков» в 1997 г., см. [Плотникова 2003].

Литература

- Плотникова 1996 — *А.А.Плотникова*. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
- Плотникова 1998 — *А.А.Плотникова*. Этнолингвистические исследования в юго-восточной Сербии // *Живая старина*. 1999. № 1. С. 45-46.
- Плотникова 2003 — *А.А.Плотникова*. Источносрпски говори у односу на стандардни српски језик // *Bosanski - Hrvatski - Srpski. Bosnisch - Kroatisch - Serbisch. Aktuelna pitanja jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 57. Wien, 2003. S. 193-199.*
- Плотникова, Узенева 2002 — *А.А.Плотникова, Е.С.Узенева*. Экспедиция в болгарское село Аврен // *Живая старина*. 2002. № 4. С. 42-43.
- СД — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 1. М., 1995. Т. 2. М., 1999.
- Сикимић 2001 — *Б.Сикимић*. Обичај «кумачење» код Влаха и Срба у североисточној Србији и јужном Банату (проблеми етнолингвистичких истраживања) // *Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография*. М., 2001. С. 112-126.
- Толстая 1989 — *С.М.Толстая*. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // *Славянский и балканский фольклор*. М., 1989. С. 215-229.
- Толстой 1995 — *Н.И.Толстой*. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Тома 1998 — *П.-Л. Тома*. Говори Ниша и околиних села // *Српски дијалектолошки зборник*. XLV. Београд, 1998.
- Mønnesland 2003 — *Mønnesland S.* О појму «dijasistm» // *Bosanski - Hrvatski - Srpski. Bosnisch - Kroatisch - Serbisch. Aktuelna pitanja jezika Bošnjaka, Hrvata, Srba i Crnogoraca. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 57. Wien, 2003. S. 153-160.*
- Sobolev 1998 — *A.Sobolev*. Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. I-III. Marburg an der Lahn, 1998.

Источники

- БД — *Българска диалектология. Прочувания и материали*. Кн.1— . Софиа, 1962—.
- БМ — *Българска митология. Енциклопедичен речник*. Софиа, 1994.
- Вакарелски 1990 — *Х.Вакарелски*. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. Софиа, 1990.
- Вражиновски 1995 — *Т.Вражиновски*. Народна демонологија на македонците. Скопје — Прилеп, 1995.
- Добр. — *Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови прочувания*. Софиа, 1974.
- Дучић 1931 — *С.Дучић*. Живот и обичаји племена Кучи // *СЕЗБ*. 48. 1931.
- Ђорђевић 1953 — *Тих.Р.Ђорђевић*. Вештица и вила у нашем народном веровању и предању // *СЕЗБ*, 67. 1953.
- ЕБ — *Етнографија на България. III*. Софиа, 1985.
- Елезовић 1932 — *Г.Елезовић*. Речник косовско-метохиског дијалекта. I. Београд, 1932.
- Златановић 1998 — *М.Златановић*. Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.
- ИККК — *История и култура на Карнобатскиа край*. Т.3. Софиа, 1993.
- Лилек 1894 — *Е.Лилек*. Вјерске старине из Босне и Херцеговине // *Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini*. Кпј. 7. Sarajevo. 1894.
- МДАБЯ — *Малый диалектологический атлас балканских языков. Архивные материалы*.
- Мицева 1994 — *Е.Мицева*. Невидими ношни гости / Подбор и научен коментар Е. Мицева. Софиа, 1994.
- Петровић 1907 — *А.Петровић*. Живот и обичаји народни у Скопској Црној Гори // *СЕЗБ*. Књ. 7. 1907.
- Пир. — *Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови прочувания*. Софиа, 1980.
- Плов. — *Пловдивски край. Етнографски и езикови прочувания*. Софиа, 1986.
- СЕЗБ — *Српски етнографски зборник*. Књ 1— . Београд, 1894 —.
- Станић — *М.Станић*. Ускочки речник. 1-2. Београд, 1990.
- Стран. — *Странджа. Материална и духовна култура*. Софиа, 1996.

- Род. — Родопи. Традиционална народна духовна и социалнонормативна култура. Софија, 1994.
- Филиповић 1939 — *М. Филиповић*. Обичаји и веровања у Скопској Котлини // СЕЗБ. 1939. Књ. 54.
- Филиповић, Томић 1955 — *М. Филиповић, П. Томић*. Горња Пчиња // СЕЗБ. Књ. 68. 1955.
- Filipović 1969 — *М. Filipović*. Prilozi etnološkom proučavanju severo-istočne Bosne. Sarajevo, 1969.
- Jardas 1957 — *J. Jardas*. Kastavština // ZNŽO, 39, 1957.
- Kelemina 1998 — *J. Kelemina*. Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom. Ljubljana, 1997.
- Makarović 1975 — *М. Makarović*. Kostanjevica in okolica. Narodopisni opis. Kostanjevica na Krki, 1975.
- Makarović 1982 — *М. Makarović*. Stroina i strojanci. Narodopisna podoba koroške hribovske vasi. Ljubljana, 1982.
- Mikac 1934 — *J. Mikac*. Vjerovanja (Brest u Istri) // ZNŽO 29/2. 1934.
- ZNŽO — Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knj. 1—, Zagreb, 1896—

Summary

Ethnolinguistic and sociolinguistic methods of investigation of southern Slavic dialects

The paper is devoted to ethnolinguistic and social-linguistic methods of investigation of South-Slavic dialects. Ethnolinguistic approach to the phenomena of language and culture is based upon the idea of «cultural dialects» that is worked out by N.I. Tolstoy. Various features of traditional calendar customs, birth, wedding and funeral rites, popular beliefs and mythology are to be taken into account in ethnolinguistic studies. As far as language is a main way of conservation of the oldest traits of traditional culture exactly cultural vocabulary and specific extralinguistic features corresponding to lexical units are under consideration. This method is represented by the example of ethnolinguistic map devoted to the South-Slavic terminology and beliefs linked with mythological image of witch. Regarded terminology and beliefs show the main cultural-dialect areas in the frames of South-Slavic traditions.

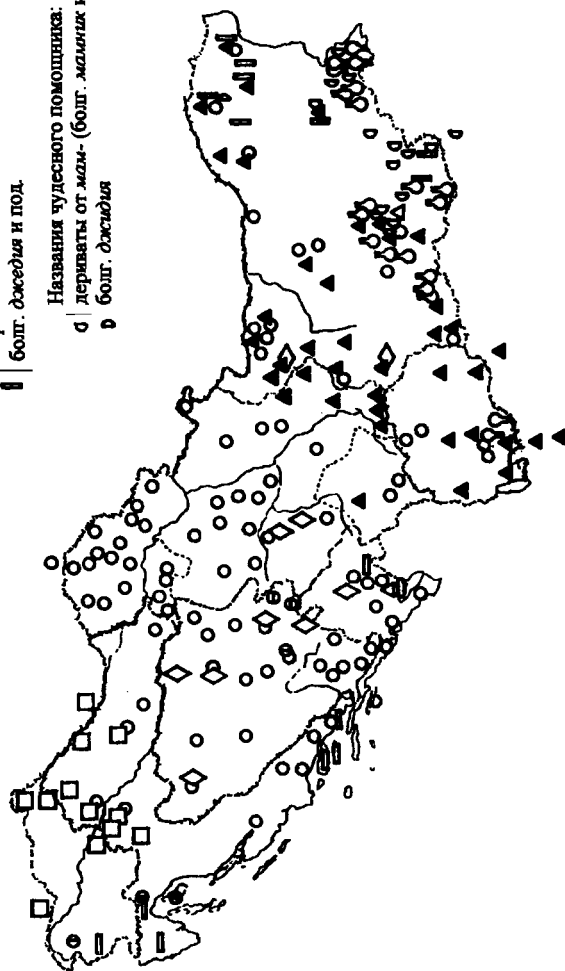
Social-linguistic methods are to be applied in the complicated situations in the periods of development and confirmation of new standard languages that is just the situation in Serbian, Croatian and Bosnian modern languages. The author agrees with the opinion of S. Mønnesland that social-linguistic criterion is the single way of definition of belonging of a dialect to one of the standard languages in case of South-Slavic modern languages. Some points of social-linguistic investigation of a dialect are suggested in the paper: (1) apprehension of the dialect as separate language (or vice versa) by the speakers of the dialect; (2) attitude of the speakers of the dialect to the different idioms in their language («old» — «new», «rural» — «urban» phenomena); (3) attitude of the speakers of the dialect to the standard (literary) language («their own» or «alien»). Analysis of East Serbian (Torlak) dialect by means of such approach shows that native speakers of this dialect regard their language as specific language different from Serbian and from Bulgarian but at the same time they perceive standard Serbian language as «their own», «native» language while Bulgarian — as «strange», «alien».

ВЕДЬМА: НАЗВАНИЯ И ПОВЕРЬЯ

Названия ведьмы:

○ дериваты от **vešča*- (*вешища* и под.)○ *viešča / vešča / veščā*○ *vježa* и под.○ *viška*◇ дериваты от **šip-* (*чипилира* и под.)названия с семантикой 'отобрать' (*презимачка* и под.)названия с семантикой 'переминывать' (*маминна* и под.)дериваты от **brod-* (*броодница* и под.)+ *mag* 'осница' и под.+ **štriga* и под.+ **soptišca* и под.| болг. *дъжделия* и под.

Названия чудесного помощника:

□ дериваты от *ман-* (болг. *малник* и под.)▷ болг. *дъжделия*

Две парадигмы в изучении южнославянской диалектной лексики¹

Лексикографическая обработка сербохорватской и македонской диалектной лексики, хотя и имеющая двухвековую традицию, активно начала проводиться лишь в последние два десятилетия. В 80-90-ые годы XX в. в Сербии и Хорватии наступает настоящий лексикографический «бум», выразившийся, с одной стороны, в публикации около 30 диалектных словарей (библиографию см. в работах: Петрович 2000; Якушкина 2002; Vulić 1999), а с другой - в инициировании крупных региональных лексикографических проектов и в сопутствовавшей этому разработке теории диалектной лексикографии. В 90-ые гг. был подготовлен и первый фундаментальный македонский диалектный словарь - «Словарь говоров Эгейской Македонии», составленный К.Пеевым (Пеев 1999), что, принимая во внимание гораздо более скромные масштабы македонской лексикографии, является весьма значительным событием. Диалектные словари, появившиеся в Сербии, Хорватии и Македонии в последние годы, во всех отношениях разнородны. Однако два словаря, составленные под руководством Д. Петровича, «Словарь говора буневцев Бачки» (Peić, Vačlija 1990) и «Словарь сербских говоров Воеводины» (РСГВ 2000; 2002), однозначно выделяются из этого лексикографического корпуса, представляя новую, строго лингвистическую парадигму в диалектной лексикографии. Свою концепцию лингвистического диалектного словаря Д.Петрович противопоставляет традиционной лексикографической парадигме - вековой традиции сбора и обработки сербохорватской диалектной лексики, которую, во многом, продолжает и воплощает большинство современных диалектных словарей, в том числе и упоминавшийся выше словарь К.Пеева.

Основной чертой традиционного подхода, в разных словарях прослеживающейся более или менее четко, является осознание диалектного словаря не только или даже не столько как инструмента лингвистического исследования, сколько как описания, выполняющего культурологическую функцию в самом широком смысле слова. Большинство современных сербских и хорватских лексикографов продолжает руководить романтический дух лексикографии XIX в., заключающийся в том, что словарное представление

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № НШ-2141.2003.6

диалектной лексики служит задачам пополнения сокровищницы национальной культуры, сохранению исчезающего лексического богатства народных говоров и обогащению литературного языка. Этот принцип обусловил установку сербской и хорватской лексикографии XIX в. на общую инвентаризацию диалектной лексики в форме тезауруса национального языка. Во второй половине XIX в. начали создаваться два таких тезауруса: словарь Югославской АН в Загребе (RJAZU) и Сербской – в Белграде (PCAHY), которые были ориентированы на пополнение словаря Вука Караджича (Караџић) за счет неохваченной им лексики штокавских и чакавских говоров и лексики устного народного творчества. Тезаурусная концепция презентации диалектной лексики на долгие годы «вошла в кровь» сербской и хорватской диалектной лексикографии, которая оказалась ориентированной на поиск специфической, редкой лексики, отсутствующей в стандартном языке, престижных диалектах и отражающих их словарях. В поисках редкого, отличного от общераспространенного, до последнего времени лексикографы обращались только к **периферийным** говорам, значительно удаленным от новоштокавских, лежащих в основе литературного языка. Особенно интенсивно развилась лексикография юго-восточной Сербии, Черногории и чакавских говоров, т.е. наиболее архаичных диалектных типов. При этом объектом описания становились локальные традиции: отдельные говоры, зачастую говоры одного села или максимум нескольких сел. Во-вторых, в сербской и хорватской лексикографии утвердился принцип **дифференциальной** презентации диалектной лексики, отсутствующей в словаре Вука Караджича или академических словарях. Лексикографы, подчиненные инерции тезаурусной практики, господствовавшей в югославской лексикографии, шли по пути дополнения уже существующих лексических собраний. Результатом этого явилось то, что по преимуществу фиксировались лексические, семантические, морфологические, фонетические ограниченно распространенные диалектизмы, слова и формы, не вошедшие в большие словари. Способ лексикографического описания, применяемый в современных диалектных словарях традиционного типа чрезвычайно прост: в большинстве случаев словарь представляет собой список лексем, сопровождающихся переводом на литературный язык, с иллюстрациями и минимальной грамматической информацией. В целом, подача информации носит спорадический и непоследовательный характер. Исключение составляет словарь черногорского говора М.Станича (Станић), составленный с использованием принципов описания, принятых в словаре Сербской АН (в этом словаре последовательно эксплицируется семантическая структура слова, присутствуют отсылки к синонимам и вариантам, приводится фразеологический материал).

С начала 80-ых гг. XX в. одновременно с бурным развитием лексикографии традиционного типа, в югославской лингвистике начинает формиро-

ваться концепция «нового» диалектного словаря, исходящая из представления о лексическом фонде говора как лексико-семантической системе, функционирующей в своих территориальных вариантах. Первым и пока единственным практическим воплощением новой лексикографической концепции стал возглавляемый Д.Петровичем проект словаря говоров Воеводины, а именно два первых выпуска этого словаря, появившиеся в 2000-2002 годах (РСГВ) и вышедший отдельным изданием «Словарь говора буневцев Бачки» (Peić, Bačlija 1990). В «Словаре сербских говоров Воеводины» сербская диалектная лексикография впервые обратилась к говорам инновационного типа, лежащим в основе литературного языка.

Основной принцип новой лексикографии заключается в системной презентации диалектной лексики. Под системностью презентации подразумевается принцип **полноты**, внесение в словарь всей лексики говора, вне зависимости от ее «специфичности» или «общераспространенности». Названные словари делают акцент на презентации ядра лексико-семантической системы и в том числе включают современную лексику. Интерпретация лексики в данных словарях подчинена строгим правилам, единообразна и упорядочена. В «системном» словаре (термин Д.Петровича) эксплицируются связи слова с другими словами системы: статьи содержат отсылки к синонимам и словообразовательным вариантам, причем толкуется из них только один, а остальные объясняются через отсылку к более распространенному варианту или синониму. Между иллюстрациями также существует система отсылок, так что одна иллюстрация обслуживает несколько статей.

В том случае, если слово неизвестно литературному языку, оно толкуется литературным эквивалентом или получает описательное толкование. Лексика же, идентичная литературной, либо вообще не толкуется, а только помечается специальным значком, указывающим на то, что данная лексема имеет такое же значение, как и в литературном языке (так поступают составители словаря воеводинских говоров), либо толкуется описательно, как в толковом словаре литературного языка (такая процедура применяется в «Словаре буневцев»), что очень перегружает словарь, ср. *син* 'особа мужского рода по отношению к своим родителям' (Peić, Bačlija 1990).

Единицу лексикографического описания в системном словаре представляет собой не лексема, как в большинстве словарей, а **лексико-семантический вариант**, следствием чего является подробная экспликация семантической структуры слова. В традиционных словарях, напротив, семантическая структура слова, как правило, вообще не членится. Пример из «системного» словаря: *знат* 1. 'быть знакомым с чем-то; быть осведомленным о чем-то; знать'. 2. 'быть искусным в чем-то, уметь'. 3. 'быть в состоянии, мочь, хотеть'. 4. 'частица, используемая при обращении для привлечения внимания' (Peić, Bačlija 1990) – и пример из дифференциального слова-

ря: *жнат* (арх.) и *знат* (нов.) 'знати' (Гупић 1997). Ориентация на детальную экспликацию семантической структуры слова в «Словаре говора буневцев», однако, нередко приводит к контекстным толкованиям.

Существенная черта формализованного лексикографического метода Д.Петровича заключается в том, что словарь содержит только ту информацию, которая является **необходимой** и **достаточной** для идентификации лексемы. Информация, которая не служит этой цели и рассматривается как избыточная, в системных словарях отсутствует. Словари традиционного типа, напротив, изобилуют всякого рода дополнительными комментариями. Их составители не ограничивают себя формальными рамками, нередко стремясь донести до пользователя максимум информации, которой они располагают о слове. Это чрезвычайно обогащает словарь и превращает его в пособие для изучения говора. Например, К.Пеев вводит в статьи такие комментарии: «*бахчиш* 'дар'. Переписчик (переводчик Кулакийского евангелия) славянское слово *дар* объясняет через турецкое *бахчиш*, что свидетельствует о присутствии турецкого языка в говорах Салоник» (Пеев 1990). Чрезвычайно свободная форма лексикографического описания открывает доступ «живой» информации, относящейся к обозначаемой словом реалии и ситуации, в которую она вписана. К. Пеев дает такую иллюстрацию к мак. *врвеш* 'расстройство желудка': «когда человек сидит на влажной земле, он *настинуве* и у него начинается *врвеш*. Чтобы избавиться от расстройства больной должен есть плоды кизила или пить сок из них» (Пеев 1999).

Принципу приведения необходимой информации составители «новых» словарей следуют и при интерпретации терминологии традиционной культуры, избегая углубленного описания семантики таких слов. В «Словаре сербских говоров Воеводины» комментарии этнографического характера лаконичны и носят характер пояснений к толкованиям, позволяя составить верное представление о значении слова. Пример: «*белег* 'предмет, представляющий человека, в процессе колдовства' ... - Когда бабка колдует на кого-то, надо принести какой-нибудь *белег* от этого человека: платок, одежду, рубашку» (РСГВ). В «Словаре говора буневцев» к культурному термину подходят с таких же позиций, что и к «обычному» слову, ориентируясь только на его семантическую идентификацию, а не на раскрытие его культурного содержания. Термины народной культуры, которые вошли в литературный язык, толкуются как любое литературное слово, ср.: *Божий* 'христианский праздник, отмечаемый 25-ого декабря, когда празднуют рождение Христа' (Peić, Vačlija 1990).

Традиционная лексикография, напротив, стремится раскрыть культурное содержание слова, и прежде всего термина материальной и духовной культуры (о принципах этнокультурной интерпретации диалектного слова в славянской лексикографии см. Плотникова 2000). Этнокультурный подход к

описанию диалектной лексики в первую очередь характеризует словари архаических призренско-тимокских говоров, составленные энтузиастами-краеведами, которые, помимо представления лексики родного говора, нацелены на то, чтобы популяризовать культуру и историю своего края. И пафос, и характер деятельности этих лексикографов, включающей не только составление словарей, но и сборников местного фольклора и обычаев, описания истории и географии родного края, теснейшим образом связаны с традицией, восходящей к опыту Вука Караджича. Наиболее яркое и оригинальное воплощение эта традиция нашла в не выдерживающем никакой лингвистической критики, однако чрезвычайно увлекательном словаре так называемого «лужницкого Вука», Д.Форского, автора «Лужницкого словаря», насчитывающего около 3000 слов и содержащего «все, что есть в Лужнице» (Форски 1997, 1). Многие статьи этого словаря включают наивные, но очень познавательные очерки народной жизни. Статья *Бугарин*: «в каждую войну жители Лужницы становились болгарями. Тогда из их фамилий пропал суффикс *-ич*. А после войны лужничане опять прибавляли к фамилии этот суффикс. Это оправдывалось борьбой за существование. Одного лужничанина болгары спросили: «Ты болгарин или серб?» А он ответил: «Я племя краля Марко». Болгары должны были удовлетвориться, потому что и они считали Марко своим» (Форски 1997). Помимо исторической, географической, демографической и прочей информации этнокультурный словарь содержит интереснейшие сведения по культурной семантике и прагматике диалектных слов. «*Заклетва*. Клятвы составляли часть женского словаря. Женщины проклинают и клянутся, а мужчины *псују* <бранятся> и *запцувују се*. «*Пцује* 'бранится'. Считается, что брань - «мужское дело». Поэтому с младенчества бабки учат мальчиков браниться. И защищаются словами: «*Пусть ругается, он мужчина*» (Форски 1997). Чрезвычайно сильно культурологическое начало и в словаре К.Пеева, который приобретает черты энциклопедического краеведческого словаря, ср.: *бужик* 'большой христианский праздник, когда празднуют рождение Иисуса Христа', далее следует обширный комментарий: «накануне *бужик* спят очень мало, столько *колку му падне да се прачесте*. Вечером празднуют *Бадник*, утром встают рано, только успеют глаза сомкнуть. Первым встает хозяин и поднимает *палишникут* (плуг), который в ту ночь оставляют рядом с очагом. С плуга снимают хлеб - *караконцул*. Потом мать будит детей со словами: *Ајде, стани, сино! Дедо Бужик дојде*» (Пеев 1999). В качестве дополнительного комментария составители нередко приводят тексты анекдотов, быличек, легенд.

Принципиально различна в новой и традиционной лексикографии функция иллюстраций. Если в лингвистических словарях диалектный текст иллюстрирует употребление лексемы в том или ином значении, то в словарях традиционных иллюстрация часто проясняет особенности бытования реалии

и превращается в продолжение толкования. Подобная иллюстрация даже не обязательно содержит лексему, к которой она относится, ср. *време 'погода' - Ако слнце зајде у мутно, че пада ћиша* <если солнце сядет в облака, будет дождь> (Форски 1997). Этнокультурную иллюстрацию может составлять как диалектный текст, содержащий описание верования или ритуального действия, ср. *оброчит 'святой': не сечемо дрва на оброчито место* <мы не рубим дров в святом месте> (Златановић 1998), так и текст, заимствованный из этнографического описания или принадлежащий самому автору словаря *оброчит 'праздничный'*: те, кто работает в поле в *оброчите дане* накажет их Варфоломей и Герман (Митровић 1984). В качестве иллюстративных примеров часто используются тексты малых фольклорных жанров: пословицы, загадки, проклятия, тосты, благопожелания, заговоры, отрывки из народных песен. Подобные тексты, а также бранные формулы, угрозы, устойчивые характеристики поведенческих типов, сравнения, фразеологизмы становятся объектом каталогизации в экспериментальной диалектной лексикографии краеведа из Южной Сербии Д.Златковича, выработавшего особую форму диалектного словаря, в котором такого рода диалектные тексты систематизированы по ключевым словам (Златковић 1988; 1989; 1990).

Каждый из методов современной южнославянской лексикографии имеет свои безусловные достоинства. Несомненно, сильной стороной традиционной лексикографии является ее повышенное внимание к традиционной культуре и соответственно произведение отбора и интерпретации материала с учетом его «культурной» значимости, стремление раскрыть сквозь призму диалектной лексики ключевые понятия народной культуры. При этом с лингвистической точки зрения она чрезвычайно уязвима. Новая лексикография, открывающая большие возможности для системного исследования лексики и для ее лингвогеографического изучения, рассматривает диалектное слово с позиций семасиолога-синхрониста и оказывается в известном смысле лишенной культурологического духа.

Литература

- Златановић М. Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.
 Златковић Д. Пословице и поређења у пиротском говору // СДЗб XXXIV, Београд, 1988
 Златковић Д. Фразеологија страха и наде у пиротском говору // СДЗб XXXV, Београд, 1989.
 Златковић Д. Фразеологија омаловажавања у пиротском говору // СДЗб XXXVI, Београд, 1990.
 Караџић В.С. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Београд, 1935.
 Митровић Б. Речник лесковачког говора. Лесковац, 1984.
 Пеев К. Речник на македонските говори во југоисточниот егејски дел. Скопје, 1999, т. 1.
 Петровић Д. Сербские диалектные словари. Обзор. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2000.
 Плотникова А.А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
 Станић М. Ускочки речник, књ. 1-2, Београд, 1990.

- Тупић Д., Тупић Ж. Речник говора Загарача // СДЗб XLIV, Београд, 1997.
Форски Манић Др. Лужнички речник. Бабушница, 1997.
Якушкина Е.И. Современная сербская диалектная лексикография // Славяноведение. № 3, 2002.
Peić M., Vačlija G. Rečnik bačkih Bunjevaca. Novi Sad-Subotica 1990.
Vulić S. Frazemi u rječnicima izvornih čakavskih govora // Čakavska rič, XXVII, br. 1, Split 1999.
РСАНУ- Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959-
РСГВ - Речник српских говора Војводине. Св. 1, Нови Сад, 2000. Св.2, Нови Сад 2002.
RJAZU - Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880-1976.

Summary

Two approaches to the lexicography description of the south Slavic dialects

We can distinguish two approaches in the modern Serbian and Macedonian dialectal lexicography: 1. Traditional approach, oriented on expanding of respectable national dictionaries, i.e. on the making of differential dictionaries of peripheral dialects, including ethno cultural interpretation of a dialectal word: 2. New linguistic approach oriented on systematic presentation of dialectal vocabulary and strict principles in description of a dialectal word, presented in "The Dictionary of Serbian dialects in Voevodina" (editor D.Petrović).

Беспредложный творительный падеж в севернорусских говорах на общеславянском фоне (семантика и синтаксис)¹

Эволюция значений творительного падежа (далее тв/п) на протяжении истории славянских языков, как и функционирование его в современных языках, отражены в целом ряде исследований, осуществленных разными методами: наряду с классическими работами А.А.Потебни и А.А.Шахматова, имеются опыты его описания структурными методами Р.О.Якобсона и А.Вежицкой; ему специально посвящены монографии Р.Мразека и М.Ивич и коллективный труд «Творительный падеж в славянских языках».

Однако диалектный материал во всех этих работах представлен весьма скудно; что касается русского материала, то он ограничен извлечениями из фольклорных текстов и описаний говоров, которые содержатся в «Материалах для изучения великорусских говоров», опубликованных в ИОРЯС 1896-1900 гг и в Сборниках ОРЯС 1903 и 1910 годов. Это объясняется тем, что диалекты – по крайней мере, русские – в течение последнего полувека изучались почти исключительно методами лингвистической географии, которые мало применимы для изучения синтаксиса падежных форм. Очевидно, подобная ситуация существует и в других славянских языках, о чем свидетельствует М.Ивич: «Я пыталась узнать из существующих диалектологических исследований как можно больше об употреблении творительного падежа в современных говорах. К сожалению, в нашей диалектологии очень мало внимания уделено изучению синтаксиса, и в особенности, синтаксиса падежей, так что я с трудом собрала некоторые сведения о творительном падеже» (Ивич 1956: 2).

О значимости диалектных сведений для решения проблем генезиса синтаксических явлений пишет С.Б.Бернштейн: «Очень важен для решения этих вопросов диалектологический материал, так как говоры могут сохранять такие пережитки в употреблении падежей, которые не зафиксированы самыми древними текстами. К сожалению, в этом направлении сделано еще очень мало. Диалектологи мало внимания уделяют синтаксису, а специалисты по историческому синтаксису пренебрегают данными народных говоров» (Твор. п. 1958: 14).

Материал предлагаемого ниже описания был получен автором и работавшими вместе с ним студентами в собраниях сведений для «Архангель-

¹ Ранее мною была сдана в печать статья на близкую тему в сборник работ, посвященных памяти В.Н.Сидорова. В данной работе увеличен корпус использованного материала и в связи с этим пересмотрена интерпретация некоторых фактов. С.К.Пожарицкая.

ского областного словаря» в следующих населенных пунктах Архангельской области: Кеба Лешуконского р-на, Мосеево Мезенского р-на, Вадюга, Тинева и Тимошино Верхнетоемского р-на, Церковное и Лямца Онежского р-на, Акичкин Починок Устьянского р-на, Курья Вилегодского р-на, Веего-ра Пинежского р-на. Некоторые сведения о говорах других пунктов почерпнуты из выпусков «Архангельского областного словаря» и его картотеки, а также из статьи И.Б.Левонтиной (Левонтина 1989) – единственной специальной работы на эту тему.

Поскольку различий в локализации разных типов конструкций с тв/п-ом в пределах изученной территории нам установить не удалось, то в дальнейшем мы как правило не указываем, в каком именно пункте (и даже районе) записан тот или иной контекст.

Примеры приводятся в орфографической записи, передающей только некоторые морфологические и фонетические особенности диалекта, - те, которые могут быть отражены без применения специальных средств транскрипции. Не показаны также позиционные изменения согласных по твердости/мягкости и глухости/звонкости.

Общепризнано, что эволюция тв/п в славянских языках состояла в утрате им адвербиальных (семантических) значений, замене беспредложного падежа конструкциями с предлогами и развитии предикативных (синтаксических) функций беспредложным тв/п. Ситуация в современных славянских языках характеризуется тем, что в разных языковых системах по-разному эволюционировали различные типы и подтипы значения этого падежа; продуктивность употребления беспредложного тв/п в разных конструкциях была разной, что привело к отмиранию одних типов конструкций и широкому распространению других.

Обращение к русскому материалу показало, что диалекты могут обладать спецификой, отражающей существенно иное состояние этого фрагмента синтаксической системы, чем современный литературный язык.

Северно-русская диалектная речь демонстрирует, с одной стороны, несомненно архаическое состояние системы функционирования беспредложного тв/п-а, которое характеризуется тем, что в конструкциях с ним отсутствует дифференциация некоторых частных значений, которые в литературных языках получили отдельные способы выражения с помощью различных падежей и предлогов. В результате в говорах наблюдается целый ряд таких конструкций, которые известны из памятников письменности разных славянских языков, но в современных литературных языках либо полностью вышли из употребления, либо подверглись существенным ограничениям лексического характера. Некоторые из них оказались весьма продуктивными и продолжают активно и свободно функционировать в диалектной речи без каких-либо лексических ограничений.

С другой стороны, в северно-русской диалектной речи, как это и предполагал С.Б.Бернштейн, обнаруживаются конструкции, которые не засвидетельствованы ни памятниками письменности, ни современными славянскими языками. Возможно, они являются локальными инновациями, но нельзя исключить и того, что они исконно существовали в устной традиции славянской речи, которая, как известно, слабо отражена в письменных памятниках.

Основным путем возникновения или развития особой продуктивности таких «новых» моделей с беспредложным тв/п в диалектах может быть эллипсис, который состоит в том, что сложное по своей структуре действие, состоящее из нескольких отдельных операций, представляется как одно простое посредством пропуска промежуточных звеньев. Эллипсис в принципе не может считаться локальной особенностью; как известно, он свойствен и разговорному стилю «литературно» говорящих людей. Специфика же диалектной речи, обусловленная ее некодифицированностью, состоит в том, что эллиптизированные конструкции закрепляются в виде определенных моделей и включаются в число нормативных для диалекта синтаксических конструкций.

Кроме того, в спонтанной диалектной речи часто наблюдается пропуск предлога², что тоже, по существу, является эллипсисом, понимаемым как характерный для устной речи, способ экономии речевого материала, который в диалектах более результативен, чем в литературном языке. Тенденция опускать «лишний» предлог могла играть существенную роль в истории тв/п-а, поддерживая беспредложные конструкции, в особенности, там, где они могли бы быть заменены конструкциями с тем же падежом: напр., лит. *плохо с деньгами* – диал. *плохо деньгами*; лит. *спать с грязными руками* – диал. *спать грязными руками*.

Отсутствие в диалектной речи ряда конструкций может объясняться спецификой устной формы ее реализации, поэтому нельзя считать локальной особенностью отсутствие или малую употребительность таких конструкций, которые продуктивны преимущественно в деловом или художественном стилях письменной речи либо в фольклоре. Так, например, тв/п в сравнительном обороте, широко используемый в фольклорных произведениях и в поэзии (типа *петь соловьем, ходить гоголем*), в обиходно-бытовой диалектной речи почти не встречается. Неправильно было бы считать региональной особенностью также отсутствие в наших текстах, например, конструкций со значением, которое А.В.Исаченко (Исаченко 1955) определил как прием и метод (подтип абстрактного средства инструментального значения тв/п), типа *добиться хорошего результата упорным трудом, проверить гипотезу экспериментом*, которые продуктивны в публицистическом и научно-техническом стилях современной русской письменной речи,

² Это явление не описано в литературе, но известно опытным диалектологам; такая идея, в частности, была высказана в личной беседе Р.Ф.Касаткиной.

хотя и там с ними успешно конкурируют конструкции с предлогами *путем, при помощи, благодаря* при род. и дат. падежах.

Естественно, что сведения о специфике русских диалектов в принципе должны быть соотнесены со сведениями относительно диалектов других славянских языков; нельзя не признать, что сопоставление диалектных данных одного языка с данными письменного (кодифицированного) – другого не вполне корректно; однако за неимением сопоставимых описаний диалектов других славянских языков и при соблюдении известной осторожности не лишено смысла и такое сопоставление.

Разные ученые предлагают разные способы категоризации значений тв/п-а; ставя перед собой цель попытаться «вписать» северно-русский диалектный материал в общеславянскую картину, мы сочли наиболее удобным ориентироваться на схему, предложенную Р.Мразеком, который строил свое исследование как историко-сопоставительное.

Общие тенденции эволюции тв/п-а в русском языке Р.Мразек рисует следующим образом: «Почти полностью из позиции семантического тв/п-а вытесняются названия лиц и значительно сокращается – в отличие от чеш. яз. – былая способность этого падежа выражать значения более отдаленной, опосредствованной связи между действием и вызывающим (обуславливающим) его фактором. Детальнее: как категория целиком вышел из употребления псевдосоциативный тв/п (под. почти сплошь в остальных слав. яз.), несистемным явлением стало чисто причинное значение, были ликвидированы определенные подтипы семантики пространственной, временной и инструментальной» (Мразек 1964: 11-12).

Т.П.Ломтев считает, что в современном русском утрачены следующие значения древнерусского беспредложного тв/п-а:

- 1) сопровождения (*пришел братом*);
- 2) орудия, выраженного именем существительным, не обозначающим физические предметы при возвратных глаголах (*покрыться ночью*);
- 3) материала при глаголах возведения, соединения, образования, создания, производства (*крыши, сделанные соломой*);
- 4) орудия, выраженного именем существительным, означающим скаковых или тягловых животных, при глаголах пространственного передвижения (*приехал конем*);
- 5) в том же значении (орудия) – неодушевленных предметов (*приехал санями, поездом*);
- 6) в значении средства, выраженного существительным, означающим лицо, или соответствующим местоимением (*глаголет пророком*) (Ломтев 1956).

Творительный социативный

В конструкциях, обозначающих одновременное и совместностное действие двух актантов, субстантивы в им. и тв. падежах могут отражать разное отношение актантов к этому действию. При полностью равноправном их участии гла-

гол имеет форму мн.ч., а сами участники рассматриваются как один актант (подлежащее): *пришли мать с сыном*; впрочем, даже в этом случае полностью равноправия им. и тв. падежей нет: субстантив в им/п. обладает несколько большим семантическим весом. В выражении *пришла мать с сыном* им/п. приобретает еще больший семантический вес по сравнению с тв/п-ом, поскольку глагол согласован с именем ж.р., однако все-таки действуют оба участника события (*пришла мать и пришел сын*); в выражении *пришла мать с сумкой* активным деятелем является только первый участник совместности, второй же лишь сопровождает его действие. Семантическая иерархия участников действия как правило определяется их одушевленностью либо неодушевленностью.

В плане проблемы социативности могут рассматриваться только второй и третий типы конструкций; притом собственно социативная семантика приписывается только второму типу, где оба члена совместности самостоятельны по отношению к выполняемому действию. Конструкции третьего типа, где имя в тв/п-е играет подчиненную роль по отношению к главному субъекту действия, дополняя или характеризуя его, принято называть *псевдосоциативными*.

Собственно социативные конструкции с беспредложным тв/п-ом, как известно, засвидетельствованы единичными цитатами из древнейших памятников славянской письменности и не оставили следов в современных языках. В диалектной речи они могут сохраняться в связи с тенденцией обходиться без предлога там, где в нем нет семантической необходимости. Так, в наших материалах встретилось: *приехала Наталья сыном, сын нежонатой; хлеба насушат, сухарей, и там живут стадом с оленями*; однако это сомнительные случаи, поскольку начальное [с] слов *сыном* и *стадом* могло «поглотить» предлог *с*. В другом контексте, комментарии к фотографическому изображению, *он сидит всей семьей*, социативная семантика и отсутствие предлога более очевидны: *он сидит и вся семья сидит*. Смысл его отличается от смысла сходного на первый взгляд контекста *они всей семьей сидят*: в этом последнем случае тв/п имеет значение совокупности/оформления, подтипа значения образа действия, поскольку неправильно было бы переформулировать это высказывание как *они сидят и вся семья сидит*.

Любопытная инверсия наблюдается в выражении *ржаной хлеб скусне рыбка*. Ясно, что основным блюдом является *рыбка*, но в им. падеже употреблено *ржаной хлеб* как название важного, акцентированного в данной ситуации компонента. Предлог здесь явно пропущен.

Псевдосоциативное значение беспредложного тв/п-а обычно сопровождается другими обстоятельственными значениями: образа действия - *тележкой за сеном пошел; она большой корзиной пошла; когда и неводком сходим, много наловим*; сопровождающих обстоятельств - *детей вырастила мукой экой; а воевали все голодом, холодом; девяносто километров или голодом; идет пьяныма шарами; ты невеста, голой стиной не ходи; он так и спал грязныма руками*. Своеобразие этих конструкций состоит в том, что имя в тв/п

семантически не связано с глаголом, случайно по отношению к нему, поэтому оно не может быть интерпретировано как инструмент или образ действия (в самом деле, трудно сказать, «чем» именно растят детей, но все-таки не посредством *муки*, которая является только сопутствующим обстоятельством; и воюют посредством *оружья*, а не *голода*; и ходят *ногами*, а не с помощью *голода*, *пьяных шаров* либо *голой спины*, и спят как угодно, только не какими бы то ни было *руками*); *мука*, *голод* и прочее – это обстоятельства, сопровождающие основное действие (*растить детей, испытывая при этом муку; воевать, испытывая при этом голод и холод; ходить, имея «пьяные шары» или голую спину; спать, имея грязные руки*). Поэтому значение тв/п-а здесь может быть понято как псевдосоциатив, а не как обстоятельство образа действия.

Сохранение беспредложного тв/п-а с социативной или псевдосоциативной семантикой в наших диалектах явно поддержано «необязательностью» в них предлога вообще.

Творительный инструментальный («орудный»)

Это значение – одна из основных функций тв/п, которая выполняется целым рядом конструкций, имеющих различную продуктивность в системах разных языков и диалектов.

Р.Мразек выделяет два основных значения в составе этой семантической категории: функции прямого и косвенного средства; М.Ивич приблизительно в том же смысле употребляет термины «функција спроводника» и «функција омогућивача» («овозможителя»).

Употребление тв/п-а в функции прямого средства или орудия, осуществляющего непосредственный контакт актанта и объекта действия (инструментального в узком смысле слова или в функции «спроводника» по М.Ивич) одинаково актуально для всех славянских языков. Это может быть либо интегральная часть субъекта действия в конструкциях типа *не могу доставать подножки, дак перстиками, носочками задевашь; надо этим палечком пошевелить*, либо орудие, специализированное для выполнения какой-либо деятельности: *грабилками гребут; я кичигами-то никогда не молотила; бывало еще кёрками копали; полотухами пололи тоже; розоскут мутовкой; режет серпом; надо ево прижать жердьём; раньше веревкой запобирывали, потом стали вицами делать; грибы сольем решетом, осолим, хлебушком мачут, а кто и ложкой хлебат*; это может быть неспециализированный, окказиональный инструмент (средство) осуществления действия типа *хлебушком мачут, а кто и ложкой хлебат; мачут хлебом и едят; мы принесем - картошка из дома была дак - картошкой смачем*.

Такого рода конструкции – едва ли не единственный случай, когда значение тв/п-а интерпретируется однозначно как инструментальное; во всех остальных случаях инструментальное значение сопровождается другими значениями обстоятельственного характера (образа действия, ограничения, места, времени и

т.д.) либо имеет двойственную синтаксическую природу, допуская возможность объектной интерпретации.

В значении косвенного средства могут употребляться названия сосудов: *ушатам там снесешь, двоими понесут на палке ушат; красны (бруснику) – те ушатами толкут; ушатыма наберут; ныне бутылкима наливают; чигунами заварка-то заваривали*. В отличие от функции прямого средства («спроводника») имя в тв/п в этом случае не только не выступает «заместителем субъекта» (как *он достает рукой=его рука достает*), но и не совершает того же действия, что и субъект, а только способствует совершению действия субъектом: некие субъекты *толкут в ушатах* или *с помощью ушатов*, но не *ушаты толкут*; и *наливают в бутылки* или *с помощью бутылок* тоже некоторые субъекты, но не *бутылки наливают*.

В литературном русском такая конструкция, по-видимому, распалась на две разных: сохранившаяся беспредложная с тв/п мн.ч., сохранив обстоятельственную функцию, развила значение образа действия с оттенком количества или меры (*носить ведрами, пить стаканами, заваривать чугунами*), а инструментальное значение стало выражаться конструкциями с разными падежами и предлогами: *пить чай из стаканов, носить воду в ведре, заваривать заварку в чугунах*).

Одним из подтипов инструментального значения косвенного средства является употребление тв/п-а в обозначении **вспомогательного материала**: *а тут обкладено все кирпичем; снегом лепят; гараж запал весь снегом; мост-от нать вымыть: дверстой насыплешь, веником шоркашь; на слань глиной набьют; заслонку кругом глиной обтяпнат; экой вот золяной водой и стираемся; этой водушкой захлябывали; опилком вокругом закладывали; этима ягодима залью (пирог); нақваской наживляли; калёно-то дикалоном мазала, всякима духами; маслом рыбу пожарить; сковородка помазать масла нету, жарить нечем; самовар углями грели, не светом; все газеты у меня дождем-то вымокли (здесь присутствует и значение причины – вымокли из-за дождя, и значение времени – вымокли, когда шел дождь).*

Особый интерес представляет ставшая архаической конструкция с беспредложным тв/п в значении строительного материала *кирпичами сделана печка*, которая полностью вышла из употребления как в русском литературном (см. Ломтев 1956), так и в других славянских языках, и лишь изредка появляется в «архаизированных» текстах сербскохорватского: *kako bi napravili kamenjet i kрата «kićici»; Ова воздушна корабља није се могла зидати простијем градивом, већ су сводови сведени лакијем каменом и опекама с острва Родоса – Љубиша-93.*³

В говорах часто употребляются эллиптированные конструкции, когда описываемая ситуация реально представляет собой цепочку из нескольких

³ Примеры из славянских языков, кроме русского, взяты из работ Р.Мразека и М.Ивич.

действий, но для говорящего оказывается важным только исходное действие и его результат, а промежуточные события опускаются: солнцем белили; не было свету, так из Чаколы хлеб привозили, светом пекецце-то; угольем гладили; перевернулся трактором и убился; горбушима увозишься; ток-то есть – включил чайник, и всё тут, а сейчас наа самоваром всё; часовенка была тамотко, сгорела молнией, что свечка; кипятильником напилась и пошла; досками вылезают из колодца, по железным трубам; темá дровами сушим (лен); соком я поднялась; на дровах ведь поезда-то робили, дровами. Очевидно, что белили не непосредственно солнцем, и пекли не светом, и гладили не углем, и напилась «она» не кипятильником, а чаем, согретым с помощью кипятильника; и «убился он» не трактором, а в результате некоторых событий, в истоке которых стоит трактор; и «поднялась она» не соком, а потому, что приписывает свое выздоровление соку, который ей давали в больнице; но цепочка действий между «побудителем» действия и его результатом (трактором и убившимся человеком, кипятильником и человеком, напившимся чаю, дровами и высушенным льном, соком и выздоровевшим человеком) опускается как несущественная.

Употребление названий живых существ в инструментальном значении известно как древним, так и современным славянским языкам (хотя и в качестве некоторого «раритета»). Но обозначаемое живое существо при этом выступало и продолжает выступать как правило в функции посредника. Ситуация посредничества состоит в том, что субъект совершает действие с участием некоего лица, которое становится его представителем, заменяет его в процессе этого действия; напр., чеш. *musíš to dokázat svědky* (то, что ты стремишься доказать, должны доказать свидетели); *oznámili jim to zvláštním poslem* (то, что кому-то стало известно, сообщил ему специальный посол).

Функцию посредника можно усмотреть в контексте дак этима... раньше исполнители были такие называются... исполнителями заводят на квартиру-то нас: исполнители являются посредниками тех, кто распоряжается расселением людей. Но в большинстве встретившихся нам диалектных конструкций тв/п существительных, означающих живое существо, имеет иную семантику, которую скорее следует считать инструментальной: попом венчались; раньше детей попом крестили; церкви нет, так хоть матушкой окстим; вот а старухами надо, старухами (лечить детей); коров случить нэкем; колодец опал, мужиков нету, дак нэкем не сделашь; четырем и посадили картошку-то, на бабах-то, и обсевали все бабами; мать его строила дом людямы; колодец выкопали жонками; надо кем-то роботать-то, колонистов и присылали; шобашинами строят; не егова это мельница, у колхоза сделана людямы; раньше дрова помочами рубили и дома строили помочами; где-то говорят наймом делали, а у нас это не бывало, чтобы делали чужими людьми; это все чужима людьми строила; строилась наймом и своима руками; строения строили помочами.

В этой ситуации субъекта действия по сути дела нет; «субъектом» является само действие, обозначаемое глаголом, а имя в тв/п называет инструмент или способ совершения этого действия. При этом инструмент – это не орудие в узком смысле (поскольку копают лопатами, а не *людьми* и не *жонками*; и «обсевают» семенами, а не *бабами*), а человек, который совершает эти действия путем применения инструментов, осуществляющих непосредственный контакт с объектом. Название орудия в узком смысле опускается (оно неважно, тривиально), и в эллиптированной конструкции название живого существа заполняет эту позицию.

В этих конструкциях отчетливо просматривается значение образа действия: на это указывает форма мн. числа как признак отсутствия индивидуализации производителя действия (не скажут *пахал сыном* или *сеял женой*). *Строить (копать, пахать) людьми* – это антитеза способу действия *своими руками* или *своей семьей*; *лечить старухами* – это антитеза способу лечения с помощью врачей, а *венчаться* или *крестить попом* – способу гражданской регистрации. *Помочами* и *наймом* – это по сути дела уже не падежные формы имени, а наречия с семантикой образа действия, так же, как и тв/п в фразеологизмах *своими руками*, *чужими людьми*.

Таким образом, эту конструкцию следует рассматривать скорее как инновацию, как новую модель, которая возникла в результате эллипсиса выражений, содержащих лишнюю, с точки зрения говорящего, информацию. Возможно, что значение тв/п-а генетически и здесь восходит к функции посредника, но в настоящее время оно явно другое. Эта ситуация соответствует мнению Р.Мразека: «В соврем. рус. яз. тв/п лица-посредника и опосредствователя больше не употребляется. Исключения совершенно единичны и представляют отмерший, несистемный архаизм. Нормально в литературном русском языке теперь для выражения опосредствующей роли, выражаемой лицом, используются падежи с предлогами *через*, *посредством*, изредка *при помощи/с помощью*, *с*, или же прибегается вообще к иной конструкции». И далее: «В нынешнем чеш. яз. (как и в словацком) тв/п лица-посредника сохраняет в некоторой мере свою живучесть, хотя и часто заменяется падежами с предлогами *po* (*vzkázat po bratrovi*), *prostředstvím* (*získat to prostředstvím svého známého*) и др.». Р.Мразек приводит единичные примеры названий живых существ в форме тв/п из украинского и белорусского языков: *кабанів я охотниками обступлю і поб'ю* Чуб.І, 205 (Тимченко 39); *Жид не мав ким косити* Колб. II. IV, 190 (там же); *Усіх ён лоўкімі штукарамі весяліў, прыгожымі песнярамі і музыкай радаваў* Сказка Хрэст. 29 (Мразек 1954: 51).

Результатом исследования М.Ивич является вывод о том, что в процессе исторического развития в сербскохорватском происходило сужение функций беспредложного тв/п-а в инструментальном значении. В итоге в современном сербскохорватском он регулярно употребляется только в узком значении прямого инструмента действия (типа *копа мотиком*); значение косвенного или

вспомогательного средства (омогућивача) почти утрачено, а значение лица-посредника никогда не существовало: «В древнесербском вполне регулярно – т.е. во всех случаях, когда это нужно – употребляется творительный падеж в функции «овозможнителя» (омогућивача). Между тем, в современном сербско-хорватском творительный «овозможнителя» уже не является продуктивной категорией. С течением времени вся категория «орудия» свелась к значению инструмента (оруђа). Хотя тип «овозможнителя» и задержался в конструкциях с отдельными глаголами, он в большинстве случаев уже заменен конструкциями *са помоћу, путем, на основу* и др.» (Ивич 1956: 30).

Несколько более свободно употребляются конструкции с названиями животных, которые, по-видимому, занимают промежуточное положение между названиями лица и предмета; в особенности, названия «тяглового» домашнего скота: *конями косят, грабилками гребут; косили конями; раньше ведь конями-то тихо строили; тогда тоже пахали плугом, лошадкой; этой кобылкой конны буду возить*; чеш. *oře kravati (коfата)*; укр. *їхати бовкуном, конем поїжджає*; белор. *ехаць канём*.

Значение посредничества или, точнее, средства достижения определенного результата с названием неодушевленного имени в форме тв/п-а наблюдается в следующих конструкциях: *пшеницы мешок – неделю жили мешком, а потом все съели; жили своей землей; коровушкой жили, да, все с коровушкой*. В этом последнем контексте представлены два разных значения тв/п-а, выраженные разными конструкциями: беспредложная употребляется для выражения идеи посредничества (люди жили в относительном достатке благодаря наличию у них коровы, «посредством коровы»), конструкция с предлогом выражает идею социатива «жить вместе с кем-то».

Аналогична структура контекста *ты девка хороша – тебе надо одним держаться, а то севодня с одним, завтра с другим, а потом с третьим*. В первой части, где употреблен беспредложный тв/п, формулируется некое общее представление о способе поведения «хорошей девки»; в «антитезе» употреблены формы тв/п-а в социативном значении с предлогом *с* – «жить или гулять с одним, с другим, с третьим». Тем самым, здесь можно говорить о дифференциации значения исконного беспредложного социатива: собственно социативная семантикашла выражение в предложно-падежной конструкции, а беспредложная приобрела инструментальное значение, совмещенное с значением образа действия.

Инструментальная семантика может быть приписана тв/п-у и в таком высказывании: *сейчас уж вином не пьют, одеколон пьют*. Темой первой части контекста (*вином не пьют*) является определенное состояние (опьянения) и способ, которым оно достигается (употребление традиционного средства – вина, под которым подразумевается водка); тв/п в этом случае имеет инструментальное значение. «Информационным центром» второй части является *одеколон* как то новое, что теперь принято пить – это значение вы-

ражено объектным вин. падежом. Несмотря на одинаковый порядок слов в первой и во второй части высказывания, ясно, что в первой части акцентировано *пьют*, а во второй – *одеколон*. Такое употребление тв/п-а может быть интерпретировано и как подтип значения образа действия – субстанциальной характеристики (о чем подробнее - ниже).

Одним из подтипов инструментального значения является значение **транспортного средства**. Считается, что в КЛЯ беспредложный тв/п не употребителен от существительных, обозначающих животное или немеханизированное средство, фигурируя лишь в обозначении средств механизированных (*лететь самолетом, ехать поездом, автобусом*), где существует (и предпочитается) и другой способ выражения – «на + мест.п.». Т.П.Ломтев считает, что в сохранившейся беспредложной конструкции имя в тв/п означает уже не инструмент, а образ действия (Ломтев 1956: 285). Однако в диалектной речи отсутствует такая дифференциация значений, и в число средств передвижения включаются и такие, которые не могут считаться транспортом в собственном смысле слова: *конями-то раньше тихо ездили; я ездила не мотором, а лапам; а почту-то лодкой волочили; обратно бежат бечевою; в Онеге-то худо кормили, дак одва пришла, батожком пришла домой; вся, говорят, сгорбатилась была, боле клюшкой ходила; ему операция была на желудке, палкой ходит; там-то пешеходом в Мосеево ходят*. Косвенным средством можно считать и бензином в эллиптированной конструкции *ехать-то надо бензином дак* (на чем-то, движущемся с помощью бензина). Такой способ выражения распространяется и на специально городское средство транспорта – *метром уехали; ак вот я метром-то заблужусь; надо метром к ей бежать*; а также новое средство связи – *она должна телефоном сообщить*.

Включение *батожка, клюшки и палки* в число транспортных средств вполне оправданно, поскольку это действительно средства передвижения, а не хождение с чем-то (*батожком, клюшкой, палкой*), как с сумкой, с собакой. И здесь, конечно, понятие транспортного средства объединяется с понятием образа действия: «передвигаться каким образом?» с помощью *метро, коня, мотора, лодки, бечевы, батожка, клюшки, палки, бензина, пешеходом*.

Северно-русская диалектная ситуация в данном случае близка к чешской литературной, где при обозначении механизированных транспортных средств более широко, чем в литературном русском, используется беспредложный тв/п *vlakem, tramvají, metrem, taxikem, letadlem*, в то время как “на + локатив” появляется обычно при назывании немеханизированных средств: *na kole, na voze, na lod'ce, na koni*). Далее Р.Мразек утверждает: «Равным образом в укр., белорус., польск., словац. и луж. круг возможного функционирования тв./п-а шире, нежели в рус. Ср. из укр. *эвакуювали човнами* Гонч.54; *було переправлено плотами* Гонч.55; *приїде машиною, або моторкою* Ян. (Курс суч. укр. літ. мови II, 80; *не їздили підводами* Зап.106; *Босоногі діти, чепурні матери, веселі господарі...Велосипедами, шакапами, волами, пішки* Гонч.134. В в.-луж. нами

отмечен не только *ze železnicu* (Naša čit.), но даже *z kołom/z kolesom* «на велосипеде», напр. *Z kolesom sym ruče tam a často tam jězdžu* (Nowl-Nj. M.32); подобно в словац. *bicyklom* (Miko 210)» (Мразек 1964: 39).

Итак, если в функции прямого средства беспредложный тв/п сохранился в северно-русских говорах в той мере, что и во всех славянских языках, то в функции косвенного средства он имеет перед ними явные преимущества, поскольку там не только сохранились некоторые старые, почти утраченные его значения, но и сформировались новые.

Творительный образа действия.

Эта категория включает в себя ряд весьма разных частных значений тв/п, которые по-разному интерпретируются лингвистами. Так, М.Ивич объединяет их в категорию «основной характеристики», под которой она понимает вид, присущий лицу (предмету) в момент совершения действия (тем самым – преходящий, окказиональный), и делит на три подтипа: 1) возраст, профессия и деятельность данного лица (серб.-хорв. *умрети младићом, он је гостом дошао*) 2) внешний вид понятия (*река тече млеком*), 3) количество, состав, в котором выступает данное понятие (*ићи хиљадама*) (Ивич 56: 134-146). С.Б.Бернштейн считает, что в современных славянских языках «творительный образа действия является производным значением, он представляет собою развитие ряда основных значений творительного падежа на пути развития его обстоятельственных функций. Вот почему творительный образа действия обнаруживается и в творительном инструментальном, и в творительном причины, и в творительном места, и т.д.» (Твор. п. 1958: 29). Р.Мразек выделяет в составе общей категории образа действия подтипы «образа действия в узком смысле», «сравнения», «совокупности и оформления» (Мразек 1964: 55-95).

Самой продуктивной из них в сев.-рус. говорах оказалась группа значений, которую Р.Мразек определил как **совокупность-оформление** или «временный облик», и в особенности, одно из частных ее значений – значение субстанциональной характеристики.

Значение **совокупности** не имеет каких-либо конструктивных особенностей и содержит только специфически диалектную лексику и грамматические формы: *семьей жили; одна дочь была, семьей приезжала; все семьями жили, а теперь поодинке; обжились там семьями да жонками; кони стадами, а люди родами*. Подтип значения совокупности - значение количественной характеристики, которое передается количественными наречиями, сохранившими архаическую форму тв/п-а: *обгорели, восьмерьма остались; осталася без мужичка пятерьма; как бы двоимя спят*.

Функцию **оформления** не всегда можно четко отделить от функции субстанциональной характеристики. В функции оформления имя в тв/п-е должно означать понятие, временно замещающее предмет речи в связи с производимыми действиями, или то, в каком внешнем виде участвует предмет в произ-

видимых действиях: бревнами разобьют да свезут (для того, чтобы перевезти дом на другое место, его разделяют на бревна); долготьем у нас дрова берут, березами, мы уж растили тут; поленницей складено; а сучьем-то дамой не повезешь, легче волочиться дровами, чураками возят; вязанкой свяжет; струп забран сараем; белили мотовьем; суседом сядут, суседом посадят всех; распили сам дрова, так возьмут дровами; вы чё-то всё делами ходите какими-то; беременем носила, подцепишь и несешь (беремя - охапка; количество, которое можно взять руками); теперь пекёным берете ли как? раньше государственно-то ерушникима пекли, формов не было, ерушникима пекли; олений увезли и живком продали; продали сырком; кадрелью ходят; станцима ходили, не могли найти (потерявшегося ребенка).

Эта замена может носить функциональный характер: нать тряпкой на- рочно мешок бросить; как концертом приедут, все хожу слушаю; церковь есть, только клубом сделана; надо палку сторожем поставить. Концер- том приедут означает, что приедут некие люди «в функции» концерта; п- оставить палку сторожем означает, что палка, перегородивающая дверь, должна сигнализировать отсутствие хозяев.

Функция оформления может быть связана с внешним видом предмета в процессе производимых им действий – в этом случае тв/п образа действия легко переходит в тв/п сравнения; но такие примеры единичны: эта штурма-то шла тóроком таким, ну тóрок хватил, такой полосой оно шло (тóрок – ураган, порыв ветра).

Значение субстанциальной характеристики в русском литературном языке Р.Мразеку представляется следующим: «Тв/п субстанциальной характеристики образует узкий, периферийный тип, который выражает, в каком субстанциальном виде и форме предмет принимает в действии пассивное участие». И далее: «Наиболее яркую группу здесь образует тв.п. существительных, указывающих конкретную форму, в которой реализуется помощь, подать, добыча, оплата и т.д.» (Мразек 1964: 77, 89).

В диалектах эта группа значений представлена конструкциями с широким и, по видимому, открытым кругом как глагольных, так и субстантивных лексем: авансом выбрала; дать премией; свекровку дарят становиной; в колхозе вот теперь денег не дают да, колбасой да, мукой да, песком росци- тывают дак; там давали товарами; ягод на сто рублей я сдала и деньгами осталось; дак тебе лучше готовым сеном брать; хлеба нет, дак мукой да- вают иногда; Борису-ту колбасой заплотят.

Часто употребляемая в подобных текстах словоформа подарком явно находится на пути к адвербиализации, поскольку всегда употребляется при глаголе, хотя ослабления семантических связей с существительным подарок здесь не наблюдается: послала подаркима; привезет подарком; рога обделал – в Дорогорско свез подарком; это я связала подарком подарить на свадьбу; тебе дали подарком пять тысяч; с Архангельска привозила дочи подарком

нам тапочки. В литературном русском адвербиализация однокоренной лексемы завершилась наречием *даром*, почти утратившим семантическую связь с субстантивом *дар*.

Субстанциальное значение тв/п ярко выражается в большом количестве контекстов, не имеющих прямых аналогов в литературном русском: *сухаря-ми* высушишь; *житников* не унесешь, *сухарями* носили; *дитяtko мое* молоко-то так любил, *сли́вком* съедал (сли́вок = сли́вки); молоко *простоквашей* оставь; *это вы простоквашей* съедите; *крошаницей* едят; *пустоварницей* сваришь; она свежу рыбу *ухой* варила, бат и *ухой* похлебае; даже *кашей-то* не замогла есть; малину всю *морсом* выпила; ну возьмите, *ягодами* съедите; *нать* огуменнoй мякины принести, *заваркой* назаваривать коровы; придет *мясом* (о деньгах, потраченных на корову); а корову-то *мясом* отправили туда на Зарубу; *скиснет* – дак она и *кислым* и *свежим* съест; *маслом* гретым сдавали; если *молоком* не сдаешь, дак надо 12 килограмм масла; а раньше свое было, дак *мукой* сыпали дак; сейчас *корова*ми воруют, *ко*нями воруют, *машина*ми воруют; квашню ростворишь, когда *хлебом* ростворишь, когда *житниками* наспаливаешь; *попекаю* свое, *сковородники* ли, *блинами*; мы *хлебом-то* ели, хорошо жили; я *тем* доедала, а то бы голодом пропала; а *чем* посеешь? дожди пойдут – всё везде *грязью* возьмется (превратится в грязь); *всё* штобы загорело, *это* всё выгорело, *получилось* углём.

В этих высказываниях употребляется, как правило, переходный глагол, но прямой объект обычно не выражен, а субстантив в тв/п означает не временную замену, как в ситуации оформления, а замену одной субстанции другой либо превращение одной в другую: сушили *хлеб*, превращая его в *сухари*; жгли *дрова*, превращая их в *уголь*; варили *суп*, который был *пустоварницей* (без мяса); сдавали *молоко* в виде *налога*; пекли *хлеб* в виде *ерушников*, и т.д. В выражении *даже кашей-то* не замогла есть субстантив не означает именно *кашу*; подразумевается, что человек не способен принимать какую бы то ни было пищу даже в консистенции каши. В контексте *я тем доедала*... главное не в том, что именно она ела (тогда был бы употреблен вин. падеж (*картошку, хлеб*...)), а в том, что говорящая с помощью чего-то (посредством чего-то) спаслась от голодной смерти. То же – в вопросе *а чем посеешь*? Не так важно, что именно посеять, как то, чтобы поле оказалось засеянным. Выражение *ягодами съедите* на первый взгляд кажется странным: «съесть ягоды ягодами»? Но на самом деле, действительно, ягоды можно употребить в пищу разными способами: можно *выпить*, сделав из них *морс*, а можно просто *съесть* в виде *ягод*.

В говорах не дифференцированы значения целенаправленности и нецеленаправленности действия при глаголе *играть*, где функция образа действия совмещена с инструментальной: *играть мячом* (*куклой*) и *играть в мяч* (*в куклы*), и употребляется только беспредложная конструкция с тв/п: *лап-*

той играли; там ребята придут и играют *яшкой*, *яшкой* играли; *мячом* играют мужики; *шохордой* играли (*лапта*, *яшка*, *шохорда* – названия игр).

Беспредложный тв/п в общем значении совокупности-оформления наблюдается во всех славянских языках, однако частные его значения в разной мере свойственны разным языкам. По свидетельству Р.Мразека, наилучшим образом в них представлено значение совокупности-коллективного участия (укр. *прийдемо всею громадою*; белор. *вышли ўсёй сям'ёй*; польск. *wyszliśmy całą rodziną*; серб.-хорв. *ићи хиљадама*). В чешском и словацком оно более свойственно языку художественной литературы.

Таким образом, высокая продуктивность беспредложного тв/п-а в функции оформления и, в особенности, субстанциальной характеристики оказывается северно-русской диалектной спецификой.

Как известно, в значении образа действия словоформы в тв/п наиболее активно подвергаются **адвербиализации**; об этом пишет В.В.Виноградов: «В кругу наречий, восходящих к беспредложным формам имени существительного, обнаруживается тесная связь с функциями таких именных падежей, которые склонны к выражению обстоятельственных отношений. Таким падежом преимущественно является творительный падеж.» И далее: «Широта семантического объема формы творительного падежа облегчает процесс изоляции и адвербиализации... Так как категория творительного падежа представляет замкнутую систему грамматических значений и отношений, то замутнение в какой-нибудь конкретной форме творительного падежа ее основных функций, закрепление за этой формой только одного из присущих ей значений равносильно отпадению ее от системы склонения данного существительного – например: *отдать даром*, *уцелеть чудом* и т.д.» (Виноградов 1947: 359, 362). Это справедливо как для литературного языка, так и для диалектного⁴. Диалекты при этом характеризуются своеобразием словообразовательных моделей, их вариативностью и синонимией: например, *брóдом* и *бродкóм*, *векóм* и *вёком*, *гóном* и *гонкóм*, *нагóм* и *нагишóм*, *на́ймóм* и *на́ймом*, *пёхом* и *тихкóм*, *силóм* и *силкóм*: *пойдут розоболокуще*, *скоро нагóм будут совсем ходить*; *нагишóм оставлели* (в двух последних контекстах наречия играют разную роль: в *ходить нагóм* – обстоятельственную, в *оставлели нагишóм* – предикативную, где наречие не сохраняет свой прямой смысл).

Явной адвербиализации, которая состоит в «потере субстанциальности, переходе к обозначению признака или качества» (Твор.п. 1956: 314), подверглись словоформы *помочáми*, *на́ймóм* или *на́ймом*, *подарком* (примеры см. выше), *векóм* и *гóлодом*; последнее регулярно выступает в предикативной функции:

⁴ Значительный материал на эту тему представлен в работах: *Мотивационный словарь наречий Архангельских говоров*. Даугавпилс, 1990; *Е.Е.Королева*. Синхронное словообразование наречий, соотносительных с творительным падежом существительных. Даугавпилс, 1984.

два мякка были большие, из саней утащили, я осталась голодом; голодом не были, боском не ходили; но я голодом не жила; отдашь – а сам и голодом; голодом сиди; доярки голодом ходят; голодом не сидел; што ты, день голодом не были они; люди голодом жили; пусть голодом сидят. Ср. с приведенными выше контекстами девяносто километров шли голодом; а воевали все голодом, холодом с псевдосоциативным значением форм тв./п-а. Если в двух последних случаях можно сказать шли и были голодными, воевали и были голодными, то в предыдущих контекстах – только одно сказуемое независимо от того, какой употреблен глагол: не остаться и быть голодным, а остаться голодным; не сидеть и быть голодным, а сидеть голодным; не жить и быть голодным, а жить, будучи голодным. В этом качестве встречается оно и в украинском языке, даже литературном: не сиділи голодом ні один день.

Особое место в диалектной речи занимают тавтологические сочетания с тв/п, которые производят впечатление свободно и окказионально образующихся в речи. В диалектах представлены два типа таких структур: приглагольный и приадвербиальный: бегóm не бежу; прóбегом бежала; блестóm блестит; бродкóm перебрeдeшь; видóm ненавидит; водить водкóm; гоном гонили; гребилками гребут; своим житьем будет жить; заваркой назаваривать; игрыма играли; корнем не выкорнешь; Генку увидит – лезóm лезет к нкму; приедешь, ночь-ту переночуешь, весь морозом вымерзнeшь; находом находил, а не женился был; я всё там находом ходила; носкóm принесли али ездили? пехаешe стоишь лазом-пёхом на шестах; пёхом запехалe ко мне в дом; пихкóm тихающе девки; подарком подарить; не пропустия пропуском; рёвушкoм ревит; трубит трубой; тучами тучицца, а также с близким по значению глаголом голосом ревелa; поздым поздно; далеким далёко; нечим ничего нет; радым радешенька; темным темно; тьма тьмой.

Особенностью тех и других является то, что слово, имеющее форму тв/п, часто не имеет соотносительного с ним субстантива. Относительно происхождения их интересно мнение Е.Ф.Галкиной-Федорук: «Возможно, что «ползком», «кувырком», «броском» и не были никогда существительными, что это особый вид усилительного слова, образованного от глагола...потом уже такие усилительные слова стали отрываться от однокоренного глагола, и получились наречия...» (Галкина-Федорук 1939: 144). Однако первая часть тавтологических сочетаний только по форме соответствует тв/п-у имени, на самом же деле она не «отрывается от однокоренного глагола»; блестóm можно только блестеть, бродкóm – только бродить или брести, гоном – только гонить или знать, пихкóm – только тихаться; они всего лишь образуются по модели тв/п-а с корнем соответствующего глагола. Такой творительный, или «псевдотворительный», не несет никакого самостоятельного лексического смысла. Приадвербиальный «творительный» всегда усиливает значение наречия (его называют усилительным – нем. *ausmalende*, серб.-хорв. *појачајни*); приглагольный иногда тоже усиливает (напр., видóm ненавидит), но иногда может созда-

вать «пустую» тавтологию (напр., *носкóм принести*). В любом случае, он составляет одну лексическую единицу с «опорным» словом.

По свидетельству Р.Мразека, тавтологические конструкции с атрибутом свойственны всем славянским языкам, без атрибута – главным образом, восточнославянским, но встречаются в диалектах чешского и сербскохорватского: укр. *дівчина у долиніні голосом голосить*; белор. *лазам лезе ў сэрца, у вочы, зазірае*; серб.-хорв. *na gradu devojka vikom podvikuje*; чеш. диал. *běží během, leží lěžmet, křičí křikmet* и т.п.

Заметим, что цитируемые примеры представляют конструкции только первого, приглагольного типа; о наличии в славянских языках конструкций второго типа – приадвербиальных, преимущественно характерных для северо-русской диалектной речи, – мы не имеем сведений.

В число конструкций со значением «основной характеристики» М.Ивич включает обозначение возраста субъекта (*детом водно ме отац* – см. выше), которые Р.Мразек относит к категории времени, типа встретившихся нам *мы пошто-то его не любили девками-то; мы деушкима нарожали; пошла в лес малолетком; я уж жонкой сюда пришла; по лобу молодушкой был плат* (когда была *молодушкой*, носила *плат* по лбу); *он парнем кладовщиком робил*.

В говорах встретился тв/п инструментальный приименной в функции определения: *у меня где-то был самовар углями*. Но это скорее всего не архаизм, а эллиптированная форма выражения «самовар, который нагревался углями».

Творительный меры

Творительный меры в русском языке сохранился лучше, чем в других славянских; преимущественно в компаративных конструкциях (*годом старше*) и в виде наречий (*большей частью*), но не только (*берут мешками*). Случаи типа последнего, где значение меры совмещено с семантикой оформления, встречаются и в диалектах: *а сейчас полями не убрано, а раньше колоска в поле не останется; полезли волосы горстями; наберут целыма связкима; нонь ведь берут вон какими кавалкима*;

Творительный ограничения, отношения.

Р.Мразек различает два типа конструкций с беспредложным тв/п-ом в этой роли: «Первый имеет значение собственно ограничивающее, т.е. суживающее сферу проявления данного признака (напр., *постарел лицом*), другой же определяет род количественного данного (напр. *построили стены силою в четыре сажени*)» (Мразек 164: 101). По своей структуре они могут быть приглагольными, присубстантивными и приадъективными.

В русском литературном языке беспредложные в значительной мере заменены конструкциями с предлогами; остатки их сохраняются при компаративе (*выше ростом; размером больше*), в названиях интегральной части определенной субстанции (*хорош собой; лицом в отца; характером в мать; квартира окнами на юг*), при сообщении количественных данных (*длиной три метра*) и в некоторых устойчивых выражениях (*годами не вышел*).

В диалектах беспредложный тв/п имеет иной функциональный диапазон: самая продуктивная модель - это придвербиальная конструкция с наречием, имеющим значение «хорошо» или «плохо», в роли предиката. Список лексем в форме тв/п-а в принципе открыт: преобладание среди них таких, как *хлеб, корма, продукты, деньги*, объясняется их высокой частотностью в бытовой речи: *кормами* худо было; *кормом* как хорошо – и *коровам* хорошо; и *кормами-то* худо жили; в *войну-то* худо *кормом* было; *хлебом-то* худенько жили; а *есть* которые на оборонны ушли и обратно не пришли, замерли там, *хлебом-то* тоже худо было; *народу* много, *хлебом* будет худо; *хлебом-то* худенько, дак и не заходила в школу; мы *хлебом-то* завелись; и до войны мы хорошо зажили *хлебом*; *раньше* пошто-то всё *хлебом* худо было; *продуктыма* плохо будет; в *Москве* *продуктами* хорошо; жили раньше хорошо *продуктами-то*; у нас раньше было очень хорошо и *продуктами*, и *проттоварами*; *нонь* *вином-те* тожо потужее стало; *дровами* стало тяжело; не знала горя-та *дровами-то*; всё ведь *мылом* было плохо дак; ты уж как *деньгами* худо ак на! *дочи-та* да у ево сын живут далеко, а там *деньгами* худо, да всё; когда погода, то лучшие *местами* дак (в гостинице); там *только* *водой* плохо, вода далеко; *шибко* было худо *кормарами*; *обувью* только худо; *лекарством-то* худо; а вот этот год плохо было *картошкой*, мало у ково до весны ухранилась; плохо *учителями*; *питаньем* было неважно; *конями* недостатки – всяко пережито было; плохо тоже *Буранами-то*, не по одному теленку растут, *второй-то* Буран покупали – корову забили, сдали были в сельпо; в другом колхозе хорошо *маслом*; *ногами-то* я получше была; все едут к родителям, из-за этого и *билетами* трудно; часто было *домами*, *дома-ти* часто стояли; *руками-то* он красён (хорош, силен). Заместитель этих конструкций в литературном – как правило, «с + тв/п». Таким образом, ситуация в диалектах не соответствует мнению С.Б.Бернштейна о том, что «наименее устойчивыми оказались те беспредложные конструкции, которые были заменены предложными с сохранением того же падежа (беспредложный творительный сопроводительный *идти братом*)» (Твор. п. 1958: 34). Очевидно, устойчивость беспредложной конструкции в диалектной речи обусловлена установкой на устранение избыточности.

В конструкциях с глаголом ограничительное значение тв/п-а часто трудно отличить от объектного: *теперь* уж как *бьюще* *сенокосом-то*; я тебя не *изобижу* *деньгами*; *подвезло* *телятами*; я бы сына-то *домой* *прибрала*, который *запутался* *жонáми-то*; они меня *завидовали* *волосами*; *Марфа-то* тоже *этим делом* *моталася*: как год, так *ребёш* (ребенок); *одним сыном* не *успокаивайтесь*; он всё на *Белорусе* *роботал*, а *нонь* *постарел* *Белорусом-то*. Последний контекст выглядит особенно «экзотично», но в сущности – все полностью соответствует правилам употребления беспредложного тв/п-а в ограничительном значении: так предельно лаконично сказано, что некто стал слишком стар для того, чтобы работать на тракторе «Беларусь»; *постарел* не «вообще», а ограниченно, по отношению к трактору «Беларусь».

Конструкции с приглагольным тв/п используются для обозначения заболеваний, при этом названия болезней и больных органов человеческого тела не дифференцируются: *я заболела головой; его прихватило сердцем; выправице ли он сердцем? болел желудком, чем ли; этим глазом ослепла; это я когда болела давленьем; они копытом заболели (копытка – болезнь домашнего скота); опендицитом заболел. К этому примыкают конструкции с другими глаголами, указывающими психическое состояние субъекта, и именем в тв/п, которое называет то, с чем связано это состояние: *чё-то жалилась давленьем; он жалится спиной; а я беру весь день (собираю ягоды) – хоть бы я пожаловалась спиной.**

Присубстантивный тв/п выступает в составе предиката при ограниченном круге лексики: *я родинной-то от этуля; она из Лешуконска родинной будет; она отчеством-то Егоровна должна быть.*

Приадективный тв/п, который считается наилучшим образом сохранившимся в славянских языках (вероятно, это относится к их литературной форме), в наших материалах встретился всего один раз и очевидно – в устойчивой формуле: *мы вот были трое дедом родны (родные по деду).*

Беспредложный тв/п в ограничительном значении существует, по свидетельству Р.Мразека, во всех современных славянских языках, кроме верхнелужицкого; различия между ними состоят в степени употребительности разных типов конструкций: во-первых, собственно ограничительных и определяющих количество, а во-вторых, присубстантивных, приадективных и приглагольных. Можно предположить (хотя и без достаточной уверенности, поскольку инославянский материал взят из литературных языков), что северно-русскую специфику составляет обилие и свободная лексическая наполняемость собственно ограничительных конструкций приглагольных и приадективных с наречиями типа *хорошо, плохо, трудно*, и малая употребительность присубстантивных и приадективных конструкций, распространенных в литературных языках; в особенности – в западно-славянских. Это соответствует предположению М.А.Гадиной: «В настоящее время свободное употребление творительного ограничения (т.е. употребление его вне указанных лексических словосочетаний, идущих по пути фразеологизации) и в приадективном, и в применном, и в приглагольном употреблении в большей степени характерно для народно-разговорного и устнопоэтического языка, отличающегося большой образностью» (Твор. п. 1958: 221).

Творительный причины

Значение причины «в чистом виде» встретилось только в контекстах, где говорится о причинах смерти: *мальчик у меня девяти месяцей коклюшем помер; тем доедала, а то бы голодом пропала* (в литературном русском сохранилось в фразеологизме *умереть голодной смертью*); чаще оно бывает сопряжено с значениями инструментальным, образа действия или ограничения: *парень-то током угорел; в колодце затохе (задохнулся) газами; он*

залез там на нижние полаты и угорел газами; у меня все газеты дождем промокли; и тем обрадеешь (обрадуешься); они меня завидовали волосами.

Но в диалектах – и, по-видимому, не только северных – «особой жизнью» живет местоимение чем, которое в литературном языке сохранилось в подобной функции только в выражениях чем не... (герой, красавица и т.п.) и чем плохо? Ср. – у И.Бунина в передаче прямой речи жителя Орловской области:

– Холодно тебе небось?

Иванушка думал.

– Чем холодно? – отвечал он с расстановкой. – Ничаво ня холодно... В старину куда студяней было⁵.

В севернорусской диалектной речи оно свободно (хотя и не часто) употребляется в качестве грамматического слова, вопросительного наречия, эквивалентного литературному почему или зачем: Не знаю, застали ли корову. – А чем не застали? Как будет бруслица дак чем не выслать? Чем вам худеть? Эти примеры записаны в Устьянском р-не; возможно, что это явление имеет узко локальный характер.

Но особенно интересно и, по-видимому, специфично по крайней мере для части архангельских говоров употребление чем «в связке» с глаголом знать, преимущественно в вопросе: сочетание этих двух лексем может разделяться личным местоимением: чем я знаю, хто там берет; а чем ты знашь? Чем ты знаешь, што у ней правда? Чем она знат? А чем они знают, што дома творщице? Оно может не разделяться, но сохранять фонемный состав обоих составляющих: я чем знаю: выйдет в деревню, в магазин зайдет, чем знают там? (о скрывающемся в лесу убийце); а я чем знала? чем знашь: не пойман – не вор; я чем знала, што ты включишь (магнитофон). В обоих случаях чем сохраняет значение «почему» или точнее – просторечного «почем». К сожалению, мы не располагаем сведениями об акцентных характеристиках этой структуры, но можно думать, что при вставке личного местоимения акцентированы оба компонента, а без него структура становится одноударной, с акцентом, как правило, на глагольной части.

Утрата второго ударения влечет за собой эллипсис консонантного сочетания [мзн]>[мн] и возникает глагол чемнать, который употребляется и в утвердительных предложениях со значением отрицания, о чем свидетельствуют сами говорящие: щас говорят «не знаю», а раньше – «чемнāju»; чово петь-то не знаю, чемнāju дак каку наа-то вам? Куда он ходил? – чемнāju; мужик пришел, она и забранила [почему?] – чемнāju; чемнāju, я не бывала; он чемнāt, пошто ты несешь; я чемнāju, от кого сын-от; Коля придет, чемнаш? я чемнаю, взяла ли не взяла; ну дак я чемнаю; я ведь чемнаю, кто был.

Наконец, глагол может утрачивать формы спряжения: я не знаю, не здешна, чемнāj, кака фамилия; я чъмна, выходили ли нет; я чъмны, не знаю.

⁵ И.А. Бунин. Деревня// Собрание сочинений. М., 1956, т.2, с.92.

Следует заметить, что такое употребление местоимения *чем* свойственно не всем говорам рассматриваемой территории: оно отмечается преимущественно в северо-восточных р-нах Архангельской обл. (Холмогорском, Верхнетоемском, Мезенском и Лешуконском), хотя изредка встречается и южнее. Словоформы с ударением на *чем* записаны в Лешуконском р-не (с. Лебское).

Такая эволюция местоимения *чем* представляет собой явление уникальное в славянском языковом пространстве.

Творительный места

Творительный места обычно бывает связан с глаголами движения, и семантика текста в целом зависит от значения глагола.. Место, относительно которого происходит перемещение субъекта, может быть представлено как непересекаемое пространство (*идти лесом*) или пересекаемое пространство (*пройти лесом*), а пересекаемое пространство может иметь некую протяженность (*дым идет трубой*), а может быть отверстием (*вылезть окном*) либо преодолеваемой преградой (*вытечь пробкой, дном; вынуть животом; вылететь простенком*).

В современном литературном языке в первых двух случаях явно предпочтительны конструкции с предлогами (*идти по лесу, идти через лес*), а в третьем случае беспредложный способ выражения считается полностью утраченным. Однако в диалектах отсутствует такая дифференциация значений и сохраняется свободное употребление беспредложного тв/п-а для обозначения всех видов пространства, при этом пересекаемое пространство не всегда можно отличить от пересекаемого (если это не отверстие): *пойдешь Федей* (мимо Фединого дома); *я побегу житом, а он за мной; где мелко крепко далёко, дак ить и водой нать бродить; горой езда; горой двадцать километров до Согры, а рекой больше; так неловко, горой-то, на каблук; две недели катаемся горами; этим взвозом пошли; прошла той тайболой; он рекой плывет; уйду рекой; Двиной на теплоходе я ежживала; я этой дорогой не бывала; всё-то речкой да сузёмом; его несет матерой; просекима тащил; сараем-то лезать не стали; уйду сараями; горячая вода побегит этим звездиком-то; рожок такой сделан, что бы лить-то масло-то рожком; там ростоя масло, рожком-то сольют; как кипяток-от есть, дак открою крышку да кружкой достану верхам и попью; оденьё-то это сливаешь дырочкой; когда из печи вынешь, так вот этим носком слевали; мы окном вылезли; окошком залезла, посмотрела; его со второго этажа окошком выбросили; молния зашла окошком или трубкой; залез окошком и сел; они всё окнами ползали; окошком людей-то выпускали; окошком вылаживала; она окошком прыснула; окном навоз выметывали; ворота полы, ак они воротами залетают; рамой вылезешь и посидишь на балконе; гроза у нас зашла было рамой; дырами тохаем; тут-то вот дыра, дырой и пехаешь корове-то; он дыркой полез и побегал под угор; той же дыркой залезали; у меня дверями студит; двери-то двои, стынет имá; дверями наверно заходят комары; ты бы краем бы наливала молоко; черт щилью (щелью) проносит; дым*

идет всяким местом (везде); вынули животом девуку (сделали кесарево сечение); пробкой вытекло; вода-то из ведра не дном бежит? Ушком? Они у меня не то што рамой, они бы простенком вылетели; у меня полом-то шибко выстывает; ворота полы (открыты), огорода худа, а ты огородой ходишь (перелезаешь через ограду).

Примеры значения статической пространственной характеристики, выраженной беспредложным тв/п-ом, хотя и редко, но встречаются: лесом стояла бабочка сена, дак спалили; приехал домой - не лежал местом-те (место – постель); теперь уж замуж-то вышла, дак уж боле своим жить-ём будет жить да своим местом спать (житьё следует понимать как «дом» или «квартиру», место означает «постель»).

Очевидно, что роль беспредложного тв/п-а в значении места в сев.-рус. говорах не соответствует его статусу в литературном русском, где он полностью вышел из употребления в значении пересекаемого пространства-отверстия и уступает свое место конструкциям с предлогами в других случаях. Относительно других славянских языков северно-русские говоры, по-видимому, сближаются в первую очередь с чешским литературным, где беспредложный тв/п сохранил достаточно свободное употребление во всех типах пространственных значений: *jdu takhle ulicí; spěchali lesem; procházel se parkem, sálem; vskočil oknem*. Украинский и белорусский литературные языки, отличаясь от литературного русского более широким диапазоном функционирования тв/п в значении места, сближаются тем самым с северно-русскими. говорами, и можно думать, что сведения из диалектов этих языков обнаружили бы еще большую их близость.

Творительный времени

Максимально подробная характеристика времени, с которым связано некое событие, может быть представлена несколькими семантическими типами, главные из которых – 1) указание на отрезок, полностью охваченный действием (творительный определенного времени), и 2) указание на «тип времени» без определения длительности происходящего события (творительный неопределенного времени); к этому типу могут быть отнесены обозначения и повторяющейся единицы времени, и значительной («чрезвычайной») длительности происходящего события.

Беспредложный тв/п как способ выражения первого типа значений сохранился, по-видимому, только в севернорусских говорах; Р.Мразек приводит несколько примеров из старых описаний русских диалектов со словами *часиком, годом, двумя днями, одной неделей, одним днем, одной минутой*. Записанные нами примеры аналогичны по своему лексическому составу: *пьют не днем, не двумя, а вторая неделя; их минутой не свяжешь; одним днем не построишь; они (ягоды) даже годом стоят, не боятся; мы днём до Коми дошли; мы в Тойму-то днем приезжали; то как на лошаде поедешь дак днем доезжаешь; кругом-то три дня ехать, а прямо-то и днем приез-*

жали; вдруг умер одним днем (заболел и умер в течение одного дня); меня-то шесть раз проведывали годом (в течение года).

Второй тип значений в современном литературном языке представлен только восьмью наречиями, называющими время суток и время года: *утром, днем, вечером, ночью, зимой, весной, летом, осенью*. В диалектах этот тип фигурирует обычно в значении повторяющейся единицы времени (его называют также дистрибутивным); при этом если в литературном круг «дистрибутивных» лексем ограничен словами *вечерами* и *ночами* (*днями* – только в сочетании *целыми днями*), то в диалектах он значительно шире, и при этом недифференцированно употребляются формы ед. и мн. числа: *зимáми в лесу, летом сено все ставили; летáми уезжаете; москвичей-то много приезжало летáми; у нас зимáми всё куфайки носят; зимáми ведь холодно у нас; устраивают игрища, вечерами и днями сидят; приходят и днями; вечереньками включаем (электричество); летáми всё косила на машине, страдай-те; тут страдай-то кони нать, кучи возить; накошусь страдай-ту, целу поллитру выплю; раньше страдай нарежались; страдай время мало хорошего; нонь не ходя праздником по деревне да. Оттенок значения неопределенности («иногда») присутствует в контекстах: *грибы годами хорошо растут, а годами нету; сена давали которыма днями*.*

Значение неопределенной, но значительной длительности времени (меры времени) присутствует в выражении: *она – привезут колбасы - наглотище и годами больше не хочет*.

Эти примеры демонстрируют большую свободу употребления субстантивов и, соответственно, меньшую степень адвербиализации тв/п-а во временном значении, чем в литературном языке.

В разделе о творительном образе действия мы приводили контексты с обозначением возраста, которые Р.Мразек относит к временному значению тв/п (*мы пошто-то его не любили девками-то; мы деушкима нарожали; пошла в лес малолетком; я уж жонкой сюда пришла; по лобу молодушкой был плат); он парнем кладовщиком робил. Указание на время содержится и в таком высказывании: *платили мне и восемь рублей колхозом-то* (в то время, когда был колхоз).*

В современных славянских языках, как уже говорилось, беспредложный тв/п полностью утрачен в обозначении определенной длительности времени (отрезка, целиком заполненного действием) и сохраняется в значении дистрибутивном и меры времени (кроме чешского, где творительный времени представлен только несколькими наречиями).

Можно считать, что севернорусские говоры отражают архаическое состояние этого фрагмента синтаксической системы, поскольку в них представлены в достаточно «живом» виде все ранее существовавшие типы темпоральных значений беспредложного тв/п-а. В наших говорах сформировалось наречие, повсеместно распространенное, многофункциональное и потому высокочастотное

– *векóм* (реже *вéком*). Круг его значений можно определить как указание на неопределенное время, настолько абстрактное, что *векóм* может замещаться разными наречиями и сочетаться с сказуемым в форме как прошедшего, так и будущего времени. Значение его зависит от наличия или отсутствия отрицания при глаголе: в предложениях с отрицанием оно означает «давно» или «никогда» (в прошлом или будущем), без отрицания – «когда-то» или «когда-нибудь» (в прошлом или будущем): *здесь косили векóм* (раньше), *а сейчас березничек вырос; робыла-то много векóм-то* (раньше); *больше векóм не была на вечеринке* (никогда в прошлом); *у нас старушка векóм не ходит* (давно); *плакал, говорит, векóм вас не увижу больше* (никогда в будущем); *потом векóм меня попомните* (когда-нибудь в будущем).

Это слово настолько удалилось от своего конкретного временного значения и потеряло связь с глаголом, что иногда функционирует уже как вводное со «смягчительным» значением «вообще-то», «пожалуй», т.е. является почти асемантичным элементом текста: *у нас можно векóм-то спяхать*⁶.

Творительный синтаксический

Эта функция беспредложного тв/п-а в диалектах представлена весьма ограниченно, что полностью соответствует устоявшимся представлениям о более позднем ее развитии из адвербиальных значений.

Субъектное значение тв/п-а в принципе может существовать в пассивных конструкциях с возвратным глаголом и с предикативом (страдательным причастием прошедшего времени). Субъектный статус тв/п-а в безличных структурах считается условным: *крышу сорвало ветром* может быть интерпретировано и как *ветер* (субъект) *сорвал крышу*, и как *нечто сорвало крышу с помощью ветра* (инструмент). Конструкции же с возвратными глаголами в диалектной речи, кажется, мало употребительны (единичный пример *гостями хлеб не съестся* имеет афористический характер), а употребление форм тв/п-а в роли субъектного дополнения при страдательном причастии, где имя в тв/п-е представляет одушевленный субъект действия, северной диалектной речи не свойственно: его роль выполняет предложно-падежная конструкция «у+род.п.» (значительно реже – «от+род.п.») – ср.: *это не его-ва мельница, у колхоза построена людьми*.

Следует заметить, что в литературном языке грамматически правильная пассивная конструкция *мельница построена колхозом* в разговорной речи практически почти не употребляется, ей предпочитают активную конструкцию *колхоз построил мельницу*. Северная же диалектная речь хотя и отдает во многих случаях предпочтение пассивному способу выражения, но употребляет в этом случае не беспредложный тв/п, а предложно-падежную конструкцию.

⁶ Примеры (с несколько измененной транскрипцией) взяты из Архангельского областного словаря (Вып.3, 1983, с.92-93).

Объектное значение беспредложного тв/п-а несмотря на ясные, казалось бы, критерии, сформулированные Р.Мразеком⁷, часто трудно отделить от обстоятельственных его значений – ограничительного, инструментального и образа действия. Кроме того, трудно судить о масштабах использования в диалектах объектного тв/п-а, поскольку в полевых записях диалектологов преобладают «экзотические» конструкции, а те, которые соответствуют принятым литературной нормой, не фиксируются. Но судя по очень большому текстовому материалу, который приводит в своей книге Р.Мразек, тв/п объекта имеет несравненно более широкое поле функционирования в литературном языке по сравнению с диалектной речью; так, например, в нашем материале встретились только приглагольные конструкции; присубстантивные и приадективные, по-видимому, свойственны только литературному языку.

Близко к инструментальному значению тв/п-а при переходных глаголах в контекстах типа *я чайник чаем насыпала; он барышничал, он конема менял*, где субстантив раскрывает смысл глагола, составляя с ним одно семантическое целое. При непереходных глаголах значение тв/п близко к ограничительному: *я чаем не буду горевать; нечем не нуждаюсь теперь*.

Не свойственное литературному использованию тв/п-а может быть обусловлено специфическими для диалекта грамматическими особенностями глагола, например: *почнет роботыма тебя заставлять; я вся захотелась колбаской*. В первом случае глагол, который в литературном языке может управлять только другим глаголом (*заставлять делать что-то*) обладает способностью управлять существительным; во втором случае необычно употребление глагола *захотеться* в личной конструкции (*я захотелась*) – вероятно, таким способом выражена эмотивность высказывания.

Предикативный творительный в конструкциях с невыраженным глаголом, о которых применительно к литературному языку у Р. Мразека сказано: «Употребление тв/п-а, причем только от субстантивов, представляет очень редкий, маргинальный синтаксический факт» (Мразек 1964: 243), в диалектной речи занимает, по-видимому, другое, значительно большее место: *зять председателем сельсовета, а она медиком; парень у меня тоже женихом; они с моей до-*

⁷ «1. Объектный тв/п, как и другие объектные падежи, является управлением подчиняющего слова, он требуется им, на него направлена сама интенция подчиняющего слова; ср. *интересоваться*→чем-н., *обмениваться*→чем-н., *обладать*→чем-н., и т.д.

2. В отличие от обстоятельственной роли, при объектной функции тв/п выступает – если управление подлинно сильное и объектность яркая – неотъемлемым компонентом данных словосочетаний. Господствующее слово по самой своей лексико-грамматической природе нуждается в раскрытии своего предметного содержания (с соблюдением того или другого определенного своего оттенка), а именно с помощью синтаксического существительного в форме тв/п-а. Напротив, орудный тв/п оказывается так или иначе факультативным слагаемым сообщения или словосочетания.» (Мразек 1964: 180).

черью да с зятем-то почти соседями; мы-то дома, а ты-то у нас зётём; она старым еще закалом; отдашь – а сама и голодом (впрочем, в данном случае голодом – конечно, наречие). В некоторых особых условиях такой способ выражения встречается в чешском: *Jurek vítězem; každý člověk plavcem! Lojza zlodějjet? – tomu nevěřím!* К сожалению, мы не располагаем диалектным материалом относительно употребления им. падежа в этой функции, но приведенные примеры показывают, что функционирование здесь творительного если и не исключает именительного, то во всяком случае, расширено за счет него.

В роли чистой связки помимо глагола *быть* (*когда росли, я не думала, что он мне мужиком будё; батька был шкурником* (скорняком); *што ты, день голодом не были они; голодом не были, боском не ходили*) выступают еще *жить, остаться* (*вот жил деректором Эсанбаев; но я голодом не жила; люди голодом жили; дедушко у нас всё охотником жил, на зиму охотником, а летом рыбаком; два мяхка (хлеба) были большие, из саней утащили, я осталась голодом*), а также *сидеть и ходить*, которые в приводимых ниже контекстах не означают ничего, кроме факта существования, лишь более или менее связанного с движением: *Иван уж капитаном ходит на воде; сразу проводником ходил; дояркой пошла была; доярки голодом ходят; много годов сидит директором-то; голодом сиди; голодом не сидел*.

Тв/п выступает в роли предикативного детерминанта при полнозначных глаголах *учиться, называть* и некоторых других: *чем ты будешь учиться? она учительницей училась; летчиком выучился* (ср. единичный пример из чешского *učí se kovářem*); *живицей называли серу; кобылками называли такие плоты; это мы рясочкима зовем; нечём звали; продавцом меня мама не спустила; он парнем кладовщиком робил; пришли в клуб снaredихима; держал ихну мать прислугой; нянькой сюда уехала; неково нанёт нянькой; все служили сержантьма; там (туда) председателем сельсовета уехал; я робила трактористом, а он вучёччиком робил; она фершалом работала, фершалом выучилась-то; дояркой-то некто не запрешчал, роботай пожалусто; она заставлена была дояркой, доярка-то в отпуску; она художником можо*.

Предикативный тв/п принято считать вторичным, развившимся на базе им/п-а и разделившим с ним функции постоянного и временного признаков субъекта. Отсутствие в наших материалах предикативного именительного при невыраженной связке (типа *зять - председатель сельсовета*) может объясняться тем, что такие конструкции просто не привлекли к себе внимания при записи материала; но расширенное употребление тв/п-а при невыраженной связке можно считать архаизмом с точки зрения того, что в говорах не получила развития дифференциация значений постоянного и временного признаков, и инновацией с точки зрения экспансии «вторичного» творительного падежа за счет именительного в предикативной функции.

Итак, наблюдения над особенностями функционирования беспредложного тв/п-а в севернорусской диалектной речи позволяют сделать следующие выводы:

говоры исследованного региона сохраняют в целом архаическое состояние данного фрагмента синтаксической системы, которое проявляется в сохранении некоторых беспредложных конструкций, утраченных современными славянскими языками, и в отсутствии дифференциации частных значений, которые в литературных языках получили различные способы выражения: наряду с беспредложными - предложными, с разными падежами и предлогами. Кроме того имеется целый ряд конструкций, которые можно рассматривать как инновации или по крайней мере – как результат особой продуктивности некоторых моделей, утраченных или оказавшихся маргинальными в современных славянских языках. Причиной этого может быть свойственная устной речи тенденция экономии языковых средств, которая проявляется в эллиптированном способе выражения сложных по своей структуре действий и пропуске предлогов.

1. В инструментальной функции обозначения орудия действия сохранился беспредложный тв/п, называющий не только прямой, но и косвенный инструмент (*печется светом, толкут ушатом*), а также название одушевленного производителя действия (*сделать людьми, крестить попом*).

2. В обозначении транспортных средств беспредложный тв/п сохранил свою универсальность, означая как механизированные, так и немеханизированные, в том числе и неспециализированные, средства передвижения (*ехать метром, плыть лодкой, ходить батожком*).

3. В значении образа действия особенно продуктивными оказались значения оформления и субстанциальной характеристики, не имеющие в говорах каких-либо лексических ограничений. Оформление может иметь характер функциональной замены (*бросить мешок тряпкой; приехать концертом*); значение субстанциальной характеристики (*выпить малину морсом*) в высокой степени продуктивно и представлено открытым списком лексем.

4. В значении ограничения/отношения беспредложный тв/п развил высокую продуктивность в приавербиальных конструкциях (*хорошо хлебом*), сохранился в приглагольных и не отмечен в присубстантивных и приаъективных конструкциях, которые, по-видимому, свойственны письменным жанрам языка.

5. В значении причины специфику северно-русских говоров составляет употребление местоимения *чем*, в особенности, в составе глагола *чемзнять*.

6. В значении места беспредложный тв/п сохранил свою универсальность, обозначая все виды пространства, по которому происходит движение субъекта; в том числе, пересекаемое пространство-отверстие (*залезть дыркой*) и статическую локальную характеристику (*стоять лесом*).

7. В значении времени употребление беспредложного тв/п также универсально, включая, в том числе, обозначение отрезка времени, целиком охватываемого действием (*днем доехать*), и распространяясь на открытый список слов со значением повторяющегося момента действия или типа времени (*страдой работать, праздником ходить*).

8. Синтаксические типы значений беспредложного тв/п в диалектах явно не получили такого развития, как в литературном языке. В предикативном значении отсутствует конкуренция с им. падежом для дифференциации значений постоянного и временного признака (*он был охотник/он был охотником*) и в конструкциях с невыраженным и выраженным глаголом (*он охотник/он охотником*). Беспредложный тв/п и в этом случае употребляется недифференцированно, обобщенно.

Литература

- Архангельский областной словарь*. Под ред. О.Г.Гецовой. Вып.1-11, М., 1980-2001.
 Виноградов 1947 - *В.В.Виноградов*. Русский язык. М.-Л. 1947, с.359, 362.
 Галкина-Федорук 1939 - *Е.М.Галкина-Федорук*. Наречие в современном русском языке. М., 1939.
 Ивич 1954 - *Милка Ивич*. Значења српскохрватског инструментала и њихов развој. Београд 1954.
 Исаченко 1955 - *А.В.Исаченко*. Грамматика русского языка для X-XI классов общеобразовательных школ. Братислава, 1955.
 Левонтина 1989 - *И.Б.Левонтина*. Некоторые особенности функционирования творительного падежа в архангельских говорах (к проблеме изучения падежного значения на диалектном материале)// Проблемы семантической и синтаксической типологии. М., 1989.
 Ломтев 1956 - *Т.П.Ломтев*. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
 Мразек 1964 - *Р.Мразек*. Синтаксис русского творительного. Praha, 1964.
 Твор. п. 1958 - *Творительный падеж в славянских языках*. М., 1958.

Summary

Prepositionless Instrumental in Northern Russian Dialects. A view against the Common Slavic background: Semantics and Syntax

The paper presents an analysis of prepositionless Instrumentals occurring in Northern Russian dialectal texts. In general, the observed stage of evolution from semantics to syntax precedes that known for the Standard Russian. Northern Dialects possess some prepositionless constructions that are lost or marginal or came to be formally differentiated in modern Slavic languages. On the other hand, there is a number of constructions, which may be considered as dialectal innovations.

Некоторые вопросы украинского диалектного словоизменения: интерпретация диалектного материала, собранного в одной частной диалектной системе.

1. Глагол (формы инфинитива и презенса)*

В настоящее время в языкознании является признанным, что для диалектологических исследований разного рода необходим не только *большой*, но и *систематически собранный* материал; полученные таким образом диалектные данные имеют широкий спектр применения: это и синхронное описание отдельного говора (=«частной диалектной системы» [ЧДС])(1), и лингвогеографическая интерпретация диалектного материала, и сопоставительное изучение отдельных фрагментов языковых систем в разных диалектах, и использование диалектных фактов в работах по истории языка и т.п.

Основное и первостепенное значение в диалектологии имеет **синхронное описание одного диалекта** как исходного объекта изучения. В зависимости от цели исследования (моделируется ли *одна ЧДС* на всех ее уровнях, с учетом всех элементов каждого уровня и всех сосуществующих в данной ЧДС вариантов, которые в языковом сознании говорящих оцениваются как эквивалентные средства выражения определенного плана содержания [Калнынь, Попова 1993, 6]; или система *одного диалектного языка* и его фрагментов [Калнынь 1973]; или *диалектная система разных языков* [Калнынь, Масленникова 1981]), - описывается – соответственно – либо один диалект, либо совокупность нескольких диалектов одного языка, либо собрание диалектов нескольких (родственных) языков. Только четкое осознание необходимости иметь монографические синхронные (недифференцированные!) описания максимального числа ЧДС позволяет приблизиться к созданию современной базы диалектных данных для изучения в различных аспектах как отдельных говоров, так и их совокупностей. Несомненно, что подобное моделирование синхронных диалектных систем возможно лишь при наличии материалов, собранных по заранее составленным, специализированным *программам*, ориентированным на исчерпывающее описание разных уровней ЧДС, поскольку даже «полные» тексты, представляющие запись больших объемов спонтанной диалектной речи, не могут содержать ответы на *все* сформулированные в указанных программах вопросы, существенные для изучения структуры диалекта (2).

* Классификация имен существительных в говоре с.Саджава, с описанием всех форм их парадигм, будет дана в следующей статье.

В российской диалектологической науке второй половины XX в. известны опыты создания подобных описаний (выполненных в большей или меньшей степени удачно) на материале диалектов разных *славянских* языков. Отметим некоторые из них. Чаще всего исследователи обращались к синхронному монографическому описанию фонетического уровня одной ЧДС (resp. совокупности ЧДС) или отдельных его фрагментов (см., например: [Котова 1962; Котова 1963; Журавлев 1962; Калнынь 1973; Калнынь 1992; Калнынь, Попова 1993; Калнынь, Масленникова 1995; Масленникова 1977; Николаев 1995; Николаев 1996 и др.]). В области описания морфологического и морфонологического уровней ряда славянских ЧДС отметим, в частности, следующие работы (см.: [Журавлев 1955; Журавлев 1958; Бромлей, Булатова 1972; Котова 1973; Попова 1975; Попова 1976 и др.]

В данной статье предлагается описание системы глагольного словоизменения (формы инфинитива и настоящего времени) в виде морфологической **классификации** глагола в говоре с. Саджава (р-н Коломыи, Ивано-Франковской обл., Украина), который относится к покутскому (=буковинско-покутскому) диалекту [Жилко 1966, карта; см. также с.230]. Этот говор был анкетирован авторами в 1962 г. в ходе работы над «Карпатским диалектологическим атласом» (М., 1967; в сетке Атласа – п.54); тогда же, по специальной программе, был собран большой материал, представляющий фонетическую и грамматическую системы саджавского говора. Частично этот материал был обработан в ряде статей (см.: [Клепикова 1964; Попова 1970; Попова 1971; Попова 1972]).

При описании морфологических явлений в ЧДС, в данном случае глагольного словоизменения в говоре с. Саджава, мы исходим из того, что следует учитывать *все* формы парадигмы каждого слова. При этом принципиально важно, чтобы грамматические категории были представлены максимально полным набором лексических единиц, что позволит в дальнейшем (в сопоставительных, лингвогеографических и подштудиях) выявить вариативность одинаковых грамматических категорий, которая может быть обусловлена не только разной *структурой* различных парадигм, но и разным *корпусом лексики*, составляющей объем соответствующей грамматической категории (3). Мы отдаем себе отчет в том, что не все функционирующие в говоре глаголы зафиксированы в наших материалах; это обстоятельство может быть причиной известных неточностей в наших выводах. Тем не менее объем анализируемого материала таков, что позволяет объективно представить характер системы спряжения глагола и дать детальную классификацию единиц этой части речи с учетом их морфологических, морфонологических и акцентологических признаков; это и означает в итоге моделирование данного фрагмента грамматической системы саджавского говора. Отметим, что в прилагаемых текстах встречаются глаголы, которые не вошли в данную

классификацию, поскольку они в наших материалах не представлены полным набором *обязательных* для нее форм (т.е. инфинитива и презенса).

Заметим также, что мы предполагаем возможность построения и иных классификаций, основанных на других, не совпадающих с нашими, критериях.

Перед описанием глагольного словоизменения в саджавском говоре остановимся на некоторых важных чертах, характерных для **фонетического** (не фонологического!) строя этого говора, и на тех особенностях транскрипции, которые представляются в данном типе диалектологического исследования наиболее эффективными (4). Мы следуем традиции, развиваемой Л.Э.Калнынь в работах по фонетике говоров украинского и других славянских языков, и принимаем тезис, что звуки диалектной речи транскрибируются знаками, обозначающими так наз. «звуки языка» - в том понимании данного термина, которое было предложено П.С.Кузнецовым [Кузнецов 1959, 31], - то есть звуки языка представляют собой первую ступень абстракции по отношению к звукам речи.

В области вокализма: 1) в слоге *под ударением* выделяются следующие гласные звуки языка: [i] – передний ряд, верхний подъем, нелабиализованный; [e] – передне-средний ряд, верхне-средний подъем, нелабиализованный; [ä] – средний ряд, сдвинутый несколько к заднему, нижне-средний подъем, нелабиализованный; [a] – нижний подъем, нелабиализованный; [o] – средне-задний ряд, средний подъем, лабиализованный; [y] – задний ряд, верхний подъем, лабиализованный. 2) в *безударном* слогe выделяются следующие гласные звуки языка: [i] – передний ряд, верхний подъем, нелабиализованный; [ə] – средний ряд, ближе к переднему, средне-верхний подъем, нелабиализованный; [a] – нижний подъем, нелабиализованный; [o] – средне-задний ряд, средний подъем, лабиализованный; [y] – задний ряд, верхний подъем, лабиализованный. Произношение безударных гласных [i] и [ə] в позиции после мягких согласных не стабильно: оно свободно варьируется в пределах тех границ, которые определяют их ряд и подъем (т.е. [C'i// C'ə]), что и обуславливает их взаимозаменяемость.

Отметим некоторые правила сочетаний указанных гласных звуков языка с предшествующими согласными. 1) после *твердых* согласных употребляются ударные гласные [é, á, ä', ó, ú] и безударные [ə, a ,o, y], например:

** Разумеется, в зависимости от фонетического контекста, от темпа речи, от эмоционального состояния носителя говора и т.п. артикуляционно-акустические особенности каждого реального звука речи могут подвергаться определенным модификациям (например, *ковáтэ// ко'вáтэ// кувáтэ*), которые в тех случаях, когда они не выходят за рамки артикуляционных границ ряда и подъема, установленных нами для каждого звука языка, в нашей транскрипции не учитываются: т.е.мы фиксируем, например, варианты *ковáтэ* и *кувáтэ*, но все промежуточные безударные гласные от [o] до [y], в том числе и [o'], которые реально могут возникать в потоке речи, нами не отмечаются.

бэстро, жэтэ, лэжэт (3 л. ед. наст.), *пластэ* (И.мн.); *бá'рдо, дá'н, прá* (3 л. ед. наст.); *бá'вамо, ора́тэ, толокá; сá'лэм, порó'тэ, ý'армó; рæу, слýгэ; грэбá'н'и* (И.-В.мн.), *пó'рэ, нэвэ* (Р.ед.), *жэйý; банýйу, нэ'ва; вó'лос, сэрó'тá, крý'тáмо; ý'пáдут, хóчу*; 2) после мягких согласных отмечены ударные гласные [í, é, á, ä, ó, ú] и безударные гласные [i, ə, а, о, у]; гласные [á, ä, а'] после мягких согласных зафиксированы в немногих словоформах. Например: *тэр'í'л', з'в'í'р, м'í'ра, к'í'сто, дой'í'т* (3 л. ед. наст.), *дон'ú'í'* (Д.ед.); *бур'én, з'ек', к'édатэ, х'эт'ра, ý'стром'ém// ý'стром'ý'ém* (3 л. мн. наст.), *лэж'ém, вэр'к'ém* (то же), *об'ý'с'к'э; стоý'д'т, драл'á'тэ, г'á'тэл', ý'á'блоко; н'ý'áш, л':á'мо; г'í' л'óm, ý'с'ó; свар'ý, мн'ух, г'í'd'ý* (Р.мн.), *пó'с'к'í' л //пó'с'к'эл , пán'í'х// пán'эх* (М.мн.), *крý'к'ím// крý'к'эм* (3 л. мн. наст.), *в'ím'н'и // в'ím'н'э; ý'ачм'ín', ý'армó, ý'алэ'нá; под'в'í'р'ом* (Т.ед.), *борó'н'у* (1 л. ед. наст.).

В области консонантизма отметим лишь отдельные черты; в основном, они связаны с употреблением твердых и мягких согласных звуков:

а) Шипящие могут быть твердыми и мягкими перед [é, ə]; мягкими – перед [í, i] и перед мягкими согласными; твердыми – перед остальными гласными, перед паузой и перед твердыми согласными. Противопоставление твердых и мягких шипящих проиллюстрируем следующими примерами: *спэш'эт* (3 л. ед. наст.) ~ *спэш'эм* (3 л. мн. наст.), *дрэж'эт* ~ *дрэж'эм*, *стэрч'эт* ~ *стэрч'эм*, *дýш'эт* – *дýш'эм// дýш'ím*, *слýж'эт* ~ *слýж'эм// слýж'ím*, *мóч'эт* ~ *мóч'эм // мóч'ím*, *эрж'э* (Д.-М.ед.) ~ *эрж'э* (И.ед.).

б) Из заднеязычных перед гласными [é, ə, i] находим только мягкие [к', х'] и твердый [г], например: *н'í'с'к'э* (И.мн.), *скóрух'э* (И.мн.), *смэрá'к'э// смэрá'к'и* (И.-В.мн.), *мýх'э// мýх'и* (И.-В.мн.), но лишь *нóгэ, глогé* (И.мн.), *оборóг'ý* (Р.мн.).

в) Согласный [ц'] употребляется перед гласными [í, i]: *зовэц'и* (И.мн.), *зовэц'и* (И.ед.); как согласный [ц'], так и согласный [ц] находим перед [é, ə, i]: *в'ý'ц'э* (Д.-М.ед.), *в'ý'ц'э* (И.ед.), *хлóп'цэ* (М.ед.) – *хлóп'ц'э// хлóп'ц'и* (Р.-В.ед.). В остальных позициях отмечен согласный [ц].

г) В говоре употребляются три зубных латеральных согласных: твердый [л], «среднеевропейский», невелиризованный [l] и мягкий [л']. Согласный [л] находим перед гласными [á, ó, ú; а, о, у], перед паузой и перед твердыми согласными. Согласный [л'] отмечен перед гласными [í, é, á, ó, ú; i, ə, а, о, у], перед паузой и перед мягкими согласными. Употребление согласного [l] ограничено только позицией перед гласными [ä, é, ə]. Например: [л] – *лá'ба, колó'да, глогé* (И.мн.) и др., [l] – *свэрó'л'эм* (3 л. ед. наст.), *ж'эл'эм* (3 л. ед. наст.), *лé'ко, шлá'мо* (1 л. мн., наст.); [л'] – *свэр'ó'л'эм* (3 л. мн. наст.), *ж'эл'эм// ж'эл'ít* (3 л. мн. наст.), *л'удé'на, ковá'л'*. В формах наст.вр. глагола *лétэ* зафиксирован [л':] – долгий мягкий зубной латеральный согласный: л':у, л':áш...

д) О согласных [т', д'] и [к', г']. В говоре употребляются согласные [к', г'] на месте *t, *d перед рефлексами *а, *е, *ье, *ь, *э (в закрытом слог), *е (в

закрытом слоге). Например, *з'ек'*, *к'істо*, *жж'є*, *хрус'к'єт*, *к'ін'*, *г'ід*, *смєр'г'єт*. Однако перед рефлексом *о (в закрытом слоге) согласные *т, *д дали современные [т', д']: *с'т'іл*, *г'ід'іу*. В настоящее время такое разграничение в произношении данных согласных не проведено последовательно, в результате чего возможны варианты, например: *к'істо*//*т'істо*, *г'ід'іу*//*д'ід'іу*//*г'іу*.

е) На месте звонких согласных в позиции конца слова, перед паузой и перед глухими согласными слышатся полувзвонкие согласные, например: *г'ід*, *с'т'іг*, *хл'іб*, *круж'іж*, *ворóзка* (ср.употребление в этих же позициях соответствующих глухих: *цап*, *скору́х*, *м'іст*, *вєз'аиш*, *п'іскá* (Р.ед). В данной работе знак полувзвонкости по техническим причинам не используется (т.е. *греб* вм. *греб̣*).

ж) Согласный [в] употребляется, как правило, в позиции перед гласными; в позиции перед паузой и перед согласными обычно произносится [ў] (например: *вóр'іг*, *в'ін*, но *ўчєтáл'*, хотя может быть и *ўін*, *ўу́хо* и др.).

з) В говоре отмечается сильно развитая ассимилятивная мягкость, например: *ўз'д'р'імá*.

и) Двойные (долгие) согласные в говоре не зафиксированы (например, *обєтá* – ср.литер.*оббити*, *жж'є* – ср.литер.*життя*), кроме [л':] в формах наст.вр. от глагола *лєтá* (л':у, л':áи).

Примечания

- (1) Обоснование понятия ЧДС, его соотношения с понятием «диалектный язык» содержится в работах Р.И.Аванесова и московских диалектологов: [Вопросы теории 1962; Аванесов 1963; см. также: Калнынь 1974; Калнынь 1976 и др.].
- (2) Например, на основе больших по объему, представляющих собой свободное изложение житейских ситуаций, диалектных текстов из украинских говоров Чернобыльской зоны [Говірки 1996], невозможно построить (=смоделировать) словоизменительную систему имени и глагола, определить морфонологические закономерности соответствующих говоров, дать полный корпус словообразовательных средств, представить синтаксическую систему говоров и т.д.
- (3) Таким образом, важно иметь не только все формы парадигмы, но и выявлять по возможности все грамматически варьирующиеся лексемы. Ср., например, парадигмы двух глаголов в двух карпатоукраинских говорах: говор с.Саджава – *ковáтə* (инф.), *куй'у*, *куй'áш*, *куй'á'*, *куй'á'мо*, *куй'á'тə*, *куй'ут* (наст.вр.); *мастєтə* (инф.), *мащ'у*, *мастєш*, *мастєт*, *мастəмó*, *мастəтá'*, *мас'к'єт* (наст.вр.) ~ говор с.Торунь – *ковáтi* (инф.), *кújу* (1 л. ед.наст.), *кújє* (3 л. ед.наст.); *маст'ітi* (инф.), *мáщ'єи* (1 л.ед.наст.), *мáстiтi* (3 л. ед. наст.) [Николаев, Толстая 2001, 106, 118]. Отсутствие во втором случае полных парадигм не позволяет провести корректное сопоставление данных двух глаголов. К сожалению, в указанной монографии в большинстве случаев не приведены полные парадигмы, авторы ограничиваются лишь показом «основных» словоизменительных парадигм имени и глагола, а также элементарных морфонологических правил» [там же, 4-5 (курсив наш - Г.К., Т.П.)]. При этом остаются неясными дефиниции данных терминов.
- (4) Используемая в статье транскрипция, разумеется, не является достаточно детальной, так как ориентирована на описание явлений грамматики, а не фонетического строя. В работах последнего времени, посвященных, в частности, изучению вокализма карпатоукраинских говоров, применяется более детальная транскрипция для отражения большого числа нюансов

звучащей речи. Например, в работах С.Л.Николаева и его учеников [см.: Николаев 1995; Николаев 1996 и др., а также раздел по фонетике в: Николаев, Толстая 2001] употребляются десятки транскрипционных знаков для обозначения аллофонов, реализующих отдельные гласные фонемы. Однако можно высказать и определенные сомнения в бесспорности подобного (по-видимому, «аудитивного») метода, поскольку отсутствуют сформулированные критерии, определяющие порог возможного восприятия и отображения звуков диалектной речи (а он у разных людей различен и субъективен).

Литература

- Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка// Славянское языкознание. V Межд. съезд славистов. М., 1963.
- Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
- Говірки Чорнобильської зони. Тексти. Київ, 1996.
- Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.
- Журавлев В.К. Говор с.Криничное (Чешма-Варуита)// СМБД, вып.7.М., 1955; вып.8.М., 1958.
- Журавлев В.К. Фонетика говора с.Криничное (Чешма-Варуита)// СМБД, вып.10. М., 1962.
- Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1980.
- Калнынь Л.Э. О некоторых приемах моделирования ЧДС //ОЛА. МИ.М., 1972.
- Калнынь Л.Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система.М., 1973.
- Калнынь Л.Э. О некоторых приемах моделирования частной диалектной системы// ОЛА.МИ. М., 1974.
- Калнынь Л.Э. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект»// Изв.ОЛЯ, 1976, № 1.
- Калнынь Л.Э. Фонетический строй одного гуцульского говора// ИСД 1. Карпатоукраинские диалекты. М., 1992.
- Калнынь Л.Э. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.
- Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Изучение вариативности в славянских диалектах// ИСД 3. М., 1995
- Калнынь Л.Э., Попова Т.В. Синхронное описание одного диалекта как особый вид диалектологического исследования// ОЛА. МИ. М., 1981.
- Калнынь Л.Э., Попова Т.В. Фонетика двух болгарских говоров// ИСД 2. М., 1993.
- Клепикова Г.П. К характеристике системы ударения одного переходного гуцульско-покутского говора// КСИС, № 41. М., 1964.
- Котова Н.В. Система ударения в говоре района Горно-Поле// СМБД, вып.10. М., 1962.
- Котова Н.В. Звуковая система говора района Горно Поле// Славянская филология. № 4. М., 1963.
- Котова Н.В. Морфология существительных и прилагательных в говоре района Горно Поле (юго-западная Болгария)// Славянская филология, № 8. М., 1973.
- Кузнецов П.С. Об основных положениях фонологии// ВЯ, 1959, № 2.
- Масленникова Л.И. Вокализм польского диалекта, функционирующего в условиях билингвизма// ОЛА. МИ. М., 1977.
- Маслов Ю.С. О морфологическом членении глагольных форм и морфологической классификации глаголов в современном болгарском литературном языке// КСИС, вып.10. М., 1953.
- Николаев С.Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. I. Покутско-буковинско-гуцульский ареал// «Славяноведение», 1995, № 3; 1995, № 5.

- Николаев С.Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал// «Славяноведение». 1996, № 1.
- Николаев С.Л. Ударение существительных с *a*-основами в карпатоукраинских говорах (материалы)// «Славяноведение», 1996, № 5.
- Николаев С.Л., Толстая М.Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора (с грамматическим очерком и образцами текстов). М., 2001.
- Попова Т.В. Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект. М., 1975.
- Попова Т.В. Об одном мало известном типе глагольного словоизменения в болгарском языке// ОЛА. МИ. М., 1976.
- Попова Т.В. Морфонологические чередования согласных в спряжении глаголов настоящего времени в юго-западном говоре с. Саджава // Праці XIII Респ. діал. наради. Київ, 1970.
- Попова Т.В. Вокалізм однієї гуцульської говірки (до питання про методику фонологічного опису)// Праці XII Респ. діал. наради. Київ, 1971.
- Попова Т.В. Парадигматические консонантные ряды чередований в юго-западных украинских диалектах (на материале говора с. Саджава)// Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.

Сокращения

- ИСД – Исследования по славянской диалектологии. 1 - М., 1992-.
- КСИС – Краткие сообщения Института славяноведения. М.
- ОЛА.МИ – Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.
- СМБД – Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М.

ГЛАГОЛ

При классификации глаголов в саджавском говоре будут учитываться следующие признаки:

1. Отнесенность глаголов к I или II спряжениям, которая определяется набором флексий наст. вр.;
 2. Инфинитивный суффикс;
 3. Разрядный (или классный) показатель глагола, т.е. формальный признак, показывающий соотношение между основами в форме инфинитива и в формах наст. вр. (например, *-[Ø]-/ -[й]-* в глаголе *знáтə* - инф., *знáйу, знáйэш// знáйіш...* - наст. вр.) [Бромлей, Булатова 1972, 146; Историческая грамматика 1982, 18], а также см. [Маслов 1953, 69-70]. В ряде случаев, когда это представляется необходимым, указывается элемент основы, к которому непосредственно присоединяется разрядный показатель;
 4. Акцентная характеристика формы инфинитива и форм наст. вр.;
 5. Наличие консонантных и других сегментных чередований в формах инфинитива и наст. вр.; фонетическое чередование ударных [é, á'] с безударным [ə] на классификацию не влияет, поэтому специально не оговаривается.
- Морфологическое членение глагольных словоформ (=выделение основы, разрядного показателя, который входит в состав основы, флексий

наст.вр. и инфинитивного суффикса) базируется исключительно на их *синхронной* разложимости.

Примечание. Напомним несколько тезисов, сформулированных Ю.С.Масловым еще в 1953 г. [Маслов 1953], которые имеют самое непосредственное отношение к теме нашей статьи. Так, он писал, что «...морфологическое членение должно исходить из отношений, актуальных для данного состояния языка, а не из отношений предшествующих исторических эпох» (с.71); именно такой подход к проблеме морфологического членения позволил ему выделить «основообразующий суффикс», который выступает в «своеобразной роли морфемы без значения», или «асемантической морфемы» (с.69-70). Обсуждая вопрос о наличии двух основ в глаголе, формальная структура которых обычно *не зависит* друг от друга, Ю.С.Маслов подчеркивал, что при классификации необходимо «тщательно учитывать все случаи соотношения двух основ, т.е. дать столько рубрик, сколько есть разных типов соотношения одной и другой основы», а так же учитывать «все наличные глагольные формы и все различия в образовании этих форм» (с.76, 104). Указанный подход успешно развивается в трудах современных русских грамматистов. Особенно детально и последовательно он представлен в: [Зализняк 1980, 6-7,77-142].

Все чередующиеся элементы основ даются в фонетической транскрипции.

В односложных словоформах ударение не ставится.

Инфинитивные суффиксы, флексии и разрядные показатели даются в [], а морфологические чередования – в <>.

Употребляются следующие символы: V = «гласный», С = «согласный», Ø = «нуль звука».

В настоящей работе по техническим причинам ударный [ä] обозначается как [ä́], ударный слог обозначается как -'.

Классификационные единицы обозначаются следующим образом: *спряжение* – арабскими цифрами, полужирным курсивом; *инфинитивный суффикс* – заглавными кириллическими буквами, *разрядный показатель* – римскими цифрами; *конкретная реализация* разрядного показателя и *акцентная характеристика* – арабскими цифрами со скобкой; сегментные чередования (в рамках отдельных разрядов и подразрядов) – строчными кириллическими буквами со скобкой.

1 спряжение

Суффиксы инфинитива: -[тэ́], -'[тə́], -[стэ́], -'[стə́], -[чэ́], -'[чə́].

Флексии наст.вр.:

ед.ч.	мн.ч.
1 л. -'[y], -[ý]	-'[əмо], -[ä́мо]
2 л. -'[əш], -[ä́ш]	-'[əтə], -[ä́тə]
3 л. -'[ə], -[ä́]	-'[yт], -[ýт].

Примечание. После мягких согласных безударный гласный [ə] варьируется (сосуществует) с безударным гласным [i] (например, *гرایəш// гرایиш*).

А. Инфинитивный суффикс -'[тə].

I. Разрядный показатель: -V[ə]/-V[C].

1) -á[Ø]/-á[й]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное (на последнем слоге основы):

<i>гра́тə</i>	<i>грама́тə</i>	<i>доу́ба́тə</i>	<i>запопада́тə</i>
гра́йу	грэма́йу	доу́ба́йу	запопада́йу
гра́йэш	грэма́йэш	доу́ба́йэш	запопада́йэш
гра́йє	грэма́йє	доу́ба́йє	запада́йє
гра́йємо	грэма́йємо	доу́ба́йємо	запопада́йємо
гра́йєтə	грэма́йєтə	доу́ба́йєтə	запопада́йєтə
гра́йут	грэма́йут	доу́ба́йут	запопада́йут

<i>запха́тə</i>	<i>клəпа́тə</i>	<i>л'іка́тə с'ə</i>	<i>маха́тə</i>
запха́йу	клəпа́йу	л'іка́йу с'ə	маха́йу
запха́йэш	клəпа́йэш	л'іка́йэш с'ə	маха́йэш
запха́йє	клəпа́йє	л'іка́йє с'ə	маха́йє
запха́йємо	клəпа́йємо	л'іка́йємо с'ə	маха́йємо
запха́йєтə	клəпа́йєтə	л'іка́йєтə 'ə	маха́йєтə
запха́йут	клəпа́йут	л'іка́йут с'ə	маха́йут

<i>пруга́тə</i>	<i>руба́тə</i>	<i>с'əга́тə</i> <i>/с'іга́тə</i>	<i>тка́тə</i>	<i>храма́тə</i>
пруга́йу	руба́йу	с'əга́йу	тка́йу	храма́йу
пруга́йэш	руба́йэш	с'əга́йэш	тка́йэш	храма́йэш
пруга́йє	руба́йє	с'əга́йє	тка́йє	храма́йє
пруга́йємо	руба́йємо	с'əга́йємо	тка́йємо	храма́йємо
пруга́йєтə	руба́йєтə	с'əга́йєтə	тка́йєтə	храма́йєтə
пруга́йут	руба́йут	с'əга́йут	тка́йут	храма́йут

<i>шукáтə</i> -	(ед.)	1. шукáйу,	2. шукáйэш,	3. шукáйє,
	(мн.)	1. шукáйємо,	2. шукáйєтə,	3. шукáйут

Примечание. В формах наст.вр. глагола *храма́тI* ударение находится на первом слоге основы: *храмайу...*

2) -'a[Ø]/-'a[й]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное (на первом слоге основы):

<i>брэзгатэ</i>	<i>гбмнатэ</i>	<i>двэгатэ</i>	<i>к'эгатэ</i>	<i>к'эдатэ</i>
брэзгайу	гбмнайу	двэгайу	к'эгайу	к'эдайу
брэзгайэш	гбмнайэш	двэгайэш	к'эгайэш	к'эдайэш
брэзгайэ	гбмнайэ	двэгайэ	к'эгайэ	к'эдайэ
брэзгайэмо	гбмнайэмо	двэгайэмо	к'эгайэмо	к'эдайэмо
брэзгайэтэ	гбмнайэтэ	двэгайэтэ	к'эгайэтэ	к'эдайэтэ
брэзгайут	гбмнайут	двэгайут	к'эгайут	к'эдайут

<i>мэкатэ</i>	<i>нэкатэ</i>	<i>нўзатэ</i>	<i>сл'іпатэ</i>	<i>стўкатэ</i>
мэкайу	нэкайу	нўзайу	сл'іпайу	стўкайу
мэкайэш	нэкайэш	нўзайэш	сл'іпайэш	стўкайэш
мэкайэ	нэкайэ	нўзайэ	сл'іпайэ	стўкайэ
мэкайэмо	нэкайэмо	нўзайэмо	сл'іпайэмо	стўкайэмо
мэкайэтэ	нэкайэтэ	нўзайэтэ	сл'іпайэтэ	стўкайэтэ
мэкайут	нэкайут	нўзайут	сл'іпайут	стўкайут

3) -á[Ø]/-а[й]'-, ударение в форме инфинитива - наосновное, в формах наст.вр. - фиксированное окончательное:

<i>потатэ-</i>	(ед.)	1.потайу,	2. потайя'ш,	3.потайя',
	(мн.)	1.потайя'мо,	2. потайя'тэ,	3.потайут.

4) -é[Ø]/-é[й]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное (на последнем слоге основы):

<i>будж'этэ</i>	<i>вон'этэ</i>	<i>(за)вэтэ</i>	<i>к'інч'этэ</i>	<i>мэтэ</i>
будж'эйу	вон'эйу	вэйу	к'інч'эйу	мэйу
будж'эйэш	вон'эйэш	вэйэш	к'інч'эйэш	мэйэш
будж'эйэ	вон'эйэ	вэйэ	к'інч'эйэ	мэйэ
будж'эйэмо	вон'эйэмо	вэйэмо	к'інч'эйэмо	мэйэмо
будж'эйэтэ	вон'эйэтэ	вэйэтэ	к'інч'эйэтэ	мэйэтэ
будж'эйут	вон'эйут	вэйут	к'інч'эйут	мэйут

<i>нур'этэ</i>	<i>об'іц'этэ/об'эц'этэ</i>	<i>фур'этэ</i>	<i>шпур'этэ</i>
нур'эйу	об'іц'эйу	фур'эйу	шпур'эйу
нур'эйэш	об'іц'эйэш	фур'эйэш	шпур'эйэш
нур'эйэ	об'іц'эйэ	фур'эйэ	шпур'эйэ
нур'эйэмо	об'іц'эйэмо	фур'эйэмо	шпур'эйэмо

нур'эйэтэ	об'іц'эйэтэ	фур'эйэтэ	шпур'эйэтэ
нур'эйут	об'іц'эйут	фур'эйут	шпур'эйут

5)-é[Ø]/-э[й]'-, ударение в форме инфинитива - наосновное, в формах наст.вр.- фиксированное окончательное:

<i>гнѣтэ</i> -	(ед.)	1. гнѣйу́	2. гнѣйа́ш,	3. гнѣйа́,
	(мн.)	1. гнѣйа́мо,	2. гнѣйа́тэ,	3. гнѣйу́т.
<i>жѣтэ</i> -	(ед.)	1. жѣйу́,	2. жѣйа́ш,	3. жѣйа́,
	(мн.)	1. жѣйа́мо.	2. жѣйа́тэ,	3. жѣйу́т.

6)-é[Ø]/-Ø[й]'-, ударение в форме инфинитива - наосновное, в формах наст.вр. - фиксированное окончательное; чередование в основе: <инф.> ~ <наст.> = <ѐ> ~ <Ø>:

а) <i>бѣтэ</i>	<i>нѣтэ</i>	б) <i>лѣтэ</i>	в) <i>обѣтэ</i>
б'йу	п'йу	л':у	об'іб'йу
б'йаш	п'йаш	л':аш	об'іб'йаш
б'йа	п'йа	л':а	об'іб'йа
б'йа́мо	п'йа́мо	л':а́мо	об'іб'йа́мо
б'йа́тэ	п'йа́тэ	л':а́тэ	об'іб'йа́тэ
б'йут	п'йут	л':ут	об'іб'йут.

Примечания. а) В глаголах *бѣтэ нѣтэ* консонантные чередования в начале основы (корня): <инф.> ~ <наст.> = <б, п> ~ <б'й, п'й>. б) В формах наст.вр. глагола *лѣтэ* наличие долгого мягкого [л:] вызвано явлением ассимиляции [л'] последующему [й], т.е. [л'й] → [л':]; консонантное чередование: <инф.> ~ <наст.> = <л> ~ <л':>. в) В глаголе *обѣтэ* ударение в инфинитиве наосновное, в парадигме наст.вр. - наосновное в форме I л.ед., окончательное - в остальных формах. Консонантное чередование в основе: <инф.> ~ <наст.> = <б> ~ <б'й>. В синхронном плане - чередование в начале слова («префикс»): <инф.> ~ <наст.> = <о> ~ <об'і>.

7)-і[Ø]/-і[й]'-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное (на последнем слоге основы):

<i>гр'ітэ</i>	<i>жэвр'ітэ</i>	<i>хор'ітэ</i>
гр'ійу	жэвр'і йу	хор'ійу
гр'ійаш	жэвр'ійаш	хор'ійаш
гр'ійэ	жэвр'ійэ	хор'ійэ
гр'ійэмо	жэвр'ійэмо	хор'ійэмо
гр'ійэтэ	жэвр'ійэтэ	хор'ійэтэ
гр'ійут	жэвр'ійут	хор'ійут

8)-і[Ø]/-і[й]'-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное (на первом слоге основы):

<i>в'іш'ітэ // в'іш'ітэ</i>	<i>пудж'ітэ с'э // пудж'этэ с'э</i>
-----------------------------	-------------------------------------

в'іш'іу //в'іш'эйу	пудж'іу с'э //пудж'эйу с'э
в'іш'іэш //в'іш'эйэш	пудж'іэш с'э // пудж'эйэш с'э
в'іш'іэ //в'іш'эйэ	пудж'іэ с'э // пудж'эйэ с'э
в'іш'іэмо //в'іш'эйэмо	пудж'іэмо с'э // пудж'эйэмо с'э
в'іш'іэтэ //в'іш'эйэтэ	пудж'іэтэ с'э //пудж'эйэтэ с'э
в'іш'іут //в'іш'эйут	пудж'іут с'э // пудж'эйут с'э

9)-ú[Ø]-/ú[й]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное:

дута –	(ед.)	1. дуйу,	2. дуйэш,	3. дуйэ,
	(мн.)	1. дуйэмо,	2. дуйэтэ,	3. дуйут.

10)-á[Ø]-/á[н]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное:

стáтэ –	(ед.)	1. стáну,	2. стáнэш,	3. стáнэ,
	(мн.)	1. стáнэмо,	2. стáнэтэ,	3. стáнут.

11)-é[Ø]-/Ø[н]-, ударение в форме инфинитива - наосновное, в формах наст.вр. – фиксированное окончательное; чередования в основе: <инф.> ~ <наст.> = <é ~ <Ø>; <инф.> ~ <наст.> = <ж', ч',> ~ <ж, ч>:

ж'этэ –	(ед.)	1. жну,	2. жнэш,	3. жнэ,
	(мн.)	1. жнэмо,	2. жнэтэ,	3. жнут.
зач'этэ –	(ед.)	1. зачну́,	2. зачнэ́ш,	3. зачнэ́,
	(мн.)	1. зачнэ́мо,	2. зачнэ́тэ,	3. зачнут

12)-ú[Ø]-/ú[д]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное:

зabúтэ –	(ед.)	1. забúду,	2. забúдэш,	3. забúдэ,
	(мн.)	1. забúдемо,	2. забúдетэ,	3. забúдут.

II. Разрядный показатель: -[V]- /-[Ø]-.

1)-[á]-/[Ø]-, ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – фиксированное окончательное:

я) ждáтэ	ймáтэ	об'э́рвáтэ	об'і́рвáтэ	рвáтэ (с'э)	рэвáтэ
жду	йму	об'э́рвú		рву	рэвú
ждá'ш	ймáш	об'э́рвá'ш		рвá'ш	рэвá'ш
ждá	ймá	об'э́рвá'		рвá'	рэвá'

ждя́'мо	йма́'мо	об'э рва́'мо	рва́'мо	рэва́'мо
ждя́'тэ	йма́'тэ	об'э рва́'тэ	рва́'тэ	рэва́'тэ
ждут	ймаут	об'э рву́т	рву́т	рэву́т

сця́тэ -	(ед.)	1.сцу,	2.сця́ш,	3.сця́,
	(мн.)	1.сця́'мо,	2.сця́'тэ,	3.сцут

б) рзя́тэ -	(ед.)	1.ржу,	2.ржя́ш,	3.ржя́
	(мн.)	1.ржя́'мо,	2.ржя́'тэ,	3.ржут.

Примечание. В глаголе *рзя́тэ* отмечено консонантное чередование: <инф.> ~ <наст.> = <з> ~ <ж>.

в) сла́тэ -	(ед.)	1.шл'у,	2.шля́ш,	3.шля́,
	(мн.)	1.шля́'мо,	2.шля́'тэ,	3.шл'ут.

Примечание. В глаголе *сла́тэ* в формах инфинитива и наст.вр. отмечено трехчленное чередование: <инф.> ~ <1 л.ед., 3 л.мн.> ~ <2, 3 лл.ед., 1,2 лл.мн.> = <л> ~ <л'> ~ <л>; начальный [с] в инфинитиве чередуется с [ш] в наст.вр.

г) бра́тэ	гна́тэ	пра́тэ
ба́ру́	жа́ну́	па́ру́
ба́ря́'ш	жа́ня́'ш	па́ря́'ш
ба́ря́'	жа́ня́'	па́ря́'
ба́ря́'мо	жа́ня́'мо	па́ря́'мо
ба́ря́'тэ	жа́ня́'тэ	па́ря́'тэ
ба́ру́т	жа́ну́т	па́ру́т

Примечание. Чередование в основе: <инф.> ~ <наст.> = <Ø> ~ <э>; в глаголе *гна́тэ* начальный [г] в форме инфинитива чередуется с согласным [ж] в формах наст.вр.

2)-[á]-/'[Ø]-, ударение в форме инфинитива - наосновное (на разрядном показателе), в формах наст. вр. – фиксированное, на первом слоге основы:

стогна́тэ -	(ед.)	1.сто́гну,	2.сто́гнэш,	3.сто́гна,
	(мн.)	1.сто́гнэмо,	2.сто́гнэтэ,	3.сто́гнут.

3)-[á]-/'[Ø]- //-[á]-/'[Ø]-, ударение вариативное, т.е. сосуществуют парадигмы, реализующие акцентные характеристики подразрядов II1) и II2); консонантное чередование: <инф, наст. – 2,3 лл.ед., 1,2 лл.мн.> ~ <наст. 1л.ед., 3 л.мн.> = <р> ~ <р'>:

ора́тэ -	(ед.)	1.о́р'у	// о́р'у́ (реже)	(мн.)	о́рэмо // о́ра́'мо
----------	-------	---------	------------------	-------	--------------------

	2. брəш // ор'əш	ор'этə //	ор'тə
	3. брə // ор'ə'	бр'ут //	ор'ут.

4) -[a]/-/[Ø]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное:

а) бл'йүтə –	(ед.)	1. бл'йү,	2. бл'йөш,	3. бл'йө
	(мн.)	1. бл'йөмо,	2. бл'йөтə,	3. бл'йют
с'йүтə –	(ед.)	1. с'йү,	2. с'йөш,	3. с'йө,
	(мн.)	1. с'йөмо,	2. с'йөтə,	3. с'йют.

б) лəзатə	пл'кятə	р'изатə
лəжу	пл'ачу	р'йжу
лəжəш	пл'ачəш	р'йжəш
лəжə	пл'ачə	р'йжə
лəжəмо	пл'ачəмо	р'йжəмо
лəжəтə	пл'ачəтə	р'йжəтə
лəжут	пл'ачу	р'йжут

Примечание. Консонантные чередования: <инф.> ~ <наст.> = <к, з> ~ <ч, ж>.

в) сəпатə –	(ед.)	1. сəпл'у,	2. сəплəш,	3. сəплə,
	(мн.)	1. сəплəмо,	2. сəплəтə,	3. сəпл'ут.

Примечание. Консонантное чередование: <инф.> ~ <наст. – 1 л. ед., 3 л. мн.> ~ <наст. – 2, 3 л. ед., 1, 2 мн.> = <п> ~ <пл'> ~ <пл>.

5) -[á]/-/[Ø]-, ударение в инфинитиве - наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – фиксированное наосновное, на предшествующем слоге (в трехсложных словоформах – на 2-м слоге основы); консонантные чередования: <инф.> ~ <наст.> = <к, х, ск, з, с, т, ст> ~ <ч, ш, шч, ж, ч, ш, шч>:

брəх'атə	к'аз'атə	в'эз'атə//в'йиз'атə	з'эз'атə//з'йиз'атə
бр'əшү	к'ажү	в'эжу// в'ййжу	з'йэжу// з'ййжу
бр'əшəш	к'ажəш	в'эжəш// в'ййжəш	з'йэжəш// з'ййжəш
бр'əшə	к'ажə	в'эжə// в'ййжə	з'йэжə// з'ййжə
бр'əшəмо	к'ажəмо	в'эжəмо// в'ййжəмо	з'йэжəмо// з'ййжəмо
бр'əшəтə	к'ажəтə	в'эжəтə// в'ййжəтə	з'йэжəтə//з'ййжəтə
бр'əшүт	к'ажүт	в'эжүт//в'ййжүт	з'йэжүт// з'ййжүт

Примечание. В формах наст.вр. глагола в'эз'атə// в'йиз'атə гласный основы (корня) в позиции под ударением на месте *е выступает в двух вариантах: в гласном [э] после [в'] и в гласном [й] после палатального спиранта [й]; наличие гласного [й] обусловлено фонетической причиной – воздействием предшествующего [й], который вызывает сильное сужение

последующего гласного (т.е. [в'э], но [йі]). Так же можно объяснить и [і] на месте корневого *ε в формах наст. вр. глагола з'а́вта́э// з'у́ізта́э (с утратой слабо артикулированного [в']). О сужении нелабиализованных гласных под влиянием предшествующих согласных высокого тона см. [Калнынь 2001, 36-37].

<i>кря́та́тэ</i>	<i>пэ́та́тэ</i>	<i>п'лэ́ка́та́тэ</i>	<i>поло́ка́та́тэ</i>	<i>су́ка́та́тэ</i>
кря́'шу	пéшу	п'лэ́'шчу	поло́чу	су́чу
кря́'шэш	пéшэш	п'лэ́'шчэш	поло́чэш	су́чэш
кря́'шэ	пéшэ	п'лэ́'шчэ	поло́чэ	су́чэ
кря́'шэмо	пéшэмо	п'лэ́'шчэмо	поло́чэмо	су́чэмо
кря́'шэ́тэ	пéшэ́тэ	п'лэ́'шчэ́тэ	поло́чэ́тэ	су́чэ́тэ
кря́'шут	пéшут	п'лэ́'шчут	поло́чут	су́чут

<i>сва́ста́та́тэ</i>	<i>ска́ка́та́тэ</i>	<i>та́са́та́тэ</i>	<i>топ'та́та́тэ</i>	<i>тра́па́та́та́тэ</i>
свэ́шчу	ска́чу	та́'шу	то́пчу	тра́па́'чу
свэ́шчэш	ска́чэш	та́'шэш	то́пчэш	тра́па́'чэш
свэ́шчэ	ска́чэ	та́'шэ	то́пчэ	тра́па́'чэ
свэ́шчэмо	ска́чэмо	та́'шэмо	то́пчэмо	тра́па́'чэмо
свэ́шчэ́тэ	ска́чэ́тэ	та́'шэ́тэ	то́пчэ́тэ	тра́па́'чэ́тэ
свэ́шчут	ска́чут	та́'шут	то́пчут	тра́па́'чут

<i>хл'оста́та́тэ</i>	<i>ша́пта́та́тэ</i>	<i>шкря́б'та́та́тэ</i>
хл'о́шчу // хлэ́'шчу	ша́'пчу	шкря́'бчу
хл'о́шчэш // хлэ́'шчэш	ша́'пчэш	шкря́'бчэш
хл'о́шчэ // хлэ́'шчэ	ша́'пчэ	шкря́'бчэ
хл'о́шчэмо // хлэ́'шчэмо	ша́'пчэмо	шкря́'бчэмо
хл'о́шчэ́тэ // хлэ́'шчэ́тэ	ша́'пчэ́тэ	шкря́'бчэ́тэ
хл'о́шчут // хлэ́'шчут	ша́'пчут	шкря́'бчут

б)-[é]/-[Ø]-', ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе), в наст.вр. – фиксированное, наконецное:

а) обра́зэ́тэ –	(ед.)	1.ображу́,	2.обража́'ш,	3.обража́'
	(мн.)	1.обража́'мо,	2.обража́'тэ,	3.ображу́т
мн'э́тэ –	(ед.)	1.мну,	2.мнэ́ш,	3.мнэ́,
	(мн.)	1.мнэ́'мо,	2.мнэ́'тэ,	3.мнут.

Примечание. Консонантные чередования: <инф.> ~ <наст.> = <з, н'> ~ <ж, н>.

б) у́з'э́тэ –	(ед.)	1.у́змү	2.у́змэ́'ш,	3.у́змэ́',
----------------------	-------	---------	-------------	------------

	(мн.)	1. ^ʒ озмá'мо,	2. ^ʒ озмá'тə,	3. ^ʒ озмút.
--	-------	--------------------------	--------------------------	------------------------

Примечание. В глаголе *ʒ'étə* отмечено три чередования между формами инфинитива и наст.вр.: <инф.> ~ <наст.> = <é> ~ <Ø> в основе, <Ø> ~ <o> – в начале слова (в первом слого основы) и <з'Ø> ~ <зм>.

7) –[é]/-/[Ø]-, ударение в форме инфинитиве - наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – на первом слого основы:

а) <i>нэ́этə</i> –	(ед.)	1. нэ́жу,	2. нэ́жəш,	3. нэ́жə,
	(мн.)	1. нэ́жəмо,	2. нэ́жəтə,	3. нэ́жут.

Примечание. Консонантное чередование: <инф.> ~ <наст.> = <з> ~ <ж>.

б) <i>стáэтə</i> –	(ед.)	1. стá'л'у,	2. стá'лəш,	3. стá'лə,
	(мн.)	1. стá'лəмо,	2. стá'лəтə,	3. стá'л'ут //стá'л'ит.

Примечание. Консонантное чередование: <инф., наст. – 2,3 лл.ед., 1,2 лл.мн.> ~ <наст.1 л.ед., 3 л. мн.> = <л> ~ <л'>.

8) –[ə]/-/[Ø]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное:

<i>скóчəтə</i>	<i>смáжəтə</i>	<i>сúчəтə</i>
скóчу	смáжу	сúчу
скóчəш	смáжəш	сúчəш
скóчə	смáжə	сúчə
скóчəмо	смáжəмо	сúчəмо
скóчəтə	смáжəтə	сúчəтə
скóчут	смáжут	сúчут.

9) –[ý]/-/[Ø]-', ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – фиксированное наконецное:

<i>гнútə</i>	<i>двəгнútə</i>	<i>(з)схнútə</i>	<i>здрəгнútə</i>	<i>з'ixнútə</i>
гну	двəгнú	схну	здрəгнú	з'ixнú
гнáш	двəгнá'ш	схнáш	здрəгнá'ш	з'ixнá'ш
гнá	двəгнá'	схнá	здрəгнá'	з'ixнá'
гнá'мо	двəгнá'мо	схнá'мо	здрəгнá'мо	з'ixнá'мо
гнá'тə	двəгнá'тə	схнá'тə	здрəгнá'тə	з'ixнá'тə
гнут	двəгнút	схнут	здрəгнút	з'ixнút

<i>к'əўнútə</i>	<i>мáхнútə</i>	<i>мэтнútə</i>	<i>обманútə</i>	<i>прорəжнútə</i>
-----------------	----------------	----------------	-----------------	-------------------

к'әўнү	махнү	мәтнү	обманү	прорәкнү
к'әўнә'ш	махнә'ш	мәтнә'ш	обманә'ш	прорәкнә'ш
к'әўнә'	махнә'	мәтнә'	обманә'	прорәкнә'
к'әўнә'мо	махнә'мо	мәтнә'мо	обманә'мо	прорәкнә'мо
к'әўнә'тә	махнә'тә	мәтнә'тә	обманә'тә	прорәкнә'тә
к'әўнүт	махнүт	мәтнүт	обманүт	прорәкнүт

<i>роз'іпнүтә</i>	<i>ўснүтә</i>	<i>хапнүтә</i>
роз'іпнү	ўснү	хапнү
роз'іпнә'ш	ўснә'ш	хапнә'ш
роз'іпнә'	ўснә'	хапнә'
роз'іпнә'мо	ўснә'мо	хапнә'мо
роз'іпнә'тә	ўснә'тә	хапнә'тә
роз'іпнүт	ўснүт	хапнүт

10) –[у]/–[Ø]–, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное, наосновное:

<i>брэзгнүтә</i>	<i>дўбнүтә</i>	<i>к'эгнүтә</i>	<i>крéкнүтә</i>	<i>лéгнүтә</i>
брэзгну	дўбну	к'эгну	крéкнү	лéгну
брэзгнәш	дўбнәш	к'эгнәш	крéкнәш	лéгнәш
брэзгнә	дўбнә	к'эгнә	крéкнә	лéгнә
брэзгнәмо	дўбнәмо	к'эгнәмо	крéкнәмо	лéгнәмо
брэзгнәтә	дўбнәтә	к'эгнәтә	крéкнәтә	лéгнәтә
брэзгнүт	дўбнүт	к'эгнүт	крéкнүт	лéгнүт

<i>мéкнүтә</i>	<i>мóкнүтә</i>	<i>пл'я'снүтә</i>	<i>свэ'снүтә</i>	<i>с'л'іпнүтә</i>
мéкнү	мóкнү	пл'я'снү	свэ'снү	с'л'іпнү
мéкнәш	мóкнәш	пл'я'снәш	свэ'снәш	с'л'іпнәш
мéкнә	мóкнә	пл'я'снә	свэ'снә	с'л'іпнә
мéкнәмо	мóкнәмо	пл'я'снәмо	свэ'снәмо	с'л'іпнәмо
мéкнәтә	мóкнәтә	пл'я'снәтә	свэ'снәтә	с'л'іпнәтә
мéкнүт	мóкнүт	пл'я'снүт	свэ'снүт	с'л'іпнүт

<i>сүнүтә (с'ә)</i>	<i>тбўкнүтә</i>	<i>ўнэ'кнүтә</i>	<i>хл'б'снүтә</i>	<i>шч'я'знүтә</i>
сүну (с'ә)	тбўкнү	ўнэ'кнү	хл'б'снү	шч'я'зну
сүнәш	тбўкнәш	ўнэ'кнәш	хл'б'снәш	шч'я'знәш
сүнә	тбўкнә	ўнэ'кнә	хл'б'снә	шч'я'знә

сúnəмо	тóўкнəмо	ўнэ́кнəмо	хл'óснəмо	шчá'знəмо
сúnəтə	тóўкнəтə	ўнэ́кнəтə	хл'óснəтə	шчá'знəтə
сунут	тóўкнут	ўнэ́кнут	хл'óснут	шчá'знут

11) -[ý]-/-[Ø]-, ударение в форме инфинитива - наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – наосновное (на предшествующем слоге):

(но)тəсн́утə –	(ед.)	1.(по)тэ́сну,	2.(по)тэ́снəш,	3.(по)тэ́снə,
	(мн.)	1.(по)тэ́снəмо,	2.(по)тэ́снəтə,	3.(по)тэ́снут.

12) -[ó]-/-[Ø]-, ударение в форме инфинитиве - наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – также наосновное (на предшествующем слоге):

(ý)колóтə	молóтə	полóтə	порóтə
(ý)кóл'у	мá'л'у	пóл'у	пóр'у
(ý)кóлəш	мá'лəш	пóлəш	пóрəш
(ý)кóлə	мá'лə	пóлə	пóрə
(ý)кóлəмо	мá'лəмо	пóлəмо	пóрəмо
(ý)кóлəтə	мá'лəтə	пóлəтə	пóрəтə
(ý)кóл'ут	мá'л'ут	пóл'ут	пóр'ут.

Примечание. Консонантное чередование в глаголах (ý)колóтə, полóтə, молóтə: <инф.> ~ <наст. 1 л.ед., 3 л.мн.> ~ <наст. 2,3, лл.ед., 1,2 лл.мн.> = <л> ~ <л'> ~ <л>; консонантное чередование в глаголе порóтə: <инф., наст. - 2,3 лл.ед., 1,2 лл.мн.> ~ <наст. - 1 л.ед., 3 л.мн.> = <р> ~ <р'>; вокальное чередование в глаголе молóтə: <инф.> ~ <наст.> = <о> ~ <á>.

13) -[í]-/-[Ø]-, ударение в форме инфинитива - наосновное (на разрядном показателе); в формах наст.вр. – фиксированное наосновное (на предшествующем слоге).

хок'íтə	(ед.)	1.хóчу,	2.хóчəш,	3.хóчə,
	(мн.)	1.хóчəмо,	2.хóчəтə,	3.хóчут.

Примечание. Консонантное чередование: <инф.> ~ <наст.> = <к'> ~ <ч>.

III. Разрядный показатель – [C₁V]/-[C₂]-.

1) -[vá]-/-[ý]-, ударение в инфинитиве – наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. - фиксированное наконечное:

давáтə –	(ед.)	1.дай́у,	2.дай́á'ш,	3.дай́á',
	(мн.)	1.дай́á'мо,	2.дай́á'тə,	3.дай́ут.
ковáтə / кувáтə –	(ед.)	1.куй́у,	2.куй́á'ш,	3.куй́á',

	(мн.)	1. куйа́'мо,	2. куйа́'тә,	3. куйу́т.
--	-------	--------------	--------------	------------

Примечание. В глаголе *ковта* вокалическое чередование: <инф.> ~ <наст.> = <о> ~ <у>. 2) -[ва́]-/-'[й]-, ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – фиксированное наосновное (на предшествующем слоге):

<i>банува́тә</i>	<i>валува́тә</i>	<i>годува́тә</i>	<i>л'инува́тә (с'ә)</i>
бану́йу	валу́йу	году́йу	л'ину́йу (с'ә)
бану́йәш	валу́йәш	году́йәш	л'ину́йә ш (с'ә)
бану́йә	валу́йә	году́йә	л'ину́йә (с'ә)
бану́йәмо	валу́йәмо	году́йәмо	л'ину́йә мо (с'ә)
бану́йәтә	валу́йәтә	году́йәтә	л'ину́йәтә (с'ә)
бану́йут	валу́йут	году́йут	л'ину́йут (с'ә)

3) -'[ва]-/-'[й]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. – фиксированное наосновное:

<i>д'экуватә// г'экуватә</i>	<i>обма́н'уватә</i>
д'эку́йу	обма́н'уйу
д'эку́йәш	обма́н'уйәш
д'эку́йә	обма́н'уйә
д'эку́йәмо	обма́н'уйәмо
д'эку́йәтә	обма́н'уйәтә
д'эку́йут	обма́н'уйут.

IV. Разрядный показатель -[Ø]-/[Ø]-.

1) -'з[Ø]-/-з[Ø]-', -'с[Ø]-/-с[Ø]-', -'р[Ø]-/-р[Ø]-', ударение в форме инфинитива – наосновное, в формах наст.вр. – фиксированное наконечное:

<i>а)ва́'зтә</i>	<i>грэ́'зтә</i>	<i>на́'стә</i>	<i>па́'стә</i>	<i>тр'э́'стә</i>	<i>(на)ча́'ртә</i>
вазу́	грэзу́	насу́	пасу́	тр'эсу́	(на)чэру́
ваза́'ш	грэза́'ш	наса́'ш	паса́'ш	тр'эса́'ш	(на)чэра́'ш
ваза́'	грэза́'	наса́'	паса́'	тр'эса́'	(на)чэра́'
ваза́'мо	грэза́'мо	наса́'мо	паса́'мо	тр'эса́'мо	(на)чэра́'мо
ваза́'тә	грэза́'тә	наса́'тә	паса́'тә	тр'эса́'тә	(на)чэра́'тә
вазу́т	грэзу́т	насу́т	пасу́т	тр'эсу́т	(на)чэру́т.

б)дә'ртә	з'инд'ртә (снд'ртә)	нә'ртә	тә'ртә	үмә'ртә
дру	з'ипру	пру	тру	үмру
дрәш	з'ипрә'ш	прәш	трәш	үмрәш
дрә	з'ипрә'	прә	трә	үмрә
дрә'мо	з'ипрә'мо	прә'мо	трә'мо	үмрә'мо
дрә'тә	з'ипрә'тә	прә'тә	трә'тә	үмрә'тә
друт	з'ипрут	прут	трут	үмрут.

розпр'іста'ртә –	(ед.)	1.розпр'істру,	2.розпр'істра'ш,	3.розпр'істра',
	(мн.)	1.розпр'істра'мо,	2.розпр'істра'тә,	3.розпр'іструт.

Примечание. Чередование в основе гласного с нулем звука: <инф> ~ <наст.> = <а> ~ <Ø>.

2) -'з[Ø]/-'з[Ø]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное:

л'ізтә –	(ед.)	1. л'ізу,	2.л'ізәш,	3.л'ізә,
	(мн.)	1.л'ізәмо,	2.л'ізәтә,	3.л'ізут.

А₁.Инфинитивный суффикс –[тэ]

I.Разрядный показатель –[Ø]/-[C]-.

1) -[Ø]/-'[д]-', ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наконечное:

йтэ –	(ед.)	1.йду,	2.йдәш,	3.йдә,
	(мн.)	1.йдә'мо,	2.йдә'тә,	3.йдут.
найтэ –	(ед.)	1.найдү,	2.найдә'ш,	3.найдә',
	(мн.)	1.найдә'мо,	2.найдә'тә,	3.найдут.

II.Разрядный показатель: –[Ø]/-'[Ø]-.

1)з[Ø]/-'ж[Ø]-'; ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наконечное; консонантное чередование: <инф> ~ <наст.> = <з> ~ <ж>:

вәрзтэ–	(ед.)	1.вәржү,	2.вәржә'ш,	3.вәржә',
	(мн.)	1.вәржә'мо,	2.вәржә'тә,	3.вәржут.

Б.Инфинитивный суффикс –'стә].

I.Разрядный показатель: –[Ø]/-[C]-.

1)-' [Ø]/-[д]-', ударение в форме инфинитива – наосновное, в формах наст.вр. – фиксированное наконечное:

<i>бр'єстə</i>	<i>кладстə</i>	<i>красстə</i>	<i>настə</i>	<i>пр'єстə</i>
брэдú	кладú	крадú	палú	пр'эдú
брэд'аш	клад'аш	крад'аш	пад'аш	пр'эд'аш
брэдá	кладá	крадá	падá	пр'эдá
брэдá'мо	кладá'мо	крадá'мо	падá'мо	пр'эдá'мо
брэдá'тə	кладá'тə	крадá'тə	падá'тə	пр'эдá'тə
брэдýт	кладýт	крадýт	палýт	пр'эдýт

2) -'[Ø]-/-'[д]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. – фиксированное наосновное:

<i>(y)настə</i> –	(ед.)	1. ýпáду,	2. ýпáдəш,	3. ýпáдə,
	(мн.)	1. ýпáдəмо,	2. ýпáдəтə,	3. ýпáдут
<i>в'їстə</i> -	(ед.)	1. в'їду,	2. в'їдəш,	3. в'їдə,
	(мн.)	1. в'їдəмо,	2. в'їдəтə,	3. в'їдут.
<i>с'їстə</i> –	(ед.)	1. с'їду,	2. с'їдəш,	3. с'їдə,
	(мн.)	1. с'їдəмо,	2. с'їдəтə,	3. с'їдут.

Примечание. В глаголе *с'їстə* в основе вокальное чередование: <инф.> ~ <наст.> = <ї ~ є>.

3) -'[Ø]-/-'[н]-', ударение в форме инфинитива - наосновное, в формах наст.вр. – фиксированное наконечное:

<i>пл'єстə</i> –	(ед.)	1. пл'єнý,	2. пл'єнá'ш,	3. пл'єнá',
	(мн.)	1. пл'єнá'мо,	2. пл'єнá'тə,	3. пл'єнýт.

Б₁. Инфинитивный суффикс –[стé]

1. Разрядный показатель: –[Ø]-/-'[C]-

1) -'[Ø]-/-'[д]-', ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наконечное:

<i>вəстé</i> –	(ед.)	1. вəдý,	2. вəдá'ш,	3. вəдá',
	(мн.)	1. вəдá'мо,	2. вəдá'тП,	3. вəдýт.

2) -'[Ø]-/-'[т]-', ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наконечное:

<i>мəстé</i> -	(ед.)	1. мəтý,	2. мəтá'ш,	3. мəтá',
	(мн.)	1. мəтá'мо,	2. мəтá'тə,	3. мəтýт.
<i>пл'əстé</i> -	(ед.)	1. пл'əтý,	2. пл'əтá'ш,	3. пл'əтá',

	(мн.)	1.плѣтá'мо,	2.плѣтá'тѣ,	3.плѣтýт.
--	-------	-------------	-------------	-----------

II.Разрядный показатель: -[Ø]-/-[Ø]-.

1)-б[Ø]-/'-б[Ø]-', ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное окончание:

<i>(з)грѣбѣ́тѣ</i> -	(ед.)	1.грѣбý,	2.грѣбá'ш,	3.грѣбá',
	(мн.)	1.грѣбá'мо,	2.грѣбá'тѣ,	3.грѣбýт.
<i>скубѣ́тѣ</i> -	(ед.)	1.скубý,	2.скубá'ш,	3.скубá',
	(мн.)	1.скубá'мо,	2.скубá'тѣ,	3.скубýт.

В.Инфинитивный суффикс -[чѣ]

I.Разрядный показатель: -[Ø]- / -[С]-.

1)-[Ø]- /'-[ч]-', ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное окончание:

<i>пѣ́чѣ</i>	<i>прорѣ́чѣ</i>	<i>с'ичѣ́</i>	<i>(ý)тѣ́чѣ</i>
пѣчý	прорѣчý	с'ичý	(ý)тѣчý
пѣчá'ш	прорѣчá'ш	с'ичá'ш	(ý)тѣчá'ш
пѣчá'	прорѣчá'	с'ичá'	(ý)тѣчá'
пѣчá'мо	прорѣчá'мо	с'ичá'мо	(ý)тѣчá'мо
пѣчá'тѣ	прорѣчá'тѣ	с'ичá'тѣ	(ý)тѣчá'тѣ
пѣчýт	прорѣчýт	с'ичýт	(ý)тѣчýт

2)-[Ø]- /'-[ж]-', ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное окончание:

<i>бѣрѣ́жѣ</i> -	(ед.)	1.бѣрѣжý,	2.бѣрѣжá'ш,	3.бѣрѣжá',
	(мн.)	1.бѣрѣжá'мо,	2.бѣрѣжá'тѣ,	3.бѣрѣжýт.

3)[Ø]-/'-[ж]-', ударение в форме инфинитива - окончание, в формах наст.вр. - фиксированное окончание:

<i>л'ѣ́жѣ//л'ичѣ́</i> -	(ед.)	1.л'ѣ́жy,	2.л'ѣ́жѣш,	3.л'ѣ́жѣ,
	(мн.)	1.л'ѣ́жѣмо,	2.л'ѣ́жѣтѣ,	3.л'ѣ́жѣт.

4)-[Ø]-/'-[ж]-', ударение в форме инфинитива - окончание, в формах наст.вр.ед.ч. - окончание, в формах наст.вр.мн.ч. - окончание:

<i>мѣ́жѣ /могѣ́</i> (нов.) -	(ед.ч.)	1.мѣ́жy,	2.мѣ́жѣш,	3.мѣ́жѣ,
------------------------------	---------	----------	-----------	----------

	(мн.ч.)	1.можя'мо,	2.можя'тә,	3.можут.
--	---------	------------	------------	----------

В₁.Инфинитивный суффикс -'[чә].

1.Разрядный показатель: -[Ø]/-[С]-

1) -'[Ø]/-[ж]-', ударение в форме инфинитива – наосновное, в формах наст.вр. – фиксированное наконечное:

стәря'чә –	(ед.)	1.стәрәжү,	2.стәрәжя'ш,	3.стәрәжя',
	(мн.)	1.стәрәжя'мо,	2.стәрәжя'тә,	3.стәрәжүт
стреча –	(ед.)	1.стрәжү,	2.стрәжя'ш,	3.стрәжя',
	(мн.)	1.стрәжя'мо,	2.стрәжя'тә,	3.стрәжүт.

2 спряжение

Суффиксы инфинитива -'[тП], -'[чП]

Флексии наст. вр.:

а) после любых согласных (кроме [й]):

	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	-[ý], -'[y]	-[эмó], -'[эмо]
2 л.	-[эш], -'[эш]	-[этя́], -'[этә]
3 л.	-[эт], -'[эт]	-[эт], -'[эт]

б) после [й]:

1 л.	[ý], -'[y]	[ímó]
2 л.	[íш]	[ítя́]
3 л.	[ít]	[át]

Примечания. 1) Все глаголы II спряжения по соотношению основы инф. и основы наст.вр. относятся, фактически, лишь к одному разряду, характеризуясь разрядным (классным) показателем [V] / [Ø]. Исключение составляет глагол б'ичә (см.ниже). 2) Все глаголы II спряжения (за исключением тех, которые в исходе основы перед разрядным показателем имеют [й]) характеризуются сложными консонантными чередованиями. В описании данных чередований все формы наст.вр. обозначены нами следующими цифровыми индексами: 1 – форма 1 л.ед.ч., 2 – формы 2 л.ед.ч., 1 л.мн.ч., 2 л.мн.ч., 3 – форма 3 л.мн.ч. Например, чередование в глаголе *вєг'итә* имеет следующее распределение альтернатив по конкретным формам наст.вр.: < инф., 3 л.мн.> ~ <1 л.ед.> ~ <2,3 лл.ед., 1,2 лл.мн.> = <г'> ~ <дж> ~ <д>; с целью упрощения восприятия это чередование представлено далее следующим образом: < инф., 3> ~ <1> ~ <2> = <г'> ~ <дж> ~ <д>. 3) Все чередующиеся элементы основ, как отмечалось выше, даются в фонетической транскрипции. 4) Гласный [ә] в безударных флексиях в положении после мягких согласных может свободно варьироваться с безударным гласным [i], однако более распространенным вариантом является [ә].

А. Инфинитивный суффикс –'[тə].

I. Разрядный показатель: -[V]-/[Ø]-

1)-[é]-/-[Ø]-, ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. ударение также наосновное, фиксированное, но сдвинутое на один слог к началу словоформы:

а) консонантные чередования – <инф., 1, 2> ~ <3> = <ч, ш> ~ <ч', ш'>:

<i>волоchéтə</i>	<i>ýчétə</i>	<i>душétə</i>	<i>крэшétə</i>	<i>мочétə</i>	<i>сушétə</i>
волóчу	ýчу	ду́шу	крéшу	мо́чу	су́шу
волóчəш	ýчəш	ду́шəш	крéшəш	мо́чəш	су́шəш
волóчэт	ýчэт	ду́шэт	крéшэт	мо́чэт	су́шэт
волóчəмо	ýчəмо	ду́шəмо	крéшəмо	мо́чəмо	су́шəмо
волóчэтə	ýчэтə	ду́шэтə	крéшэтə	мо́чэтə	су́шэтə
волóч'эт	ýч'эт	ду́ш'эт	крéш'эт	мо́ч'эт	су́ш'эт

<i>служétə</i> -	(ед.)	1. слúжу,	2. слúжəш,	3. слúжэт,
0	(мн.)	1. слúжəмо,	2. слúжэтə,	3. слúж'эт.
<i>точétə</i> -	(ед.)	1. тóчу,	2. тóчəш,	3. тóчэт,
0	(мн.)	1. тóчəмо,	2. тóчэтə,	3. тóч'эт.

б) консонантные чередования - <инф., 2> ~ <1> ~ <3> = <т, ст, д, с, з> ~ <ч, шч, дж, ш, ж> ~ <к', с'к', г', с', з'>:

<i>бродétə</i>	<i>будétə</i>	<i>водétə</i>	<i>(по)возétə</i>	<i>городétə</i>
брóджу	бúджу	вóджу	(по)вóджу	горóджу
брóдəш	бúдəш	вóдəш	(по)вóдзəш	горóдəш
брóдэт	бúдэт	вóдэт	(по)вóзэт	горóдэт
брóдəмо	бúдəмо	вóдəмо	(по)вóзəмо	горóдəмо
брóдэтə	бúдэтə	вóдэтə	(по)вóзэтə	горóдэтə
брóг'эт	бúг'эт	вóг'эт	(по)вóз'эт	горóг'эт.

<i>котétə</i>	<i>крутétə</i>	<i>м'исétə</i>	<i>молотétə</i>	<i>мостétə (с'ə)</i>	<i>просétə</i>
кóчу	кру́чу	м'íшу	молóчу	мо́шчу (с'ə)	про́шу
кóтəш	кру́тəш	м'íсəш	молóтəш	мо́стəш (с'ə)	про́сəш
кóтэт	кру́тэт	м'íсэт	молóтэт	мо́стэт (с'ə)	про́сэт
кóтəмо	кру́тəмо	м'íсəмо	молóтəмо	мо́стəмо (с'ə)	про́сəмо

кóтэтэ	кру́тэтэ	м'ісэтэ	молóтэтэ	мо́стэтэ (с'э)	прóсэтэ
кóк'эт	кру́к'эт	м'іс'эт	моло́к'эт	мо́с'к'эт (с'э)	прóс'эт

<i>пуста́тэ</i>	<i>р'эдэ́тэ</i>	<i>родэ́тэ</i>	<i>с'в'ітэ́тэ</i>	<i>солодэ́тэ</i>
пу́шчу	р'э́джу	ро́джу	с'в'і́чу	солóджу
пу́стэш	р'э́дэш	ро́дэш	с'в'і́тэш	солóдэш
пу́стэт	р'э́дэт	ро́дэт	с'в'і́тет	солóдэт
пу́стэмо	р'э́дэмо	ро́дэмо	с'в'і́тэмо	солóдэмо
пу́стэтэ	р'э́дэтэ	ро́дэтэ	с'в'і́тетэ	солóдэтэ
пу́с'к'эт	р'э́г'эт	ро́г'эт	с'в'і́к'эт	солóг'эт

<i>судэ́тэ</i> –	(ед.)	1.суджу,	2.судэш,	3.судэт,
	(мн.)	1.судэмо,	2.судэтэ,	3.суг'эт
<i>ходэ́тэ</i> –	(ед.)	1.ходжу,	2.ходэш,	3.ходэт,
	(мн.)	1.ходэмо,	2.ходэтэ,	3.хóг'эт.

в) консонантные чередования - <инф., 2> ~ <1, 3> = <1, н, р, м, б, п, в> ~ <л', н', р', м'й, б'й, п'й, в'й>:

<i>бавэ́тэ (с'э)</i>	<i>б'і́лэ́тэ</i>	<i>боронэ́тэ</i>	<i>варэ́тэ</i>	<i>голэ́тэ</i>
ба́в'н'у (с'э)	б'і́л'у	борóн'у	ва́р'у	го́л'у
ба́вэш (с'э)	б'і́лэш	борóнэш	ва́рэш	го́лэш
ба́вэт (с'э)	б'і́лэт	борóнэт	ва́рэт	го́лэт
ба́вэмо (с'э)	б'і́лэмо	борóнэмо	ва́рэмо	го́л'мо
ба́вэтэ (с'э)	б'і́лэтэ	борóнэтэ	ва́рэтэ	го́лэтэ
ба́в'н'эт (с'э)	б'і́л'эт	борóн'эт	ва́р'эт	го́л'эт

<i>гонэ́тэ</i>	<i>губэ́тэ</i>	<i>давэ́тэ (с'э)</i>	<i>д'і́лэ́тэ</i>	<i>ж'э́лэ́тэ</i>
го́н'у	гу́б'н'у	да́в'н'у (с'э)	д'і́л'у//г'і́л'у	ж'éл'у
го́нэш	гу́бэш	да́вэш (с'э)	д'і́лэш [г'-]	ж'éлэш
го́нэт	гу́бэт	да́вэт (с'э)	д'і́лэт [г'-]	ж'éлэт
го́нэмо	гу́бэмо	да́вэмо (с'э)	д'і́лэмо [г'-]	ж'éлэмо
го́нэтэ	гу́бэтэ	да́вэтэ (с'э)	д'і́лэтэ [г'-]	ж'éлэтэ
го́н'эт	гу́б'н'эт	да́в'н'эт (с'э)	д'і́л'эт [г'-]	ж'éл'эт

<i>күре́тэ (с'э)</i>	<i>ломе́тэ</i>	<i>л'убэ́тэ</i>	<i>мо́лэ́тэ (с'э)</i>	<i>па́лэ́тэ</i>
кү́р'у (с'э)	ло́м'н'у	л'у́б'н'у	мо́л'у (с'э)	па́л'у

күрәш (с'ә)	лómәш	л'ýбәш	мóләш (с'ә)	пáләш
күрәт : (с'ә)	лómәт:	л'ýбәт	мóләт (с'ә)	пáләт
күрәмо (с'ә)	лómәмо	л'ýбәмо	мóләмо (с'ә)	пáләмо
күрәтә (с'ә)	лómәтә	л'ýбәтә	мóләтә (с'ә)	пáләтә
күр'әт (с'ә)	лóm'әт	л'ýб'әт	мóл'әт (с'ә)	пáл'әт

<i>пәләтә</i>	<i>рөбәтә</i>	<i>соләтә</i>	<i>стүпәтә</i>	<i>түпәтә</i>	<i>фаләтә</i>
пэл'у	рөб'у	сол'у	стүп'у	түп'у	фал'у
пэләш	рөбәш	соләш	стүпәш	түпәш	фаләш
пэләт	рөбәт	соләт	стүпәт	түпәт	фаләт
пэләмо	рөбәмо	соләмо	стүпәмо	түпәмо	фаләмо
пэләтә	рөбәтә	соләтә	стүпәтә	түпәтә	фаләтә
пэл'әт	рөб'әт	сол'әт	стүп'әт	түп'әт	фал'әт

<i>чәнәтә</i> –	(ед.)	1. чән'у,	2. чәнәш,	3. чәнәт,
	(мн.)	1. чәнәмо,	2. чәнәтә,	3. чән'әт

Примечание. В сочетании губных с [й] согласный [й] является неустойчивым – он может звучать как полноценный звук, как призвук или вообще не произноситься: [б'й] // [б'н] // [б'й] // [м'й] // [м'н] // [м'й] и т.д.

2)-[é]/-[Ø]-', ударение в форме инфинитива - наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. - фиксированное окончательное.

а)консонантные чередования: в глаголах *вәрәш'ч'этә*, *моўч'этә*, *стәр'ч'этә* – <инф., 3> ~ <1,2> = <ш'ч', ч'> ~ <шч, ч>; в глаголе *спәшәтә* – <инф., 1,2> ~ <3> = <ш> ~ <ш'>:

<i>вәрәш'ч'этә</i>	<i>моўч'этә</i>	<i>спәшәтә</i>	<i>стәр'ч'этә</i>
вәрәшчү	моўчү	спәшү	стәрчү
вәрәшчәш	моўчәш	спәшәш	стәрчәш
вәрәшчәт	моўчәт	спәшәт	стәрчәт
вәрәшчәмó	моўчәмó	спәшәмó	стәрчәмó
вәрәшчәтá'	моўчәтá'	спәшәтá'	стәрчәтá'
вәрәш'ч'эт	моўч'эт	спәш'эт	стәр'ч'эт

б)консонантные чередования – <инф., 2> ~ <1> ~ <3> = <т, ст, д, с> ~ <ч, шч, дж, ш> ~ <к', с'к', г', с'>:

<i>гатәтә</i>	<i>голосәтә</i>	<i>допр'әтәтә</i>	<i>мастәтә</i>	<i>пәстәтә</i>
гачү	голошү	допр'әчү	машчү	пәшчү

гатéш	голосéш	допр'этéш	мастéш	пэстéш
гатét	голосét	допр'этét	мастét	пэстét
гатэмó	голосэмó	допр'этэмó	мастэмó	пэстэмó
гатэтá'	голосэтá'	допр'этэтá'	мастэтá'	пэстэтá'
гат'эт // гак'эт	голос'эт	допр'эт'эт	мас'к'эт	пэс'к'эт

<i>платémтə</i>	<i>садémтə</i>	<i>(за)х'эстémтə</i>
плачú	сadjú	(за)х'эшчú
платéш	садéш	(за)х'эстéш
платét	садét	(за)х'эстét
платэмó	садэмó	(за)х'эстэмó
платэтá'	садэтá'	(за)х'эстэтá'
плак'эт	сак'эт	(за)х'эс'к'эт

в)консонантные чередования – <инф., 2> ~ <1, 3> = <1, р, н, м, п> ~ <л', р', н', м'й, п'й>:

<i>валémтə (с'ə)</i>	<i>сварémтə (с'ə)</i>	<i>свəрдлémтə</i>	<i>ўстромémтə</i>	<i>чорнémтə</i>
вал'ú (с'ə)	свар'ú (с'ə)	свəрд'л'ú	ўстром'йú	чорн'ú
валéш (с'ə)	сварéш (с'ə)	свəрдлéш	ўстромéш	чорнéш
валét (с'ə)	сварét (с'ə)	свəрдлét	ўстромét	чорнét
валэмó (с'ə)	сварэмó (с'ə)	свəрдлэмó	ўстромэмó	чорнемó
валэтá' (с'ə)	сварэтá' (с'ə)	свəрдлэтá'	ўстромэтá'	чорнетá'
вал'эт (с'ə)	свар'эт (с'ə)	свəрд'л'эт	ўстром'н'эт	чорн'эт.

Примечание. См. примечание к 2 стр., А1 1в).

3) -[é]-/'[Ø]'-, ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе); в парадигме наст.вр. – подвижное: в форме 1 л.ед. – на первом слоге основы, в остальных формах – фиксированное наконечное:

а)консонантное чередование – <инф., 3> ~ <1, 2> = <ж'> ~ <ж>:

<i>дрəж'émтə -</i>	(ед.)	1.дрéжу,	2.дрəжéш,	3.дрəжét
	(мн.)	1.дрəжэмó,	2.дрəжэтá',	3.дрəж'эт
<i>лəж'émтə -</i>	(ед.)	1.лá'жу,	2.лəжéш,	3.лəжét,
	(мн.)	1.лəжэмó,	2.лəжэтá',	3.лəж'эт.

б)консонантное чередование – <инф., 2> ~ <1> ~ <3> = <ст> ~ <штч> ~ <с'к'>:

<i>ростѣтə</i> –	(ед.)	1. рѡшчу,	2. рѡстѣш,	3. рѡстѣт,
	(мн.)	1. рѡстѣмѡ,	2. рѡстѣтѣ',	3. рѡс'к'ѣт.

4)-[ə]/-[Ø]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. - фиксированное наосновное:

а)консонантные чередования: в глаголах *обѣз'в'ічѣтə* и *рѣшѣтə* – <инф., 1, 2> ~ <3> = <ч, ш> ~ <ч', ш'>; в глаголе *полѣ'ж'ѣтə* – <инф., 3> ~ <1, 2> = <ж'> ~ <ж>:

<i>обѣз'в'ічѣтə</i>	<i>полѣ'ж'ѣтə</i>	<i>рѣшѣтə</i>
обѣз'в'ічу	полѣ'жу	рѣшу
обѣз'в'ічѣш	полѣ'жѣш	рѣшѣш
обѣз'в'ічѣт	полѣ'жѣт	рѣшѣт
обѣз'в'ічѣмо	полѣ'жѣмо	рѣшѣмо
обѣз'в'ічѣтə	полѣ'жѣтə	рѣшѣтə
обѣз'в'іч'ѣт	полѣ'ж'ѣт	рѣш'ѣт

б)консонантные чередования - <инф., 2> ~ <1> ~ <3> = <т, ст, д, зд, с> ~ <ч, шч, дж, ждж, ш> ~ <к', с'к', г', з'г', с'>:

<i>глѣдѣтə</i>	<i>зѣвѣдѣтə</i>	<i>злѡстѣтə (с'ѣ)</i>	<i>йїздѣтə</i>	<i>клѣмѡсѣтə</i>
глѣджу	зѣвѣджу	злѡшчу (с'ѣ)	йїждчу	клѣмѡшчу
глѣдѣш	зѣвѣдѣш	злѡстѣш (с'ѣ)	йїздѣш	клѣмѡсѣш
глѣдѣт	зѣвѣдѣт	злѡстѣт (с'ѣ)	йїздѣт	клѣмѡсѣт
глѣдѣмо	зѣвѣдѣмо	злѡстѣмо (с'ѣ)	йїздѣмо	клѣмѡсѣмо
глѣдѣтə	зѣвѣдѣтə	злѡстѣтə (с'ѣ)	йїздѣтə	клѣмѡсѣтə
глѣг'ѣт	зѣвѣг'ѣт	злѡс'к'ѣт (с'ѣ)	йїз'ѣт	клѣмѡс'ѣт

<i>конопѣдѣтə</i>	<i>лѣгодѣтə</i>	<i>л'ѣтѣтə</i>	<i>нѣвѣдѣтə</i>	<i>нѡсѣтə</i>
конопѣджу	лѣгоджу	л'ѣчу	нѣвѣджу	нѡшу
конопѣдѣш	лѣгодѣш	л'ѣтѣш	нѣвѣдѣш	нѡсѣш
конопѣдѣт	лѣгодѣт	л'ѣтѣт	нѣвѣдѣт	нѡсѣт
конопѣдѣмо	лѣгодѣмо	л'ѣтѣмо	нѣвѣдѣмо	нѡсѣмо
конопѣдѣтə	лѣгодѣтə	л'ѣтѣтə	нѣвѣдѣтə	нѡсѣтə
конопѣг'ѣт	лѣгог'ѣт	л'ѣк'ѣт	нѣвѣг'ѣт	нѡс'ѣт

<i>нов'ісѣтə</i>	<i>нѣдѣтə</i>	<i>чѣстѣтə</i>
------------------	---------------	----------------

пов'ішу	пуджу	чешчу
пов'ісаш	пудаш	честаш
пов'ісат	пудат	честат
пов'ісамо	пудэмо	честэмо
пов'ісатэ	пудатэ	честатэ
пов'іс'ят	пуг'ят	чес'к'ят// чes'т'ят.

в)консонантные чередования - <инф., 2> ~ <1, 3> = <1, р, м, в> ~ <л', р', м'й, в'й>:

<i>в'іратэ</i>	<i>квóлатэ</i>	<i>мóратэ</i>	<i>п'раватэ</i>
в'ір'у	квл'у	мór'у	п'рав'йу
в'ірэш	квлéш	мóрэш	п'равéш
в'ірат	квлóт	мóрат	п'равэт
в'ірэмо	квлéмо	мóрэмо	п'равéмо
в'іратэ	квлóтэ	мóратэ	п'равэтэ
в'ір'ят	квл'ят	мór'ят	п'рав'йят

<i>скорóматэ (с'э) –</i>	(ед.)	1. скорóm'у (с'э),	2. скорómэш (с'э),	3. скорómэт (с'э),
	(мн.)	1. скорómэмо (с'э),	2. скорómатэ (с'э),	3. скорóm'ят (с'э)
<i>шчуратэ –</i>	(ед.)	1. шчур'у,	2. шчурэш,	3. шчурэт,
	(мн.)	1. шчурэмо,	2. шчурэтэ,	3. шчур'ят.

Примечание См. примечание к 2 стр., А1 1в).

5)-[э]/-[Ø]-, ударение в форме инфинитива – наосновное (на первом слоге основы), в парадигме наст. вр. ударение подвижное: в формах 1 л.ед., 1, 2 лл.мн. - наосновное, в формах 2, 3 лл.ед., 3 л.мн. – наконечное; консонантное чередование - <инф., 2> ~ <1> ~ <3> = <т> ~ <ч> ~ <к'>:

<i>гн'ітатэ –</i>	(ед.)	1. гн'ічу,	2. гн'ітэш,	3. гн'ітэт,
	(мн.)	1. гн'ічэмо,	2. гн'ітэтэ,	3. гн'ік'ят.

6)-[á]/-[Ø]-, ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе), в формах наст.вр. – также наосновное, но сдвинутое на один слог к началу словоформы:

а)консонантные чередования -<инф.> ~ <1, 2>~ <3> =<т, с, г> ~ <ч, ш, ж> ~ <ч', ш', ж'>:

<i>колэ́атэ</i>	<i>скоботáтэ</i>	<i>стру́гатэ</i>
колéшу	скобóчу	стру́жу
колéшэш	скобóчэш	стру́жэш

колéшэт	скобóчэт	стру́жэт
колéшэмо	скобóчэмо	стру́жэмо
колéшэтэ	скобóчэтэ	стру́жэтэ
колéш'эт	скобóч'эт	стру́ж'эт

б)консонантное чередование - <инф., 2> ~ <1> ~ <3> = <т> ~ <ч> ~ <к'>:

<i>шэпóтáтэ</i> –	(ед.)	1.шэпóчу,	2.шэпóтэш,	3.шэпóтэт,
	(мн.)	1.шэпóтэмо,	2.шэпóтэтэ,	3.шэпóк'эт

7)-[á] -/[-Ø]-', ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе); в формах наст.вр. – фиксированное, науконачное.

а)консонантное чередование – <инф., 2> ~ <1, 3> = <п> ~ <п'й>:

<i>спáтэ</i> –	(ед.)	1.с'п'йу,	2.спеш,	3.спет,
	(мн.)	1.спэмó,	2.спэтá',	3.с'п'й'ет.

Примечание.См. примечание к 2 стр., А1 1в).

б)отсутствие чередования:

<i>стойáтэ</i> –	(ед.)	1.стойу,	2.стойиш,	3.стойит
	(мн.)	1.стойимó,	2.стойитá',	3.стойát.

8) –[í] -/[-Ø]-', ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном полказателе), в формах наст.вр. - фиксированное наконечное:

а)консонантные чередования – <инф., 3> ~ <1> ~ <2> = <к', с'к', г'> ~ <ч, шч, дж> ~ <т, ст, д>.

<i>вэр'к'ímэ</i>	<i>лэк'ímэ</i>	<i>смэр'г'ímэ</i>	<i>трэм'к'ímэ</i>
вэрчú	лэчú	смэрджú	трэмчú
вэртéш	лэтеш	смэрдéш	трэмтéш
вэртét	лэтét	смэрдét	трэмтét
вэртэмó	лэтэмó	смэрдэмó	трэмтэмó
вэртэтá'	лэтэтá'	смэрдэтá'	трэмтэтá'
вэр'к'ét	лэк'ét	смэр'г'ét	трэм'к'ét

<i>трэпóк'ímэ</i> –	(ед.)	1.трэпóчу,	2.трэпóтэш,	3.трэпóтэт,
	(мн.)	1.трэпóтэмó,	2.трэпóтэтá',	3.трэпóк'ét
<i>хрус'к'ímэ</i> –	(ед.)	1.хрушчú,	2.хрустéш,	3.хрустét,
	(мн.)	1.хрустэмó,	2.хрустэтá',	3.хрус'к'ét.

б) консонантные чередования – <инф., 2> ~ <1, 3> = <р, п> ~ <р', п'й>:

ўз'д'р'ітə	хрəп'ітə	сəп'ітə
ўз'л'р'ў	хрəп'ў	сəп'ў
ўздрəш	хрəпəш	сəпəш
ўздрəт	хрəпəт	сəпəт
ўздрəмó	хрəпəмó	сəпəмó
ўздрəтá'	хрəпəтá'	сəпəтá'
ўз'л'р'ёт	хрəп'ёт	сəп'ёт.

Примечание. См. примечание к 2 спр., А1 1в).

в) отсутствие чередований:

гойтə –	(ед.)	1.гойў,	2.гойш,	3.гойт,
	(мн.)	1.гоймó,	2.гойтá',	3.гойт
ройтə (с'ə) –	(ед.)	1.ройў (с'ə),	2.ройш (с'ə),	3.ройт (с'ə),
	(мн.)	1.роймó (с'ə),	2.ройтá' (с'ə),	3.ройт (с'ə).

9) -[i]/-/[Ø]-, ударение в форме инфинитива – наосновное (на разрядном показателе); в парадигме наст.вр. - подвижное: в форме 1 л.ед. – наосновное, в остальных формах – фиксированное окончательное.

а) консонантное чередование - <инф., 3> ~ <1> ~ <2> = <г'> ~ <дж> ~ <д>:

сəг'ітə –	(ед.)	1.сəджу,	2.сəдəш,	3.сəдəт,
	(мн.)	1.сəдəмó,	2.сəдəтá',	3.сəг'ёт.

б) консонантное чередование - <инф.> ~ <1, 3> ~ <2> = <п'> ~ <п'й> ~ <п>:

тəрп'ітə – (ед.) 1.тá'рп'ў, 2.тəрпəш, 3.тəрпəт,
(мн.) 1.тəрпəмó, 2.тəрпəтá', 3.тəрп'ёт// тəрп'ёт.

Примечание. См. примечание к 2 спр., А1 1в).

в) отсутствие чередований:

дойтə	клəйітə	кройітə	млойітə	тройітə (с'ə)
дойў	клəйў	кройў	млойў	тройў
дойш	клəйш	кройш	млойш	тройш
дойт	клəйт	кройт	млойт	тройт
доймó	клəймó	кроймó	млоймó	троймó
дойтá'	клəйтá'	кройтá'	млойтá'	тройтá'
дойт	клəйт	кройт	млойт	тройт.

10) –'[i]/-'[Ø]-', ударение в формах инфинитива и 1 л.ед.ч. наст.вр. – наосновное, в остальных формах наст.вр. – фиксированное наконечное:

<i>gáiyitə</i> (с'ə) –	(ед.)	1.га́йу (с'ə),	2.гайи́ш (с'ə),	3.гайи́т (с'ə),
	(мн.)	1.гайи́мо (с'ə),	2.гайи́тá (с'ə),	3.гайи́т (с'ə).

11) –'[i]/-'[Ø]-, ударение в формах инфинитива и наст.вр. – фиксированное наосновное; консонантное чередование - <инф., ʒ> ~ <1> ~ <2> = <г'> ~ <дж> ~ <д>:

<i>vég'itə</i> –	(ед.)	1.вэд́жу,	2.вэд́ш,	3.вэд́т,
	(мн.)	1.вэд́мо,	2.вэд́тэ,	3.вэг'э́т.

Б.Инфинитивный суффикс –'[чə]

1.Разрядный показатель: –[Ø]/-'[C]-

1)–'[Ø]/-'[ж/ж']-', ударение в форме инфинитива – наосновное; в формах наст.вр. – фиксированное наконечное. Кконсонантное чередование - <инф.> ~ <1, 2> ~ <ʒ> = <Ø> ~ <ж> ~ <ж'>:

<i>b'ičə</i> –	(ед.)	1.б'и́жу́,	2.б'и́жэш́,	3.б'и́жэт́,
	(мн.)	1.б'и́жэмó,	2.б'и́жэтá́,	3.б'и́ж'эт́.

Изолированное спряжение (=атематические глаголы)

Зафиксировано 4 глагола – *dátə*, *ýístə*, *z'ístə*, *v'íðnov'ístə*, парадигмы которых не соотносятся полностью ни с одним из выделенных выше типов (разрядов и подразрядов) спряжения:

<i>dátə</i>	<i>ýístə</i>	<i>z'ístə</i>	<i>v'íðnov'ístə</i>
дам	йим	з'йим	в'íðnov'ím
даш	йиш	з'й'иш	в'íðnov'íш
даст	йист	з'й'ист	в'íðnov'íst
дамó	йимó	з'й'имó	в'íðnov'ímó
дастá'	йистá'	з'й'истá'	в'íðnov'ístá'
далúт	йиг'эт	з'й'иг'эт	в'íðnov'ig'эт.

Примечание.В приставочном глаголе *z'ístə* последовательность [з'и] с точки зрения синхронного морфологического членения воспринимается как основа (т.е.речь идет о перераспределении морфемных границ: з' + йи + стə → з'й + í + стə → з'йи + стə). Глагол *dátə* (инфинитивный суффикс –'[тə]) образует форму 3 л.мн. наст. с флексией 1-го спряжения –[út] и с наличием в конце основы согласного [д]. Глаголы *ýístə*, *z'ístə*, *v'íðnov'ístə* (инфинитивный суффикс –'[стə]) в форме 3 л.мн.наст. нмеют флексию 2-го спряжения –[эт] и в исходе основы согласный [г']. В остальных формах парадигм наст.вр. всех 4-х глаголов (=формы 1,

2, 3 лл.ед., 1, 2 лл.мн.) флексии присоединяются к основам на гласный и являются единными, безвариантными: -м, -ш, -ст, -мб, -стд'. В говоре наряду с глаголом *в'ідов'іста*, употребляется однокоренной глагол *в'іста*, его парадигму наст.вр., по-видимому, следует считать новообразованием, - скорее всего, она сформировалась по аналогии с парадигмой глагола I спряжения *с'іста*, с которым глагол *в'іста* и образует один подразряд (см. выше: *1спр.*, Б1 2). Формы инфинитива и наст.вр. всех 4-х глаголов характеризуются следующими консонантными чередованиями: <инф., 1,2 > ~ <3> = <Ø> ~ <д> (глагол *д'іста*), <инф., 1,2 > ~ <3> = <Ø> ~ <г'> (глаголы *й'іста*, *з'іста*, *в'ідов'іста*).***

* * *

На основании проведенного синхронного анализа глагольной системы (формы инфинитива и наст.вр.) в говоре с. Саджава и предложенной выше классификации можно сделать вывод, что в данном говоре глаголы I спряжения и глаголы 2 спряжения с точки зрения их морфологии образуют такие группы, которые существенно отличаются друг от друга. Так, глаголы I спряжения характеризуются разнообразием в реализации инфинитивного суффикса, разрядного показателя и сегментных чередований, что в целом свидетельствует о весьма сложной и своеобразной словоизменительной системе. Напротив, глаголы 2 спряжения относительно едины в плане реализации инфинитивного суффикса, разрядного показателя и сегментных (консонантных) чередований; именно это обуславливает заметную структурную однородность данной глагольной группы и делает предсказуемым образование спрягаемых форм фактически от каждого глагола.

С учетом сочетания таких признаков, как конкретная реализация разрядного показателя и акцентная характеристика форм инфинитива и наст.вр., глаголы I спряжения распределены нами в более чем 50 подразрядов, а глаголы 2 спряжения – только в 12. При этом следует подчеркнуть, что наибольшие различия в разных глагольных парадигмах имеет именно акцентологическая характеристика исследуемых форм, которая, в конечном итоге преимущественно и определяет численность подразрядов. Укажем, например, подразряды, объединенные одинаковыми типами «акцентных кривых»: в I спряжении – А1 1-3, А1 4-6, А1 7-8, АII 1-5, АII 6-8, АII 9-11, В1 2-4, В1 I 1; во 2 спряжении – А1 1-5, А1 7-8. В глаголах 2 спряжения обращает на себя внимание однотипность в морфонологическом поведении согласных, находящихся в исходе основы перед разрядным показателем, что свидетельствует о достаточно хорошо развитой и вполне сформировавшейся на данный момент времени морфонологической структуре глаголов этой группы. В глаголах I спряжения, напротив, большинство парадигм являются морфонологически немаркированными, а отмеченные в ряде глаголов сег-

*** Основным информатором по теме «словоизменение глагола в говоре с. Саджава» была Ярина Ганна Николаевна (1920 г. рожд.).

ментные чередования несут спорадический характер (см. подряды А1 6, А1 11, АП 1, АП 3; АП 6-7, АП 12-13, АП 1, АIV 1, Б1 2).

Глаголы *1 спряжения* и *2 спряжения* в сажавском говоре различаются и с точки зрения количества лексических единиц, входящих в выделенные подряды. Так, во *2 спряжении* подавляющее большинство подрядов представлено значительным числом глаголов (что может свидетельствовать о продуктивности соответствующих словоизменительных моделей); в *1 спряжении* к подрядам, состоящим из большого количества единиц, относятся лишь А1 1-2, АП 5, АП 9-10, - остальные подряды этого спряжения, зафиксированные в нашем материале единичными глаголами, находятся – с точки зрения продуктивности – на периферии глагольной словоизменительной системы.

В то же время необходимо указать и на те общие черты, которые характеризуют как глаголы *1 спряжения*, так и глаголы *2 спряжения*. Отметим, например, одинаковый разрядный показатель $-[V]/-[\emptyset]$, совпадающие акцентные характеристики ряда парадигм и др.

В заключение подчеркнем, что вопрос о сходствах и различиях глаголов *1 спряжения* и *2 спряжения* в славянских диалектах изучался недостаточно; известны, например, исследования взаимодействия двух типов спряжений в формах наст.вр. с наосновным ударением, взаимовлияния морфонологических признаков с одинаковым консонантным исходом основ и некоторых других явлений; всестороннее же рассмотрение этой проблемы – впереди.

Индекс-словарь глаголов, анализируемых в работе

бáвэ́тэ (с'э) *2 спр.*, А1 1в) – забавлять(ся).

банувáтэ *1 спр.*, АП 2) – тосковать.

бéтэ *1 спр.*, А1 6а) – бить.

бэрэчэ *1 спр.*, В1 2) – беречь.

б'íлэ́тэ *2 спр.*, А1 1в) – белить.

б'íчэ *2 спр.*, Б1 1) – бежать.

бл'íйтэ *1 спр.*, АП 4а) – блять.

боронéтэ *2 спр.*, А1 1в) – охранять, защищать.

брáтэ *1 спр.*, А П 1г) – брать.

брá'стэ *1 спр.*, Б1 1) – брести, идти.

брéзгатэ *1 спр.*, А1 2) – брызгать.

брéзгнутэ *1 спр.*, АП 10) – брызнуть.

брэхáтэ *1 спр.*, А П 5) – лаять.

бродéтэ *2 спр.* А1 1б) – бродить.

будéтэ *2 спр.*, А1 1б) – коптить (мясо).

бúдж'этэ *1 спр.*, А1 4) – будить.

валувáтэ – *1 спр.*, АП 2) делать насыпную дорогу.

валéтэ (с'э) *2 спр.*, А1 2в) – валить(ся).

варéтэ *2 спр.*, А1 1в) – варить.

вá'зтэ *1 спр.*, АIV 1а) – везти.

вéг'ítэ *2 спр.*, А1 11) – видеть.

вéтэ *1 спр.*, А1 4) – выть.

в'эзáтэ *1 спр.*, АП 5) – вязать.

вэрзтэ *1 спр.*, А1П 1) – бросить.

вэр'к'ítэ *2 спр.*, А1 8а) – вертеть.

- вэрэш'ч'этэ 2 *спр.*, А1 2а) – кричать, верещать.
- вэстэ 1 *спр.*, Б1 1) – вести.
- в'ідпов'істэ *И-спр.* – ответить.
- в'і рэтэ 2 *спр.*, А1 4в) – верить.
- в'істэ 1 *спр.*, Б1 2) – знать, ведать.
- в'і шэтэ 1 *спр.*, А1 8) – вешать
- водэтэ 2 *спр.*, А1 1б) – водить.
- волочэтэ 2 *спр.*, А1 1а) – волочить.
- вон'этэ 1 *спр.*, А1 4) – вонять.
- гаійтэ (с'э) 2 *спр.*, А1 10) – задержива(ся), терять (время).
- гатэтэ 2 *спр.*, А1 2б) – гатить (дорогу).
- гладэтэ 2 *спр.*, А1 4б) – гладить.
- гнатэ 1 *спр.*, А11 1г) – гнать.
- гнэтэ 1 *спр.*, А1 5) – гнить.
- гн'ітэтэ 2 *спр.*, А1 5) – гнести, давить.
- гнүтэ 1 *спр.*, А11 9) – гнуть.
- годуватэ 1 *спр.*, А11 2) – воспитывать
- гойтэ 2 *спр.*, А1 8в) – откармливать, растить.
- голосэтэ 2 *спр.*, А1 2б) – голосить.
- голэтэ 2 *спр.*, А1 1в) – брить.
- гбмнатэ 1 *спр.*, А1 2) – жевать.
- гонэтэ 2 *спр.*, А1 1в) – гнать.
- городэтэ 2 *спр.*, А1 1б) – городить, загро-
раживать.
- гратэ (с'э) 1 *спр.*, А1 1) – играть(ся).
- грй'зтэ 1 *спр.*, А1V 1а) – грызть.
- грэматэ 1 *спр.*, А1 1) – греметь.
- гр'ітэ 1 *спр.*, А1 7) – греть.
- губэтэ 2 *спр.*, А1 1в) – губить.
- даватэ 1 *спр.*, А11 1) – давать.
- давэтэ (с'э) 2 *спр.*, А1 1в) – топить(ся) (о
человеке).
- дйтэ *И-спр.*, - дать.
- двэгатэ 1 *спр.*, А1 2) – двигать.
- двэгнутэ 1 *спр.*, А11 9) – двинуть.
- дй'ртэ 1 *спр.*, А1V 1б) – драть.
- д'екуватэ 1 *спр.*, А11 3) – благодарить.
- д'ілетэ 2 *спр.*, А1 1в) – делить.
- дойтэ 2 *спр.*, А1 9в) – доить.
- допр'ітэтэ 2 *спр.*, А1 2б) – надоесть.
- доубатэ 1 *спр.*, А1 1) – долбить.
- дрэж'этэ 2 *спр.*, А1 3а) – дрожать.
- дубнутэ 1 *спр.*, А11 10) – топнуть, стукнуть.
- дүтэ 1 *спр.*, А1 9) – дуть.
- душэтэ – 2 *спр.*, А1 1а) – душить.
- ждатэ 1 *спр.*, А11 1а) – ждать.
- жэтэ 1 *спр.*, А1 5) – жить.
- ж'этэ 1 *спр.*, А1 11) – жать (зерновые).
- жэвр'ітэ 1 *спр.*, А1 7) – тлеть
- ж'элэтэ 2 *спр.*, А1 1в) – жалить (о крапиве).
- забүтэ 1 *спр.*, А1 12) – забыть.
- завэдэтэ 2 *спр.*, А1 4б) – (по-)завидовать.
- (за)вэтэ 1 *спр.*, А1 4) – закутать, завернуть.
- запопадатэ 1 *спр.*, А1 1) – (начать) попа-
дать.
- запхатэ 1 *спр.*, А1 1) – запхнуть.
- (за)схнүтэ 1 *спр.*, А11 9) – засохнуть.
- зах'эстэтэ 2 *спр.*, А1 2б) – заго-родить,
защитить.
- зач'этэ 1 *спр.*, А1 11) – начать.
- (з)грэбстэ 1 *спр.*, Б11 1) – сгрести.
- здрэгнутэ 1 *спр.*, А11 9) – вздрогнуть.
- з'іпй'ртэ 1 *спр.*, А1V 1б) – остановить.
- з'іхнүтэ 1 *спр.*, А11 9) – зевнуть.
- з'ійізатэ 1 *спр.*, А11 5) – связать.
- з'ійістэ *И-спр.*, --съесть.
- злбстэтэ (с'э) 2 *спр.*, А1 4б) – злиться.
- ійздэтэ 2 *спр.*, А1 4б) – ездить.
- ійматэ 1 *спр.*, А11 1а) – ловить.
- ійістэ *И-спр.* – есть.
- ійтэ 1 *спр.*, А1 1) – идти.
- казатэ 1 *спр.*, А11 5) – сказать.
- квблэтэ 2 *спр.*, А1 4в) – болеть, недомо-
гать.
- к'эгатэ 1 *спр.*, А1 2) – тянуть.
- к'эгнутэ 1 *спр.*, А11 10) – потянуть.
- к'эдатэ 1 *спр.*, А1 2) – кидать.

- к'эўнута́ 1 *спр.*, АII 9) – кивнуть.
- к'і нч'этэ́ 1 *спр.*, АI 4) – кончать.
- кля́ста 1 *спр.*, БI 1) – клвсть.
- кля́йтэ 2 *спр.* АI 9в) – клеить.
- кля́мбсатэ́ 2 *спр.*, АI 4б) – стучаться, настойчиво проситься (в дом).
- кля́пата́ 1 *спр.*, АI 1) – клепать, точить (косу).
- ковáтэ 1 *спр.*, АIII 1) – ковать.
- колэ́сатэ́ 2 *спр.*, АI 6а) – колыхать, качать (колыбель).
- конопа́датэ́ 2 *спр.*, АI 4б) – задира́ть(ся), дразнить.
- котэ́та 2 *спр.*, АI 1б) – катить.
- кра́ста 1 *спр.*, БI 1) – красть.
- кря́кнута́ 1 *спр.*, АII 10) – крикнуть.
- кря́сатэ́ 1 *спр.*, АII 5) – тесать (камень), высекать (огонь).
- кря́шэ́та 2 *спр.*, АI 1а) – резать (мясо).
- крой́тэ 2 *спр.*, АI 9б) – резать (хлеб).
- круте́та 2 *спр.*, АI 1б) – крутить.
- куре́та (с'э) 2 *спр.*, А I 1в) – куриться, дымиться.
- ла́годэ́та 2 *спр.*, АI 4б) – прилаживать, готовить.
- ломéта 2 *спр.*, АI 1в) – ломать.
- ле́гнута́ 1 *спр.*, АII 10) – глотнуть, проглотить.
- ле́затэ́ 1 *спр.*, АII 4б) – лизать.
- ле́та 1 *спр.*, АI 6б) – лить.
- ля́ж'э́та 2 *спр.*, АI 3а) – лежать.
- ля́к'тэ́ 2 *спр.*, АI 8а) – лететь.
- л'э́чэ 1 *спр.*, БI 3) – лечь.
- л'ізтэ́ 1 *спр.*, АIV 2) – лезть
- л'і́кáтэ (с'э) 1 *спр.*, АI 1) – пугать(ся), бояться.
- л'і́ нува́та (с'э) 1 *спр.*, АIII 2) – лениться.
- л'убэ́та 2 *спр.*, АI 1в) – любить.
- л'у́тэ́та (с'э) 2 *спр.*, АI 4б) – злиться.
- масте́та 2 *спр.*, АI 2б) – мазать (глиной).
- маха́тэ 1 *спр.*, АI 1) – махать.
- махну́тэ 1 *спр.*, АI 9) – махнуть
- ме́катэ́ 1 *спр.*, АI 2) – тянуть, выгаскивать.
- ме́кнута́ 1 *спр.*, АI 10) – выгащить.
- ме́та 1 *спр.*, АI 4) – мыть.
- ме́стэ 1 *спр.*, БI 2) – мести.
- ме́тнута́ 1 *спр.*, АII 9) – кинуть.
- ме́'ісе́та 2 *спр.*, АI 1б) – месить.
- мло́йтэ́ 2 *спр.*, АI 9в) – тошнить, плохо себя чувствовать.
- ми'э́та 1 *спр.*, АII 6а) – мять.
- мо́кнута́ 1 *спр.*, АII 11) – мокнуть.
- мо́лб́та 1 *спр.*, АII 12) – молот.
- мо́лотэ́та 2 *спр.*, АI 1б) – молотить.
- мо́лэ́та (с'э) 2 *спр.*, АI 1в) – молить(ся)
- мо́рэ́та 2 *спр.*, АI 1в) – морить.
- мо́стэ́та (с'э) 2 *спр.*, АI 1б) – мостить(ся).
- моу́ч'э́та 2 *спр.*, АI 2а) – молчать.
- мо́чэ́л/мо́гтэ́ 1 *спр.*, БI 4) – мочь.
- мо́чэ́та 2 *спр.*, АI 1а) – мочить.
- на́ва́дэ́та 2 *спр.*, АI 4б) – относиться с приязнью.
- на́йтэ́ 1 *спр.*, АI 1) – найти.
- (на)ч'а́'ртэ́ 1 *спр.*, АIV 1а) – зачерпнуть, набрать (воды).
- на́'ста́ 1 *спр.*, АIV 1) – нести.
- не́катэ́ 1 *спр.*, АI 2) – заглядывать, подглядывать.
- не́зэ́та 1 *спр.* АII 7) – нанизывать.
- но́сэ́та 2 *спр.*, АI 4б) – носить.
- ну́затэ́ 1 *спр.*, АI 2) – мучить.
- ну́р'э́та 1 *спр.*, АI 4) – нырять.
- о́бэ́та 1 *спр.*, АI 6в) – оббить.
- о́бэ́рва́та 1 *спр.*, АII 1а) – оборвать.
- о́б'э́з'в'і́чэ́та 2 *спр.*, АI 4а) – ослепить.
- о́б'э́ц'э́та 1 *спр.*, АI 4) – обещать.
- о́бма́ну́та 1 *спр.*, АII 9) – обмануть.
- о́бма́н'ува́та 1 *спр.*, АIII 3) – обманывать
- о́бра́зэ́та 1 *спр.*, АII 6а) – обидеть.
- о́ра́та 1 *спр.*, АII 3) – пахать.

палѣтѣ 2 *спр.*, AI 1в) – жечь, палить.
пáстѣ 1 *спр.*, BI 1) – упасть.
пáстѣ 1 *спр.*, AIV 1а) – пасти.
пá'ртѣ 1 *спр.*, AIV 1б) – переть.
пѣтѣ 1 *спр.*, AI 6а) – пить.
пѣлѣтѣ 2 *спр.*, AI 1в) – пилить.
пѣсáтѣ 1 *спр.*, AII 5) – писать.
пѣстѣтѣ 2 *спр.*, AI 2б) – ласкать (ребенка).
пѣчѣ 1 *спр.*, BI 1) – печь.
плáкáтѣ 1 *спр.*, AII 4б) – плакать.
плáтѣтѣ 2 *спр.*, AI 2б) – платить.
плá'снóтѣ 1 *спр.*, AII 10) – плеснуть.
плѣстѣ 1 *спр.*, BI 3) – плыть.
плѣскáтѣ 1 *спр.*, AII 5) – плескать.
плѣстѣ 1 *спр.*, BI 2) – плести.
пов'ísѣтѣ 2 *спр.*, AI 4б) – повесить.
(по)вóзѣтѣ 2 *спр.*, AI 1б) – (по)возить.
полóкáтѣ 1 *спр.*, AII 5) – полоскать.
полóтѣ 1 *спр.*, AII 12) – полоть.
полá'ж'ѣтѣ 2 *спр.*, AI 4а) – полежать.
порóтѣ 1 *спр.*, AII 12) – пороть.
потáтѣ 1 *спр.*, AI 3) – утонуть.
(по)тѣснóтѣ 1 *спр.*, AII 11) – придавить.
пráвѣтѣ 2 *спр.*, AI 4в) – делать.
пráтѣ 1 *спр.*, AII 1г) – стирать.
пр'ѣстѣ 1 *спр.*, BI 1) – пряхть.
прорѣкнóтѣ 1 *спр.*, AII 9) – сказать, про-
 изнести.
прорѣчѣ 1 *спр.*, BI 1) – сказать.
прóсѣтѣ 2 *спр.*, AI 1б) – просить.
пругáтѣ 1 *спр.*, AI 1) – вырывать.
пýдѣтѣ 2 *спр.*, AI 4б) – (ис) пугать.
пýдж'ѣтѣ (с'ѣ) 1 *спр.*, AI 8) – пугать(ся).
пустѣтѣ 2 *спр.*, AI 1б) – пустить.
рвáтѣ 1 *спр.*, AII 1а) – рвать.
рѣвáтѣ 1 *спр.*, AII 1а) – реветь.
р'ѣдѣтѣ 2 *спр.*, AI 1б) – упорядочивать,
 приводить в порядок.
рзáтѣ 1 *спр.*, AII 1б) – ржать.
р'ízáтѣ 1 *спр.*, AII 4б) – резать.

робѣтѣ 2 *спр.*, AI 1в) – делать.
родѣтѣ 2 *спр.*, AI 1б) – родить.
роз'пнóтѣ 1 *спр.*, AII 9) – растянуть.
розпр'íстá'ртѣ 1 *спр.*, AIV 1б) – растя-
 нуть, разложить.
ройдѣтѣ с'ѣ 2 *спр.*, AI 8в) – роиться.
ростѣтѣ 2 *спр.*, AI 3б) – растить.
рубáтѣ 1 *спр.*, AI 1) – рубить; резать (хлеб).
рúшѣтѣ 2 *спр.*, AI 4а) – двигать, пере-
 двигать.
садѣтѣ 2 *спр.*, AI 2б) – садить.
сварѣтѣ (с'ѣ) 2 *спр.*, AI 2в) – ссориться.
свѣрдлѣтѣ 2 *спр.*, AI 2в) – сверлить.
свѣснóтѣ 1 *спр.*, AII 10) – свистнуть.
свѣстáтѣ 1 *спр.*, AII 5) – свистеть.
с'в'ítѣтѣ 2 *спр.*, AI 1б) – светить.
сѣпатѣ 1 *спр.*, AII 4в) – сыпать.
с'ѣгáтѣ 1 *спр.*, AII 1) – доставать.
сѣг'ftѣ 2 *спр.*, AI 9а) – сидеть.
сѣп'ftѣ 2 *спр.*, AI 8б) – шипеть.
с'íятѣ 1 *спр.*, AII 4а) – сеять.
с'íстѣ 1 *спр.*, BI 2) – сесть.
с'íчѣ 1 *спр.*, BI 1) – сечь.
скакáтѣ 1 *спр.*, AII 5) – скакать.
скопóтáтѣ 2 *спр.*, AI 6а) – щекотать.
скопóмѣтѣ с'ѣ 2 *спр.*, AI 4в) –
 скоромиться.
скопчѣтѣ 1 *спр.*, AII 8) – вскочить
скубстѣ 1 *спр.*, BI II 1) – ошипать.
слáтѣ 1 *спр.*, AII 1в) – слать.
с'л'íпатѣ 1 *спр.*, AI 2) – слепнуть.
с'л'íпнóтѣ 1 *спр.*, AII 10) – (о)слепнуть.
служѣтѣ 2 *спр.*, AI 1а) – служить.
смáжѣтѣ 1 *спр.*, AII 8) – жарить.
смѣр'г'ftѣ 2 *спр.*, AI 8а) – смердеть.
солóдѣтѣ 2 *спр.*, AI 1б) – сластить.
солѣтѣ 2 *спр.*, AI 1в) – солить.
спáтѣ 2 *спр.*, AI 7а) – спать.
спѣшѣтѣ 2 *спр.*, AI 2а) – спешить.
стáтѣ 1 *спр.*, AI 10) – стать.

стэлэтэ 2 *спр.*, АII 7) – стелить.
 стэрй'чэ 1 *спр.*, B₁ 1) – стеречь.
 стэр'ч'этэ 2 *спр.*, АI 2а) – торчать.
 стогнатэ 1 *спр.*, АII 2) – стонать.
 стойатэ 2 *спр.*, АI 7б) – стоять.
 стрéчэ 1 *спр.*, B₁ 1) – стричь.
 стругатэ 2 *спр.*, АI 6а) – стругать.
 стукатэ 1 *спр.*, АI 2) – стукать.
 ступэтэ 2 *спр.*, АI 1в) – (в)ступить.
 судэтэ 2 *спр.*, АI 16) – судить.
 сукатэ 1 *спр.*, АII 5) – скручивать, ссу-
 чивать (нить).
 сунутэ (с'э) 1 *спр.*, АII 10) – сунуть(ся)
 сучэтэ 1 *спр.*, АII 8) – сучить.
 сушэтэ 2 *спр.*, АI 1а) – сушить.
 сцатэ 1 *спр.*, АII 1а) – сосать.
 тй'ртэ 1 *спр.*, АIV 16) – тереть.
 тэр'п'фтэ 2 *спр.*, АI 9б) – терпеть.
 тэсатэ 1 *спр.*, АII 5) – тесать.
 ткятэ 1 *спр.*, АI 1) – ткать.
 топтатэ 1 *спр.*, АII 5) – топтать.
 тóу'кнутэ 1 *спр.*, АII 10) – толкнуть.
 точэтэ 2 *спр.*, АI 1а) – точить.
 тр'эстэ 1 *спр.*, АIV 1а) – трясти.
 трэм'к'фтэ 2 *спр.*, АI 8а) – дрожать.
 трэпэтатэ 1 *спр.*, АII 5) – трепетать.
 трэпок'фтэ 2 *спр.*, АI 8а) – трепетать.
 тройфтэ (с'э) 2 *спр.*, АI 9в) – травить
 (ся), отравливать.
 тупэтэ 2 *спр.*, АI 1в) – тупить.
 ўз'д'р'фтэ 2 *спр.*, АI 8б) – увидеть.
 ўз'этэ 1 *спр.*, АII 6б) – взять.
 ўколóтэ 1 *спр.*, АII 12) – уколоть
 ўмй'ртэ 1 *спр.*, АIV 16) – умереть.
 ўнэ'кнутэ 1 *спр.*, АII 10) – взглядеться.
 ўпáстэ 1 *спр.*, B₁ 2) – упасть.
 ўснútэ 1 *спр.*, АII 9) – уснуть.
 ўстромэтэ 2 *спр.*, АI 2в) – вставить.
 ўтáчэ 1 *спр.*, B₁ 1) – убежать.
 ўучэтэ 2 *спр.*, АI 1а) – учить.

фалэтэ 2 *спр.*, АI 1в) – хвалить.
 фур'этэ 1 *спр.*, АI 4) – бросать, швырять.
 хапнútэ 1 *спр.*, АII 9) – хапнуть.
 хл'бснутэ 1 *спр.*, АII 10) – хлестнуть.
 хл'остатэ 1 *спр.*, АII 5) – хлестать.
 ходэтэ 2 *спр.*, АI 1в) – ходить.
 хок'йтэ 1 *спр.*, АII 13) – хотеть.
 хор'йтэ 1 *спр.*, АI 7) – болеть.
 хрámатэ 1 *спр.*, АI 1) – хромать.
 хрэл'фтэ 2 *спр.*, АI 8б) – хрипеть.
 хрус'к'фтэ 2 *спр.*, АI 8а) – хрустеть.
 чéстэтэ 2 *спр.*, АI 4б) – чистить.
 чэнэтэ 2 *спр.*, АI 1в) – делать.
 чорн'йтэ 2 *спр.*, АI 2в) – чернеть.
 шэпóтатэ 2 *спр.*, АI 6б) – шептать.
 шэптатэ 1 *спр.*, АII 5) – шептать.
 шкрэптатэ 1 *спр.*, АII 5) – скрести, че-
 сать(ся).
 шпур'этэ 1 *спр.*, АI 4) – швырять.
 шукатэ 1 *спр.*, АI 1) – искать.
 шчй'знутэ 1 *спр.*, АII 10) – исчезнуть.
 шчурэтэ 2 *спр.*, АI 4в) – наострять
 (уши – о коне).

ТЕКСТЫ

№ 1. Про одного л'ин'уха

Буў соб'і ў адному сэл'і пан - г'ідэч, груба'знэй йаг добра боч'іўка. Маў'ін слугу, та тако́го худо́го, лэш нэмошчі, а нэ хлоп. Прэв'іс то́го пана з м'іста, повэча'р'іла, та й ліг'ла ўс'і спатэ. Дужэ змучэў с'і то́йі днёнэ слуга, та й в'ідразу ўснуў, та й с'і забуў водэ с'і напэтэ. Пробудэў с'і та й говорэд д с'а'бэ.'Йэк с'і водэ хчэ». А пан з другэ хак'і нэ спаў шча', та й зачуў, йак слуга до с'а'бэ говорэў. Тогдэ подумаў: «А, то шэл'ма хлоп, л'іну'йэ с'і водэ ўстатэ напэтэ с'і». Говорэт: «А ну, подай мэн'і водэ, Йване». Слуга бэс пам'ік'і схопэў с'і податэ водэ то́му пановэ. Ўстаў та й подай'а погара'м водэ пановэ, а пан кажэ д'о'на'го: «Та то те хок'іў напэтэ с'і, гал'арэ л'іневай».

№ 2. Про пана, Йвана та йіх мандр'іўку

Побратаў с'і пан з Йваном, та й сталэ по с'в'ік'і мандруватэ, ўса' разом -, йіг'эт, разом сп'ет й заночовуйут разом. Йаг ў Йвана, так'э_й ў пана на пл'ач'эх торбэна, лэш пан ў ф'айн'і бл'ўсц'і(=зц'і), а Йван ў п'ідран'і свэдэрн'і Так'онэ мандруйут дорогоў. Аш тут ўдэрэло пана ў голуў йэк хлопа Йвана ўшукатэ (=обмануть). Ну, та й говорэт до Йвана: “Знаэш шчо, Йване, - тра'ба нам попойістэ”. - “Ну, най будэ, пане!” - “А'лэ, знаэш шчо, Йване, почэнайэмо з тва'йі торбэна, йаг ўжа' зпорожн'ійэ (с'і), то тогдэ - з ма'йі. Згода, Йване?” - “Най будэ тат'і!”. Ўз'еў Иван, здоймэў з плэча'й торбэну, та й пос'ідалэ по дзэлэн'і травец'і, шче_й постэл'іў сво́йу підрану свэдэрэну. Попойіла, шча лэшэло с'і, йэг рас к'іл'ко шчо на рано сталэ.

Зноў прэйшоў вэчэр, сталэ ў пол'і ночуватэ, алэ ча'р'га тэпар' прэйшла на панову торбу. Алэ пан ан'і слова нэ згадуё, лэш швётко кладэ торбэну п'ід гóловэ, та й до Йвана кажэ: -«Шчо бэс_те робэў, йэг_бэс маў т'іл'ко пólэ?” - “Ну, та шчо бэм робэў - с'і'яаў_бэм, ораў, та й бэ так, йаг бэ_с'і добрэ зб'іж'э ўродэло , то бэм продаваў та й грóшеў маў”. -“А йа йэг_бэм маў с'а пóле, то бэм збудуваў м'істо, а соб'і. вэлék'і' п'алац, та й заложэў бэм багато скл'а'піў, да' бэ було багато пэрэкупók, та й шче зо дв'і р'ізнéц'і (=бойни). А тогдэ, Йване, прэйшоў_бэс до ма'н'і побал'уватэ с'і“ (=погостити).-Д'экуйу, - кажэ Иван - пановэ, ліпше лігаймо спатэ».

Йэг Иван захрэп'іў дóбрэ на ц'іле гóрло, пан гадайэ дал'і ошукатэ хлопа. Гадаў, гадаў, та й сам захрэп'іў коло Йвана. А Иван , йэг_учуў, шчо пан так'і спет шчо аш хрэлэт, ўін устаў потэху, та й давай до пановой торбэна. Ўса шчо було ў торбэн'і, к'урка пэча'на, к'эшк'э, йакас' смачна пэча'н'і,- шчо до крэшк'э пов'ійідал' эз пановой торбэна. Так спаў пан доран'і, а йэк пробудэў с'і,-

н'шч'існа йогó годéна, к'эшк'é марж_грайт, подэв'іў с'і шч'á' рас під голов'і а там тогó порóжна торбéна. Бер'á пан тогдé та_й Йв'ана буджéйá. А Йван ск'існўў плéчэмэ та_й кáже: -“Та вé, п'анé, ўч'á'ра на с'á'му м'іс'ц'і м'істо будув'алé, шчé_й дв'і р'ізнéц'і, там б'у́к'э стóй'алé, а по м'іс'к'і - йэг ўс'ім зн'áно,- псе хóг'іт, та_й ўонé пéўно сташчéлэ в'áшу торбéну». Засвэстаў пан ў_з_л'óстэ,- ну, шчо д'áл'і робéтэ, та_й кáже до Йв'ана: -«Ўставай, йд'á'мо д'áл'і мандрув'атэ». Так ўнé йшлé й к'éшко зморéлэ с'і, аш коло в'á'чэра насéлу до с'элá прэбéлэ с'і, аш тут дэв'іт с'і, а йак'áс' г'уска бл'удэ́т. А Йван доўго нэ д'умаў й раз г'уску ў торбéну та_й кáжэ до п'ана: «П'á'рша кл'áса зак'уска». Повэ́рн'улé до пустóйй х'атэ, опскуб'алé, опшмолéлэ, та_й ў п'іч, та_й зварéлэ. Колé пан д'áл'і д'умайэ хл'óпа ошук'атэ: -«Зн'áэш шчо, Йв'анé? Л'іг'аймо сп'атэ. Кому з н'ас прэснéт с'і зак'уска л'іпша, тóго будэ ц'і́лá г'уска». Ну, йэк сп'атэ, то сп'атэ, доўго нэ гад'атэ. Пост'элéў пуст'у свэдрéну та_й захрэп'іў. Алé коло п'іўночэ Йван пробудéў с'і, з'йіў ц'і́л'у г'уску та_й зноў л'і́ сп'атэ. Ўстаў р'áно пан голóдн'эй, швэ́дкó Йв'ановэ́ роск'áзуйэ йэк то в'ін холéў аж до самóго Бóга бал'ув'атэ с'і, та йэк'і там стр'áвэ смачн'і дав'алé й сам'і св'эк'і йістэ йогó пэрэпрóшув'алé. -“В'áша пр'áўда, п'анé. Йа сам вéг'іў, йэг_вé йплé йак'іс' марц'іп'анэ. Подвéў с'і (=увидел), шчо вé нэголóдн'і, та_й тогдé - до пéчэ та_й з'йіў_эм ц'і́л'у г'уску”.- “Те нэпр'áўду с'á говорéш?” - пан Йв'ана п'этáў, - “Абэм_так буў здорóў, п'анé, шчо_м ўс'у́ з'йіў г'уску. Пан зцудув'áў с'і, - йэг дем з кóм'эна, так пан з х'атэ с'і в'інес.

А Йван об'эзв'áў с'і: -«Хок'іў пан когóс' ўшук'атэ, та_й сам ўшук'áў с'і».

Summary

Selected Aspects of the Ukrainian Dialectal Inflection: Interpretation of the materials collected in one dialectal System.

1. Verb (the Infinitive and Present Tense forms)

The article contains an affirmation that it is necessary to have all the conjugational forms of as many Verbs as possible when it is needed to synchronously describe different fragments of a dialectal system (in the case described in the article, it is conjugation). Such materials (more than 300 units) were collected in Sadzhava village (Ivano-Frankovsk region) in 1962 and gave an opportunity to closely study conjugation in this dialect. The authors are offering a classification of the above-mentioned forms, based on the following criteria: 1) type of Infinitive suffix; 2) set of the singular and the plural endings; 3) type of categorial index; 4) accent characteristics of the Infinitive and Present Tense forms; 5) segment morphonologic alterations. As result of such a description, main similarities and differences characterizing each conjugation have been identified. This dialectal material can be also used as a base for other synchronic descriptions of the conjugational system in the dialect of the Sadzhava village.

Ударение диминутивов на *-е в синевирском говоре

Говор с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл. принадлежит к восточноржавской подгруппе боржавской группы карпатоукраинских говоров. Формы, цитируемые в настоящей статье, взяты из материалов к Синевирскому словарю, собранных в 9 экспедициях Группы славянского глоттогенеза Института славяноведения РАН (см. подробнее [Голстая 2002]).

В синевирском говоре представлены различные диминутивные суффиксы существительных, подавляющее большинство из которых является продуктивными и имеет праславянское происхождение (*-ька, *-ько, *-ькъ, *-ькъ, *-ьсь и т. д.). В праславянском месте ударения в таких производных и их акцентная парадигма непосредственно зависели от а. п. производящего слова и определяются по правилам, в окончательном виде сформулированным В. А. Дыбо в его «Славянской акцентологии» [Дыбо 1981: 189–196].

Праславянские правила порождения акцентных типов диминутивов во всех славянских языках в течение их самостоятельного развития подвергались различным модификациям, основные направления которых можно обозначить как тенденции

а) к образованию продуктивной системы, в которой ударение производного в основном определяется акцентной парадигмой производящего в общем независимо от праслав. акц. парадигмы последнего;

б) к образованию генерализованной системы, в которой за каждой из суффиксальных форм закрепляется определенный тип ударения (например, в русском языке и в большинстве восточнославянских диалектов — генерализация основного ударения в диминутивах на *-ка* и генерализация насуффиксального ударения в диминутивах на *-ькъ*).

В синевирском говоре представлен результат действия 2-й тенденции, однако, в отличие от многих восточнославянских говоров, в нём, как и в других карпатоукраинских говорах, сохраняется большое число праславянских архаизмов, а в некоторых типах сохраняются рефлексы действия первичных (праславянских) правил порождения акц. типов диминутивов. Напротив, в этом говоре практически не наблюдается результатов действия 1-й тенденции (характерной для многих южнославянских

диалектных систем) — исторически регулярные акц. парадигмы диминутивов, как правило, сохраняются независимо от вызванных теми или иными внутриязыковыми причинами изменений акц. парадигм производящих.

Наибольший исторический интерес представляют синевирские диминутивные образования на *-a/-at-* п. (< **-el/-et-*), которые в синевирском говоре могут быть окситонированными (с насуффиксальным ударением) и баритонированными (с наосновным/накоренным ударением). Ударение вторичных диминутивов на **-etъko* всегда идентично ударению первичных (*čěbr'a ~ čěbr'atko*; *koŋowl'á ~ koŋowl'átko* и т. д.), поэтому они могут быть адекватно использованы при синхронном и историческом анализе в случае отсутствия первичных диминутивов.

1. Производные от односложных основ

Ниже в качестве односложных рассматриваются и первичные двусложные с «беглыми» **ъ*, **ь* во 2-м слоге (типа **котьль*) и «слабыми» **ъ*, **ь* в 1-м (типа *čmil' < *čьmeljъ*).

Баритонеза представлена в большинстве производных от существительных праслав. а. п. *a* (в некоторых случаях несмотря на переход слова в конечноударный тип в синевирском говоре):

krúča → *kruk* (gen. *krúka*, pl. *krúko*) 'ворон' < **krúkъ* A.

zájča (также *zájčatko*) → *zájec'*, gen. *zájca*, pl. *-i* < **zájьсь* A.

bl'úd'a (также *bl'úd'atko*) → *bl'údo*, pl. *-a* < **bl'údo* A.

zěrn'a (также *zěrn'atko*) → *zěrno* 'зерно' (собир.) < **zěrno* A.

kúr'a → *kúri* pl. t. (gen. *kurí*) < **kúrъ* (?), **kúra* A.

roóbl'a (*-at-*) n. dim. → *roóba* (pl. *-o*) < **rýba* A.

Баритонированные диминутивы образуются от слов праслав. а. п. *a*, вторично перешедших в окситонированный тип (NB: старый акц. тип сохраняется во многих карпатоукраинских говорах, особенно это касается рефлекса **gǫdъ*):

ǫád'a → *ǫat* (gen. *ǫadá*, pl. *-oó*, gen. *-ú*) 'змея' < **gǫdъ* A.

ščúr'a (наряду с регулярным с синхронной точки зрения *ščur'á*) → *ščur'* (gen. *ščur'á*, pl. *-i*) 'серая крыса' < **ščúrъ*, **ščúrъь* A.

Исключение: *žabl'á* (*-át-*) n. dim. → *žaba* (pl. *-o*) < *žāba* A.

К этой группе принадлежат диминутивы от заимствований, имеющих неподвижную а. п., формально соответствующую рефлексу праславянской:

fin'a → *fin* (gen. *fīna*, pl. -*oo*) 'крестник'

moo's'a; *moo's'atko* → *moo'sa*, pl. *moo'soo* 'кошка'

Однако в следующем производном представлена окситонеза:

capl'a → *cap* 1 (gen. *cápa*, pl. *cárho*) 'козёл'

Баритонеза представлена и в производных от слов а. п. с:

čort'a (наряду с *čort'á*) → *čort* (gen. *čórta*, pl. *čortoo*) < *čbrťь С.

vowča → *vowk* (gen. *vowka*, pl. *vowct/vowkoo*) < *vǫlkь С.

Окситонеза в *z'wir'a* → *z'wir'* (gen. *z'wir'á*, pl. *z'vir'í*), равно как окситонированная а. п. производящего, вторичны (слово восходит к *zvērь а. п. с) и объясняется аналогией с другими словами окситонированной а. п., восходящей к а. п. b, см. ниже.

Баритонированные диминутивы образованы также от первично двусложных основ праслав. а. п. b с краткостными корнями, исконно имевших наосновное ударение в ном.-асс. pl.:

čėbr'a (-at-) n. dim. → *cebér*; *čėbr'atko* (-tok) n. dim. → *čėbr'a*: *cebér*, gen. *cebrá*, pl. *čėbroo* 'вид сосуда' < *čьbьrь В, лит. *kibiras* (с неясным с-, ср. coll. *čėbr'a* 'посуда' < *čьbьrьje).

kūt'l'a (-at-) n. dim. → *kotél* (gen. *kūtlá*, pl. *kūtloo*): синевирская окситонеза pl. вторична, ср. *kūtloo*, *kútloo*, *kítloo* в др. говорах.

В производных от односложных основ а. п. b и d представлена окситонеза:

kos'a → *küs* (gen. *kosá*, pl. *kósoo*) 'черный дрозд' < *kôszь D.

čmēl'a, *čmil'a* → *čmil'* (gen. *čmēl'á*, pl. -*í*) < *čьmēljь В.

boočá → *book* (gen. *booká*, pl. *bookoo*) < *bьkь В.

drōz'z'á → *driüst* (gen. *drōzda*, pl. -*oo*) < *drōzdzь D.

stōwpl'á n. dim. → *stōwp* 1 (gen. *stōwpa*, pl. *stōwpo*) 'ветка' < *stǫlpь В.

kōz'á; *kōz'atko* → *kozá*, acc. *kōzú*, pl. *kózo* < *kozá, acc. *kōzō В.

dupl'á → *duplé* (pl. *dúpla*) 'дупло' < *dūplo, *dūplje В.

Неясна баритонеза в *kōt'a* → *kiüt* (gen. *kotá*, pl. *kóto*) < *kōtzь В.

Нерелевантны для анализа односложные диминутивы:

ps'a → *pes*; *ps'atko* n. dim. → *ps'a*

skl'a → *sklo* 'стекло'; *skl'atko* n. dim. → *skl'a*

2. Производные от многосложных основ

По общим правилам исторической акцентологии карпатоукраинских говоров ожидаются баритонированные формы в производных от слов а. п. *a* и *c* и окситонированные в производных от слов а. п. *d* и *b*. Таким образом, регулярны баритонированные формы:

kalíča 'беодолага' → *kalíka* < **kaľíka* А.

koróot'a → *koróoto* (pl. -*a*, gen. *koróot*) < **korýto* А.

vorón'a → *voróna* (pl. *vorónoo*) < **vörna* А.

mędvęd'a → *mędwít*' (gen. *mędvęd'a*, pl. -*i*) < **medvědb* А.

ókruša → *ókruh* 'краюха (хлеба)' (gen. *ókruha*) < **òkruhъ* А.

zájajča → *zájajc'* (gen. *zájajc'a*, pl. -*i*) < **zájějъsъ* А.

kólòkòl'a → *kólòkùl* (gen. *kólòkòla*, pl. -*oo*) < **kòlkoľъ* С.

kópcòl'a → *kópcòl* (gen. -*a*, pl. -*oo*) 'незаконнорожденный ребенок' < *kòpyľъ* С.

Окситонированные формы:

ýòlubl'á → *ýòlup* (gen. *ýòluba*, pl. *ýòluboo*) < **ýòlòbъ* В.

òlęn'á → *òlęn'* (gen. -*a*, pl. -*i*) < **jělenъ* D.

sòkòl'á → *sòküil*, gen. *sòkòla*, pl. *sòkòloo* < **sòkoľъ* D.

kòpòwl'á; kòpòwl'átko → *kòpòw* f. (редк.) 'вид сосуда' < **konỹ*, gen. **kòpъve* В.

Сюда примыкают формы от заимствованных слов с окситонированной а. п.:

bòrsučá → *bòrsúk* (gen. *bòrsuká*, pl. -*oo*)

kòpút'á → *kòpút* (gen. *kòpútá*, pl. -*oo*)

От следующего заимствования с окситонированной а. п. образован баритонированный диминутив:

tòwkán'a → *tòwkán*, gen. -*á*, pl. -*oo* 'кувшин'

Исключения:

baran'á → *barán* (gen. *barána*, pl. *baránoo*) < **barāny*/**berāny* А.

sòkòr'á → *sòkòra*, pl. -*oo* 'топор' < **sekýra*/**sokýra* А.

Старые образования на **-ę-l-ęt-*, не являющиеся производными на синхронном уровне, как правило, имеют рефлекс праслав. ударения.

Регулярная баритонеза:

jáyŋ'a; jáyŋ'atko < **ǣgnę* А, ср. слвн. *jágne* (gen. *jágnetā*).

Регулярная окситонеза:

dít'á < **dětèl'*/**ditè*, ср. слвн. *déte* (gen. *dětéta*).

γorn'á 'кружка' → **gǫrń* В.

krošá 'пяльцы (?)' < **krosjè*, ср. **krosno* В (слвн. pl. *krósna*).

pǫrǫs'á; *pǫrǫs'átko* < **porsè*, ср. слвн. *prasè* (gen. *praséta*).

ščen'á; *ščen'átko* < **ščenè*, ср. слвн. *ščenè* (gen. *ščenéta*).

tel'á; *tel'átko* < **telè*, ср. слвн. *telè* (gen. *teléta*).

Оба типа представлены в заимствованиях и словах с неясной этимологией:

1) *pít'á*, *píc'á*; *pít'átko* 'цыплёнок'

pót'á; *pót'átko* (-*tok*) 'птица'

trús'á 'кролик'

2) *lošá*; *lošátko* (-*tok*) 'жеребёнок'

rgwn'á 'вид сосуда'

Литература

Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 2001.

Толстая 2002 — М. Н. Толстая. Опыт составления толкового словаря говора // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.

Summary

Toward the stress rules in *-ęt-diminutiva in Sinevir (a Transcarpathian Ukrainian dialect)

The article is dedicated to the formation of the diminutives with *-ę in a Transcarpathian dialect (Sinevir, Zakarpatskaya province). During the history of this dialect a tendency to the generalization of the stress depending on the derivational suffix was acting, but the dialect retains to present day noticeable traces of an old system going back to the Common Slave period.

Ономатопозитическая редупликация в восточнославянских диалектах¹

Редупликацией в данной работе называется морфонологическое явление, состоящее в структурно значимом повторе последовательностей фонем. Эти цепочки фонем представляют единицы разных уровней: словоформы (рус. фольк. *шахнул, махнул*), морфемы (рус. *тик-так*) и субморфы (рус. диал. *шані-мані* 'еле-еле'). Повтор лексем или словоформ, с которым не связаны никакие морфонологические правила (*гори, гори ясно*), редупликацией не называется. Важная граница проходит между редупликацией мотивированной (повтор словоформ и морфем) и немотивированной (повтор единиц, которые не имеют самостоятельного значения и дистрибуции): последнюю часто вообще исключают из рассмотрения.

Вопрос о существовании немотивированной редупликации довольно существен для нашего анализа, поэтому мы остановимся на этой проблеме подробнее. Исходная причина игнорирования немотивированной редупликации во многих работах и теориях - преимущественное внимание к продуктивным грамматическим процессам, а не лексикализованным явлениям. Однако существует и теоретическая причина: объектом немотивированной редупликации являются единицы, которые не входят в компетенцию морфологии в ее обычном понимании. Редупликативное слово, не имеющее мотивирующей основы, состоит из одной морфемы и поэтому с точки зрения морфологии является, строго говоря, неразложимой сущностью. С другой стороны, формальная и семантическая близость мотивированной и немотивированной редупликации в языке столь значительна, что изолированное рассмотрение мотивированной редупликации может быть допустимо лишь в качестве "первого приближения" (как, например, в [Mogavczik 1978: 300]), а теории редупликации, которые игнорируют эту проблему, являются неполными.

Что касается конкретного решения о том, как обозначать такое явление, то тут возможны разные варианты: квазиредупликация, ([Виноградов 2000: 7]), "мономорфемная" редупликация (в противоположность "полиморфемной", [Golston & Thurgood]), немотивированная редупликация ([Рожанский 2000]) повтор, состоящий из "асемантических" или "подражательных" элементов ([Чевкина 1964: 5], [Солнцев 1995: 207]), повтор, являющийся "единственной формой существования слова" ([Горгониев 1966: 72]).

¹ Работа над статьей финансировалась по гранту 1002-251/ОИФН-01 / 242-239 / 110703 / 1047.

Более болезненным является теоретическая проблема: большинство формальных морфонологических моделей, предложенных для редупликации, описывают только мотивированную редупликацию.

Множество морфонологических моделей редупликации можно поделить на две основные группы: трансформационную (такие модели предполагают, что в случае редупликации морфологическим знаком является операция повтора) и аддитивную (в рамках этих подходов морфемой, т.е. морфологической единицей, является сама копия). Хотя невозможно отрицать перспективности трансформационного подхода, следует констатировать, что в целом он оказал меньшее влияние на исследование редупликации (с ним можно познакомиться в следующих работах: [Steriade 1988], [Мельчук III: 48-61], [Raimy 2000], [Framp-ton 2002]). Аддитивную модель редупликации изложил Л. Блумфильд в книге "Язык" ([Блумфильд 1968: 325]), и именно она стала господствующей в американской лингвистике: редупликативная морфема, **редупликант**, является пустой "ячейкой", не имеющей или почти не имеющей собственных сегментных характеристик, эта ячейка материально заполняется из **основы**.

Большинство современных работ по редупликации - американские исследования, написанные в рамках теории оптимальности. Это теория, в основном изложенная в работах 1993 г. (прежде всего - [Prince & Smolensky 1993]; единственное известное нам изложение этой теории на русском языке - Зубрицкая 2002: 200-203). Идеологическая основа теории оптимальности - критика моделей, основанных на правилах порождения поверхностной структуры (в духе грамматики Н. Хомского). Утверждается, во многих случаях значительно естественней можно описать, что бывает и чего не бывает, отвлекаясь от возможных правил порождения.

Именно в рамках теории оптимальности можно теоретически обосновать то, что ясно авторам конкретных описаний: существует тесная связь прототипической, мотивированной редупликации как с субморфными повторами, так и с некоторыми сложениями ("парными словами" и т.п.). Например, в работе [Yip 1999] предлагается считать, что рифма и аллитерация являются движущей силой редупликации, а не побочным продуктом действия абстрактных морфонологических законов.

В первой половине 20 века несколько крупнейших славистов проявили некоторый интерес к этим словам в русском языке - Николай Дурново написал о них небольшую заметку [Дурново 1902], а Роман Jakobson посвятил им пространное примечание к своей статье про новейшую русскую поэзию ([Jakobson 1979]); кроме того, они попадают в словаре Макса Фасмера. После этого наблюдается провал: кое-что писали о разговорной редупликации типа *картошка-мартошка* ([Янко-Триницкая 1968], [Plahn 1987], [Беликов 1990], [Земская и др. 1983]), но почти ничего о других видах неточной редупликации. Несколько важных исключений лишь подчеркивают и воз-

можно объясняют этот провал. Всё важное, что было написано про немотивированную редупликацию, касается исключительно этимологии отдельных слов: блестящая статья Орла про *чирандо-вирандо* в северной загадке и звукоподражания *тиф-паф* ([Орел 1977]) несколько словарных статей в этимологическом словаре сибирских диалектов Аникина ([Аникин 2000]), отдельные замечания в работе Г.С. Виноградова, посвященной детским считалкам ([Виноградов 1999]), одна заметка в журнале «Русская речь» про этимологию слова *хухры-мухры* ([Николаев 1985]), а также не очень убедительная этимология для *тары-бары*, предложенная Ж.Ж. Варбот ([Варбот 1986]).

С нашей точки зрения, этимологизация отдельных слов типа *муни-муни* не обладает достаточной объяснительной силой, т.к. этих слов много и они образуют относительно продуктивную модель, существующую внутри языка. Первостепенная задача исследователя - рассмотреть и объяснить модель в целом.

Следует ввести еще одно противопоставление, которое объясняет название данной работы: производная ~ оноματοпозитическая редупликация. Семантика продуктивной мотивированной редупликации обычно формулируется как некоторая модификация смысла исходного слова - например, 'очень X'. Семантика немотивированной редупликации, естественно, не может иметь такую структуру, однако может содержать те же самые семантические компоненты. Такое расширение производной словообразовательной модели возникает двумя путями - утратой мотивирующей основы и использованием словообразовательных «джокеров», незначущих экспрессивных основ (о втором варианте подробно написано в работе [Кронгауз 1998]). Однако существует редупликация, семантика которой в принципе не ориентирована на деривацию, на модификацию некоторого исходного смысла. Часто это довольно конкретные значения, вроде 'насекомые' или 'мерцание'.

Разного рода повторы являются одним из наименее конвенциональных, т.е. наиболее иконических языковых средств. Они имеют тенденцию выражать некоторый круг значений в самых разных языках, игнорируя ареальные и тем более генетические границы (как говорится по-английски, *cross-linguistically*). Таким образом, обнаруженные в восточнославянских языках значения на самом деле являются фрагментом относительно исследованной семантической карты значений редупликации.

Одна из самых известных работ, посвященных семантике редупликации с типологической точки зрения - [Moravcsik 1978]. Там рассматриваются основные, грамматические значения редупликации, наиболее иконические и универсальные: множественность у существительных (часто дистрибутивная) и у глаголов (часто с такими значениями, как продолжительное действие, реципрок). Оноματοпозитические значения в этой статье практически не рассматриваются.

В статье [Rieger 1998] вместе рассматриваются совершенно разные значения, выражаемые редупликацией. Теоретическая проблема, которая решается в этой

работе, следующая: объяснить, как связаны между собой те значения, которые устойчиво выражаются редупликацией в разных языках. Для иконических значений (вроде множественности и интенсивности) объяснением является их иконичность. Для такого значения, как презрение, никакой иконической интерпретации нет, и с этой точки зрения не понятно, отчего это значение столь устойчиво связано с редупликацией в разных языках (англ. *claptrap* 'что-то, рассчитанное на дешевый эффект; ерунда, чепуха', узб. *ичир-чикир* 'пустой, незначительный', фарси *chart-o-part* 'вздор'). В указанной статье для этого дается когнитивистское объяснение: значения связаны по цепочке, ассоциативно. Например, семантика пренебрежения часто мотивированна смыслом 'маленький' (в качестве доказательства автор приводит англ. *peanut* 'арахис' > 'никчемный человек').

Мы рассматриваем только неточную редупликацию - т.е. такую, где две части редупликативного слова различаются какой-то фонемой. В основном это неточная редупликация с чередованием согласных.

Существование определенных семантических закономерностей позволяет включить в рассмотрение те лексемы, отнесение которых к редупликации сомнительно по формальным или этимологическим причинам (в работе [Thun 1963] в спорных с формальной точки зрения случаях тоже используется семантический критерий). В нашем материале спорные случаи - это слова с одинарным ударением (*калы́балы* / *калыба́лы*, *ша́рабара*, *тараба́ра*, *шалáбола*, *шуру́бара*, *харабо́ры*, *калаба́лык*). Повтор ударения необходим для существования рифмы, конституирующей особенности целого класса рифмованных сочетаний, в который входит основная часть редупликации; таким образом, отсутствие просодического параллелизма - факт довольно ощутимый с формальной точки зрения.

В некоторых случаях, таких как *принджи-брынджи* и *кули-мули*, мы приводим слова с одинарным ударением, т.к. именно так они даны в источнике (СРНГ), однако есть все основания предполагать, что это особенность источника (где акцентируются только вокабулы), не отражающая языковую реальность. Фиксация одинарного ударения на второй части рифмованного сочетания (*шурьму́ры*) отражает тот факт, что главное ударение - второе (а первое - побочное).

Следует отметить, что все явно отклоняющиеся слова - существительные, а большинство регулярных - наречия или междометия. Разное поведение существительных и наречий известно также из исследований английской редупликации - подчас у одного и того же слова в субстантивной функции начальное ударение, а в наречной - двойное, например *tip-top*, *pamby-pamby* [Minkova 6, Thun 1963: 206]. Вообще, согласно данным Тана, у более значимых частей речи чаще встречается одинарное ударение, у менее значимых (например, у междометий) - чаще двойное. Таким образом, одинарное ударе-

ние – совершенно системное явление в редуликативных словах и само по себе не является основанием для того, чтобы не рассматривать такие слова.

Другое возражение касается этимологии двух слов из этого списка, а именно *харабóры* и *калалы́к*. Слово *калалы́к* ‘беспорядок’ происходит от тюрк. *kalabalyk* ‘толпа, смятение’, деривата от *kalaba* ‘множество’ с суф. *-lyk*, [Фасмер 2:163]. Рус. диал. *харабóры* / *харабóрья* ‘оборванные края одежды’ является испорченным словом *фалбалá* ‘оборка’ (ср. терск. *харбарá* ‘кружевная оборка’), [Фасмер 4: 183].

Болтовня, ерунда

Эта группа значений – самая характерная для оноματοпозитической редуликации, что объясняется ее особой близостью к иконическим повторам, к звукоподражанию. Вот некоторые примеры из европейских языков: болг. *тинтири минтири* = *шикики микики* = *индири-миндири* ‘болтовня’ ([Grannes 1978:42]), англ. *claptrap* ‘чепуха’, *fiddle-faddle* ‘болтовня’, швед. *sliddersladder* ‘бессмыслица’.

Восточнославянский материал:

Алени-балени/ аланцы-баланцы – ураль. ‘пустые разговоры’ (*И к чему эти аланцы-баланцы разводить?; Ты, отец, с утра алени-балени разводилшь*, [СРНГ 33:291]).

Галы́-балу́ – укр. ‘болтать’, “междометие, употребляется и как существительное, и как глагол” (*Аби зійшлись, то як почнуть галу-балу, - кого вже тут не згадають! - Галу́-балу́, а свині в рині*, [Гринченко 1: 268]); полес. *галы́-балы́* (с регулярным диалектным развитием [и] > [у]) ‘болтовня’ (*Баба будзе галы-балы, а воны седзяць; Дзень галы-балы на прызбі, а работа не робіцца*, [Кривіцкі, Цыхун, Яшкін 1: 193]).

Калы́балы / калыбалы́ – влад., яросл. ‘вздор, сплетни, пустая болтовня’, [Даль 2:79], [СРНГ 13:5].

Кундры-мундры – ветл. костром. ‘несерьезные разговоры, пустяки’, [СРНГ 16:91].

Лясы-басы – псков. ‘болтовня’ (*лясы-басы разводить* ‘много говорить’, [Мокиенко, Никитина 2001: 51]. Ср. сложение *лясы-балясы*).

Принджи-брынджи – ураль. ‘трень-брень’ [такое толкование в СРНГ] (~, а сама не подмазываю, т.е. ‘не угощаю’, [СРНГ 31:311]).

Талалы́-балалы́ – рус. диал. ‘разговоры’ ([Фасмер 4:14]), ср. *талалы́* ‘болтовня, пустословие’, [Даль 4:398].

Тары́-бары́ (-растáбары) – рус. разг. ‘разговоры о том, о сём’, *тары́бары* ‘беседы, разговоры, рассказы’ [Даль 4: 402], *тарабары* ‘болтовня, беседа’, волог. *тарабарить* ‘говорить, беседовать, болтать’ [Даль 4: 400]. Попытка этимологизации сочетания *тары́-бары́* предпринимается, в частности, в [Варбот 1986: 37-38]. Ср. укр. *тару та балу* ‘болтать’, [Гринченко 1:25].

Толды-елды - дон. 'болтовня' (*Начала говорить впустую, развела толды-елды*, [СРНГ 33:292]), ср. курск. *талдонить* 'говорить бестолково, зря' [Даль 4: 399].

Трали-вали - 'что-л. длинное, затянутое' (чаще о разговоре: *Разводить трали-вали по телефону, Трали-вали часа на четыре*), [Елистратов 2000:472].

Тырли-мырли - рус. разг. 'ерунда, чушь, что-л. пустое, никчемное', 'мол, дескать (при передаче чужой речи, при ссылке на чужую речь' ([Елистратов 2000:480-481]); можно сопоставить с волог. *мыркать* 'молоть пустяки, нести вздор, нелепицу' [Даль 4: 372], рус. диал. *тырта*, вят. *тырыкуша* 'пустобай' [Даль 4: 459].

Шала́бола - 'бестолковщина, вздор' [Даль 4: 638].

Шалта́й-болта́й - оренб., сибир. 'пустая болтовня, чушь', [Даль 4: 639]; оренб. *шо́лты-бо́лты* 'вздор, пустяки, пустословие', [Даль 4: 639], [Фасмер 4:466]. Вторая часть, несомненно, из *болта́ть*; первая часть, возможно, связана с псков. *шалта́ть* 'болтать, лепетать (о детях)', [Даль 4: 638], см. [Фасмер 4:400]. Широко известно благодаря С.Я. Маршаку, который использовал это сочетание в переводе английского детского стишка.

Шарыба́ры - рус. диал. 'болтовня', [Даль 4: 642]. Несомненно, является вариантом более распространенного *та́ры-ба́ры*.

Ши́рли-мы́рли - разг. 'ерунда, чушь', 'мол, дескать' (как вводное слово) - [Елистратов 2000: 553]; название фильма В. Меньшова, 1995 г. Как и в случае с *тырли-мырли* (см. выше), напрашивается сопоставление с волог. *мыркать* 'молоть пустяки, нести вздор, нелепицу' [Даль 4: 372].

Шуру́бара - рус. диал. 'болтун' [Фасмер 4: 489], укр. *шурабу́ра* 'куралесник' [Гринченко 4: 519].

Следует обратить внимание на то, что многие из этих слов содержат во второй части последовательность [бал]: *алени-балени, галу́-балу́, калыбалы́, талалы́-балалы*. Укр. *ба́ли* 'разговоры' [Гринченко 1: 24], рус. диал. *ба́лы* 'то же' [Даль 1: 44]. Для укр. *галу́-балу́* есть аналог в виде точной редупликации *балу́-балу́* с тем же значением [Гринченко 1: 25].

Ту же семантику и схожую фонетическую структуру имеет одно сложение:

Лясы-балясы 'болтовня, пустые разговоры'; *лясы да балясы плести* 'болтать пустяки', [Герд 3: 182]. *Лясы* и *балясы* по отдельности имеют то же значение (прежде всего в качестве прямого объекта глагола *точить*).

Тряпье, хлам

В русских диалектах обнаруживается неожиданно много редулицированных слов этой семантикой. Впрочем, это нельзя считать чем-то уникальным, ср. иноязычные примеры: каракалп. *шара-бара* 'старые вещи', киргиз. *албыр-салбыр* 'лохмотья', перс. *xertopert* 'хлам, барахло', груз. *xaraxura* 'тряпье', нем. диал. (н.-нем.) *Schurrmurr* 'хлам', венг. *csecsebecse* 'безделуш-

ки', *limlom*, *cók-mók* 'барахло', *ringy-rongy* 'лохмотья' (< *rongy* 'тряпка'), франц. *bric-à-brac* 'старье, хлам'.

Кульки-мульки - шадр. перм. 'смесь, собрание мелких бытовых вещей, не представляющих ценности', [СРНГ 16:74].

Кунды-мунды - новг., покр. влад., волог. *кунды-мунды* 'тряпье, лохмотья; домашний хлам', [СРНГ 16:91-92], [Мельниченко 1961:100], 'вещи, пожитки; любые ненужные вещи', [Герд 3: 58]; яросл. *кунды-мунды* 'носильное имущество, белье' [СРНГ 16:92], [Мельниченко 1961:100]; ветл. костром. *кундры-мундры* 'тряпье, лохмотья', [СРНГ 16:91].

Тарабара - забайк. 'лохмотья', [Варбот 1986: 37].

Трень-брень - рус. диал. 'хлам', [Фасмер 4:98].

Шүни-муни - яросл. 'тряпье; рваное белье, одежда; обноски', [Мельниченко 1961: 220].

Шарабара - вятск., перм., оренб. 'хлам, рухлядь', тоболь. 'поклажа', [Даль 4: 640], [Фасмер 4:407].

Хабур-чибур - донск. 'скарб', терск. *хабур-чабур* [Фасмер 4:215]; видимо, основано на русском диалектном пюркизме *шабур / чибур* 'домашний халат', 'тулуп', 'вид одежды' (об этих словах см. [Аникин 2000: 682]).

Хараборы / хараборья - рус. диал. 'оборванные края одежды', [Даль 4:558], [Фасмер 4:223].

Хурды-мурды - сиб. 'домашний скарбишка, всячина, пожитки', астр., оренб. 'хлам', терск. *хурда-мурда* 'то же', [Даль 4:569], [Фасмер 4:285]; тур., азерб. *xurda* 'мелочь, вещь, не имеющая цены', азерб. *xurda* 'мелочь, крошки, остатки'; тур. *xurt-murt* 'безделицы', *xurty-purty* 'старые платья, ветошь' [Фасмер 4:285], [Аникин 1997:654-655]; ср. также *мурда* 'сор, мусор, прибиваемый к берегу', [Герд 3: 271].

Кое-как

Как ни странно, нам не удалось обнаружить сколько-нибудь представительный корпус примеров редупликации из разных языков, имеющей семантику 'кое-как', разве что болг. *куцук-муцук* 'кое-гак' [Grannes 1978:44]. Однако в восточнославянских диалектах именно эта семантика очень характерна для оноματοпозитической редупликации:

Галай-балай укр. на *галай-балай* 'необдуманно, на авось, как попало', [Гринченко 1:267], укр. диал. *галай на балай* 'кое-как', [Буков., 80]; ср. *галай* 'крикун'.

Колды-балды - кolv. новосиб. 'кое-как, еле-еле', [СРНГ 14:118].

Кули-мули - шадр. перм. 'неразбериха; что-либо, плохо сделанное', [СРНГ 16:68], 'кое-как, как попало', [СПГ 1:449], [СРГСУ-Д, 272]; *их жены попускали в печь хлебы так же, как лягушка, - у них и вышло кули-мули* ([Афанасьев 1957], сказка №267). Возникает ощущение, что все приведен-

ные выше толкования основываются на отрывке из сказки. Если это так, то толкования 'неразбериха' или 'как попало' не совсем уместны, а толкование 'кое-как' благодаря своей многозначности допустимо. В статье Плэна предполагается, что это мотивированная (правая) редупликация с мотивирующей основы *кулі*, что кажется маловероятным по семантическим соображениям. Однако вторую часть этого образования можно сопоставить с *мулём* 'как попало, в беспорядке' [Герд 3: 269].

Шалэй-валэй - русск. разг., 'кое-как'; ряз. ряз. *шали-вали* 'кое-как' (*Идет шали-вали, ногами путаешь*, [СРНГ 21: 112], s.v. *неповоротный*); теренг. ульян. *шаля-валя* (*Пороть вино любишь, а работаешь шаля-валя*, [СРНГ 30: 82, s.v. *пороть*]).

Шани-манн - тоб. 'еле-еле' [Фасмер 4:404], нижегор. *шаньяманя* 'так-сяк, ни то ни се' [Даль 4:640], в [Фасмер 4:404] приводится как *шаньяманя*.

Шарох-варох - моск. разг. *там шарох-варох пойдет* 'там будет и так и сяк, т.е. плохо разворощено', [Дурново 1902].

Шыры-пыры - ураль. 'небрежно, торопливо, кое-как' (*А сам сейчас шыры-пыры, и бегут на базар*, [СРНГ 33:198]).

Ср. также точную редупликацию в ураль. *коё-коё-как* 'кое-как', [СРНГ 14:48].

Примеры сложений:

(С) **бұхты-барáхты** - ветл. костром., перм. 'небрежно, кое-как', [СРНГ 36:9]. Ср. рус. разг. *с бұхты-барáхты* (диалектные варианты: *-барáхту, -барáхта, барáхт*) 'не подумавши, вдруг', [СРНГ 36:9].

(На) **ковыль-костыль** - рус. диал. 'кое-как, как-нибудь, дурно' (сделать что-либо), [Даль 2: 130], обоян. курск. 'то же' [СРНГ 14: 37], камышл. свердл. 'неаккуратно, кое-как', [СРНГ 16:82, s.v. *кумёлем*], *на ковыль-перевыль* 'неправильно, навыворот' [Даль 2: 130]. Ср. точные повторы составных частей этого образования, обозначающие передвижение больного или хромого человека: *ковыль-ковыль* [Герд 2: 383], [СРНГ 14: 37], *костыль-костыль*, [СРНГ 14: 86].

(В) **колья** - (в) **мялья** - лунин. пенз. 'небрежно, кое-как (обращаться с чем-либо)' (*Что ж это - я старалась, гладила платье-то, а ты его в колья - в мялья!*, [СРНГ 14:109]).

Кóмом-ломом ряз. ряз. 'кое-как, как попало' (*Кóмом-ломом - не по порядку сделали, кое-как*, [СРНГ 14:236]), 'очень тяжело, с большими трудностями', [Герд 2: 410].

Кўкиш-мьякиш 'кое-как, бестолково', [Герд 3: 54].

Кульки-вáльки - чердын. перм. в знач. сказ. 'о халатном отношении к чему-либо' (*А он кульки-вáльки*, [СРНГ 16: 74]).

Сбей-харавей - перм. 'кое-как, как попало, наугад, бестолково' (*Он сделал шкаф сбей-харавей*), [СРНГ 36:168], где *харавей* может быть связано с рус. диал. *харавина* (волог. 'тощая скотина', новг. 'верхняя женская одежда')

Тяп-ляп - рус. разг. 'небрежно, плохо'; белор. **цапу́-лапу́** – белор. 'быстро и кое-как, непродуманно', [Яўневіч 1960: 56]. Сложение двух глагольных междометий; возможно, исходное значение этого сложение - 'раз-два [и готово]', ср. у Даля: *будто тыя да ляп, вот-те и корабль!* 'не вдруг, не сразу его построишь, не как-ни-попало', [Даль 4:467; предполагаемая рифма подсказывает, что в поговорке должно на самом деле стоять *корабль*, а не *корабль*]. Глаголы имеют в диалектах довольно расплывчатую экспрессивную семантику: *ляпать* 'пачкать', 'стучать', 'говорить пустяки', *тяпать* 'хватать', 'бить', 'красть'. В Каргополье зафиксировано сочетание этих глагольных корней с обобщенной семантикой 'какое-либо действие': *ни потяпать, ни поляпать* 'ничего не уметь сделать' (каргоп. арх., [СРНГ 30:330]), *ни тяп, ни ляп* 'ничего не умеет, ни на что не способен' (каргоп., [Герд 3: 178]). Ср. с тем же значением всеобщности пск. *ни ко́ки ни мо́ки* 'никого и ничего (не бояться)', [Мокиенко, Никитина 2001: 45].

(Между) ча́хи и ля́хи 'кое-как; праздно, без дела; ни то ни сё' [Даль 4: 602], где *чахи* < *че́хи* под влиянием второго слова, [Фасмер 4:319].

Беспорядок

В этой группе особенно мало восточнославянского материала, и мы ее выделяем отдельно в основном потому, что в ней особенно много иноязычных примеров: серб.-хорв. *дармар* 'беспорядок', перс. *harjomarj* 'беспорядок, анархия', тур. *abur cubur, abuk sabuk* 'беспорядок', англ. *mishmash* 'мешанина', *higgledy-piggledy* 'полный беспорядок', *mingle-mangle* 'мешанина; путаница', нем. диал. (н.-нем.) *Schurrmurr* 'кавардак', дат. *misk-mask* 'беспорядок', фин. *riipi raapin* 'беспорядок', франц. *pêle-mêle* 'как попало, вперемешку'.

Калабалы́к – 'беспорядок', [Даль 2:79].

Ку́чки-вя́чки 'в беспорядке', [Герд 3: 80].

Шу́ром-бу́ром - 'вверх дном', из поговорок Носовича [Дурново 1902], 'неразбериха, путаница' [Даль 4: ??], 'кверху дном, в величайшем беспорядке', [Фасмер 4:490] со ссылкой на Добровольского; рус. разг. *шуру́м-буру́м* 'в беспорядке'.

Прочие семантические группы

'Ерунда':

Стрень-брень - яросл. 'кое-что, пустяки', [Мельниченко 1961: 194].

Трали-вали – 'ерунда, пустяки', [Елистратов 2000:472].

Фигли-ми́гли - рус. разг. 'всякая ерунда', не имеет в русском мотивирующего существительного. Исторически таким существительным было польское *figiel* 'проделка', в польском также есть и редуцированная форма *figle-migle*. Рус. разг. *фигли!* не связано с этими словами, т.к. является сочетанием корня *фиг* (ср. разг. *фигушки!*) и частицы *-ли* (ср. груб. *хрен ли!* и под.).

Хухры́-мухры́ - рус. разг. *не хухры́-мухры́* 'не какая-нибудь ерунда', см. подробней [Николаев 1985].

'Ничего' (не понимать):

Бил-бом – псков. *ни бил-бом не понимать* 'ничего не понимать', [Мокиенко, Никитина 2001: 17].

Мнтма́га – псков. *ни мнтмаги не понимать* 'не понимать абсолютно ничего' [Мокиенко, Никитина 2001:53].

Тинь-тили - иркут. *ни тинь-тили ли* 'совсем ничего', [СРНГ 21: 215].

Чох-мох - донск. *чох-мох не понимаешь* 'ничего не понимаешь', [Фасмер 4:373].

'Сброд' (ср. англ. *riff-raff* 'сброд'):

Шала́бола - 'шелопай, повеса' [Даль 4: 638].

Шурды-бурды - моск. разг. 'всякий народ, всё больше малогодные люди', [Дурново 1902].

Шу́шера-я́шера - олон. 'голь, сброд', [Фасмер 4: 493].

'Неправильная речь' (ср. др.-греч. *barbaros* 'варвар – непонятно говорящий'):

Бэ-мэ; ни бэ, ни мэ; бэки-мэки - рус. разг. 'недостатки речи, "слова-паразиты", речевые помехи', [Елистратов 2000: 53].

Каля́-маля́ - перм. 'о неумении говорить по-русски', [СРНГ 13: 12].

Пик-мик зап.-брян. / **пык-мык** смол., брян. - *А ен на колхозном собрания пик-мик, да и сказать ему нечего*, СРНГ 18: 157-158; *А мы пык-мык, да и сказать ничего не умеем*, СРНГ 33:189). Можно предложить два объяснения этой формы: диссимилиация из точной редупликации (смол. *пык-пык: Пык-пык и говорить ему нечего; Я спрашивать, а ен пык-пык и покраснел*) и сложение двух глагольных междометий, ср. сочетание двух соответствующих глаголов: *Хвате тебе пыкать да мыкать* (брян.).

'Туда-сюда' (ср. чеш. *hrc, prc – Jen porad hrc, prc!* 'он всё время туда-сюда' [о непостоянном человеке], [Obratil 3:514]):

Тоси-боси - дон. 'то да сё' (*Тоси-боси - 100 рублей порассаторила*; [СРНГ 30: 47], s.v. *порассато́рить* 'нерассчетливо потратить').

Ты́ры-пы́ры - рус. разг. 'то да сё, туда-сюда'.

Ширь-пырь - донск. 'туда-сюда', [Фасмер 4:443].

В ряде слов из группы 'кое-как' есть значение 'быстро', которое также реализуется отдельно:

Кушки-пашки - ураль. 'скоро, быстро собравшись', [СРНГ 16: 196].

Чих-пых – рус. разг. 'раз-раз, шлёп-шлёп и т.п. (в знач. быстро, тотчас)', [Елистратов 2000: 539].

'Тайные переговоры' (ср. болг. *шушу-мушу* 'шушуканье, сплетничанье', [Grannes 1978:43]):

Шурыму́ры - рус. диал. 'тайные переговоры и замыслы', [Даль 4: 669].

‘Мошенничество’ (ср. англ. *hanky-panky* ‘мошенничество, обман’):

Финтифанты - рус. диал. ‘лукавые увертки’ [Даль 4: 550]; *Это финтифанты, немецкие куранты* (т.е. плутни), [Даль, Пословицы, Неправда-обман].

Ша́хер-ма́хер - рус. разг. ‘недобросовестная, ловкая сделка или торговля’, ‘мелкий плутоватый делец’, из идиш, ср. нем. *schachern* ‘торговать, ментя, барышничать’, *Machen* ‘делец’, [Виноградов 1998:820-821].

Шулды-булды - *Шулды булды закоулды*. [Даль, Пословицы, Неправда-обман].

‘Любовные отношения’:

Курцы-мурцы - волог. ‘любовные дела, похождения’, [СРНГ 16: 148].

Трали-вали - рус. разг. ‘любовные отношения’ (*У них трали-вали, пора коляску покупать*), [Елистратов 2000:472].

Шуры-муры - рус. разг. ‘любовные делишки, шашни’, из франц. *cher* ‘дорогая’, *amour* ‘любовь’; М. Фасмер считает возможным сопоставлять с тур. *surmur* ‘смятение’, алб. *shiri-miri* ‘неразбериха’, нидерл. *schorremorrie* ‘сброд, шваль’, нем. диал. (н.-нем.) *schurrmurr* ‘неразбериха, набросанные в беспорядке вещи’, [Фасмер 4:490].

‘Деньги’ (арго):

Пети-мэти, тити-мйти - арго ‘деньги’, [Елистратов 2000: 328, 467].

Пех-пих - арго ‘деньги’, [Балдаев, Белко, Исупов 1992:174].

‘Блюдо’ (ср. англ. *hotch-potch* ‘овощной суп или смесь, приготовленная на бараньем бульоне’; *rumble-tumble* ‘взбитые яйца’):

Гоголь-моголь - рус. ‘средство против хрипоты из яиц и сахара’ (перерб. *гогель-могель*) естественно сравнивать с польск. *kogel-mogel/ kogla-togla* ‘гоголь-моголь’. Далее указывают на ряд европейских слов, сходство с которыми несомненно, но не обязывает видеть здесь заимствование как таковое: н.-нем., ср.-нем. *Kuddelmuddel* ‘хаос, беспорядок’ (~ *kuddeln* ‘беспорядочно работать; путать, создавать хаос’), англ. *hugger-mugger* ‘беспорядок, путаница’, [Фасмер 1:425].

Шуримури - рус. арестантское ‘тюремные ши’ [Потапов 1927 // Козловский 3:135].

Отдельные слова, не объединенные в группы:

Зигзаг, разг. *зигзуг* - общеевропейское слово.

Зикка-мекка - смол. (дет.) ‘грудь кормящей матери’, с чередованием и согласных, и гласных, [СРНГ 11:271].

Кю́ка-ба́ка - вожегод. волог. ‘одуванчик’, [СРНГ 16: 31].

Курчи-марчи - карель. ‘кувыркком’ [такое толкование в источнике], т.е. на самом деле ‘плохо’ (*Вот и жись пошла курчи-марчи, счастья никакого не было*; от *курчи* ‘кудри’, [Герд 3: 72, 285]).

Полторы-тарары - соликам. перм. ‘очень мало’, *полторы-тараты* илим. иркут. ‘очень мало’, курган. ‘половина чего-л.’, [СРНГ 29: 134].

Стуки-грюки - зап.-брян. *Тольки и слышна, што стуки-грюки*, [Расторгуев 1973:254].

Тюнтиль-мунтиль - яросл. 'слащавость, нытье, канитель', [Мельниченко 1961: 203].

Фик-фок – рус. разг. *фик-фок на один бок* (шутл.) – 'о чём-н. помещённом криво, сбившемся набок'. *Шляпа фик-фок на один бок* (словарь Ожегова). Словари разговорного языка дают такие толкования - разг. 'одетая по последней моде' [Флегон 1973: 356], 'штучка, штуковина, броская вещица' [Елистратов 2000:500]. Примеры из литературы указывают на значение 'не в своем уме': *Может, он просто сумасшедший. Я слышал, и на воле-то он был тоже фик-фок!* (Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей); - *Гм-м... Гм-м... Конеч света, говорите? А может, он того, фик-фок, ваш Егоров?* (Олди, Армагеддон был вчера); *Говорят, они с Триценко поссорились, а эта девица, извините, фик-фок, к тому же злая, как собака* (Олди, Кровь пьют руками).

Фи-фур - арг. 'пожар' [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 261]; *фи-фу* 'шайка поджигателей' [Потапов 1927 // Козловский 3:129].

Чик-бьяк - арг. (устар.) 'босиком', [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 280].

Шаривари - устар. 'кошачий концерт, резкие, нестройные звуки, крики, производимые с целью враждебной демонстрации' (*Слышал, что хотят даже шаривари устроить под окнами, и это, так сказать, в первую ночь!* - Ф.М. Достоевский, Идиот, ч. 4, гл. X; *Она уже слышала, что в городе негодование, и что действительно устраивается какими-то повесами шаривари, с музыкой и чуть ли не со стихами, нарочно сочиненными*, Ф.М. Достоевский); из фр. *charivari*.

Ширы-дыры 'широко и далеко' (?), [Мокиенко, Никитина 2001: 39].

Фонетика

Основной моделью образования рифмованных сочетаний в языках Евразии является сочетание с [m] в начале второго сегмента, как в рус. *кильди-мильди*. Согласный [m] можно представить как пучок дифференциальных признаков: <+сонант, +назальность, губной>. В обсуждаемых языках сонанты всегда звонкие, но для того, чтобы представить другие модели как более или менее сильные отклонения от этого прототипа, нужно иметь в виду и этот признак. Признак назальности наиболее слабый среди этих признаков: [n] не выступает, насколько нам известно, в функции [m]. Часто используется [v] (тоже губной звонкий, причем часто сонант, но неназализованный): например, в индийской редупликации, в анатолийских рифмованных сочетаниях. Далее, вторая часть рифмованных сочетаний может начинаться как с глухого губного [p], так и со звонкого губного [b], однако [b] используется чаще (ср. название афганских гор *Тора-Бора* или венг. *csiga* 'улитка' ~ *csi-*

gabiga ‘вид улитки’). Иногда (например, в русских считалках) представлены также сонанты другого места образования - [j], [r], [l].

Дополнительные требования на инициаль первого сегмента (реже выполняемые) – чтобы это был спирант или гласная фонема (нем. *Schorlemorle* = *Schorle* ‘белое вино с сельтерской’, вепс. *oi-voi!* ‘ой!’; [Зайцева 1981:299]. Главное комбинаторное требование – максимальный контраст двух инициалей. Из этого есть совершенно очевидные следствия (избегаются одинаковые и близкие согласные) и некоторые менее очевидные; например, гласная инициаль первого сегмента хуже сочетается с [m] в начале второго, в этом случае вероятней [b] (как в *амьбаты*) – видимо, так обеспечивается больший контраст.

При интерпретации описанной фонетической модели обычно исходили из того, что в начале второго сегмента стоит губной, однако никакого разумного объяснения этому предложено не было (см. обзор в [Bednarczuk 1971: 37-40]). С нашей точки зрения, конституирующим является признак звонкости (сонантности) у этой фонемы, обусловленный тем, что она чаще всего находится в интервокальном положении. Наоборот, начало первого сегмента уподобляется предшествующей паузе и чаще всего является глухим согласным.

Именно сонантические характеристики чередующихся фонем в сочетании с требованием к максимальному контрасту приводят к столь распространенному чередованию [k] ~ [m]. Из синхронной типологии известно, что наиболее удобное место образования звонких согласных - задние ряды, а глухих - передние (см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 9] с библиографией и [Кодзасов, Кривнова 2001: 442] с аэродинамическим объяснением).

Преимущественно вокальные и сонантические финалы (особенно в немотивированной редупликации) обусловлены универсальной немаркированностью открытых слогов.

Семантика и прагматика

Основанием для классификации редупликативных слов в данной статье была семантика, отчего полисемичные лексемы возникают несколько раз. Полисемия для данных слов является относительно регулярной. Отметим одну, довольно примечательную, группу случаев, с полисемией ‘хлам’ ~ ‘болтовня’:

кундры-мундры ‘тряпье, лохмотья’ ~ ‘несерьезные разговоры, пустяки’;

тарабара ‘лохмотья’ ~ *тарабары* ‘болтовня, беседа’;

трень-брень рус. диал. ‘хлам’ ~ рус. разг. *трень-брень* ‘болтовня’, а также подражание звуку струнного инструмента (с презрительной оценкой);

шолты-болты ‘ни то ни сё’, ‘дрянь, негодные вещи’ ~ ‘вздор, пустяки, пустословие’.

Эта же полисемия прослеживается и на другом материале:

лабудá смол. ‘рваная, изношенная одежда, хлам, тряпье’ ~ иван, смол., ульян., пенз. ‘пустой разговор, чушь, чепуха’ [СРНГ 16: 217];

шóболы рус. диал. ‘ветошь’ ~ *шабала́* ‘бестолковый пустомеля’, [Даль 4: 636].

Ср. также кирг. *ыпып-тыпыр* ‘хлам, рухлядь’, каракалп. *ыбыр-шубыр* ‘мелочи, то да сё’ ~ монг. *ивэр* ‘болтовня’, [Севортян 1974: 645]; англ. *rubbish* ‘мусор’ ~ ‘бессмыслица’ (*to talk rubbish*).

Данный класс случаев (на двух примерах) отмечен в [Варбот 1986: 38], причем предполагается, что значение ‘болтовня’ является результатом метафорического сдвига от первичного ‘негодная вещь, лохмотья’.

Кроме того, можно предположить, что для значения ‘болтовня’ особое значение имеет звукоподражательный иконизм, и эта группа значений тесно связана с обозначениями разных неоднородных неясных звуков, характерными для неточной редупликации или даже происходит из них (например, кирг. *кобур-собур* ‘бормотание’, узб. *ивир-чивир* ‘шёпот’, алт. *ынгыр-чынгыр* ‘скрип’, англ. *sing-song* ‘бубнить’).

Однако нашей целью не является такое построение ассоциативных связей между разными значениями, которое полностью объяснило бы полисемию из некоторых исходных, иконических значений (в духе работы [Rieger 1998]). Строго семантический подход к экспрессивной лексике явно упускает суть дела. Для понимания семантики в данном случае следует обратиться к прагматике.

Рассматриваемая редупликация в восточнославянских диалектах – своего рода экспрессивная словообразовательная модель. Известно, что такого рода экспрессивные модели обильно пользуются несуществующими основами (словообразовательными «джокерами», см. выше). Видимо, следует различать два типа таких моделей: подражание существующим «нормальным» словам (например, по аналогии с *напиться* может быть построено множество экспрессивных слов с приставкой *на-* и той же семантикой) и создание новых лексем без прямой поддержки аналогии. Ономатопозитическая редупликация (как и, например, образование глаголов на *-нд-* в русских диалектах) относится, согласно такой классификации, ко второму типу.

Ономатопозитическая редупликация – языковое средство, которое используется для построения экспрессивной лексики. Семантика этого средства не ограничена достаточно четко: ограничение накладывается прежде всего грамматической характеристикой (наречие/ предикатив или существительное). Характерная для этой редупликации пренебрежительная оценка выводится не из каких-то ее семантических характеристик, а из самой сущности экспрессивного словообразовательного средства.

Литература

[Аникин 2000] – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.-Новосибирск, 2000.

- [Афанасьев 1957] - Русские народные сказки Н.Афанасьева. М., 1957. В 3-х т.
- [Балдаев, Белко, Исупов 1992] - Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992.
- [Беликов 1990] - Беликов В.И. Продуктивная модель повтора в русском языке. Материал для обсуждения. // *Russian Linguistics*, vol 14, 1990.
- [Блумфильд 1968] - Блумфильд Л., Язык. М., 1968.
- [Буков] - Матеріали до словника буковинських говірок. Чернівці, 1971.
- [Варбот 1986] - Варбот Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // *Этимология* 1984. М., 1986.
- [Виноградов 1999] - Виноградов Г.С. Детские игровые прелюдии // Виноградов Г.С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства. СПб, 1999.
- [Виноградов 2000] - Виноградов В.А. Введение: проблемы морфемики в языках Африки // *Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология*. М., 2000.
- [Гамкрелидзе, Иванов 1984] - Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- [Герд] - Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Глав. ред. А.С. Герд. 1994-.
- [Горгониев 1966] - Горгониев Ю.А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966.
- [Гринченко] - Словарь украинского языка. Редактировал... Б.Д.Гринченко. т.1 - Киев, 1907.
- [Даль] - Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля, т.1 - СПб, М., 1880.
- [Даль, Пословицы] - ??
- [Дурново 1902] - Дурново Н.Н. Мелкие заметки по русской диалектологии // *Журнал министерства народного просвещения*, 1902, VI.
- [Елистратов 2000] - Елистратов 2000 - Елистратов В.С. Словарь московского арго. М., 2000.
- [Зайцева 1981] - Зайцева М.И. Грамматика вепского языка. М., 1981.
- [Земская и др. 1983] - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. М., 1983.
- [Зубрицкая 2002] - Зубрицкая Е. Фонология // *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*. Ред. А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина. М., 2002.
- [Кодзасов, Кривнова 2001] - Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
- [Козловский] - Козловский В. Собрание русских воровских словарей. New York, 1983. Т. 1-4.
- [Кронгауз 1998] - Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- [Кривіцькі, Цыхун, Яшкін] - Тураускі слоўнік. Склад. А.А. Кривіцькі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. В 5 т.т. Мінск, 1982 - 1987.
- [Мельниченко 1961] - Мельниченко Г.П. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- [Мельчук III] - Мельчук И.А. Курс общей морфологии. III. М.- Вена, 2000.
- [Мокиенко, Никитина 2001] - Словарь псковских пословиц и поговорок. Составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. С.-Петербург, 2001.
- [Николаев 1985] - Николаев С.Г. Что такое хухры-мухры? // *РР*, 1985, 4.
- [Орел 1977] - Орел В.Э. К объяснению некоторых "вырожденных" славянских текстов // *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*. М., 1977.
- [Потапов 1927 // Козловский 3:135] - Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927 // [Козловский 3].
- [Расторгуев 1973] - Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
- [Севортян 1974] - Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и мейтюркские основы на гласные). М., 1974.
- [Солнцев 1997] - Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1997.
- [СПГ] - Словарь пермских говоров. Пермь, 2000-. Т. 1 .
- [СРГСУ-Д] - Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение. Екатеринбург, 1996.
- [СРНГ] - Словарь русских народных говоров. Л., 1965 и сл.
- [Чевкина 1964] - Чевкина Л.М. Парные конструкции в современном бенгальском языке // *Вопросы грамматики бенгальского языка*. М., 1964.

- [Фасмер] - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.т. М., 1986-1987.
- [Флегон 1973] - Флегон. За пределами русских словарей. London, 1973.
- [Якобсон 1979] - Якобсон Р. Новейшая русская поэзия // Jakobson R. Selected writings. V. The Hague, Paris, New York. 1979. [ср. также издание, где был изъят фольклорный текст с нецензурным словом: Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987].
- [Янко-Триницкая 1968] - Янко-Триницкая Н.А. "Штучки-дрючки" устной речи // Русская речь. 1968. 4.
- [Яуневич 1960] - Яуневич М. З лексикі вёскі Кліны // Матэрыялы для слоўніка. . Мінск, 1960.
- [Bednarczuk 1971] - Bednarczuk L. Indo-european parataxis. Krakow, 1971.
- [Frampton 2002] - Frampton J. Distributed Reduplication. http://www.math.neu.edu/ling/dr/dr_19oct_03.pdf
- [Golston & Thurgood 1999] - Goldston Ch., E. Thurgood. Reduplication as Echo: Evidence from Bontok and Chumash. // [ROA # 456].
- [Grannes 1978] - Grannes A. Le redoublement turk a *m*-initial en bulgare // Балканско езикознание. XXI, 2, 37-50. София, 1978.
- [Minkova] - Minkova Donna. Ablaut reduplication and prosodic well-formedness in English: the criss-crossing of phonetics and phonology.
- [Moravczik 1978] - Moravczik E. Reduplicative constructions // Greenberg J.H. Universals of Human Language, Vol. 3: Word Structure. Stanford, California, 1978.
- [Obratil] - Obratil - K.J. Obratil, Kryptadla. Praha, 2000.
- [Plàhn 1987] - Plàhn J. Хуйня-муйня и тому подобное // Russian linguistics, 11 (1987).
- [Prince & Smolensky 1993] - Prince, A.C., P. Smolensky. Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar. // [ROA #537].
- [Raimy 2000] - Raimy E. The Phonology and Morphology of Reduplication. Berlin, 2000.
- [Rieger 1998] Rieger T. Reduplication and the Arbitrariness of Sign. // In: Gernsbacher, M. and Darry S. (Eds.), Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, NJ. 1998.
- [ROA] - Rutgers Optimality Archive. Rutgers Optimality Archive. <http://roa.rutgers.edu>
- [Steriade 1988] - Steriade D. Reduplication and syllable transfer in Sanskrit and elsewhere // Phonology, 5. 1988.
- [Thun 1963] - Thun N. Reduplicative words in English. Uppsala, 1963.
- [Yip 1999] - Yip M. Reduplication as Alliteration and Rhyme. // [ROA #377].

Summary

Onomatopoeic reduplication in Russian dialects

The paper is a case study of inexact reduplication in Russian, first of all in Russian dialects. The main driving force in the arrangement of elements in reduplicative word-formation is generally (including the case under discussion) not morphological, but phonological. The template requires specific phonological properties parts of rhyming compound should have, regardless of its derivational structure. Once some lexical stems are involved in the formation, direction of reduplication and form of the copy vary according to the phonetic of the initial. Reduplicative words, in which neither part is an existing lexical stem, will be referred to as underived reduplicatives. Their shape is determined only by requirements of the template (which may be not purely phonological requirements of well-formedness). Standard accounts ignore this type of reduplication, as it poses theoretical and terminological problems.

О некоторых особенностях результатов контакта русских диалектов с литературным языком*

Онтологическим свойством диалекта является его сосуществование в обществе с кодифицированной/стандартной формой языка. Только при таком условии территориально ограниченный языковой идиом получает статус диалекта. Ситуация может быть как гомогенной, когда диалект и стандарт являются формами одного языка, так и гетерогенной. В последнем случае диалекты и стандарт относятся к разным языкам. Современным примером этого может быть нижнелужицкая ситуация в интерпретации лужицкого лингвиста Р.Енча – он еще в 60-е годы считал, что для говорящих по-нижнелужицки соотношению «диалект ~ литературный язык» соответствует «лужицкий диалект ~ немецкий литературный язык»; хотя нижнелужицкий литературный язык существовал, но статус его был ниже немецкого [Jenč, 22].

При отсутствии кодифицированной формы языка функционирующий в обществе территориально ограниченный идиом имеет статус языка, обычно бесписьменного, но иногда претендующего на создание письменности.

Функционирующие в обществе разные формы языка по необходимости вступают в отношения контакта. Результаты такого рода контактов обусловлены как собственно языковыми факторами, так и обстоятельствами, имеющими социальное содержание. Это отчетливо проявляется при контакте диалектов с кодифицированным стандартом.

Диалекты и кодифицированная форма языка имеют разный статус с точки зрения их социальной значимости и престижности. В любом современном обществе высок престиж литературного языка как культурного символа нации. Но уровень сниженности оценки диалектных форм языка в разных обществах варьируется. Колебания достаточно велики: с г недопустимости использования диалекта только в официальной ситуации до несовместимости диалектной речи с какой-либо претензией на образованность и более или менее достойный социальный статус. Если диалект недопустим лишь в официальной ситуации, то это сопровождается в обществе не только терпимостью к диалектам, но и их поддержкой в других сферах общения. Именно это обстоятельство дало повод одному из докладчиков на XIII МСС сказать, что в наши дни «живучесть диалектов, несмотря на победоносное шествие литературного

* При финансовой поддержке Программы ОИФН, тема «Межъязыковое влияние в истории литературных языков и диалектов: социокультурный аспект».

языка, подтверждается неоспоримыми фактами» [Васченко, 37]. Но примеры этого, как обычно, приводятся из немецкоязычной среды – в Баварии 77% населения пользуется местным диалектом в семейных условиях; в Швейцарии немецкие говоры постоянно используются при устном общении. Это означает, что в обществе диалектная речь не отождествляется однозначно с отсутствием культуры. Такое отношение к диалекту имеет и свое эмоционально-этическое основание, корнями уходящая в период романтизма. Ср. в этой связи высказывание немецкого лингвиста Вейсгербера – «... диалект – это языковое открытие родины... независимая ценность диалектов состоит в том, что они дают гармонию внешнего и внутреннего мира, что они действительны и в сравнении с литературным языком» [Weisgerber, 107].

В русской языковой действительности подобного отношения к диалектам не было. Здесь традиционно существовал барьер между диалектами и литературным языком. Этому способствовало и то, что в XIX в. долгое время в высшем слое общества в качестве престижного языка выступал французский, которому в ближайшем окружении противостоял язык простонародья, в том числе крестьянства. Характерно, что русские писатели XIX в. даже при описании крестьянского быта избегали заметных диалектных вкраплений (от этого резко отличается писательская практика авторов русской «деревенской прозы» 60-70-х годов XX в.).

В 30-е годы XX в. на отношение к русским диалектам как непрестижным формам языка наложились их политическая компрометация, обусловленная официальной языковой политикой того времени. Диалекты стали ассоциироваться с сельским населением, не имеющим политической перспективы и тормозящим социалистическое переустройство деревни. В разное время об этом писали [Филин 1938, 173; Филин 1973, 356; Чистяков 1935]. В зависимости от сохранности диалектных черт в речи сельского населения выделялись «отсталый и передовой слои говора» [Каринский, 9]. Социальный прогресс ассоциировался только с исчезновением диалектов и заменой их литературным языком. Мысль настолько укоренилась, что в «Истории русской диалектологии» [История, 61] г. было написано – «исчезновение русских диалектов уже свершившийся факт».

При всей своей парадоксальности это утверждение отчасти справедливо. Действительно, современная территория распространения русских диалектов значительно разрежена даже в сравнении с сеткой «Диалектологического атласа русского языка», которая датируется началом 50-х годов (ср. список населенных пунктов, обследованных для атласа, в [ДАРЯ III]), не говоря о более раннем/дореволюционном периоде. Многие сельские пункты перестали существовать, соответственно исчезли и их говоры как варианты русского языка. Де Соссюр писал: «нельзя найти в самом языке возможность прекращения его существования: только случайность или непреодолимая высшая сила внешне-

го характера могут уничтожить его» [де Соссюр, 17]. Именно такие внешние непреодолимые силы действовали в XX в. по отношению к русским диалектам, отражаясь на судьбе их носителей. Это – переселение и уничтожение крестьянства в ходе планов индустриализации и коллективизации, массовый уход сельского населения в город в 50-60-е годы, ликвидация в 70-е годы признанных «неперспективными» деревень. Сокращение сельского населения означало и сокращение носителей русских диалектов. Таким образом, часть русских диалектов к настоящему времени исчезла вместе с их носителями, что является ни чем иным, как физическим уничтожением языковых идиомов (т.е. результат действия «непреодолимой силы»).

Но несмотря на перечисленные события русские диалекты, как особая форма языка, сохранялись. При этом принято считать, что для дальнейшей динамики диалектов решающую роль играют их контакты с литературным языком. Этому должны способствовать школьное образование, средства массовой информации, общение с носителями литературного языка. Предполагается, что в этой ситуации, диалектоносители переходят на литературный язык, а диалекты в результате этого нивелируются. Этот тезис относится в русской диалектологии к числу общепринятых и бесспорных. Однако сам по себе процесс влияния литературного языка на диалекты не был предметом специального изучения. Это было отмечено еще в 40-х годах. Ср. – указание на воздействие литературного языка на диалекты «в большинстве исследований выглядит скорее как отписка по поводу материала, не подлежащего изучению»..., а «процесс воздействия литературного языка не изучается и как он происходит – неизвестно» [Гринкова 1947, 177].

В дальнейшем стали утверждать, что в ходе контактирования диалекта и литературного языка складывается диалектно-литературное двуязычие, т.е. способность в зависимости от ситуации переключаться с одного кода на другой (такая способность приписывается диалектоносителям). Вариант этого суждения – констатация сосуществования систем в диалекте (А – литературная, Б – диалектная) [Фонетика, 189]. Характерно, что в той литературе, где провозглашается такая точка зрения, нет описания конкретной реализации названного двуязычия или сосуществования систем. Чаще всего за проявление двуязычия принимается параллельное употребление носителями диалекта диалектных и литературных слов. В этом случае проявление двуязычия ограничиваются одним уровнем языка, так как «переключение кода» в словаре не всегда сопровождается тем же в фонетике и грамматике.

Известно, что лексика – это наиболее подвижный компонент диалекта, непосредственно реагирующий на события окружающей жизни. Появляются новые слова, забываются или уходят из употребления старые, возникает отношение «одно понятие с двумя терминами» [Щерба, 68]. В лексике нет того системного автоматизма, который лежит в основе относительной стабильно-

сти фонетики и грамматики. Поэтому предпринимаемое с разной целью установление лексического состава диалекта часто предполагает элемент реконструкции, в виде извлечения из памяти носителей диалекта искомым слов.

В противоположность лексике, наиболее устойчивый уровень диалектов – это фонетика. Причины, почему орфоэпия не в силах в ряде случаев преодолеть диалектную фонетику, заключаются в следующем.

Специфика диалекта, отличающая его, в частности, от литературного языка, может проявляться уже на досистемном уровне. Имеется в виду артикуляционная база. Как материальный субстрат звукового строя языка, она формируется на стадии овладения языком, т.е. в детстве. Автоматизм комбинации органов речи и переключения артикуляции делают артикуляционную базу очень устойчивой. При этом надо иметь в виду, что элементы артикуляционной базы не поддаются избирательному изменению. Должна меняться общая звукообразующая установка, общая нюансировка речи.

В одной из своих работ С.С.Высотский установил, что севернорусские говоры при фонематическом тождестве систем различаются артикуляцией гласных. Различия касаются размещения гласных в более передней или задней части полости рта и артикуляции подъема. Это, так называемые, «трапециды гласных» [Высотский, 72-73]. Артикуляционная взаимосвязанность гласных в рамках таких «трапецидов» стабилизирует артикуляцию гласных и тем может препятствовать усвоению правил орфоэпии. Одним из выражений этого является устойчивость севернорусского оканья. Явление это структурно более сложно, чем неразличение безударных гласных неверхнего подъема. Тем не менее вопреки социальной престижности аканья, как черты литературного стандарта, севернорусское оканье сохраняется. Причина в том, что артикуляция гласных неверхнего подъема на севере уже и напряженнее, чем в литературном языке. Поэтому литературный образец типа *dalá, vadá* требует освоения более широкого гласного, чем тот, который присущ диалекту. Изменение же одного гласного автоматически предполагает изменение всех других, т.е. общую трансформацию «трапецида», что возможно лишь при специальной постановке произношения.

К числу особенностей артикуляционной базы, не поддающейся коррекции, относится напряженная артикуляция смычных согласных, локализация согласных в палатальной зоне, повышенный уровень палатализованности согласных (в этом случае носители диалекта воспринимают орфоэпическое произношение *n'и, м'и* в незнакомых словах как *лы, мы* – пример из архангельского говора Пинежского р-на), высокий уровень веляризованности заднебных согласных. Даже, если носитель диалекта заметит различие в звучании между своей речью и литературной на этом уровне (что проблематично), исправить свое произношение он не в состоянии. Артикуляционная база – сильнейший консервационный фактор фонетики диалектного идиома.

Следующий уровень фонетической специфики диалекта связан с качеством дискретных звуковых единиц. Характерный для диалекта звук может быть свободен от позиционной обусловленности. Это наиболее благоприятная для влияния литературной нормы ситуация, поскольку устранение диалектной черты достигается путем прямой эквивалентной мены звуков. Пример этого – замена фрикативного задненебного *y* взрывным *g*. Для этого нужен лишь самоконтроль, так как не надо даже осваивать новый звук, поскольку он в виде позиционно обусловленной единицы присутствует в фонетических ресурсах *γ*-диалекта (*kágby*, *g z'im'é*).

По-иному выглядит ситуация, когда речь идет не об устранении присущего диалекту звука, а об освоении отсутствующего. Как типичный пример, обычно приводится цоканье, для коррекции которого следует освоить передненебную аффрикату и правила ее употребления. Этот процесс достаточно сложный, разные этапы его многократно описаны [Орлова; Колесов]. Но более или менее успешному устранению цоканья способствует то, что эта диалектная черта оценивается носителями русского языка вообще как наиболее одиозная.

Возможность коррекции диалектной черты и замены ее орфоэпическим эквивалентом резко сокращается, если фонетическая особенность эксплицирует правила фонетической синтагматики данного идиома. В этом случае особую роль играют дистактные связи между сегментами в линейной звуковой последовательности, когда выбор первого сегмента обусловлен антиципацией следующего (это может быть звук, слог, пауза).

Отказ от диалектной фонетической черты в этом случае означает не просто замену одного звука другим в данной позиции, но перестройку фонетической программы слова, т.е. практически освоение нового звукового стереотипа. Именно поэтому устойчивыми оказываются некоторые модели диалектного предупредного вокализма. Наиболее очевидный пример этого диссимилятивное аканье – произношение предупредного «не *a*» перед слогом с гласным *a* (*vadý ~ vьdá*) устойчиво сохраняется даже у лиц, в целом овладевших литературным языком (регион Смоленска).

Весьма показательна разная устойчивость позиционно свободной и позиционно обусловленной частей одной и той же диалектной особенности. Так, при общей замене фрикативного *γ* взрывным *g*, сохраняются результаты оглушения *γ > x* перед паузой (*sn'éya*, *sn'éx > sn'éga*, *sn'éx*, а не *snék*). Устранение *x* на месте звонкого задненебного и замена его согласным *k* не связаны с овладением новой артикуляцией или новой последовательностью сегментов (ср. *rak*, *p'esók*). В этом случае должен быть усвоен новый динамический стереотип, при котором звонкий задненебный согласный перед паузой должен заменяться не фрикативным, а взрывным согласным. А это сложнее, чем освоение нового звука. Именно такая ситуация нашла отражение на карте ДАРЯ I (№ 44), где специально выделен регион с «[г] в сильной позиции – [x] в слабой».

Возможна и такая ситуация, когда диалектная фонетическая черта охраняется как артикуляционной базой данного говора, так и правилами звуковой синтагматики. Примером этого являются такие диалектные черты, как изменение $v > \underline{v}$ перед согласным и на конце слова и недопустимость мягких губных согласных перед паузой ($d'éva > d'ěuka, drová > dro\underline{v}, syp, krou, ózim$). Эти черты поддерживаются:

1) отсутствием навыков переключения губно-зубного сближения в следующую согласный или паузу; это переключение возможно лишь из билабиального сближения; трудностью переключения палатализованности в губном ряду в паузу; это переключение возможно только из твердого губного согласного, что и ведет к замене мягких губных твердыми в этой позиции;

2) произносительной программой, согласно которой v должен заменяться \underline{v} , мягкие губные твердыми в предвидении последующего согласного или паузы; отсутствие указанной звуковой мены для говорящего автоматически сигнализирует и иное качество следующего сегмента (создает произносительное затруднение).

В результате эти особенности русской диалектной фонетики исключительно устойчивы и как элемент диалектного субстрата проявляются у лиц, освоивших литературный язык.

Можно отметить, что диалектная фонетика обладает потенциалом стабильности, который включается лишь при появлении системных нарушений. Известно, что при переходе от оканья к аканью может появляться связь между качеством предударного и ударного слога (описано в [Пауфошима; Кириллова, Новикова, 69]). Выбор предударного «не o » раньше всего проявляется перед слогом с a , позже всего – перед o, y . Это означает, что нарушение традиционной системы предударного вокализма (т.е. оканья) актуализирует дистактные связи между гласными в фонетическом слове. При наблюдении оканья выбор предударного гласного ни в коей мере не содержит ориентацию на гласный в слоге под ударением. При нарушении оканья такая ориентация появляется, задерживая в определенных случаях предударный o .

Можно было бы привести и другие примеры устойчивости русской диалектной фонетики. Но это лишь подтвердит тезис о том, что фонетическая структура диалектов не так безусловно открыта для замены диалектных черт орфоэпическими, как это считается. Это нормальное свойство идиома, являющегося средством языковой коммуникации в определенном коллективе, что имеет место в тех русских сельских пунктах, где население говорит на диалекте.

Именно поэтому при контакте диалектов с литературным языком некоторые собственно лингвистические особенности менее престижного идиома сохраняют свою значимость (оказываются стабильными) даже на фоне высокого социального статуса более престижной формы языка. Это – ситуа-

ция, когда при конкуренции языкового и социального признаков идиомов приоритет отдается языковому признаку.

Литература

- [Васченко] – *Васченко В.* О типологической классификации народных говоров (русского и иного ареала) // *Romanoslavica XXXVIII. Referate și comunicări prezentate la Cel de-al XIII-lea Congres Internațional al Slaviștilor.* București, 2002.
- [Высотский] – *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // *Очерки по фонетике севернорусских говоров.* М., 1967.
- [Гринкова] – *Гринкова Н.П.* Воронежские диалекты. М., 1947.
- [ДАРЯ I] – Диалектологический атлас русского языка. Выпуск I. М., 1986.
- [ДАРЯ III] – Диалектологический атлас русского языка. Выпуск III. М., 1996.
- [Де Соссюр] – *де Соссюр Ф.* Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- [История] – История русской диалектологии. М., 1961.
- [Каринский] – *Каринский Н.М.* Очерки языка русских крестьян. М.-Л., 1936.
- [Кириллова, Новикова] – *Кириллова Н.В., Новикова Л.Н.* Активные процессы в фонетике современных русских народных говоров. Калинин, 1988.
- [Колесов] – *Колесов В.В.* Расшифровка фонетической системы современного говора (на материале севернорусского цоканья) // *Севернорусские говоры.* Выпуск 2. Л., 1975.
- [Орлова] – *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.
- [Пауфошима] – *Пауфошима Р.Ф.* Перестройка системы предупредного вокализма в одном вологодском говоре // *Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах.* М., 1978.
- [Филин 1938] – *Филин Ф.П.* Исследования по лексике русских говоров. М.-Л., 1938.
- [Филин 1973] – *Филин Ф.П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов.* М., 1973.
- [Фонетика] – *Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры.* Под ред. М.В.Панова. М., 1968.
- [Чистяков] – *Чистяков В.Ф.* К изучению языка колхозника. Смоленск, 1935.
- [Щерба] – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- [Jenč] – *Jenč R.* Dwojorêčnosť Serbow a serbska lingwistiska terminologija // *Lëtopis Instituta za serbski ludospyt, Rjad A, žislo 11/1.* Budyšin, 1964.
- [Weisgerber] – *Weisgerber L.* Die Leistung der Mundart im Sprachganzen // *Zur Theorie des Dialekts.* Wiesbaden, 1976.

Summary

Contacts of Russian Dialects with Literary Language. Some Features of Research Results

The article describes the situation, when the dialects contact the codified standard. In such situation the linguistic features of the less prestigious idiom preserve its meaningfulness (turn out to be stable) even against the background of the more prestigious form of language with a higher social status. Results of research are based on the data of Russian dialectal phonetics.

Говорить по-культурному и лязгать по-заонежски (о языковых разновидностях в Заонежье)*

0.0. Введение. В этой работе будут рассмотрены некоторые признаки, различающие русские заонежские говоры и полудиалект, на котором сейчас говорит большинство жителей Заонежья. Полудиалект образуется в результате стремления носителей говора говорить «культурно», в соответствии с нормой литературного (стандартного) языка. Люди старшего поколения, в непринужденной обстановке пользующиеся местным говором и имеющие достаточное представление о литературном языке, чтобы при случае переходить на приближенную к нему форму, называют свой говор «заонежским лязвяньем»¹, а литературную речь — «культурным», «грамотным языком», «разговором по-культурному». «Культурным языком» некоторые считают также полудиалект.

Полудиалект не имеет структурного единства и представлен континуумом идиолектов, в структурном плане занимающих промежуточное положение между двумя полюсами — местным говором и языком, который для Заонежья можно считать стандартным. Разные формы полудиалекта не могут быть выстроены в единый ряд в зависимости от их «удаленности» от местного говора: говорящие на полудиалекте заменяют в своей речи разные наборы элементов говора на соответственные формы стандартного языка. Колебания соответственных форм возможны и в рамках идиолекта. При этом диалектные формы в полудиалекте имеют разную стабильность (одни в целом заменяются стандартными соответствиями чаще, чем другие).

Стандартный язык, употребляемый некоторыми слоями населения в Заонежье и за его пределами — по крайней мере в близлежащих районах, — это диалектно окрашенный литературный язык, имеющий ряд севернорусских и северозападнорусских особенностей.

В настоящей работе будут указаны основные структурные различия между заонежскими говорами и «культурным языком» и — в общих чер-

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований ОИФ РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

¹ *Лязгать (лязгать)* — 'беседовать, болтать', по-видимому, является заимствованием из карельского.

тах — описано функционирование «культурного языка», полудиалекта и говоров. Тем самым, будет дана общая характеристика языковой ситуации в Заонежье.

0.1. Различия между заонежскими говорами и «культурным языком» будут подробно рассмотрены на примере двух наиболее ярких акцентных явлений — ляпанья и системы ударения непроемных существительных мужского рода.

Ляпанье представляет собой перенос ударения с конечного слога фонетического слова на начальный. Под перенесенным по правилу ляпанья ударением представлена система безударного вокализма, отличная от системы гласных под неперемененным ударением. При ляпанье под ударением на месте **o*, **ь*, а также **e*, **ь* перед твердыми согласными, в юго-западном заонежском говоре произносятся дифтонги или дифтонгоиды типа [oa], а на месте **e*, **ь* перед мягкими и на месте **ě* — дифтонги и дифтонгоиды типа [ea]. В северо-восточном заонежском говоре те же праславянские гласные представлены монофтонгами среднего подъема [o] и [e] [Гринкова 1947; Ардентов 1957; Колесов 1975; Тер-Аванесова 1988]. Примеры форм с ляпаньем: ю.-зап. *вóда, пр'ин'асла, ў стар'икаф, н'эр'ад Ражес'вам, кóлакал'н'а, н'эд из-за зубоф*; сев.-вост. *вóда, пр'ин'асла, ў стар'икаф, н'эр'ад Ражес'вам, кóлакал'н'а*. Материал, собранный в Заонежье А. А. Шахматовым в 1884 и 1886 гг., показывает факультативность переноса ударения по правилу ляпанья: исконно конечноударная словоформа может быть произнесена как с конечным ударением, так и с ударением на начальном слоге либо проклитике [Гринкова 1947: 371, особенно сноски 2-10]. По-видимому, ляпанье никогда не имело фронтального характера, автоматически появляясь лишь при определенных типах фразовых контуров. Об этом, в частности, говорит тот факт, что отказ от ляпанья не приводит к появлению большого числа «перекосов» в акцентной системе говоров: говорящие как во времена экспедиций Шахматова, так и в наши дни «хранят в памяти» язык без эффекта ляпанья.

Одна из причин, по которой ляпанье сегодня оказалось практически полностью утраченным в полудиалекте, — это давнее отношение к нему как к наиболее «некультурной», деревенской, смешной манере речи.

Заонежский материал по акцентуации существительных муж. рода, собранный нами в 1986–1988 гг., привлекался для реконструкции в этом классе слов особой праславянской акцентной парадигмы (а. п.) *d* (наряду с традиционно реконструируемыми а. п. *a*, *b*, *c*), см., например, [ОСА;

АССЯ]. А. п. *d* получила название «смешанной», поскольку в ее состав входят как формы-энклиномены (пом.-асс. sg.), так и окситонированные прочие падежно-числовые формы. На существование смешанной а. п. впервые обратил внимание В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1963: 118–119], почему и регулярная окситонеза форм ед. числа у определенных существительных муж. рода, отмечаемая в современных славянских языках и диалектах, получила название «архаизма Иллич-Свитыча». Материал из Заонежья также был использован для доказательства исконной окситонезы словоформ косвенных падежей ед. числа существительных муж. рода а. п. *d* в племенном диалекте кривичей [Николаев 1989: 206–219; ОСА: 129–159; АССЯ].

В данной работе дается детальное описание акцентуации производных существительных муж. рода в заонежских говорах и ее историческая интерпретация и перечисляются морфологические признаки заонежских акцентных парадигм. Также дается анализ акцентных различий, оцениваемых говорящими как «культурные» или «заонежские».

1. Заонежье и заонежские говоры

Заонежьем называют область у северных берегов Онежского озера, занимающую Толвуйский полуостров и расположенные к югу от него острова Кижского архипелага. Сейчас это часть Медвежьегорского р-на Республики Карелии. До 1958 г. на этой территории был Заонежский район Карело-Финской (позже — Карельской) АССР с центром в Шуньге, а после войны — в Великой Губе. Ранее Заонежье относилось к Повенецкому уезду Олонецкой губернии.

Заонежье заселено выходцами из Новгородской земли в XIII–XIV вв., частично вытеснившими, а частично ассимилировавшими здесь карел и вепсов; уже в XVI в. местное население говорило по-русски [Герд, Лебедев 2001: 365]. Сейчас небольшое число карел, возможно, живет лишь на крайнем северо-западе Заонежья (в Кажме в середине XX в. известны смешанные браки). К северо-западу от Заонежья начинается область, где подавляющее большинство сельского населения говорит по-карельски. Результатом контактов с карелами стали карельские элементы в материальной культуре и этнографии русских Заонежья [Гринкова 1947: 388–390]. Слова прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Заонежья исчисляются десятками; различается лексика субстратная и заимствованная (адстратная) [Мызников 2003]. Считается, что ляпанье также появляется под влиянием карельских диалектов.

В XIX в. Заонежье делилось на три области — Кíжи, Тóлвуй и Шуньгú. Их границы приблизительно совпадают с границами двух заонежских говоров, очень близких между собой. Юго-западный говор имеет две разновидности — западную, примерно совпадающую с территорией Шуньги (в наших материалах — дд. Вёгорукса, Кóсозеро, Обóд, Сёлецкое, Кáжма), и южную, в границах Кижей (Тíпиницы, Тáмбицы, Сíбово, Бережская, Великая Губа, Вóлкостров, Сенная Губа, Лóнгасы, Кóсельга). Северо-восточный говор соответствует Толвую (Кúзаранда, Вýрозеро, Великая Нíва, Пáлтега, Якорле́дина, Мёдные Ямы, Фóймогуба, Па́дмозеро, Па́яницы). Различия между говорами, главным образом, — фонетические и лексические.

На уровне фонетики заонежские говоры различаются (1) качеством гласных на месте **o*, **e*, **ь*, **ь*, **ě* под ударением при ляпанье и (2) огубленностью/неогубленностью рефлексов **e* и **ь* перед твердыми согласными в безударной позиции и под ударением при ляпанье (ёканьем/яканьем). Эти различия показаны в таблице.

	юго-западный говор		сев.-вост. говор
	Киж	Шуньга	Толвуй
* <i>o</i> , * <i>ь</i> при ляпанье	<i>вóада,</i> <i>тóалакна</i>	<i>вóада,</i> <i>тóалакна</i>	<i>вóда,</i> <i>тóлакна</i>
* <i>e</i> , * <i>ь</i> при ляпанье	<i>н'э́асу</i>	<i>н'о́асу</i>	<i>н'о́су</i>
* <i>e</i> , * <i>ь</i> в предударном слогe	<i>н'асу́</i>	<i>н'осу́</i>	<i>н'осу́</i>
* <i>ě</i> при ляпанье	<i>л'э́аса</i>	<i>л'э́аса</i>	<i>л'э́са</i>
* <i>ě</i> в предударном слогe	<i>л'асá</i>	<i>л'асá</i>	<i>л'асá</i>

В литературе указывается ряд этнографических различий, совпадающих с границами говоров (сев.-вост. долбленая осиновая лодка *у́шкой* (*у́шкоек*, *у́шкойко*), не известная на юго-западе, расположение печи в избе) и лексико-словообразовательных (ю.-зап. *пету́н* – сев.-вост. *пету́х*, ю.-зап. *грúдова* – сев.-вост. *рóвница* 'куча камней, убранных с пашни или покоса', ю.-зап. *корéц* – сев.-вост. *кови*). С границами областей (диалектов) соотносится различие в манере исполнения былин, причем толвуйская манера совпадает с той, что встречается на северо-восточном побережье Онежского озера в Повенецком и отчасти Пудожском уездах [Гильфердинг 1983: 46–47]. Диалектологические данные также говорят о

связи северо-восточного заонежского говора с говорами восточного побережья Онежского озера (ср. говор Пильмасозера [Кузнецов 1949], тексты в [Дурново, Ушаков 1910: 38–41]). Можно предполагать, что на юге и западе полуострова и на островах сохраняются следы более ранней колонизации Заонежья, а северо-восток был заселен (или «подселен») позднее выходцами с восточного побережья озера. Есть различия в лексике и этнографии, указывающие на более дробное членение заонежской территории (например, исключительно типиницкий обряд первого выгона скота с топором и щукой). В границах говоров выделяется несколько этнографических зон (типиницко-тамбицкая, центральная (Великая Нива — Фоймогуба) и др.), см. [Логинов 2001а: 370–374].

В наши дни северо-восточный говор находится в лучшем положении, чем юго-западный, если иметь в виду число говорящих, близость к райцентру и выгодность экономического положения населенных пунктов. В недалеком прошлом, напротив, территория Толвуя была более бедной и труднодоступной. Южная же часть Заонежья последние два века имела тесные связи с Петербургом и Петрозаводском, а Великая Губа была торговым центром местного значения. Уже в XVII в. южная часть Заонежья была одним из центров церковной жизни и культуры Русского Севера.

Сегодня большинство носителей юго-западного заонежского говора сосредоточено в поселке Великая Губа. Он в значительной мере населен носителями того же говора, выходцами из окрестных деревень, признанных в 60-е гг. «неперспективными». Великая Губа была райцентром с 1944 г. в течение пятнадцати лет, и поэтому многие из тех, кто в наши дни представляет здесь старшее поколение, профессионально не занимались крестьянским трудом. Многие имеют среднее специальное образование, а в 70–80-е гг. появилось немало специалистов местного происхождения с университетским образованием.

2. Общая характеристика языковой ситуации в Заонежье

Разрушение местных говоров, наблюдаемое сейчас в Заонежье, к сожалению, характерно для многих северных населенных пунктов.

Побывав в Заонежье в 2001–2002 гг. после почти пятнадцатилетнего перерыва, мы увидели, что найти информанта, говорящего на местном диалекте, стало непросто. Большинство жителей Великой Губы и Космозера старше 70 лет говорили с нами на полудиалекте: их идиолекты отражали разную степень разрушенности и даже падение тех или иных звеньев системы местного говора. В Великой Ниве и Палтеге сохранность северо-

восточного говора оказалась несколько лучшей, но процент говорящих на полудиалекте среди лиц старшего поколения все же был очень высок.

В прежнее время литературный язык проникал в Заонежье с людьми, уходившими на заработки в города, — главным образом, мужчинами. Ни сейчас, ни раньше мы не встречали пожилых мужчин, говорящих на местном диалекте, — как правило, они говорили на полудиалекте или почти на литературном языке. Даже те, кто не покидал надолго родных мест, сознательно отказывались от местного говора.

По рассказам стариков, в некоторых семьях в 10–30-е гг. XX в. родители наставляли детей, а мужа — жен в том, чтобы они не говорили по-заонежски (под этим в первую очередь понимали отказ от ляпанья).

Современная языковая ситуация в Заонежье может быть описана следующим образом.

1. *Идиомы, используемые местным населением в повседневном общении*, — это местные говоры, полудиалект и диалектно окрашенный литературный язык. Местные говоры в повседневном общении сохраняются лишь у некоторых малообразованных старых женщин; по словам одной из них, *эта мы аиша подд'ёржываамса йезыка нашага кр'ивога*. Наиболее распространен полудиалект: на нем говорят люди 40–80 лет (как правило, с начальным или неполным средним образованием). Молодежь и люди среднего возраста, в особенности со средним и высшим образованием, используют литературный язык с некоторыми северо-западными диалектными чертами. Это относится и к интеллигенции местного происхождения независимо от возраста.

2. *Владение местным говором* в целом зависит от возраста. По-видимому, в какой-то степени им владеют все — хотя бы на уровне знаний его наиболее ярких особенностей. В наименьшей степени говорить по-местному умеет молодежь, но есть исключения (в Великой Губе мы знаем мужчину 24 лет со средним образованием, который прекрасно говорит на северо-восточном заонежском говоре; он перенял его от своей бабушки из Фоймогубы). Люди среднего и старшего возраста, в повседневном общении не употребляющие местный говор, могут переходить на него в разговоре со старухами или цитируя их, в шутку, по просьбе диалектологов (!) и т. п. В этих ситуациях они могут произнести на местном говоре от нескольких слов до нескольких фраз и даже текстов. Впрочем, пытаясь имитировать говор, кто-то может переходить и на полудиалект; «чистота» диалекта может зависеть здесь и от длины произносимого текста.

Продолжают использоваться всеми группами населения местные термины рыболовства и водного транспорта, охоты, ландшафта, явлений природы и т. п.

Владение литературным языком в полной мере является далеко не всеобщим, однако наличие большого числа говорящих на полудиалекте означает употребление элементов литературного языка. Система последнего осознается говорящими как эталонная, практически же многие, стремясь говорить «грамотно», употребляют ту или иную разновидность полудиалекта.

3. *Противопоставление «культурного» и «некультурного» идиомов.* Структурное различие литературного языка и местного говора осознается как соответствие «культурных» и «местных» форм словоизменения, форм с разными акцентными контурами, с разным фонетическим представлением. Отчетливо осознается «местный» характер лексики.

Полудиалект, в котором сосуществуют «культурные» и «некультурные» формы, может оцениваться и как «культурная» форма речи, и как «некультурная» — в зависимости от насыщенности диалектными чертами и от «угла зрения». Так, идиолект, в котором смешаны признаки говора и стандартного языка, будет оцениваться по-разному теми, кто в быту говорит на литературном языке и на местном говоре.

Умение говорить «культурно» является важным признаком, на котором основывается иерархия местного общества. Ср.: *йá йейó мал'én'ка пькул'тур'н'айа* (более образованная, говорящая на полудиалекте, близком стандартному языку, — менее образованная, пользуется местным говором); *Ана́ ч'íста з'д'эшна заан'эшска, ésta мý уже как... гра́матны дак* (все, о ком идет речь, — местные, но только первая из упомянутых говорит по-заонежски, неграмотно); *Éта вý у Жéн'и спрýс'ít'а, ана́ кул'тúрна, а мý уш тák — л'áвз'ам дак* (первая, более образованная, говорит на полудиалекте с малым количеством диалектных черт, остальные — на полудиалекте, близком местному говору). Интересно, что «лявзяющие» информантки не раз предлагали расспросить относительно сугубо местных, вышедших из употребления предметов традиционного хозяйства именно «культурную Женю» как человека более образованного и, следовательно, более знающего.

Таким образом, *лявзянье, местный, заонежский* отождествляются с необразованностью и узким кругозором, а местный говор является непрестижным идиомом.

4. *Условия мены идиомов.* Очевидно, сейчас в Заонежье существует языковая ситуация, при которой бóльшая часть населения «меняет язык» в зависимости от ситуации общения (и темы разговора). Ряд ситуаций общения предполагает использование идиома с «высоким» статусом, в идеале — литературного языка. В других ситуациях уместен идиом с «низким» статусом, каковыми являются заонежские говоры.

По-видимому, не прибегающих к мене идиомов в зависимости от ситуации общения в Заонежье мало. Это владеющие только местным говором — лица старшего поколения, малограмотные, и владеющие только «культурным языком» — представители младшего поколения. «Двужычными» является большинство говорящих. К этой группе относятся и те, кто по преимуществу (и в повседневной жизни, и в ситуации официального общения) говорит на «культурном языке» и лишь в особых случаях (например, в разговоре со старухами) переходит на говор либо полудиалект, так и те, кто в повседневной жизни использует местный говор, а в официальных ситуациях переходит на полудиалект.

Аналогом ситуации официального общения для многих пожилых людей стала ситуация общения с лицами младшего поколения (обычно с внуками 12–30 лет). Присутствие диалектолога также создает ситуацию, в которой говорящие стараются использовать «культурный язык».

Степень насыщенности речи диалектными формами может быть связана с темой разговора. Например, у информантки из Косельги диалектных форм было меньше, пока речь шла о волнующих ее проблемах физического и душевного здоровья, судьбах ее детей и внуков, и больше в рассказе об одном случае из давнего прошлого: пропаже ягненка, которого два дня «водило» вокруг дерева.

В немаркированной ситуации повседневного общения разные члены сообщества, в силу образования и привычки, используют или литературный язык, или говор, или разнообразные формы полудиалекта. Идиом, употребляемый в быту, по-видимому, определяет отношение к речи человека соседей и его самооценку, описываемые как *она заонежска, мы грамотны, мы лязям, она культурна* и т. п. Оценка «культурности» чужой речи во многом зависит от «культурности» речи оценивающего.

Употребляемый в быту идиом, естественно, определяет, что именно используется говорящим в роли идиомов с «высоким» и «низким» статусом. В соответствии со своей языковой компетенцией «двужычные» говорящие в качестве идиома с «высоким» статусом употребляют литературный (стандартный) язык или какую-либо форму полудиалекта, а в

качестве идиома с «низким» статусом — местный говор или полудиалект. У лиц старшего поколения, как правило, функциональное различие высокого и низкого идиомов выражено противопоставлением полудиалекта говору или противопоставлением форм полудиалекта, в разной степени насыщенных диалектными особенностями.

Языковое выражение оппозиции «свое — чужое», характерное для языковой ситуации в Заонежье в первой половине XX в., рассмотрено ниже на примере употребления ляпанья и конечноударных форм в речи одной информантки 1903 г. р. (п. 4).

3. В структурном плане соотношение местных говоров и «культурного языка» можно описать как совокупность различающих их признаков. В этом разделе дается системное описание фонетики и перечисляются наиболее яркие особенности морфологии заонежских говоров — главным образом, те, которые отличают говоры от заонежского «культурного языка», а последний — от современного русского литературного языка.

3.1. Описание заонежских говоров

Фонетика. Вокализм.

Гласные под не перенесенным по правилу ляпанья ударением

(1) В говорах представлено пять гласных фонем: /i/, /y/, /e/, /o/, /a/. Есть основания для выделения еще четырех «редких» фонем, одна из которых — /ə² — представлена только в северо-восточном говоре, а остальные — /ɛ/, /ɪ/, /θ/ — в обоих говорах, причем две последние имеют в них разную дистрибуцию.

В целом для говоров характерен узкий растров гласных под неперенесенным ударением, из-за чего, в частности, реализации /o/ и /e/ воспринимаются на слух как напряженные монофтонги верхне-среднего подъема.

В закрытых, особенно неконечных, слогах ударные гласные слегка сокращаются, а следующие за ними согласные удлиняются (но не столь сильно, как в северо-восточных говорах, например, вологодских).

Звук [ы] — заднего ряда, после губных согласных приобретает небольшую огубленность.

² Подробная транскрипция гласных применяется только в разделе, посвященном вокализму. В других разделах применена упрощенная «фонемная» запись.

Реализации фонем /a/, /o/, /y/ после мягких согласных перед твердыми сильно продвинуты вперед: [æ], [ø], [y̥]. После твердых *т, д, н, л* и в позиции CVj реализации огубленных фонем непереднего ряда также продвинуты вперед, но не столь сильно, как после мягких согласных: [e], [y]. Аллофоны [o], [y], тем самым, представлены только после твердых губных, задненебных и передненебных согласных.

Аллофоны гласных фонем под неперенесенным ударением показаны в следующей таблице (гласные после мягких и твердых согласных разделены жирной чертой):

и	ÿ	у	ы	у
е	ø	ø	o	
æ		а		

Легко заметить сходство этой системы с вокализмом прибалтийско-финских языков, в частности карельского [Основы: 29, Хайду 1985: 210–212]. Сходство с карельским вокализмом (см. [Основы: 45]) становится еще более разительным, если к данной системе добавить аллофоны гласных, появляющиеся под ударением при ляпанье.

(2) В положении между мягкими согласными /a/ повышает подъем, но не настолько, чтобы можно было говорить о переходе в гласный другого тембра. Примеры: *кл'ес'т* 'клясть', *тр'ес'т* 'трясти' и, возможно, *кр'еж* 'кряж, холм' — представляют собой результат аналогического выравнивания, а *н'эн'а* 'тетя' (обращение ребенка к женщине), 'няня' — является словом детского языка.

(3) Среди рефлексов **ě* в наиболее частотен [e], который одновременно является наиболее типичным неогубленным рефлексом **e* и **ь*. Единичные примеры огубленных гласных на месте **ě*: *б'ес'ѣда*, *заон'ѣш'кий*, ср. также шутивное *ко сусѣду на бесѣду*.

В архаической разновидности говоров наряду с [e] (иногда в тех же словоформах) встречается звук, близкий к *и*, чуть ниже последнего по подъему — [ɪ]. Этот звук, представляющий «редкую» фонему /ɪ/, появляется только на месте **ě* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными и на конце слов (*хл'ит*, *д'ілат'*; *с'іл'и*, *с'ін'и*; *ф котл'і*, *д'в'і*, *гд'т*). Однако в толвуйском и шуныгском говорах, в отличие от кижского, [ɪ] на месте **ě* перед твердыми согласными встречается крайне редко. Между мягкими согласными и на конце слов на месте **ě* произносится также [ɪ].

По нашим материалам, [е] перед мягкими согласными на месте *ѣ встречается примерно в 80% случаев, остальные приходятся на и-образные гласные; и-образные гласные перед твердыми согласными встречаются еще реже. Между тем, по данным ДАРЯ, говоры Обонежья относятся к зоне, где переход *ѣ > [и] между мягкими регулярен [Образование: 162, карта 48]. Регулярность этого перехода в говорах Заонежья следует из описания В. В. Колесова по его материалам 1964–65 гг. [Колесов 1975: 54–55]. Наши данные отражают, по-видимому, утрату говорами этого перехода (под влиянием «культурного языка»; то же наблюдается и во многих севернорусских говорах). О том, что переход *ѣ > [и] под ударением между мягкими был ранее свойствен заонежским говорам, говорит тот факт, что отдельные частотные формы (*йис'*, *ййл'и*), а также слова со специальными значениями и термины сохраняют в данной позиции [и] ~ [ɨ], которые никогда не варьируются с [е], например, *к'уфц'æ* 'шпулька в ткацком челноке', *р'ипн'ик* 'пирог с начинкой из репы', *хл'иб'ины* 'угощение пирогами в доме невесты на следующий день после свадьбы', *с'ин'и* 'сени, коридор'.

Рефлексы *ѣ верхнего подъема перед твердыми согласными на территории русского языка имеются только в восточно-новгородских говорах ладого-тихвинской группы, которые, предположительно, по происхождению связаны с диалектом ильменских словен. Однако было бы неосторожно напрямую связывать по этому признаку кижский говор с ладого-тихвинскими и далее — с ильменско-словенским диалектом, поскольку как системы и история формирования ладого-тихвинских говоров, так и условия появления заонежского [ɨ] нуждаются в дальнейшем изучении.

Имеются отдельные примеры произношения [æ] на месте *ѣ, а также в сочетаниях *ТьТ на месте *ь: *т'ѣста* 'традиционное блюдо: ржаная или овсяная мука, заваренная кипятком и оставленная на несколько часов в теплом месте', *т'ѣс'т'ен'н'ик* 'тот, кто любит есть тясто' (прозвище жителей Заонежья); *д'ат'ишка* 'детеныш дикого животного' [Куликовский], *ч'арф* 'гусеница, червячок' [Ардентов 1957: 80], *ч'арвушк'и* 'гусенички', 'пестрый рисунок набивного ситца'. Ср. также *пр'ид'алоц'ка*, *роскв'ау*, *уц'ел'ау* [Колесов 1975: 55]. Изредка встречающиеся широкие рефлексы указанных гласных, очевидно, объясняются кривичским происхождением заонежских говоров и сопоставимы со столь же редкими их широкими рефлексами в современных северо-западных русских и восточнобелорусских говорах, см. [Николаев 1990: 60, Зализняк 1995: 43–44]. Вероят-

ность сохранения в приведенных словах архаической «огласовки», на наш взгляд, следует из характера их значений: все это, за исключением примеров В. В. Колесова, — слова со специальными значениями, и при этом сугубо местного употребления.

(4) В северо-восточном говоре (не во всех деревнях и не во всех идиолектах) отмечена «редкая» фонема /ə/, встречающаяся в единственном корне *-дън-: *поддán'jæ* (~ *поддѣн'jæ*) 'подстилка под стог, зород или заколье из жердей и лапника'. Эта фонема крайне редко отмечается также в адъективной флексии *nom. sg. m.* По всей вероятности, она является остатком регулярных неогубленных рефлексов напряженного *ъ перед мягкими сонантами; об этой позиции возникновения напряженных редуцированных в северо-западных русских говорах см. [Николаев 1988: 118–128]. Неогубленные гласные в данной позиции в системе — предшественнице современной заонежской могли быть распределены с огубленными в зависимости от ряда предшествующего согласного (ср. ниже о распределении [o] и [ə]).

(5) В архаическом слое говоров в небольшом числе примеров встречается звук [e] среднего подъема исключительно в соответствии с этимологическими *ъ, *е: *ч'ѣснай / ч'ѣснай*, — что дает возможность констатировать наличие «редкой» фонемы /e/.

(6) Фонема /ə/ (среднего ряда, среднего подъема) в северо-восточном говоре отмечается исключительно в соответствии с *ъ [Тер-Аванесова 1988: 220] (о северо-западных русских системах с различием рефлексов *ъ и *o см. [Николаев 1996: 211–215]). Примеры: *брѣви, мѡх, акѡшка* при *рѡды, смѡк, смѡжат, кѡт*. В юго-западном говоре эта фонема отмечается иногда также на месте *o. Однако возможность отличать ее от /o/ ограничена многими факторами, в частности консонантным окружением и SVC-структурой слова (так, звук [ə] в обоих говорах автоматически появляется на месте *ъ и *o после твердых альвеолярных и перед *j*).

(7) *Безударный вокализм*. Безударные рефлексy *o, *e, *ъ, *ь, *ѣ относятся к области средне-нижнего и нижнего подъёмов. После мягких согласных в кижском говоре имеется сильное яканье и отдельные случаи ёканья в заударной позиции (*н'ѣслá, н'ес'ѣт, б'ѣдá, уб'ед'ѣла, пр'ѣд'ѣт / пр'ѣд'ѣт, дáйт'ѣ*). Шуньгскому и толвуйскому говорам свойственно ёканье (*н'ѣслá, н'ес'ѣт, б'ѣдá, уб'ед'ѣла, пр'ѣд'ѣт, дáйт'ѣ*). После твердых согласных в заударной позиции — аканье, причем в открытых слогах произносится [a] на месте гласных неверхнего подъёма, а в закры-

тых, особенно неконечных слогах (в позиции сокращения гласного) — неогубленный звук средне-нижнего подъема заднего ряда, обозначаемый нами как [ɤ] (точнее, [ʌ]). В предударной позиции в архаическом слое говора имеются остатки оканья в слогах перед огубленными ударными гласными (в некоторых идиолектах — перед всеми гласными верхнего и верхне-среднего подъемов). На месте гласных *o, *ɤ при оканье произносится слабо огубленный гласный средне-нижнего подъема [ɔ], а после губных согласных — [o] среднего подъема. В позициях аканья в предударных слогах произносятся неогубленный гласный средне-нижнего (более краткий — [ɤ]) или нижнего подъема (более долгий — [a]). Примеры: *пма́жу, рьста́т, кьгда́, сама́, прьста́к'и́ша, гэдú, гэрóх, мойéи, пр'исэв'эта́вала*. Ниже показана система безударного вокализма заонежских говоров.

и	ý		ы	у
е	œ		ь	ɔ
ε, æ		а		

(8) Система вокализма *под перенесенным по правилу ляпанья ударением* совпадает по своему устройству с системой предударного вокализма. Эти системы объединяет ниже-средний (средний) подъем аллофонов {o} и {e}, в отличие от верхне-среднего подъема аллофонов тех же фонем под неперенесенным ударением. Система вокализма под перенесенным ударением, как и безударный вокализм, характеризуется стандартностью рефлексов гласных среднего подъема, в то время как вокализм под неперенесенным ударением изобилует раритетами и архаизмами.

Под ударением при ляпанье, юго-западный диалект:

и	ý		ы	у
εа	œа			ɔа
æ		а		

северо-восточный диалект:

и	ý		ы	у
е	œ		ь	o
æ		а		

Вокализм под ударением при ляпанье отличается от безударного (предударного) вокализма последовательным противопоставлением /o/ и /a/, а также качеством гласных на месте *o, *e, *ъ, *ь, *ѣ. В юго-западном говоре под перенесенным ударением произносятся дифтонги *эа*, *ѣа*, *ѣа* (в быстрой речи — также монофтонги *э*, *ѣ*; в шуныгском говоре дифтонгичность этих гласных вообще менее ярко выражена). Они соответствуют монофтонгам *o*, *æ*, *e* в северо-восточном говоре, практически не отличимым от тех же гласных под перенесенным ударением: ю.-зап. (шуныг.) *вѣада*, *н'ѣасу* ~ *н'ѣасу*, *н'ѣас'ат*; сев.-вост. *вѣда*, *н'ѣсу*, *н'ѣс'ат*. В юго-западном говоре в абсолютном начале слова при ляпанье произносится сложный звук, начальная фаза которого имеет средний или верхне-средний подъем: *о́зат'ец'*, *о́зд б'ер'ѣга*.

Ниже показаны чередования гласных фонем нижнего — среднего подъёмов в трех рассмотренных позициях перед твердыми согласными (шуныгский говор).

	перенесен. уд.	ляпанье	предударная позиция
{a}	gen. sg. <i>сáда</i>	nom. pl. <i>сáды</i>	deminut. <i>садѣч'ак</i>
'{a}	gen. sg. <i>р'ѣда</i>	nom. pl. <i>р'ѣды</i>	deminut. <i>р'ѣдѣч'ак</i>
{e}	gen. sg. <i>л'ѣса</i>	nom. pl. <i>л'ѣса</i>	deminut. <i>л'ѣсѣч'ак</i>
{o}	nom. pl. <i>нѣг'и</i>	nom. sg. <i>нѣга</i>	instr. sg. <i>нѣгѣй</i>
'{o}	nom. pl. <i>сл'ѣзы</i>	nom. sg. <i>сл'ѣза</i>	instr. sg. <i>сл'ѣзѣй</i>

Таким образом, изоморфность трех подсистем вокализма заонежских говоров — (1) под не перенесенным по правилу ляпанья ударением, (2) под перенесенным по правилу ляпанья ударением и (3) без ударения — оказывается мнимой. 2-я и 3-я подсистемы являются подобными и отличаются от первой правилами рефлексии и степенью подъема рефлексов гласных среднего подъема. Другими словами, в заонежских говорах под перенесенным по правилу ляпанья ударением представлена система безударного вокализма.

(9) В говорах имеется второе полногласие: *с'ѣр'ан* (gen. *с'ѣр'на*), *дѣлак* (*дѣлга*), *в'ар'ѣх* (*в'ер'хá*), *столѣб* (*столбá*), *ч'ѣр'аф* (*ч'ер'в'áч'ер'вá*), *скат'е-*

р'отка, далажон (далажна́, далажны́), жалотак и др. — которое является известной новгородско-олонецкой изоглоссой [РД: 246–248, Николаев 2001].

Согласные

(10) Звуки *т, д, н, с, з, л* (последний — не в конце слога) являются альвеолярными невелиризованными; имеются случаи индивидуальной постальвеолярной их артикуляции. Твердые альвеолярные имеют сильно палатализованные пары. В конце слога *л* является огубленным, велиризованным (*ста́л, ко́лдун*). Губные и заднеязычные перед гласными переднего ряда палатализируются. На конце слов возможны только твердые губные, ср. *кроф* 'кровь', *ч'арф*, *с'ем*, *про́луб*.

(11) Глухие смычные в заонежских говорах — придыхательные. Носовые сонанты оглушаются после глухих согласных (*нй́от, пр'ишл'и, тр'и, сл'оза́*). Звонкие смычные *б, д, г* и их мягкие пары имеют ярко выраженный аффрицированный характер, особенно заметный у *г* (исследователи говорили даже о произношении фрикативного *г* в заонежских говорах). Аффрицированные смычные в заонежских говорах, по мнению Д. В. Бубриха, являются результатом карельского влияния; за пределами Заонежья они отмечены в нескольких олонечких говорах, не образующих ареала [Гринкова 1947: 373–374, 384–388].

(12) Аффрицированностью звонких смычных, видимо, объясняется замена в отдельных словах смычных на щелевые того же места образования. Звук *г* заменяется на *в*: *пово́с* 'погост', *ковда́*, но в окончании *ген. sg. m.-n.* адъективного склонения *-ого* всегда произносится *г*. Имеются морфологизованные случаи перехода *д'* в *й*: *имрег. пой* (от *пойти́*), но *придь* (от *прийти́*), *клай* (от *класть*), *л'ей*, *погл'ей* (от *глядеть, поглядеть*). Ср. также выпадение интервокального *д* в *надо*: *наа*. Аналогично, *б, б'* часто утрачивают смычку: *гос'т'эβишише/гос'т'эб'ишише* 'прием гостей' и под.

(13) Карельским влиянием, по-видимому, должно объясняться появление взрывного [г'] на месте **j* после звонких смычных: *с'емэ'а́* 'семья'.

(14) Звонкие согласные оглушаются перед глухими согласными. Исключение: *мозк* (возможно, из *мо́зък*). На конце слова шумные звонкие сохраняют полузвонкость.

(15) */в/* в говорах чаще губно-зубное, на конце слова и перед глухими согласными оглушается. Есть случаи губно-губного шумного *в*: *вьлът'ина́* 'низкое место, поросшее жесткой травой'. Единственный пример с *у* на месте начального **вь*: *удóвка*, с ляпаньем: *удо́вец'*.

(16) В архаическом слое говора имелось четыре аффрикаты: /ц/, /ч/, /ц'/ и /ч'/. Первые две — твердые, крайне малочастотны. /ц/ твердая встречается в небольшом числе корней в позиции II палатализации: *цэлай*, *цэлавáт'*, *цэд'ит*, *цэна́*, *зацэп'ит'*, а также в корнях *цеп* 'цепь', *цел'*, *процэнт-ты*, однако у многих информантов в этих корнях встречалась также /ц'/ мягкая. Можно думать, что по крайней мере в части незаимствованных корней твердая /ц/ в позиции II палатализации является результатом подстановки вместо /к/. /ч/ твердая отмечена нами в словах *пчалá*, *пóчта* (также *пчтовáйя* 'дорога, по которой возят почту, связывающая деревню с центром волости', *робóччый*, *врач*. Два последних, по-видимому, являются заимствованиями из литературного языка (ср. более старое *дóктар*, обозначавшее в том числе и ветеринара). /ц'/ мягкая встречается в позиции III палатализации (в суффиксах): *отéц'*, *офц'á*, *гос'т'ин'ц'и*, *бáтц'а*. /ч'/ мягкая (произносится как «шепелявое» плоскощелевое *ч'*) встречается в позиции I палатализации, сочетаний **tj*, **kt(i)*: *n'еч'*, *ноч'*, *хоч'у́*, *ч'элав'эк* и т. п.

(17) В небольшом числе корней в позиции II палатализации отсутствует переходное смягчение **k*, **g(v)*: *к'эж*, род. *к'эжа* 'протертый через сито вареный картофель или овес для приготовления крахмала', *к'у́фц'а* 'шпудля в ткацком челноке', *кв'ет* 'цветение', *кв'ес'т'у́* 'цвести', *в'арста́* < *зв'арста́* 'толченый пережженный известняк, применявшийся для чистки (шорканья) некрашенных деревянных поверхностей, дресва', *в'арскл'ивай кáм'ен'* 'известняк или другой сыпучий камень, из которого можно получить *в'арсту́*'.

Здесь мы вновь видим набор корней специфической семантики (в большинстве своем — устаревшие термины традиционного хозяйства), сохраняющих фонетический архаизм псковско-новгородского происхождения (см. об отсутствии переходного смягчения задненебных в позиции II палатализации в древненовгородском диалекте [Зализняк 1995: 37–38], в современных псковских говорах [Глускина 1966], в племенном диалекте кривичей [Николаев 1988: 141–152]).

(18) В говорах представлены твердые сочетания *ич* и *ждж* (*жж*): *ичан* 'большая кадка, сшитая из досок', 3 sg. *и́шчат*, ном. sg. *дош*, ген. *дажджá/дажжá*.

(19) Имеются случаи перехода сочетаний *тл*, *дл* в *кл*, *гл*: *гл'а*, *в'ерскл'ивай кáм'ен'*, ср. также *заскр'áл'и* 'застряли'. Имеется топоним *Еглóво*. Возможно, сюда относятся *кл'óск* 'рыбья чешуя', *кл'ешчóтка* 'палочка

для вязания рыболовной сети'. О переходе **tl* > *kl* в говорах кривичского происхождения см. [Николаев 1989: 190–198].

(20) Интервокальный *й* выпадает с последующим стяжением в сочетаниях *а́йе, а́йа, е́йе, о́йе, ы́йе, у́йу*.

Морфология. Склонение

(21) Окончаниями gen., dat., loc. sg. существительных *a*-склонения обычно являются *-ы* (твердые основы) / *-и* (мягкие основы): *с'астр'ы, кор'овы, рук'и, з'амл'и*. Такая система широко распространена в современных северо-западных русских говорах, а также олонечских и поморских, т. е. в границах Новгородской земли; в конечном счете она восходит к системе древненовгородского диалекта [Зализняк 1995: 79–81]. При этом в отдельных, по-видимому, архаических идиолектах представлена более сложная система: gen.-dat.-loc. sg. *с'астр'и, кор'овы, рук'э, з'амл'и*, отличающаяся от «основной» заонежской системы окончанием *-е* при основах на задненебный согласный. Системы такого устройства известны в псковско-тверском («севернокривичском») ареале [Гер-Аванесова 2002]. Сходство заонежских систем с последними увеличивается, если учесть, что в архаическом слое заонежских говоров представлено смягчающее основу окончание (подобное рефлексам **ě*) в формах gen.-dat.-loc. sg. слова *зима*, имеющих ударение на основе: gen. *д'о́га з'им'и*, num. *д'в'и́ з'им'и*, *п'о́дл'ага з'им'и*, dat. *з'им'и*, loc. *на́ з'им'и* — при gen.-dat.-loc. sg. *з'им'и*. В говорах севернокривичского ареала окончание gen.-dat.-loc. sg. **-ě* в безударной разновидности склонения отмечается при основах на губные достаточно регулярно [Абраменко 2000].

(22) Существительные муж. рода старого *o*-склонения с суффиксом *-ьк-* и наосновным ударением, нарицательные, обозначающие лиц, имеют в заонежских говорах окончание nom. sg. *-{e}*, скорее всего, унаследованное от языка новгородцев (ср. окончание nom. sg. *-e* твердых *o*-основ в древненовгородском диалекте [Зализняк 1995: 79; 84–87]). Список этих слов краток: *д'э́тк'а* 'пожилой мужчина', *гн'о́тк'а* 'нечистая сила, дух, угнетающий человека во сне', *макс'и́мк'а* 'нечистая сила, дух, вызывающий ненормальное поведение человека', *аст'а́тк'е* 'остаток, остальные люди', а также, по-видимому, *дру́шк'е* 'дружка, свадебный чин'. Собственные имена с этим окончанием в Заонежье нами не зафиксированы, однако в соседних районах в XIX в. были записаны клички лошадей (по масти) nom. sg. *Карькэ, Воронкэ* [Куликовский], а также *Садке* [Гильфердинг 1983: 237–252].

(23) Существительные муж. рода с суффиксами *-ишк-*, *-ушк-*, *-онк-* (кроме слов для обозначения незрелых существ), *-ишч-*, а также имена собственные с основами, оканчивающимися на кластеры, имеют в пом. sg. окончание *-{о}*: *кúмушка*, *брат'ишка*, *пйен'ич'онка*, *мужык'ишша*, *Ол'ексáндра*, *М'ихáйла* — и склоняются по типу существительных *о*-склонения. В пом. pl. нарицательные существительные этого типа, а также *товарищ*, имеют окончание *-а* (*дам'ишка*, *дам'ишча*, *тавар'ишча*), а в gen. pl. у них варьируются окончания *-ов*, *-ей* и нулевое.

(24) Существительные *мáти*, *дочú* сохраняют исконную парадигму склонения: пом. sg. *мáт'и*, *дaч'и*, acc. sg. *мáт'ер'*, *дóч'ер'*, gen.-dat.-loc. sg., пом. pl. *мáт'ер'и*, *дaч'ер'и*, gen. pl. *мáт'ер'ей*, *дaч'ер'ей*.

(25) Основы множественного числа любых существительных могут иметь суффикс *-'й-*: пом. pl. *ад'ейáл'йа*, *майш'ин'йа*, *мужыч'ин'йа*, *гáдавйа* 'змеи', *пармач'ин'йа* 'оводы' (пом. sg. *пармач'ина*, от *пармáк*), *кол'óс'йа*, *ичан'овйа* 'чаны', *в'ич'йа* 'ветки, прутья' (пом. sg. *виц'а*) и др. Однако видна тенденция к присоединению этого суффикса неодушевленными существительными, а из одушевленных — словами с пейоративным значением. Собственно собирательные образования в говорах редки: пом. sg. *кор'и́б* 'кора', *к'с'т'jó* 'кости', *ал'еи́я* 'заросли молодой ольхи; ольховое дрова', *б'ер'ез'я* 'мелкий березовый лес; березовые дрова' и некоторые другие.

(26) Сохранение окончаний консонантного типа склонения можно видеть в следующих формах. У названий детенышей и названий жителей с суффиксом *-анин-*: пом. pl. *т'ел'áта*, с заменой *-е* на *-а*: *товву́яна* 'жители Гóлвуи', *ламбасру́ч'ана* 'жители пос. Ламбасру́чей', *т'ипл'áна* 'жители д. Тíпиницы' (ср. пом. sg. *к'смьз'óр* 'житель д. Космозеро', *в'ел'икогуб* 'житель пос. Великая Губа', пом. pl. *к'смьз'óры*, *в'ел'икогубы*); gen. pl. *т'ел'áт*, *товву́ян*, *ламбасру́чан*, instr. pl. *т'ел'áтмы*, *роб'áтмы*, *ягн'áтмы* (только у названий детенышей, а также *jáгадмы*, *jáиц'мы*).

(27) Окончание пом. pl. слов *сын*, *брат*, *хозяин* и под. можно рассматривать как аналогичное рассмотренному в (26) преобразование исконного показателя *и*-склонения: *сынава́* (*1* *сыновя́*), *братова́* (*1* *братя́*, *братовя́*), *сватава́*. Впрочем, формант *-ов-* присутствует у слова *сын* во всех формах мн. числа: gen. pl. *сынав'ей*, dat. pl. *сынавам*, instr. pl. *сынава́мы*. К показателю *и*-склонения восходит окончание loc. sg. существительных муж. рода с основой на заднеязычный: *в бачкú*, *в гр'ехú* (у слов с другими исходами основ акцентных типов А, В, С — окончание *-и*: *в котл'и*, *в дóм'и*, на *мърóз'и*).

(28) Окончание instr. pl. субстантивного склонения — *-амы* (*рукáмы, морóзамы*), адъективного — *-има* (*бъл'шымá, т'в'ордыма*), в том числе у неличных местоимений (*тыма, фс'имá*).

(29) Отдельные слова сохраняют в преобразованном виде старое окончание loc. pl. o-склонения: *вм'ес'т'ах, ва с'н'áх, в л'ес'ах*.

(30) Большинство специфических окончаний *местоименного* типа склонения заменено в заонежских говорах окончаниями адъективного типа: nom. sg. *тáжа, тóжа*, acc. sg. *тúжу, жу 'её'*, gen.-dat.-instr.-loc. sg. f. *жо́й*, instr. sg. m.-п. *тым, фс'им, ч'им, к'им, адным*, nom. pl. *ты́жа, фс'и, адны́*, gen.-loc. pl. *тых, фс'их, адных*, instr. pl. *ты́ма, фс'имá, одны́ма*.

(31) Причастия употребляются преимущественно в предикативной функции и имеют окончания nom. sg. m. *-ой*, f. *-а*, n. *-о*, pl. *-ы*: *ув'ез'анай, ув'ез'ана, ув'ез'ана, ув'ез'аны*. Прилагательные в им. падеже имеют как полные, так и краткие формы (последние — как у причастий), однако стяжение не всегда позволяет различить те и другие.

Спряжение

Из особенностей глагольной системы рассмотрим образование форм 3-го лица презенса и категорию перфекта.

(32) Окончания 3-го лица презенса однозначно указывают на связь заонежских говоров с западнорусскими. Распределение показателей 3-го лица — *-ө, -т* и *-т'* — обусловлено типом спряжения глагола в презенсе и числом: I спр. ед. *н'ес'от* (реже *н'ес'о*), мн. *н'ас'ут'*; II спр. ед. *стайт*, мн. *стайáт* (реже *стайá*). Употребление «нулевой» флексии (хотя эту флексию можно считать редкой, особенно в речи более молодых информантов), по-видимому, определяется типом частно-временного значения формы презенса, а также типом придаточного предложения: формы с «нулевым» окончанием или имеют неактуальные значения презенса, или встречаются в условных придаточных (о выборе нулевого/ненулевого показателя форм 3-го лица в ряде северо-западных русских говоров см. [Рыко 2000; 2002]).

(33) Значения форм перфекта и прош. времени противопоставлены как результативное аористному. Перфект имеет формы наст. и прош. времени.

Перфект подавляющего большинства глаголов выражается сочетанием формы глагола *быть* (нулевой в наст. времени, формой прош. времени — в прошедшем) со страдательным причастием прош. времени на *-н, -т*; окончания причастий см. в (31).

В архаическом слое говора страдательные причастия, выражающие перфект, образуются от любых переходных и возвратных глаголов (*даннай, вы́н'ита, жён'енас'*) и подавляющего большинства непереходных невозвратных (*уйд'ана, уйехана, роботана*). Перфект от ряда непереходных глаголов образуется при помощи деепричастий на *-ши* (*аста́фшы, памо́ршы* и др.).

Причастия переходных глаголов согласуются в роде и числе с формами в функции прямого объекта (подлежащим). Перфектные конструкции с непереходными глаголами представляют собой безличные предложения с причастиями-сказуемыми ср. рода.

А́ и́ннай ска́жат: «Ваш та́тка в по́тпат наса́жанай»; Нон'ку агра́бл'аны фс'и му́жык'и, за кага хо́ш ид'и, можа, у́вез'л'и бы; А у́ мн'а му́жыкта у́вез'анай был в Арха́нг'ел'с'к до́д вайны; А му́жык'и дьброво́л'ца́мы ушл'и, пь́тму што хл'е́ба н'е́ была. Каг гавар'и́ц'ца́, гд'и хл'е́п, там ы́ йа́, дак бы́ла у́йд'ана.

В том числе возможно образование так наз. «поссесивного перфекта» — конструкции, в которой субъект действия выражен формой ген. с предлогом *у*:

Пр'ишла с рабо́ты, а у́ жага боты́тка купл'ана, и с'ид'ит, знач'ит э́тага, вы́п'ива́т' заво́д'ит; А у́ сос'е́д'ей бы́ла на́н'ата н'е́н'а, н'асту́н'г'а, д'е́фка, там го́даф н'атна́ц'ца́т' йо́й бы́ла.

Образование перфекта с причастиями на *-н, -т* от возвратных глаголов характерно скорее для речи старшего поколения информантов:

Зап'исана́с' бы́ла за́ дв'и н'ед'е́л'и [до дня свадьбы], ра́н'ше, ну дак и он э́тта жа́н'их э́тат: «Обзако́н'енас', дак н'е́ч'ега и в'ен'ч'а́ц'ца́».

В современном говоре такие формы довольно редки, вместо них от возвратных глаголов активно образуются деепричастные формы на *-ши* (*записа́фшысь*). Эти формы, видимо, следует считать инновацией — вытеснением более распространенными формами (причастия на *-ши* в той или иной мере повсеместно распространены в западнорусских говорах, в том числе — в городском просторечии) явления локального (страдательные причастия на *-н, -т* с возвратной частицей *-ся* характерны в основном для русских говоров в восточной части Карелии [РД: 190]). Кроме того, с точки зрения так наз. «вертикальных различий» деепричастия на *-ши* имеют гораздо более высокий статус — вплоть до допустимости в литературном языке (о «вертикальных различиях» применительно к русскому диалектному синтаксису см. [Трубинский 1984: 50–69]).

3.2. Севернокривичские и «новгородские» черты современных заонежских говоров. Севернокривичскими по происхождению (унаследованными от племенного диалекта северных кривичей, см. [Николаев 1990]) чертами заонежских говоров должны считаться: (1) отсутствие II палатализации **k*, широкие рефлексы **ě* и **ь* в сочетаниях **ТЬrT*, второе полногласие, *кл* на месте *мл*, неогубленные рефлексy напряженных редуцированных перед мягким сонантом и *j*, флексия nom. sg. -*e* существительных муж. рода **o*-склонения; (2) наличие нулевой флексии в системе флексий 3-го лица презенса, окситонеза форм ед. числа непроезводных существительных муж. рода праславянской а. п. *d* (см. п. 4). Как было показано выше, явления первой группы в заонежских говорах имеют лексикализованный характер, сохраняясь в отдельных словах — преимущественно местной лексике со специальными и терминологическими значениями. Явления второй группы сохраняются более или менее последовательно, по крайней мере в архаической разновидности говоров.

Те особенности, которые можно было бы возводить если не к диалекту Новгорода, то к какому-то близкому говору Новгородской земли позднего периода, характеризуют фонетическую и грамматическую систему заонежских говоров. К ним относятся: *e*-образные неконечные рефлексy **ě* перед твердыми согласными при *u*-образных конечных и перед мягкими согласными; оглушение сонантов после глухих; различие фонем /*o*/ и /*ə*/, восходящих к **o* и **ь* соответственно; синкретизм gen.-dat.-loc. sg. *a*-склонения с неразличением твердой и мягкой разновидностей склонения (окончания -*ы/-и*); развитая категория перфекта. Имеется также весомый пучок древних изоглоссов, связывающих онежские говоры с западнорусскими: loc. sg. -*y* существительных муж. рода с основой на заднебные, ударение *l*-причастий глаголов с корнями на нешумные (*д́ала*, *бр́ала*, *пр́дала*, *собр́ала/с́брала*), ударение форм наст. времени глаголов с неслоговым корнем (*пойд́у*, *пойд́ат*; *н'ер'ел'й́у*, *н'ер'ел'й́ат*) и др. Эти черты должны были быть унаследованы заонежскими говорами от языка новгородских переселенцев.

«Севернокривичские» признаки заонежских говоров также были приняты из диалекта пришедших в Заонежье новгородцев. Можно предполагать, что этому диалекту уже был свойствен последовательно системный характер одних явлений севернокривичского происхождения при явной остаточности других. Известно, что «удельный вес» особенностей севернокривичского происхождения в древненовгородских текстах с

течением времени неуклонно уменьшался, а вместо них распространение получали «стандартные» (на общерусском фоне) восточноновгородские черты [Зализняк 1995]. Тем самым современные заонежские говоры, восходящие к языку новгородских колонизаторов, представляют собой дальнейшую стадию «стандартизации» новгородского диалекта.

3.3. Изменения в заонежских говорах за последние 120 лет. Сравнение списка особенностей заонежских говоров, извлеченных Н. П. Гринковой из материалов экспедиций А. А. Шахматова 1884 и 1886 гг., с нашим записями показывает, что ко второй половине XX в. две местных фонетических черты оказались вытеснены «стандартным» произношением.

(1) Произношение *ф* на месте *хв* (начального?): *фос* 'хвост', *фоя*, *фóрос*, *фáстать*, *фатáть*, — и, наоборот, *хв* на месте интервокального *х* (огубленного перед *о*?): *охвóтник* [Гринкова 1947: 325]. Замена *хв* на *ф* в севернорусских говорах, по-видимому, обусловлена не гиперкоррекцией, как это принято считать, а прогрессивным оглушением сонанта в этом сочетании и является проявлением тенденции к прогрессивной ассимиляции согласных по глухости, свойственной древненовгородскому диалекту. Сейчас отмечается только стандартное произношение: *хвос*, *хвóрос*, *хвоя*, *хвáстать*, *охóтник*. До недавнего времени сохранялось начальное *ф'* на месте *в'* в слове *ф'ёр'ас* (*л'ёр'ас*) 'можжевелик', рассматриваемое Н. П. Гринковой в одном ряду с предыдущими примерами. Это относится и к ныне выходящему из употребления «культурному» заимствованию XIX в. *фат'ера* (< *ква(р)тера* или *хва(р)тера*) 'изба, главное жилое помещение в доме', ср. параллельное развитие начальной группы согласных в *в'арста́* (< *гв'арста́*) 'дресва, толченый известняк'.

(2) Произношение *у*, *х* вместо *в*, *ф* в предлоге **въ*: *у дом*, *х своё царьство* [Гринкова 1947, там же].

3.4. Заонежский «культурный язык», современный русский литературный язык и заонежские говоры. «Культурный язык» Заонежья по своему устройству идентичен тем формам «почти литературного» языка, на которых говорят в близлежащих районах, в Петрозаводске и райцентрах. Представляется, что общность диалектной основы и лишь в небольшой степени — контакты населения в данном случае приводят к относительному единству языка образованных людей и младшего поколения на указанной территории.

*Сохранение/несохранение диалектных черт
заонежским «культурным языком»*

Фонетика. Заонежский «культурный язык» сохраняет прежде всего особенности неконтролируемой фонетики, свойственные заонежским говорам: ритмику слова, фразовую интонацию, качество гласных и согласных, обусловленное спецификой артикуляционной базы (узкий раствор ударных гласных, широкий — безударных, особенно заударных), некоторые позиционные изменения звуков (прогрессивное оглушение сонантов после глухих). Эти особенности охарактеризованы в пунктах 1, 2, 10, 11, 14, 15, 20 очерка особенностей системы заонежских говоров.

Что касается рефлексов **ě*, то в «культурном языке» они, как правило, совпадают с рефлексами **e* и **ь*: [e], в полудиалекте возможен [ɪ] (повидимому, только в лексеме *йис'*). Широкие рефлексы (*m'ácmo*), редкие и в говорах, в полудиалекте и «культурном языке» не встречаются вовсе. То же относится и к произношению [a] в словах с сочетанием **ТЬrT* (*ч'арф*). Полудиалект и тем более «культурный язык» лишены второго полногласия.

Системы безударного вокализма у младшего поколения, которое, как правило, пользуется «культурным языком», и у старшего, говорящего на полудиалекте или местных говорах, различаются отсутствием в «младшем» произношении оканья, яканья и ёканья. После мягких согласных в позициях яканья и ёканья «младшие» произносят [e] более открытый, чем под ударением. В заударных слогах после твердых согласных как в «младшем», так и в «старшем» произношении гласные неверхнего подъема нейтрализуются в [a]. В предударных слогах те же гласные в «младшем» произношении нейтрализуются в [ъ] среднего подъема, среднего/заднего ряда — т. е. более высоком и более переднем звуке, чем в речи старшего поколения. Таким образом, заонежское предударное оканье со слабо огубленным широким *o*, в определенных условиях повышающим подъем и усиливающим огубленность, утрачивается в «младшем» произношении (в «культурном языке» и частично — в полудиалекте).

Система аффрикат в полудиалекте и «культурном языке» претерпела следующие изменения (ср. п. 10 описания говоров). На месте **k* в позиции I палатализации и сочетаний **tj*, **kt(i'ь)* «ц' шепелявое мягкое» вытеснено мягким *ч'*, в позиции II палатализации произносится *ц* твердое, а *k* сохраняется в меньшем количестве корней (*к'еж*, *кв'ем/кв'ес'м'ú*; *к'ивца* — уже забытое большинством информантов слово). В позиции III пала-

тализации и сочетаниях *ts* произносится *ц* твердое. Таким образом, в заонежском полудиалекте и «культурном языке» противопоставлены «ч мягкое» и «ц твердое», как и в литературном языке.

Ляпанье утрачивается в «культурном языке», в небольшой степени сохраняясь в полудиалекте.

«Культурный язык» частично сохраняет диалектные особенности акцентной системы, свойственные говорам. Ниже на примере акцентуации существительных муж. рода рассмотрены «культурные» и «заонежские» типы акцентуации, как их видят сами говорящие.

Словоизменение и грамматика. Заонежский «культурный язык» лишен почти всех специфических черт, характерных для системы словоизменения заонежских диалектов, которые замещены в нем формами литературного языка. Так, ему свойственны:

— система *a*-склонения с различием gen. sg. и dat.-loc. sg. (*дъ з'имы́, з з'им'э́, нь гьльв'э́*),

— окончание loc. sg. *o*-склонения *-e*,

— окончание instr. pl. субстантивного склонения *-ам'и* (*рукáм'и, т'е-л'áтам'и, йáгадам'и*, а также, впрочем, *л'уд'ám'и, д'ит'ám'и*),

— окончание instr. pl. адъективного склонения — *-им'и* (*нóвым'и, бол'шым'и*),

— местоименное склонение, совпадающее с литературным,

— формы 3-го лица презенса с окончанием *-т* независимо от числа и спряжения глагола (*ид'от, идут, стайт, стайат*; исключение составляют десемантизированные глаголы междометного характера *ска́же, мо́же*). В полудиалекте в перечисленных формах — варьирование «литературных» и «заонежских» окончаний.

Что касается nom. sg. существительных муж. рода типа *дедке, гнётке*, то окончание *-e* сохраняется лишь у слова *гнётке*. *Дедко* и *дружко*, как наиболее частотные, приобретают стандартное окончание слов муж. рода с суффиксами на *-к-*, прочие слова этой группы забыты.

Категория перфекта в полудиалекте и «культурном языке» сохраняется, однако вместо причастий возвратных глаголов на *-ность* (*жé-н'енос'*) в функции перфекта используются повсеместно распространенные в западнорусских говорах причастия на *-ши* (*жен'ившись*).

Изучение устойчивости диалектных форм словоизменения в заонежском полудиалекте, особенно перечисленных в п. 3 (23–27, 29, 30), по-видимому, может показать, какие из них стоят «на границе» полудиалекта

и «культурного языка», т. е. являются «стандартными» в данной местности.

4. *Ляпанье* может считаться одной из самых ярких черт заонежских говоров. Специфику заонежских говоров местные жители отождествляют именно с ляпаньем: о местной «некультурной» речи говорят «ляпать по-заонежски». За пределами Заонежья местный говор также ассоциируется прежде всего с ляпаньем, ср. дразнилки: *Пяшкам с мяшкам на Медвѣжку; Пѳрахат нѳа губы чѣшет* и др. Раньше ляпанье называли также *ляпсаньем* (возможна связь последнего с *лявзянье*).

4.1. **Фонетическая природа ляпанья. Ляпанье и фразовая просодия.** Ударение при ляпанье по своим фонетическим параметрам не отличается от перенесенного ударения. Оно определяет контур редукции безударных гласных так же, как и перенесенное ударение.

Ляпанье тесно связано с особенностями фразовой просодии говоров, для которой характерны: 1) восходящий (высокий) тон первого слога фразы, 2) пословное выделение во фразе, при котором начало каждого фонетического слова оформляется как начало фразы (имеется при нескольких, но не всех типах фразовой интонации). Последняя особенность, по-видимому, является следствием прибалтийско-финского влияния и причиной возникновения ляпанья в говорах Заонежья.

В кижском говоре ляпанье имеется лишь в тех случаях, когда словесное ударение совмещается с нисходящим фразовым акцентом, что, в частности, имеет место при пословном выделении, когда нисходящий фразовый акцент ставится на каждом слове фразы. Нисходящий фразовый акцент падает на первый слог исконно конечноударных словоформ и на ударный слог словоформ с неконечным ударением. При восходящем фразовом акценте в кижском говоре ляпанья нет — представлены конечноударные формы.

Участки фразы, не имеющие фразового акцента, часто характеризуются «слабым» пословным выделением, при котором каждое фонетическое слово, независимо от места словесного ударения, получает начальное усиление. Последнее состоит в небольшом повышении тона и небольшом удлинении гласного начального слога (фонологически начальное усиление — просодический «маркер» начала фразы). Словоформы при этом чаще всего содержат два ударных гласных (*тѳблакнѳ*), но встречаются и безударные гласные в начальном слоге (*нѳрас'ѳнак* ~

náras'ónak). Исконно конечноударные словоформы с двумя «обрамляющими» ударениями при достаточной силе первого ударения мы условно считаем случаями ляпанья.

«Системная» факультативность ляпанья, тем самым, связана (по крайней мере, в архаическом слое кижского говора) с характером фразовой просодии — положением словоформы относительно фразового акцента и характером фразового акцента. В определенных фразовых условиях ляпанье появляется автоматически. Некоторые говорящие старшего поколения, употребляя ляпанье в речи, даже «не замечали» этого, а на вопрос: «Говорят ли в Заонежье [*з'эамл'а*]?» — отвечали: *Мы гóдвор'им «з'амл'á», з'эамл'а — это уш кóар'ел'ак какóй-н'и гóдвар'ит* (В. С. Семёнова, 1902 г. р., Волкостров).

4.2. Правило ляпанья. «Старые» и «новые» энклиномены. По правилу ляпанья ударение переносится с конечного слога на начальный в фонетических словах любой длины: *н'эас'ат, кóаўдунь, кóалакал'н'а*. Неоконечное ударение при ляпанье не переносится: *н'ас'óнай, коўдún'г'а, коло-кóл'ит*. В стяженных формах с конечным ударением переноса ударения не происходит: 3 sg. *н'а знáт, пом. sg. f. с'м'ашнá*.

Клитики делятся на «вовлеченные» и «невовлеченные» в перенос ударения по правилу ляпанья. К первым относятся (1) энклитики, препятствующие переносу ударения с конечного слога словоформы (точнее, бывшие энклитики — частицы *-ся* и *-си*, восходящие к асс. и dat. возвратного местоимения): пом. sg. *зэд'ин* 'один, некоторый', *ад'ин-с'и* 'один, одинокий', *зэдна, аднá-с'и*, праet. т. *нóгнаў, понáўса*; (2) проклитики, на крайний слева слог которых регулярно падает ударение, перенесенное по правилу ляпанья, — все односложные и часть двусложных перддогов (предлоги с полногласием), все приставки и частица *не*, ср. *н'эдсла, пр'ин'асла, н'эа пр'ин'асла*; лос. sg. *вóады, нá воды, н'эа на воды*.

К числу клитик, «не вовлеченных» в перенос ударения по правилу ляпанья, относятся:

— часть двусложных и многосложных предлоги: *óкала двóара*;

— союзы препозитивные: *Хэт' прóакл'инай, хэт' н'эа пракл'инай; А нóаши'и на пожну — хл'эба н'э была с сóабай вз'ат'*; постпозитивные: *А óн тóжа н'эабал'шай да глúпай да; Жýвут' в'ет' л'уд'и и б'ас парт'ийнага б'ил'эта*;

— местоимения: *А зана ф подóл'и пр'ин'асла йу; Пр'ив'ез'и ты мн'икава этых — «Душэс и Глóр'ийу»*;

— частицы: *Стáр'ику-та́ ётаму и гóдвар'эт; Спрóс'ит: пóашаў л'и дóамай?*

— формы глагола *быть*: *Ты́ н'ёа пашла бы́.*

Перенесенное ударение ставится на слог, следующий за такого рода проклитиками, а энклитики этой группы не препятствуют переносу ударения с конечного слога словоформы.

Перенесенное по правилу ляпанья ударение может совпадать с ударением предшествующего знаменательного слова при наличии между ними тесной синтаксической связи: *пум. двá бабра (< двá бобра́), пом. sg. В'ел'ика́ Губа (< В'ел'ика́ Губа́), С'анна́а Губа, Фóймогуба.*

Перенос конечного ударения на проклитики и сохранение его на конце словоформы при присоединении энклитик, а также наличие под перенесенным по правилу ляпанья ударением системы безударного вокализма (см. п. 2.1. (8)), свидетельствуют о типологическом сходстве заонежских форм с ляпаньем и праславянских форм-энклиноменов. Ниже формы с ляпаньем названы «новыми энклиноменами» (НЭ), а рефлексy праславянских энклиноменов — «старыми энклиноменами» (СЭ). Таким образом, ляпанье, обязанное своим появлением начальной интенсивности фонетического слова, приобретенной русскими говорами под прибалтийско-финским влиянием, тем не менее отвечает славянской акцентуационной модели.

4.3. Факультативность ляпанья в социолингвистическом аспекте. Ляпанье, особенно юго-западное, считается особенно некультурной манерой речи. Избавляться от ляпанья уже в середине XX в. старались местные по происхождению и жившие в Заонежье председатели колхозов, бригадиры, не говоря об административных работниках, врачах, учителях. Сейчас ляпанье является большой редкостью.

В 1980-е гг., когда это явление еще было достаточно распространено, большинство говорящих употребляло формы с ляпаньем примерно в 20–60% возможных позиций, что объяснялось, по-видимому, стремлением говорить «культурно» (как при общении с диалектологом, так и в повседневной жизни). Лишь у немногих процент форм с ляпаньем доходил до 80. Помимо «просодически обусловленных» случаев, конечное ударение последовательно употреблялось лицами старшего поколения в ряде слов — заимствованиях из литературного языка — и при цитировании речи неместных.

В тексте, записанном в 1988 г. от уроженки д. Селецкое А. И. Изотовой (1903 г. р., шуныгский говор), ляпанье представлено примерно в 80% возможных позиций. Темы ее монологов — забавные случаи из детства, сватовство мужа и свадьба, семейные истории, слышанные от матери; чуть меньше половины текстов — это воспоминания и размышления о вступлении ее семьи в колхоз и об аресте мужа. Рассказы А. И. отличаются обилием цитат.

Наличие/отсутствие ляпанья связано с тем, кого цитирует рассказчица. Передавая речь работодателей мужа — городских жителей, она не допускает ни одного случая ляпанья (в тексте конечноударные формы подчеркнуты); передавая затем рассказ мужа о требованиях работодателей в семейном кругу, она последовательно «ляпает»:

Тóгды с хл'эбам-та бы́ла плóха. Давáл'и нá фс'ю с'эм'ю нам нóрму, хл'эб. А нóгтам — йемý сказáл'и, што «Пр'ив'аз'ú с'удá с'эм'ю, а бóл'ше домóй н'е даím хл'эба нóрмы». Ну, он пр'úшол, мн'и гóвар'ид дак: «Штó, — гъвът, — бúд'ам д'элат'? В'ет' тáм, — гъвът, — нáм н'еа дают' тaкóа пом'ешиен'г'а, штобы мý бы фс'ú, стáр'ик да старúха да, да роб'áта, — уж двóа рóб'ят бы́ла, — да нáс двóйа, дáют' кáкай-н'и тáкай úгалак. Ну и штó, а ú нас, — гъвът, — стáр'ик л'ежáишай, нóгт с'еб'а, дак йóдму, — гъвът, — нáда одд'эл'н'а кóмната дáжэ. Штó д'элат' вот, пр'ид'óцца вýt'т'и óттул'».

В разговоре с директором школы как «чужое»/«свое» противопоставлены не только конечное ударение — ляпанью, но и формы личн. мест. 3 рl. *онé/онý* (*онý* — «свое», *онé* расценивается как стандартная форма):

А ú мн'а мýжык-та ув'эз'анай бýл в Арханг'ел'с'к дóа вайны, а раб'áта-та ф шкóлу хъд'úл'и, дък пр'ихъд'úлас' ч'áста к йóдму ўбрашиáцца. Дак он мн'ú и скáжат: «Изóтава, ч'егó ты к мýжу н'е схóд'иш? Мýж этта недал'óка ут'еб'á. Йá, — гъвър'ит, — с П'есчáннага сáм, а тýт, — гъвът, — свс'эм бл'úзка Арханг'ел'с'к, гд'и ан'é, — гъвът, — нахóд'ацца. — «Ой, — гъвър'у, — Вас'úл'ей Траф'úмав'ич', што мн'и úт'т'и к мýжу, мóжа, и свидáн'я нéа дайт', а úт'т'и да астáв'ит' с'эм'ю дóма — н'эт, н'éа пайдú».

При цитировании матери, отца, сестры, участников сватовства и др. односельчан у А. И. — всегда ляпанье. Речь мужа в ее передаче, как правило, тоже содержит ляпанье.

За пределами цитат употребление конечноударных форм у А. И. Изотовой можно считать общим для заонежских говоров.

1. Только конечное ударение представлено у слов, вошедших в говоры из церковнославянского языка (*ердán, канún, Покрóф* и др.).

2. Конечное ударение всегда имеют собственные имена в их церковной форме (*Ивán, Николáй*; едва ли такие формы имен носят «официальный» характер, поскольку в Заонежье было принято обращение по имени-отчеству к людям старшего возраста, в том числе к супругам): *И н'и-óднага жывога н'ету, óд'ин Ивán М'ихáйлаф жывай*.

3. Ряд слов — заимствований из литературного языка — произносятся только с конечным ударением, например, *магазин* (стар. *ла́фка* 'частный магазин'); заимствования более старые: устар. *красный товар* 'ткани и нитки фабричного производства', *Душес* и *Глория* (название карамели), *судьба* (*В'идна, суд'ба такаа; суд'ба, в'ерна, была*). Только с конечным ударением встречается *дворовой хоз'аин* 'домовой' (вероятно, эвфемизм).

4. Конечное ударение характерно (но не единственно возможно) для юридических терминов, актуальных с конца 30-х гг., реалий и клише советского времени. Примеры конечноударных форм в составе формулировки приказа и фразеологизма *положить на стол партийный билет* — при ляпанье за их пределами:

Йóгга ытправл'ал'и уб'ерáт' этых м'óртвых т'эл пóс'л'и вóйны-та. Солдáтаф. Но, óана гьвэр'ит: «Дак н'еа пайежджай, й'ежал' н'е мóжааш». — «Д'к наа, — гьвэт, — пар'т'ийнай б'ил'ет пр'ит'т'и на стóл, й'ес'л'и н'е пой'ед'аш».

Конечное ударение в названиях советских реалий:

Знáл'и мы, што ф Кремл'и там д'элааццэ, да мы в'эк-та н'е слыхál'и н'ич'óгга, да и н'ужным н'е ш'ч'итáл'и знáт'. Нó. А в'ид'иш, што п'лу-ч'ильс'. Ктó-та какóй-та загавар з'д'елал'и гд'и-та пóй знай с к'им. Ой, кáм'ед', ой, кáмед'. И вс'им óдна стат'я, скажа, была, забыла я, какóй п'ункт-та.

Среди слов такого рода встречаются и формы с ляпаньем: *óдресто-вать*.

Приведенные примеры показывают, что в говорах Заонежья конца XIX — первой половины XX в. имелись заимствования из городского и церковного языков, «культурный» (или чужеродный) характер которых маркирован отсутствием ляпанья. Так же маркированы более поздние заимствования. Во всех этих случаях имеет место усвоение новых слов и оборотов в присущей им в языке-источнике форме. С другой стороны, передавая речь неместных, люди старшего поколения намеренно «снимают» эффект ляпанья, таким образом «переходя на другой язык».

5. Акцентуация непроезженных существительных мужского рода в заонежских говорах

Система заонежских акцентных типов восходит к праславянской системе ударения. Ей свойственны также определенные западнорусские инновации. С исторической точки зрения система интересна сохранением рефлексов а. п. *d* кривичского типа [Николаев 1988; ОСА; АССЯ] — нафлекссионного ударения форм мн. числа и косвенных падежей ед. числа. Однако в заонежских говорах в ед. числе окситонеза слов праславянской а. п. *d* представлена непоследовательно: одна и та же словоформа даже в одном идиолекте может иметь как начальное, так и нафлекссионное ударение. Материал, собранный в 2001–2002 гг., позволил уточнить рефлекс а. п. *d* у существительных муж. рода и установить направление инноваций в их акцентуации. Он показал, что колебания в акцентуации связаны, в частности, с предпочтениями говорящих: те, кто говорит на полудиалекте, стараются использовать такой тип акцентовок, который они считают «культурным».

Ниже при разборе заонежской акцентуации существительных муж. рода мы употребляем термин «акцентная парадигма» (а. п. *a, b, c, d*) применительно к праславянской акцентной реконструкции. Синхронные акцентные отношения в заонежских говорах мы называем акцентными типами (а. т. А, В, С, D).

5.1. Материал. Анализируемый материал собран главным образом при помощи вопросников: поначалу это были списки слов с акцентной реконструкцией по данным старорусских памятников, опубликованные А. А. Зализняком [Зализняк 1985: 131–140]. Летом 1988 г. и в 2001–2002 гг. использовались вопросники, составленные С. Л. Николаевым и опубликованные им (в адаптированном для русского материала виде) в [Диалектные различия: 65–66]. Этот материал дополнен словоформами, взятыми из текстов.

По «акцентологическим» вопросникам материал был собран от уроженцев следующих населенных пунктов.

Северо-восточный говор: ВН (Авдеева Мар. Ив., род. в 1907 г. в д. Шильтя, зап. в Великой Ниве, 1987), Як. (Щанова Анаст. Мих., 1914 г. р., зап. в Великой Ниве, 1987), Фойм. (Керонен Антонина Як., 1955 г. р., зап. в Сенной Губе, 1988), Куз. (Комлякова Ек. Павл., 1925 г. р., зап. 1987 г.; Полина Ив., 1915 г. р., зап. на Волкострове, 1988), Выр. (Якушева Евд. Андр., 1910 г. р., зап. в Кузаранде, 1987), Палт. (Новожи-

лова Над. Дм., 1925 г.р., зап. 2002 г.), МЯ (Лачугина Валент. Ив., 1935 г.р., зап. в Великой Ниве, 2002). Материал Падм. и Паян. взят из текстов и является дополнительным. Юго-западный говор: Косм. (Ерофеева Нат. Ив., 1909 г.р., зап. 1987 г.), Сел. (Изотова Алекс. Ив., 1903 г.р., зап. в Космозере, 1987), Лонг. (Рогачева Ек. Петр., род. в 1937 г. на Волкострове, зап. в Лонгасах, 1988), Кос. (Кашперская Клав. Вас., 1924 г.р., зап. в Великой Губе, 2001), Тер. (Пахомова Алекс. Ефим., 1926 г.р., зап. в Космозере, 2001), Сиб. (Анисимова Фаина Серг., 1933 г.р., зап. в Великой Губе, 1988 и 2002). Тип., Тамб., ВГ, Тар., Волк., СГ и Об. представлены формами, взятыми из текстов.

5.2. Акцентные типы производных существительных муж. рода и их лексический состав. Синхронно в заонежских говорах у существительных муж. рода выделяется четыре акцентных типа (А, В, С, D). Опорными формами для определения акцентных типов в этом классе слов являются ном.-асс. sg. и pl. и по одной из форм косвенных падежей ед. и мн. чисел за исключением формы loc. sg., обладающей по сравнению с остальными формами sg. «меньшей релевантностью» для определения акцентного типа. Для характеристики акцентных кривых, объединяемых в а. г. D, приходится учитывать большее число форм ед. числа, см. ниже. Эффект ляпанья при определении акцентного типа снимается (не учитывается).

5.2.1. С акцентными характеристиками лексемы связан выбор окончаний loc. sg. (-и ~ -у́) и ном.-асс. pl. (-ы/-и ~ -а́). Выбор окончаний loc. sg. связан также с сегментной морфонологической структурой основы (основы, оканчивающиеся на задненебные, как правило, присоединяют окончание -у́). Ниже в самом общем виде показаны заонежские «акцентно-морфологические» типы производных существительных муж. рода (твердые основы):

	А	В	С	D
ном.-асс. sg.	<i>морóз</i>	<i>столóб</i>	<i>гóрод</i>	<i>óстров</i>
gen. sg.	<i>морóза</i>	<i>столба́</i>	<i>гóрода</i>	<i>óстрова/островá</i>
loc. sg.	<i>морóзи</i>	<i>столби́</i>	<i>гóроди/дому́</i>	<i>óстрови/острову́</i>
ном.-асс. pl.	<i>морóзы</i>	<i>столбы́</i>	<i>дóмы/домá</i>	<i>серны́/островá /рóги</i>
gen. pl.	<i>морóзов</i>	<i>столбóв</i>	<i>городóв</i>	<i>островóв</i>

Акцентный тип А характеризуется колонным ударением на определенном слого основы во всех формах парадигмы, а. т. В — колонным ударением на окончании, для а. т. С и D характерно подвижное ударение — на начальном слого в одних формах парадигмы, на окончании — в других.

А. т. D отличается от а. т. С наличием вариантных акцентных контуров, характерных для а. т. В (с нафлекссионным ударением), в тех формах парадигмы, в которых слова а. т. С имеют начальное ударение: в ном.-асс. рl. при окончании *-ы/-и* и/или хотя бы в одном из косвенных падежей ед. числа (даже при наличии в той же форме того же слова и у того же информанта начального ударения в качестве вариантного). Форма ном.-асс. sg. как в а. т. С, так и в а. т. D имеет только начальное ударение (о редких исключениях см. ниже). Поэтому акцентные кривые:

ном.-асс. sg.	<i>зуб</i>	<i>дар</i>
gen. sg.	<i>зúба/зубá</i>	<i>дáра</i>
ном.-асс. pl.	<i>зúбы</i>	<i>дары́</i>
gen. pl.	<i>зубóв</i>	<i>дарóв</i>

— мы считаем относящимися к а. т. D (его подтипами). Напротив, акцентную («акцентно-морфологическую») кривую:

ном.-асс. sg.	<i>край</i>
gen. sg.	<i>кра́я</i>
loc. sg.	<i>краю́</i>
ном.-асс. pl.	<i>края́</i>
gen. pl.	<i>краёв</i>

— условно относим к а. т. С, хотя формально ее следовало бы признать нерелевантной для различения а. т. С и D. Здесь мы руководствуемся соображениями о первоначальном появлении форманта ном.-асс. рl. *-á* у существительных муж. рода а. п. с, наблюдаемом повсеместно в русских говорах и в литературном языке. Следует отметить, что этот формант в чистом виде не получил в заонежских говорах широкого распространения (не более, чем в литературном языке; имеется множество архаизмов — случаев сохранения безударного окончания ном.-асс. рl. *-ы/-и* у слов а. п. с). Напротив, он весьма широко представлен в формах мн. числа,

восходящих к собирательным образованиям от основ разных типов (пом. pl. *берэ́зья, глазо́вья, одея́ля*, см. п. 3 (25)).

Колебания показателей loc. sg. и пом.-асс. pl. у слов а. т. С и D отмечены как в рамках одной лексемы, так и у разных лексем одного а. т. Специфическим показателем твердых основ а. т. D является ударное окончание пом.-асс. pl. *-ы/-и*. Односложные твердые основы а. т. D, в отличие от таких же основ а. т. С, почти без исключений присоединяют окончание loc. sg. *-у*. Ниже в списках слов, относящихся к определенным а. т., мы приводим показатели этих падежей, которые являются дополнительным указанием на а. т. слова.

Особые подтипы в рамках а. т. В, С и D образуют старые *i*-основы и основы на согласный, которым свойственно начальное ударение в пом.-асс. pl. (в loc. sg. они имеют только окончание *-и*):

	А	В	С	D
пом. sg.	<i>ка́мень</i>	<i>зво́здь</i>	<i>го́сть</i>	<i>ко́рень</i>
gen. sg.	<i>ка́меня</i>	<i>звозд́я</i>	<i>го́стя</i>	<i>ко́рня/корн́я</i>
loc. sg.	<i>ка́мени</i>	<i>звозди́</i>	<i>го́сти</i>	<i>ко́рни/корн́и</i>
пом.-асс. pl.	<i>ка́мни</i>	<i>зво́зди</i>	<i>го́сти</i>	<i>ко́рни</i>
gen. pl.	<i>ка́мней</i>	<i>звозде́й/ёв</i>	<i>госте́й/ёв</i>	<i>лосе́й/лосёв</i>

Исключение здесь составляют имеющие тенденцию к переходу в а. т. В (1) названия животных (*мышь, моль* и др.), (2) «твердые варианты» нескольких **i*-основ на *-zd-* (*звоздь/звозд, груздь/грузд*, возможно, сюда же относится *дрозд* 'дрожь') и основы *черевь/чере́в/чёрвь(ь)/чарв*.

5.2.2. Ниже в таблицах показаны акцентные кривые существительных муж. рода с учетом ляпанья. В таблицах помещены словоформы, реально засвидетельствованные в юго-западном говоре, вокализм которого позволяет более последовательно, чем вокализм северо-восточного говора, различать перенесенное по правилу ляпанья и неперенесенное ударение.

а. т. А

	Sg.		Pl.	
	неперенес. удар.	ляпанье	неперенес. удар.	ляпанье
nom.	<i>морѳс</i>	<i>мѳрас</i>	<i>морѳзы</i>	—
gen.	<i>(с) морѳзу / морѳза</i>	— ³	<i>морѳзаф</i>	—
num.	<i>дѳа бѳрата</i>	—		
dat.	<i>к порѳгу</i>	—	<i>по кáмн'ам</i>	—
instr.	<i>пѳт порѳгам</i>	—	<i>морѳзамы</i>	—
loc.	<i>на морѳз'и</i>	—	<i>ф порѳгах</i>	—

А. т. А: *борáн/барáн*⁴ 'баран', 'укладка из 10 овсяных снопов' (Волк. — также гороха), *брат* (pl. *брáтья/братовá*), *бук* 'кадка для отбеливания холста', *цап* 'снасть для ловли мелкой рыбы', *чад*, *человек*, *четвѳрик* (gen. sg. *четвѳрика*) 'четверг'⁵, *двиг*, *дед*, *дѳверь*, *гад* (pl. *гáды/гáдья/гáдовья/гáдѳвья*) 'змея', *горѳх*, *град*, *яд*, *ястреб*, *язык*, *ердán* 'крещенская прорубь', *ил*, *юг*, *кáмень*, *канún* 'канун', 'пиво или квас, приготовляемые коллективно по случаю престольного праздника (летом)', *карáсь*, *кúкель* (часть невода), *князь* 'жених (в свадебном обряде)', *колѳдец*, *кормán*, *крик/крык*, *лаз*, *лай*, *лáстег* (деталь ткацкого стана), *лохáнь*, *медвѳдь*, *мѳсяць* (луна и месяц), *морѳз* (loc. -и), *нюгáй* 'бревно в хлеву для привязывания скота' (только сев.-вост.: Падм., Паян.), *овín* 'партия снопов, одновременно просушиваемых в риге', *онбáр*, *плýсень* 'кожура картофеля', *порѳг*, *порѳм* (loc. -и), *рак*, *рúчей*, *сарáй*, *сарафán*, *сáхар*, *сват*, *сѳвер*, *стан* 'зимовье, избушка рыбаков или охотников', *стокán*, *товáр*, *тумán*, *внук*, *хлеб*, *хúхар* 'мельник', *зáяц*, *зорѳд*, *зять*.

подавляющее большинство исконных слов а. т. А относятся к праславянской а. п. а, кроме *яд*, *князь* (с), *крик* (с/д), *стан* (д).

У ряда слов накоренное ударение в формах ед. числа и пот.-асс. pl., не перемещающееся на приставки, не позволяет различать а. т. А и С.

³ Здесь и ниже в таблицах прочерк означает невозможность появления ляпанья по системным причинам.

⁴ Оба варианта встречаются повсеместно в Заонежье.

⁵ В виде исключения в списках а. т. А и В помещены производные слова и заимствования.

Праслав. а. п. а: *клин, кляп* 'затычка', *лис, мак, мел, писк, плач, сыр* 'творог'. Праслав. а. п. с: *блеск, дух, зной, гнус* 'мошка', *горн* (в кузнице), *гул, квас, клад, лик (ликом)* 'много народу', *мир* 'покой', *нюх, пир, плеск, рев/рёв, рык* 'крик; рычание; мычание', *скрип, спех, стук, тёс, ток* 'ток (место молотыбы)', 'брачный период у диких птиц, зверей и у змей', *тесть, треск, вар, зной, зов*. Праслав. а. п. d: *блуд, бой* 'осколки, черепки', *клуб* 'клубок', *лоск* 'блеск', *мыс, мозг, рой, рост, свёкор, свист, скок, слух, слых* 'слух, известие', *улей, вяз* 'крепление-связка у саней из рябиновых или черемуховых прутьев', *звон, жар*; прочие случаи: *глев* 'плесень', *гнёт, грем* 'грохот, шум', *кеж* 'протертый через сито вареный картофель или овес для изготовления крахмала', *клёск* 'рыбья чешуя', *лёт, мот, нар, пек* 'смола, вар', *шип, воль* 'волдырь, опухоль', *вон* 'плач' (в том числе фольклорный жанр).

5.2.3. А. т. В, в котором имеется максимальное число позиций появления ляпанья, ниже представлен словоформами с предлогами и без них для иллюстрации этого явления.

а. т. В

	Sg.		Pl.	
	неперенесен. ударение	ляпанье	неперенесен. ударение	ляпанье
nom.-acc.	<i>дво́р, боб'о́р</i> <i>на дво́р</i>	<i>бѡб'ер</i> <i>пѡат стал</i>	<i>двары́</i> <i>нѣ стѣлы́</i>	<i>дво́ры</i> <i>за́ дразды́⁶</i>
gen.	<i>дварá</i> <i>са дварá</i>	<i>дво́ара</i> <i>сѡа двара</i>	<i>бобро́ф</i>	<i>дво́араф</i> <i>за́д двараф</i>
num.	<i>два бабра́</i>	<i>дво́а бабра</i>		
dat.	<i>кото́у</i> <i>по столу́</i>	<i>дво́ару</i> <i>пѡа сталу</i>	<i>сталáм</i>	<i>за́гн'ам</i>
instr.	<i>дворо́м</i> <i>за катом</i>	<i>за́гн'ам</i> <i>пѡат сталам</i>	<i>дажжа́мы</i>	—
loc.	<i>на двар'у́</i>	<i>на́ двар'и</i>	<i>ф съпѣга́х</i>	<i>ф са́пагах</i>

А. т. В: *барсу́к* (стар. *язвѣц*), *блин/блен⁷*, *боб, бобёр, бык* (loc. sg. -у́), *чѣлон* 'маленькая лодка', *чѣрев/чарв* (ср. *чѣревь*, а. т. D) 'гусеница, червя-

⁶ Не в'ид'ала, што и за́ дразды Сиб.

⁷ Основа *блен* отмечена в Тип., Косм., Сел.

чок', черёд, чугу́н, двор 'помещение для скота', дожжж (gen. pl. -жджэй), дрозд, хорь, ёж, ёрш (gen. pl. -ёй/-оф), ячмень (стар. жито), гвозд (loc. sg. -у), глист 'дождевой червь', гуж, грех (gen. sg. -у), гриб/гриб, грузд, кабан, кисель, клёт, клещ (gen. pl. -эй; стар. загошья вошь), клоп, клык (nom. pl. клы, gen. клоф, instr. клáмы), ключ, кол (pl. ко́лья), комáр, корóль, кормáн, копы́л, костёр 'костер', 'поленница', котёл, кот, кошёлъ (gen. pl. -эй) 'берестяная сумка', ковёр, ковш, козёл, крест, крот, куль 'мешок из дерюги', куст (pl. кусты́/ку́стья/кусто́вья), лец (gen. pl. -эй), луч, маль 'малек, наживка', нож, овёс (nom. pl. овси́), ого́нь, орёл, уж, парма́к (вид овода), паук, пень (loc. sg. пню), перо́г 'жареный закрытый пирожок с начинкой', пёс, пест, плеш, перёд (loc. sg. -у/-и), полк, поло́к, поп, пруд (loc. sg. -у), прут, прыщ, ремень, рубль, сапо́г, скот, сноп, сон, ствол, стол, столо́б, суд, сыч, шар, шов, щит, топо́р, труд, трус, ум, вьюр, врач, хлев, хвост, холст, хуляк 'ряженный на святках', жук, жура́в/жерáв 'колодезный журавль'.

Слова этого списка относятся к праслав. а. п. *b*, за исключением *черевь*, *груздь*, *полк*, *сон* (*d*), *уж* (*c/d*).

Разновидности а. т. В представлены у мягких основ: нескольких *i*-основ и слова *конь*.

а. т. В₁

	Sg.		Pl.	
	неперенес. ударение	ляпанье	неперенес. ударение	ляпанье
nom.	гвѣс'	—	гвѣз'д'и/гвѣз'ја	—
gen.	гвоз'д'á	гвѣз'д'а б'ѣз гвѣз'д'а	гвоз'д'ѣй б'ѣз груз'д'á	гвѣз'д'ѣф б'ѣз гвѣз'д'ей
num.	два гвѣз'д'á	двá гвѣз'д'а		
dat.				
instr.	гвоз'д'ѣм	гвѣз'д'ам зá гвѣз'д'ам	гвоз'д'áмы	—
loc.		нá гвѣз'д'и		

А. т. В₁: *гвоздь*, *груздь*, *язь*, *стѣбель* (наряду с а. т. А и D₃), *змеи* (фолькл.) (также а. т. В₂), *сиг* (также а. т. В₂). По-видимому, такая акцентная кривая имеется в архаическом слое говора также у слова *конѣц* (gen. sg. кан'ц'á, nom. pl. ко́н'ц'и, instr. кан'ц'áмы).

а. т. В₂

	Sg.		Pl.	
	неперенес. ударение	ляпанье	неперенесен. ударение	ляпанье
nom.	кѳн'	—	кѳн'и	—
gen.	кѳн'á	кѳан'а на кѳн'æ	у кѳн'ей	—
num.	два кан'á	два кан'а		
dat.	кѳн'ý	кѳан'у	кѳн'ам	—
instr.			за кѳн'æмы	—
loc.	на кѳн'í	на кѳн'и	на кѳн'ах	—

Такую акцентную кривую имеет только слово *конь*. Возможно, она представлена как вариантная у слов *змея*, *сиг*.

5.2.4. А. т. С представлен в следующих двух таблицах. Первая показывает акцентные свойства форм-энклиноменов — начальное ударение словоформ, образующих тактовую группу, и факультативную в заонежских говорах оттяжку ударения на предлоги по закону Васильева–Доллобо. Вторая таблица включает рефлекс ортотонических словоформ с нафлекссионным ударением, демонстрируя варьирование конечнударных акцентных контуров с начальноударными по правилу ляпанья. Формы loc. sg. и nom.-acc. pl. помещены в таблицах дважды — с учетом варьирования их показателей.

А. т. С

А. Рефлексы форм-энклиноменов

	без предлога	без оттяжки на предлог	с оттяжкой на предлог
Sg. nom.-acc.	дѳм	не на вѳч'ар	ѳ дѳм, пѳ гѳт íн гѳт, сѳй гѳт
gen.	дѳму	ад дѳму	ѳд даму
num.	дѳма	два (тр'и) дѳму	два гѳду/гада
dat.	пѳ аднаму дѳму	пѳ л'ѳсу	пѳ л'асу
instr.	з бѳгам	за (пѳд) дѳмѳм	зá дѳмѳм пѳд бѳгѳм

	без предлога	без оттяжки на предлог	с оттяжкой на предлог
loc.	<i>в дѡм'и</i>		
Pl. nom.-acc.	<i>дѡмы</i>		<i>зѧ валасы трѧ гады</i>

Б. Ортотонические словоформы с нафлекссионным ударением

	неперенесенное ударение	ляпанье, без предлогов	ляпанье, с предлогами
Sg. loc.	<i>в дѡмѹ</i>	<i>в дѡдѡму</i>	<i>нѧ в'ѧку</i>
Pl. nom.-acc.	<i>дѡмѧ</i>	<i>дѡдѡма</i>	
gen.	<i>дѡмѡф</i>	<i>дѡдѡмаф</i>	<i>стѡ гадаф</i>
dat.	<i>(тѣ) дѡмѧм</i>	<i>дѡдѡс'т'ам</i>	<i>нѡдѡ гас'т'ам</i>
instr.	<i>городѡмы</i>	—	—
loc.	<i>в дѡмѧх в л'ѣс'ах</i>	<i>в двух дѡдѡмах</i> —	<i>в маѧх гадах</i> —

Накоренное ударение в loc. pl. отмечено у двух существительных о-склонения, сохраняющих старое окончание этой формы: *в л'ѣс'ах / в л'ѹс'ах* и *вм'ѣс'т'ах / вм'ѹс'т'ах*, ср. при неслоговом корне *во с'н'ѧх*.

К а. т. С помимо слов, имеющих показанную в таблицах акцентную кривую, мы относим слова с ударением на первом слоге полногласия в sg. и pl., а также слова, представленные только формами ед. числа (*singularia tantum*, слова с расширением основы во мн. числе и слова, у которых зафиксированы только формы ед. числа), с ударением на начальном слоге форм ед. числа при ударном окончании -у в loc. sg.

Разновидностью а. т. С, тем самым, мы считаем яркую заонежскую инновацию — акцентный тип с колонным ударением на начальном слоге, который, очевидно, образуется в результате обобщения для всех форм парадигмы акцентного контура форм-энклиноменов и разрушения системы оттяжек ударения на предлоги. Эту разновидность а. т. С мы условно называем «новый а. т. А»:

Новый а. т. А

	Sg.	Pl.
nom.-acc.	<i>бóраф</i>	<i>бóравы</i>
gen.	<i>б'ез бóрава</i>	<i>бóраваф</i>
dat.	<i>на ч'ёр'ану</i>	
instr.	<i>за бóравам</i>	<i>за бóравамы</i>
loc.	<i>ф ч'ёр'ен'и</i>	<i>вóлаках</i>

Аналогичное выравнивание ударения по формам-энклитоменам наблюдается в онежских говорах в формах прош. времени глаголов а. п. с с корнями, оканчивающимися на нешумный: *н'íl, н'íла, н'íl'и, нón'ил, нón'ила, нón'ил'и; брál, брála, брál'и, sóбрал, sóбрала sóбрал'и* и т. п., ср. [Бромлей, Булатова 1972: 258–259, Тер-Аванесова 1990].

«Новый а. т. А», как правило, в чистом виде не встречается даже у одного информанта. Этот а. т. особенно часто появляется у молодых информанток из Фойм. (*бóров, чéреп, кóлуб, кóроб, край*) и Лонг. (*мóлот, вóлок, вóрот, вóрон*), а также Косм. (*мóлот*), Сиб. (*бóров, вóлок*), Палт. (*бес, бóров*). Как показывают приведенные ниже данные о лексическом составе разновидностей а. т. С, у слов «нового а. т. А» обычны окончания loc. sg. -и и nom.-acc. pl. -ы (те же окончания присущи словам «старого» а. т. А) и отсутствие оттяжек ударения на предлоги — исключений немного.

Возможно, колонное накоренное ударение устанавливается таким же путем у двусложных основ, оканчивающихся на мягкие сонанты (в скобках после слова указывается его праславянская а. п. и отклонения от заонежского «нового а. т. А»): *чéрень (b/d), дéрень (b), грéбень (d)*, следы а. т. D в ед. ч.), *кóмель, рéвень, стéбель* (а. т. В₁ у одной информантки), *стёр-жень (c/d), вёрзень* 'мочалка из лыка или бересты для оттирания дресвой некрашенных поверхностей', *плýсень* 'кожура картофеля'. Все эти основы, а также *кáмень* и *сéреп*, непоследовательно сохраняют при склонении гласный второго слога. Этого не происходит в случае с *ремéнь* (а. т. В) и *кóрень* (а. т. D).

А. т. С, nom.-acc. pl. -ы/-и: *бег* (pl. *бéги* 'бега, скачки'), *бес* (Нов. А), *бог* (pl. *бóги* 'образа, иконы'), *бóров* (Нов. А) 'кабан', 'часть дымохода', *чéреп* (loc. sg. -и, Нов. А), *черт* (pl. *черти*), *дом* (loc. sg. -и, реже -ý, pl. чаще *домá*), *год* (loc. sg. -и/-ý), *гость*, *кóлуб* (Нов. А) 'лепешка; ком (земли)', *кóмель* (Нов. А), *кóроб* (Нов. А, pl. тж. *кóробá*) 'берестяная коробка с

крышкой, берестяной рюкзак', *мóлот* (/нов. А), *óкунь*, *óсов* 'оса', *пáрень* (/А) 'неженатый мужчина', *пóлог* (loc. sg. *ф* *пóлаги*, pl. тж. *пологá*), *спóлох* 'сильное волнение; непоседливый человек', 'зарница', *пóлоз* (pl. тж. *полóзья*), *род*, *шóлом* (pl. тж. -á) 'конек крыши', *тóрок* (loc. sg. *тóраки*, pl. тж. *торокá*) 'ураган', *век* (loc. sg. *векú*), *вóлок* (/нов. А) 'отрезок пути', *вóлос*, *вóрон* (/нов. А), *вóрот* (/нов. А) 'шея; ворот (рубахи)', 'приспособление для вытягивания лодки на берег', *вор*.

А. т. С, пот.-асс. pl. -á: *гóрод* (loc. sg. -и) — в том числе 'фигура при игре в рюхи', *бой* 'сражение, драка', *глаз* ('oculus', loc. sg. НЭ *на глазу*), *гóлос*, *край* (/нов. А), *лес*, *лов*, *лог*, *мех* 'fug', *пáрус*, *тéрем* 'хороший дом', *вéчер* (в знач. 'вечеринка, собрание молодежи в зимнее время' pl. *вечёрья*), *жéлоб/жёлуб* 'водосточный желоб, идущий вдоль края крыши'.

А. т. С (только формы ед. числа): *чéрен(ь)* 'ручка лопаты', *дéрень*, *друг*, *дым* (loc. sg. *в дыму*), *глаз* ('окно на болоте', pl. *гláзья*, *глазóвья*), *голод*, *гóвор*, *гром*, *езд* 'настил из бревен для въезда на сарай', *мёд*, *нáраст/нáрест* 'нерест', *норов*, *пóрох*, *пот*, *пух*, *рай*, *сéлезень*, *скóром*, *смóрод* 'сильный (дурной?) запах', *сóлод* 'пророщенный ячмень', *сóром*, *свет* (loc. sg. *на с'в'ату*, *на с'в'ит'и* — в разных значениях), *щёлок*, *шóлох* 'движение', *толк*, *ход*, *хóлод*.

В приведенных списках лишь около половины слов относится к праслав. а. п. с, у прочих реконструируется а. п. *d* (*боров*, *череп*, *короб*, *молот*, *полоз*, *торок*, *волок*, *волос*, *ворот*, *вор*, *город*, *бой*, *вечер*, *лов*, *лог*, *терем*, *друг*, *жёлуб*, *нараст*, *норов*, *порох*, *пот*, *пух*, *холод*), а. п. *a* (*глаз*, *дым*, *рай*) или слово вовсе не имеет праславянской акцентной реконструкции. Подавляющее большинство слов а. т. D (см. ниже) относится в праславянском к а. п. *d*.

К а. т. С относятся все слова с неслоговым корнем, у которых первый согласный является сонантом (*лёд*, *лён*, *лоб*, *мох*, *ров*, *рот*), и слово *день*. Слова с неслоговым корнем, корни которых начинаются на шумный, относятся к а. т. В (*пень*, *пес*, *сон*).

Оттяжка ударения на предлог по закону Васильева–Долобко или совмещение оттянутого ударения с ударением предшествующего слова представлены у следующих слов а. т. С: *б'ез б'еса* Фойм.; *пóд бьгьм* Волк., но: за *бóга* Сиб., *б'ез бóга* Куз., Фойм., Палт.; *на дьм* Сел., *за дьм*, *о дьм* Тип., *од дьму*, *од дóма* Сиб., *за дьмьм*, *за дóмьм* Сиб., ср. также *два дóму* Волк., ВГ, за (*пьд*) *дóмьм* Сел., МЯ; *б'ез гада* Фойм., *б'ез гаду* Куз., *двá гьду*, *тр'и гьду* Волк., *тр'и гьды* Паян., *с'ей гьт* Волк., Тип., *с'еó гьду*

Тип., Тамб., Об., Тар., ВН, *и́н гьт Волк., по́ гьт Фойм.; б'ез го́ласу, б'ез галасу Куз., б'ез галаса Фойм.; за́ гьрт, из го́раду, за го́радам Куз., зза́ гарада Волк., за́ гарадам Фойм., Палт., два го́рада ВГ; два́ кьльба Тип., Волк.; по́ край Каж., Тип., Падм., б'ес кра́йа Куз.; из л'асу Лонг., Волк., Куз., пь л'есу Тип., Тамб., Косм., Каж., Куз., Выр., ВН, по́ л'асу Тип., Там., Косм., Каж., Куз., Падм., Сиб.; б'ез м'еду Фойм.; б'ез мо́лата, СЭ? б'ез ма́лата Куз.; до́ нарасту Сиб.; б'ез рьду Куз., по́ роду ВН; да в'еч'ара Сел., Падм., Куз., до́ в'еч'ара Тип., Фойм., Сиб., по́д в'еч'ар Сиб.; за́ валасы Сел.; за́ вьрт Сел., дь во́рата, под во́ратам Палт. 'шея, воротник'; на́ вьрт 'устройство для вытягивания лодки на берег' Выр. Оттяжка на предлог отсутствует у слов *бег, бой, боров, черен(ь), череп, глаз, голод, короб, полог, полоз, порох, век, ворох, жёлуб*.*

В склонении сочетания *друг друга* оттяжка ударения со второго компонента на первый связана с ритмикой сочетания: она имеет место только при отсутствии оттяжки ударения с первого компонента на предлог: асс. sg. *дрүү друуа* Сел., Косм., Тамб., (*на*) *дрүү друуа* Падм., Куз., Тип., *про́ друк друуа* Куз., ген. sg. *у дрүү друуа* Волк., dat. *г дрүү друуу* Тип., *по́ друу друу* Волк., Падм., *дрүк пь друу* ВН. Совмещение ударения формы-энклиномена с ударением предшествующей словоформы имеется в огромном числе топонимов — сложений со вторым компонентом *озеро*: *Космозеро, Падмозеро, Пүткозеро, Мягрозеро, Вырозеро, Хмэлезеро* и под., но *Карасозеро*. Ср. также *Гап-навалак* и *Гап-навалак*.

Наличие оттяжки ударения на предлоги у форм-энклиноменов, как кажется, не зависит от говора или идиолекта, а связано с частотностью слова или предложной конструкции. Зафиксирована оттяжка ударения только на односложные предлоги; ни разу не встретилась оттяжка на частицу *не*.

5.2.5. А. т. D характеризуется нерегулярностью акцентовок, которая проявляется а) в сосуществовании у форм ед. числа, кроме ном.-асс. sg., акцентных контуров, типичных для а. т. В и С, т. е. конкуренции нафлекссионного и начального ударения (напр., ген. sg. *бакá/бо́ка*), б) в связанном с факультативностью ляпанья сосуществовании конечноударных и начальноударных форм, в том числе с переносом ударения на приставку, — как у слов а. т. В (напр., ген. sg. *бакá/бэ́зка, э́ад бака*), в) в нерегулярности оттяжки ударения форм-энклиноменов на приставку — как у слов а. т. С (ген. sg. *бокá, о́д бака / од бо́ка*). Имеется также небольшой список слов с наосновным начальным ударением в ед. числе и окситонезой во

мн. числе при окончании ном.-асс. pl. *-ы/-и*, которые мы также относим к а. т. D.

1. В ном.-асс. sg. рефлексy форм-энклиноменов в явном виде выступают у слов с неоднозначной основой, а также в случаях оттяжки ударения на предлог: *пóд н'из* Лонг., Тип., *пóд б'ер'ак*, *на б'ер'ак* Косм., Волк. Ср. также в топонимах: *Вóлкастраф*, *Лáнг'естр'ф*, *Вáзьстраф*, *С'úгастраф*, но *Сáлабстраф*, *Пáл'ебстраф*. Однако в примерах НЭ *пóат кр'аш* Сиб., *път кр'эш* Волк., НЭ *пóад б'к*, *пат кр'úk*, НЭ *пóат над*, НЭ *пóат стак*, а также, по-видимому, *на раг*, *на над* этой оттяжки нет. Факультативность оттяжки ударения в данном случае такая же, как и в целом у форм-энклиноменов с предложениями.

Выравнивание ударения ном.-асс. sg. по окситонированным формам косвенных падежей ед. числа отмечено у слов *в'ар'óх* (наряду с *в'эр'ах*), *столóб* (наряду с более редким *стóлаб*) и в единичном примере *на б'ер'ók*, отмеченном В. В. Колесовым [Колесов 1975: 56].

2. В loc. sg. у большей части твердых основ представлено ударное окончание *-ú* (см. ниже список слов а. т. D). Окончание *-и* отмечено у *клоч* (ударное), *остров*, *пепел*, *мир* (безударное). К сожалению, у большинства «периферийных» для а. т. D твердых основ форма loc. sg. не зафиксирована. Единичные примеры loc. sg. у консонантных и *i*-основ показывают безударное окончание *-и*.

3. В gen., dat., instr. sg. имеется колебание начальнoударных акцентных контуров (рефлексов форм-энклиноменов, идентичных тем, что зафиксированы у слов а. т. C) и контуров с нафлексioнным ударением. Вариативность акцентных контуров у этих форм является, наряду с нафлексioнным ударением ном.-асс. pl. на *-ы/-и*, определяющим признаком а. т. D. Ниже (см. 5.3) показано соотношение окситонезы и начального ударения у слов а. т. D в каждой из этих форм в идиолектах. Из приводимых там таблиц следует, что окситонеза представляет собой остаточное явление и сохраняется в идиолектах неравномерно у разных слов в разных их формах. Подавляющее большинство слов, сохраняющих окситонезу в формах ед. числа, — это односложные твердые основы, основы структуры **ТЪРТ*, **i*- и консонантные основы.

Чаще окситонеза встречается у слов а. т. D в gen. и instr. sg., гораздо реже — в каком-либо одном из этих падежей или в dat. sg. Однако материал по dat. sg. очень невелик. Только начальное ударение dat. sg. при факультативной окситонезе в gen. и instr. sg. отмечено в *пóду* Тип., *пó рагу* Сиб., *пó б'ер'агу* Косм., Сиб., Тип., Сел., Волк., Фойм., *г б'эр'агу* Волк.,

пó н'изу Волк., МЯ, *з бóку* Косм., *на р'áду* Куз., *на с'н'эгу* Палт., Куз., *пó с'н'áгу* Палт., *стóражу* Тип. Список слов с ударением на окончании в dat. sg. см. ниже — а. т. D₁ (а).

4. Большинство слов а. т. D имеет в пот.-асс. pl. ударное окончание *-ы́/и́*. Ударное окончание *-á*, как правило, присоединяется к основам на заднебный (наряду с *-и́*); также имеются пот. pl. *борá, подá*. Ряд твердых основ с корневыми *о, *е, *и, *р, *э, *ТЬРТ имеют в пот.-асс. pl. начальное ударение, либо варьирующееся с нафлексивным: *квѣты, клѣны, нóсы, мóзги, плóты, пóды, снѣги, рóги, стóги, вóзы, сѣрепы*, а также, возможно, *клóки, кóмы, пúпы*, — либо единственно возможное: *грúзы, клóвы, кóны, вóлки, змѣи, зúбы*. Имеется также топоним *Хóлмы*, gen. *Хóлмаф* Тип. Некоторые из этих слов, подобно словам а. т. С, развивают накоренное ударение и в других формах мн. числа: instr. pl. *квѣтамы, крúгамы, крúкамы, мóзгамы* Фойм., *нóсамы, кóнамы* Сиб. (акцентные контуры других форм мн. числа, как правило, нерелевантны для различения конечного и начального ударения). При этом среди слов, имеющих в пот.-асс. pl. ударное окончание *-ы́/и́*, накоренное ударение в instr. pl. отмечено только в случаях *дáрамы* Фойм. и *вáламы* Лонг.

Старорусские памятники, исследованные А. А. Зализняком, показывают накоренное ударение формы пот. pl., восходящей к асс. pl., у части слов приведенного списка, а также у ряда других слов а. п. *d* и *c* [Зализняк 1985: 261–265]. По памятникам, начальное ударение представляет собой архаизм, с течением времени вытесняемый флексивным ударением. Заонежское ударение указанной формы подобно представленному в старорусских памятниках. Его можно сопоставлять также с накоренным ударением ряда форм существительных муж. рода а. п. *b* и *d*, имеющих долготные окончания, в украинских галицких говорах [АССЯ: 137–138]. Сходство заонежской системы с галицкими проявляется в том, что заонежские формы пот.-асс. pl. от слов а. п. *d*, как и галицкие, имеют накоренное ударение в случае краткостных и приравненных к ним корней.

Начальное ударение формы пот.-асс. pl. типично для консонантных и *i*-основ муж. рода, однако часть их, преимущественно названия животных, имеет в этой форме вариантное нафлексивное ударение. В этом классе слов начальное ударение достаточно последовательно мы находим не только в ед. числе и пот.-асс. pl., но и в gen. pl.: *ч'эр'в'ей, ч'эр'е'в'ей, ч'эр'ваф, лóс'аф, лóс'ей, н'óкт'аф, мól'аф, мýшей, мýшаф*, — реже в других формах мн. числа: instr. pl. *кóр'н'амы* Сел., *под н'óкт'амы* Сиб., *гúс'амы, мýшамы, з'в'эр'амы* Фойм. Таким образом, консонантные и *i*-ос-

новы муж. рода а. т. D имеют тенденцию во мн. числе приобретать ударение, характерное для а. т. B₂ (конь).

5. Ударение на предлоге у словоформ ед. числа а. т. D встречается часто (в среднем чаще, чем у слов а. т. C), причем в северо-восточном говоре оттяжки на предлог со «старых» энклиноменов по закону Васильева–Долобко и «новых» энклиноменов по правилу ляпанья не различаются. Оттяжка на предлог по закону Васильева–Долобко регулярна у твердых основ а. т. D; она отсутствует у следующих слов (преобладают долготные корни): *сереп, верех, столоб, верес, пласт, плат, став, муж, клён, пепел, дар, вал, мир, мех*. У консонантных и *i*-основ муж. рода такие оттяжки ударения практически не отмечены.

Ниже в таблице приводятся все встетившиеся у слов а. т. D типы акцентных контуров.

А. т. D₁ (твердые и *jo*-основы)

	= С (рефлексы форм-энклином.)			= В	
	без предлога	без оттяжки на предлог	с оттяжкой на предлог	неперенесен. ударение	ляпанье
nom.-acc. sg.	<i>бѣк</i>	<i>пот кр'ук</i> НЭ <i>пѣд бѣк</i>	<i>на бѣк</i> <i>пѣд н'из</i>	–	–
gen.	<i>с... бѣку</i>	<i>б'ез бѣка</i>	<i>ѣд бака</i> <i>б'ѣз ладу</i>	<i>долгѹ</i> <i>бѣка</i>	<i>плѣда</i> <i>рѣд бака</i>
num.		<i>дѣа рѣгу</i>		<i>дѣа р'адѣ</i> <i>дѣа кругѣ</i>	<i>дѣа р'аду</i> <i>дѣа р'ада</i>
dat.	<i>ѣ бѣку</i>	<i>пѣ р'аду</i>	<i>пѣ н'изу</i>	<i>па с'л'адѹ</i>	<i>с'л'аду</i>
instr.	<i>бѣкам</i>	<i>под бѣкам</i>	<i>пѣд бѣкъм</i>	<i>бѣкъм</i>	<i>кв'атам</i> <i>пѣд бакам</i>
loc.	–	–	–	<i>бѣкѹ</i>	(в) <i>бѣаку</i> <i>на гарбу</i>
nom.-acc. pl.	<i>грѹзы</i> <i>рѣг'и</i>	–	–	<i>гарбѹ</i> <i>бѣка</i>	<i>крѹг'и</i> <i>нѣасы</i>
gen.	–	–	–	<i>бѣкъф</i>	<i>бѣакаф</i> <i>дѣа бѣкъф</i>
dat.	–	–	–	<i>пѣ рагѣм</i>	<i>пѣа рагам</i>
instr.	–	–	–	<i>бокѣмы</i>	–
loc.	–	–	–	<i>долгѣх</i>	–

В более явном виде соотношение «форма-энклиномен в пот.-асс. sg. — нафлекссионное ударение в других формах ед. числа» выступает у слов с односложной основой:

А. т. D₁ (слова с односложной основой)

	= С			= В	
	без предлога	без оттяжки на предлог	с оттяжкой на предлог	неперенесен. ударение	ляпанье
пот.-асс. sg.	<i>б'ёр'ак</i>	<i>а б'ёр'ак</i>	<i>о б'ер'ак</i>	(<i>б'ер'ок</i>)	—
gen.	<i>б'ёр'ага</i>	<i>ат б'ёр'ага</i>	<i>от б'ер'ага</i>	<i>стър'жá</i>	<i>з'ад б'ер'ага</i>
num.		<i>двá кóласа</i>			
dat.	<i>з б'ёр'агу</i>	<i>на б'ёр'агу</i>	<i>но б'ер'агу</i>		<i>п'за астрáву</i>
instr.	<i>б'ёр'агам</i>	<i>пот кóласам</i>	<i>пóт каласам</i>	<i>в'ер'асóм</i>	<i>п'зат каласам</i>

Ниже приводятся списки существительных муж. рода а. т. D₁ (твердые и *jo*-основы), распределенных по типам их акцентных кривых («а»–«е»). Тип акцентной кривой слова (или: разновидности а. т. D₁) определяется тем, в каком из трех падежей — gen., dat. или instr. sg. — отмечено нафлекссионное ударение. При этом учитывается вся совокупность заонежских данных; акцентная кривая того или иного слова в конкретном идиолекте может быть иной. Данные об акцентуации каждого из приводимых слов в идиолектах приводятся в таблицах в следующем разделе. Включение в подтипы «а»–«е» является условным для тех слов, у которых не записана словоформа какого-либо из трех падежей.

А. т. D₁: а) окситонеза отмечена в gen., dat., instr. sg.: *клок* (pl. СЭ/НЭ *клóки/клóчья*), *клоч* 'кочка' (loc. -*и*, pl. *клóчья*), *клоч* 'клок, кудель' (loc. sg. -*у*, pl. *клóчья*), *лист* (loc. -*у*, pl. -*ы/листья*), *сёреп* (gen. *сёр'на/сёр'на/сёр'на*, dat. *сёр'ну/сёр'ну*, instr. *сёр'ном/сёр'нам/сёр'нам*, пот.-асс. pl. *сёр'ны/сёр'ны/сёр'ны*, gen. *сёр'ноф/сёр'наф*), *след* (pl. *сл'ды*), *стог* (pl. *стогá/стóги*), *студ/стыд*, *сук* (loc. -*у*, пот.-асс. pl. *сук'и/с'учья*), *остров* (loc. -*у/и*, pl. -*вá*), *угол* (loc. *угл'у*, pl. -*ы*), *в'ерех/вер'ех* (loc. -*у*, pl. -*и*);

б) окситонеза отмечена в gen. и instr. sg.: *бор* (loc. sg. -*у*, пот.-асс. pl. -*ы/á*), *брус* (pl. *брус'ы/бру'сья* (точильный), -*ья* (строительный материал), *долг* (loc. -*у*, пот.-асс. pl. -*и*), *дуб* (pl. -*ы*) 'ива, ивовая кора', нов. — 'дуб',

гнев/гнёв (только ед. ч.), горб (loc. -ý, ном.-асс. pl. -ы́/-á), квет/цвет (ном.-асс. pl. -ы́), клюв (pl. клювы), ком (pl. НЭ/СЭ ко́мы/ко́мья/комóвья), кон (pl. ко́ны), креж (loc. -ý, ном.-асс. pl. -ы́) 'холм, гора', круг (loc. sg. -ý, ном.-асс. pl. -у́/-á) 'круг; круглый половик', крюк (pl. -у́) 'крюк; кочерга', лад (loc. -ý, ном.-асс. pl. -ы́), низ (loc. -ý, (ном.-асс. pl. -ы́), нос (ном.-асс. pl. носы́/носы), пёрст (pl. -ы́) 'указательный палец', пласт (pl. НЭ/СЭ плáсты/пласто́вья), плат (loc. -ý, ном.-асс. pl. платы́/плато́вья), плод (pl. -ы́), плот (loc. -ý, pl. плоты́/плоты), плуг, под (loc. sg. -ý, ном.-асс. pl. поды́/подо́ы/подо́а), пост (pl. -ы́), ряд (loc. -ý, ном.-асс. pl. -ы́), смех (только ед. ч.), ус (pl. -ы́), вéрес (только ед. ч.) 'можжевельник', воз (loc. -ý, pl. во́зы/вазы́), воск (только ед. ч.), змей (pl. зме́и);

(ном.-асс. pl. -á): бок (loc. sg. -ý), ко́ром/корм, луг (loc. лу́гу), рог (ном.-асс. pl. рага́/ро́гу), снег (loc. sg. -ý, ном.-асс. pl. снега́/сне́гу);

в) окситонеза отмечена только в gen. sg.: бе́рег (loc. -ý, pl. -á), гроб (loc. -ý, pl. -ы́), муж (pl. мужья́/мужавья́), пуп (pl. НЭ/СЭ пупы́), сад (gen. саду́, pl. -ы́), сто́рож (pl. -á), хво́рост, волк (pl. во́лки), зуб (pl. зу́бы/зубья́);

г) окситонеза отмечена только в instr. sg.: ко́лос (pl. колóсья), клён (pl. клены́/клёны), мозг (loc. -ý, ном.-асс. pl. мо́зги/мозги́), жёрнов (pl. жернава́), пепел (loc. -л'и);

д) окситонеза отмечена только в dat. sg.: род (loc. -ý, pl. ро́ды), слой (pl. -у́), груз (pl. гру́зы);

е) окситонеза отмечена в dat. и instr. sg.: став (loc. -ý, pl. -ы́, 'ткацкий стан'), наст.

А. т. D₂ (консонантные и *i*-основы)

	= С			= В	
	без предлога	без отяжки на предлог	с отяжкой на предлог	неперенесен. ударение	ляпанье
ном.-асс. sg.	ч'ёр'еф		пóд лакат'		
gen.	чёр'в'а	б'ез лóс'а		лас'á ч'ер'в'á	ч'æр'в'æ б'æз гус'æ
num.		двá н'óкт'а			двá кáкт'а
dat.	к н'óкт'у				
instr.	с лóс'ам	под лóкт'ам			кáдр'н'ам пáкт какт'ам

	= С			= В	
	без предлога	без отяжки на предлог	с отяжкой на предлог	неперенесен. ударение	ляпанье
loc.		на <i>кóр'н'и</i>			<i>на кар'н'и</i>
nom.-acc. pl.	<i>ч'ёр'вы</i> <i>ч'ёр'в'и</i>			<i>кькт'и́</i>	<i>кэ́кт'и</i>
gen.	<i>ч'ёр'ев'ей</i> <i>ч'ёр'в'ей</i>	<i>у лóс'ей</i> <i>у лóс'аф</i>		<i>ч'ер'в'ей</i>	<i>ч'ар'в'ей</i>
dat.					
instr.	(<i>лос'амы</i>)			<i>ч'ер'в'áмы</i> <i>ч'ер'в'áмы</i>	—
loc.				<i>ч'ер'в'áх</i>	

А. т. D₂: а) окситонеза отмечена в gen. и instr. sg.: *чёрвь* (nom. pl. *чёрвы* (*Ичервы*), gen. *чёрвэй/чёрввей/чёрвей*), *гусь*, *кóготь/кóкоть* (pl. *кóкти/кокты́*), *кóрень* (pl. *кóрни/корёнья*), *лóкоть*, *нёкоть* (gen. pl. *нектэй/нёктев*), *моль* (pl. *мóли/моли́*), *мышь* (gen. pl. *мышей/мышей/мышев*), *рысь* (pl. *рыси/рыси́*), *стебель* (pl. *стеблi/стеблi*), *уголь* (pl. *угли́/угли/уголье/уголья*);

б) окситонеза отмечена только в gen. sg.: *лось* (gen. pl. *лосей/лосей/лосев*), *зверь*;

в) окситонеза отмечена только в instr. sg.: *грéбень*.

А. т. D₃, для которого характерно начальное ударение в ед. числе и нафлекссионное (при ударном окончании *-ьí/-и́*) — во мн., встречается у нескольких твердых основ. У *пол* и *щан* отмечается отяжка ударения на предлог — рефлекс форм-энклиноменов; прочим (исключительно с долготными корнями) такая отяжка не свойственна.

А. т. D₃: *бор* (loc. -*у́*, pl. *боры́/борá*) 'высокое сухое место', *дар*, *мир* (loc. sg. -*и*), *мех* (loc. -*у́*, (кузнечный) nom.-acc. pl. *мехи́/мехá*), *пол* (стар. *мост*), *раз*, *чин*, *щан* (loc. -*у*, nom.-acc. pl. *щаны́/щанóвья*) 'большая досчатая бочка', *вал* (сена; 'волна').

5.3. Акцентный тип D в заонежских говорах. В этом разделе рассматривается соотношение окситонированных и баритонированных форм косвенных падежей ед. числа существительных муж. рода а. т. D у разных информантов, которое представлено ниже в таблицах.

5.3.1. Большинство слов заонежского а. т. D₁ и D₂ относятся к праслав. а. п. *d*, при других указывается их праславянская а. п. Так, к а. т. D,

в частности, относятся все краткосложные основы, у которых в АССЯ реконструируется а. п. *d* или *b*.

В таблицах отражен весь имеющийся материал, разбитый на следующие группы примеров.

1. Формы с нафлекссионным ударением (окситонированные): 1) конечноударные формы: ген. sg. *долгú, бокá*; 2) формы с ляпаньем («новые энклиномены»), если их ударение падает на гласные *á* и *еá* (только для юго-западного говора): ген. *плáда, рóд бака*.

2. Формы с исконным начальным ударением (баритонированные, исконные формы-энклиномены): 1) формы с предлогом и начальным накоренным ударением: *б'ез бóка*; 2) формы без предлогов с начальным накоренным ударением и формы с ударением на предлоге, если под ударением находятся гласные *о, е* (только для юго-западного говора): *бóку, óд бака, б'éz ладу*.

3. Нерелевантные для различения «старых» и «новых» энклиноменов формы: 1) начальноударные формы без предлогов с гласными, кроме *о, е, á, еá* (для юго-западного говора) или с любыми гласными (для северо-восточного говора): ген. sg. *лúга*; 2) формы с ударением на предлоге с гласным, кроме *о, е, á, еá* (для юго-западного говора), любые формы с напредложным ударением (для северо-восточного говора): instr. sg. *á бором*.

С точки зрения ударения форм ед. числа выделяются следующие морфонологические классы существительных муж. рода а. т. D (грамматические пометы в таблицах: g = gen., d = dat., i = instr., l = loc.).

1. Слова с полногласием в корне.

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
* <i>bergь</i>	Сиб. (g)	Кос., Тер. (g, i); Волк., Лонг., Сел., Косм., Фойм., Куз., Выр., Палт. (g); Тип. (i)	1) Фойм. (g); Куз., Як., Палт. (i) 2) Куз. (g)
* <i>kolsь</i>	Сиб. (g, i)	Лонг., Фойм., Косм. (g)	1) Куз., Выр., Як. (g)
* <i>storžь (c?)</i>	ВН, Косм. (g)	Сиб. (g, num., i); Тер. (g, i); Косм. (g); Лонг., Куз. (i)	1) ВН, Куз. (g) 2) Куз. (g, i)
* <i>versь (c?)</i>	ВН (g, i)	Сиб., Тер., Тип. (g, i); Волк. (g); Палт. (i)	1) Палт. (g); ВН (i)
* <i>xvorstь (bld)</i>	Як. (g, i)	-	-

Окситонеза форм косв. падежей ед. числа у слов с полногласием в корне встречается чрезвычайно редко не только в заонежских говорах, но и вообще в говорах «кривичского» типа. Ср. также единичный пример пот.-асс. sg. на *б'ер'ок* с выравниванием ударения по окситонированным формам [Колесов 1975: 56].

2. Неодносложные основы в пот.-асс. sg., кроме основ со вторым полногласием. Окситонеза у твердых основ встречается так же редко, как у слов первой группы; у мягких основ она достаточно частотна.

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
* <i>grebень</i>	Сиб. (i)	Сиб., Тип. (g, i)	
* <i>kogыть</i>	Сиб., Тер. (g, i); Кос. (g)	Кос. (i); Тер. (g, i)	
* <i>koreнь</i>	Сиб., Тер. (g, i); Выр. (g)	Кос., Тер. (g, i); Лонг., Сел. (g)	1) Выр. (g) 2) Фойм. (g)
* <i>nekыть</i> (c)	Сел. (g); Сиб., Кос., Тер. (i)	Кос., Тер., Сиб. (g, i); Сел., Тип. (g)	1) Куз. (g) 2) Фойм. (g)
* <i>olkыть</i> ⁸	Тер. (g, i); Сиб. (i)	Сиб., Тер. (g, i)	
* <i>ostrынь</i> (?)	Волк. (g, d)	Волк., Тип., Тар. (g)	1) ВН (g)
* <i>perыль</i>	Сиб. (i)	Сел., Сиб. (g, i)	1) Куз. (g)
* <i>stыль</i> ?	Тер. (g, i)	МЯ (num.); Волк. (l)	
* <i>qgly</i> (a)	Тер. (g, i); Лонг., Куз. (g); Выр. (i)	Фойм. (g)	1) Тип., Тамб., Лонг., Выр., Куз., Косм. (g)
* <i>žырънь</i> (?)	Сиб. (i)	Сиб. (g, d)	

3. Слова с корнем вида *ТЪRT. Окситонированные формы косв. падежей ед. ч. у слов с корнями такой структуры встречаются практически во всех идиолектах. Среди них есть как слова со вторым полногласием (*чѣрев*, *сѣрен*, *вѣрѣх*, *долг* (второе полногласие в прилагательных — *доложѡн*, *доложнѡ*, *-ѡ*), *кѡром*), так и без него (*горб*). У слов со вторым полногласием в пот. sg. ударение может стоять на первом либо на втором слоге сочетания (*верѣх/вѣрех*) или только на первом слоге (*чѣревь*, *кѡром*). Слово *черевь* обнаруживает практически исключительно окситонезу в косв. падежах ед. числа. Слово *стѡлѡб/стѡлоб* имеет исключительно нафлекссионное ударение, кроме идиоматического сочетания *стѡлѡбом бѣгать* (название детской игры), и включается в а. т. В.

⁸ Редкое слово, чаще *лакѡтка*.

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
* <i>čьrvь</i>	Косм., Тип., Сиб. (g, i); Куз., Выр., Як., ВН, Кос. (g)	Сиб. (g)	
* <i>dьlgь</i>	Косм. (g, i); Сел., Куз., Як. (g); Падм. (i)	Кос., Сиб., Тер. (g, i); Косм., Сел. (g)	1) Куз., Выр., ВН, Палт. (g, i); Як. (g) 2) Куз. (g)
* <i>gьrbь</i>	Сиб., Кос. (g, i); Косм. (g); Тамб., Сел., ВН, Фойм., Куз., Падм. (i)	Тер. (g, i); Кос., Волк., Сиб. (g); Сел. (i)	1) Куз. (g, i); Палт. (i) 2) Куз., Фойм., Палт. (g)
* <i>кьгть</i>	Як. (g, i); Фойм., Куз. (g); ВН, Падм. (i)	Сел., Сиб. (g, i); Кос. (g)	1) Як. (g, i); Куз., Фойм. (g) 2) Куз., Фойм. (g)
* <i>сьгрь</i>	Тип., Тамб., Лонг., Сел., Волк., Тер., Выр., МЯ (g, i); ВН (g); Куз. (i)	Кос. (d, i, num.); Тип., Тамб., Лонг., Косм. (g, i); Сиб. (g, i, num.)	1) Куз., Фойм., МЯ, Сиб. (i); МЯ (g)
* <i>вьгхь</i>	Сел., Тер. (g); Выр., ВН (d); Тип., Выр., Палт., Тер. (i – adv.)	Косм. (g, d); Тип., Тер. (g); Сел. (d); Волк. (i)	1) Выр. (d); Палт. (g), Фойм. (i – adv.)
* <i>рьгсть</i>	Сиб. (i); Тер. (g, i)	Сиб. (g); Тер. (i)	

4. Слова с кратким корневым гласным.

С корневыми *o, *ь:

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
* <i>бокь</i>	Сел., Сиб. (g, i); Фойм., Куз. (i)	Кос., Каж., Тип., Сел., Лонг. (g, i); Куз., Волк., Косм., (g); Фойм. (i)	1) Куз., Як., Фойм., Палт. (g) 2) Куз., Фойм., Палт. (g); Як., Фойм. (i)
* <i>grobь</i> (b/d)	Лонг., ВН (g)	Кос., Тер., Палт. (g, i); Волк. (g); Выр. (i)	1) ВН, Фойм., Як. (g) 2) Фойм., Куз., Выр., Як. (g)
* <i>кльць</i> (b?)	Тер., Сиб. (g, i); Каж., Косм., Тип., ВН (l)	Сиб. (g, i); Тер. (g)	1) Палт. (g)
* <i>клькь</i> (b)	Сиб. (g); Тер. (g, i);	Кос. (g); Палт. (i)	1) Палт. (g); Сиб. (i)
* <i>комь</i> (d (lb))	Кос., Сиб. (g); Тер. (i)	Кос., Тер. (g, i); Сиб. (i)	1) Палт., МЯ (g, i)
<i>нозь</i>	Косм. (g, i); Выр., Сел., ВН, МЯ, Сиб. (i)	Кос., Лонг., Куз., Сиб., Тер. (g, i); Сел., Фойм. (i)	1) Выр. (g, i); МЯ (g); ВН (i) 2) Выр., Куз. (g, i); Фойм., ВН (i)

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
<i>*plodъ (b/d)</i>	Сиб., Куз. (g, i); Косм., Лонг., Выр., ВН, Падм. (g); МЯ (i)	Кос., Сиб. (g, i); Лонг., Фойм., Куз., МЯ (g)	1) ВН (g, i) 2) Куз. (g)
<i>*plotъ</i>	Лонг., МЯ (g, i); Сиб. (g)	Выр., Куз. (g); Лонг. (i)	1) Выр. (g, i); Сиб. (i) 2) Куз. (g)
<i>*podъ</i>	Сел., Тер. (g); Выр. (i)	Кос., Лонг., Косм., Тер. (g); Тип., Сиб. (g, i)	1) Выр., МЯ (g, i); Куз., ВН (g); Тер. (i) 2) Куз. (g)
<i>*rogъ</i>	Сиб., Выр., МЯ (g, i); Куз. (g); Лонг., Фойм., ВН (i); Кос. (num.)	Кос., Лонг., Сиб. (i); Тер., Сел. (g, i)	1) Фойм., Куз. (g, i); ВН, Выр., МЯ (i) 2) Выр. (g)
<i>*stogъ</i>	Косм. (d, i); Куз. (g); МЯ (i)	Кос., Тер. (g, i); Лонг., Волк., Куз., МЯ (g); Косм. (d); Сиб. (i)	1) Куз. (g); Сиб. (num.) 2) Куз. (g)
<i>*vozъ (c/d)</i>	Тер. (g); Выр. (i)	Кос., Тер. (g, i); Выр. (g); Лонг., Палт. (i)	1) Палт. (g) 2) Выр. (g)
<i>*vosкъ</i>	Выр. (g); Палт. (i)	Тер. (g, i); Лонг., Выр. (g); Тип. (i)	Палт. (g, i); Як. (i)

Слова с корневыми гласными *и, *о:

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
<i>*brusъ (b/d)</i>	ВН (g, i); Косм., Волк., Сел., Куз. (g); Як. (i)	Кос., Волк., Куз., Фойм. (g); Тер. (g, i)	1) Сел., Куз., Фойм. (g, i); Волк., ВН, Сиб., Палт. (g); Выр., Як., Тип. (i) 2) Як., Куз., Фойм., Выр., ВН (g); Палт. (i)
<i>*grqzъ (d/b)</i>	Сиб. (i); Як., Палт. (?) (g)	Кос., Сиб., Тер. (g, i); Куз., Палт. (g); Косм., Сел. (i)	1) Лонг. (g, i); Як., Фойм., ВН, Тип. (g); Волк., Палт. (i) 2) Палт. (g)
<i>*krqgъ</i>	Косм., Сел., Фойм., Выр., Як., ВН, Тер. (g, adv.); Сиб. (g, i); Кос. (i); МЯ (adv.)	Кос., Тер. (g, i); ВН (g), МЯ (i)	1) Фойм. (g, i); Лонг., Косм., Сел., МЯ (g) 2) Фойм., Куз. (g)
<i>*kr'ukъ (?)</i>	Сиб., Як. (i); Тер. (g)	Сиб. (g, i); Лонг., Тер. (i)	1) Лонг., Фойм., Падм. (g); Тип., Сел., Косм., Волк., Як. (i) 2) Куз. (g)

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
* <i>plugъ</i> (a)	Тер. (g); Выр. (i)	Косм., Тип., Тамб., ВН, Выр. (i)	1) Лонг., Куз., Выр. (g); Тер. (i) 2) Куз. (g)
* <i>pꝛꝛъ</i>	Кос., Косм., Выр. (g)	МЯ (g, i); Кос. (num., i)	1) Лонг., Куз., Падм., Куз. (g) 2) Куз. (g)
* <i>sꝛкъ</i> (b/d)	Тер. (g, num.); Кос., Лонг., ВН, Тар., МЯ (g); Сиб. (num.)	Кос. (g, d, i); Куз., Падм. (g)	1) Тер. (g, i); Сиб. (num., i); Лонг. (g); Куз., МЯ (i) 2) Куз., ВН (g)
* <i>ꝛъ</i> (b/d)	Тер. (g, d); Фойм., МЯ (g); Выр., Сиб. (i)	Выр., Тер. (i); МЯ (g)	1) Сиб. (num.); МЯ (i)
* <i>zꝛбъ</i>	Як., Тер., Тип., Тар., Сел., Волк. (g)	Кос., Як. (g)	1) Палт., Тер. (g, i); Тип., Тар., Сел., Выр. (g) 2) Выр. (g)

5. Слова с долгим корневым гласным.

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
* <i>gněвъ</i> (c)	Як., ВН (g, i); Куз. (g); Сел. (i)	ВН, Волк., Сиб., Тер. (g, i); Куз., Фойм., Выр., Як., Косм. (g); Лонг. (i)	1) ВН, Палт. (g, i); Куз., Фойм., Выр., Як. (i) 2) Фойм. (g)
* <i>kvěтъ</i>	Косм., Фойм., Куз. (?) (g)	Кос., Сиб., Тер., Косм., Лонг. (g, i); Куз. (g)	1) Выр., Фойм., МЯ (g, i); Куз. (g); ВН (i) 2) Фойм., Куз. (g)
* <i>kr'ěзь</i>	Сиб., Тип., Тер. (g)	Кос. (g, d, i); Фойм., Тер. (i); МЯ (g)	1) Палт. (num.); МЯ (i)
* <i>ladъ</i>	Косм. (g, adv.); Як. (g), Косм. (adv.)	Тер. (g, i); Кос., Сиб. (g)	1) Косм., Сел. (g); Сиб. (i)
* <i>listъ</i>	все – рефлексy В	Куз. (g)	
* <i>nizъ</i>	Фойм. (g); Выр., Лонг., СГ, ВН, Куз., Косм., МЯ, Тер., Сиб., Кос. (i)	Тер. (g, i); Кос., Куз. (g); Сиб. (i)	1) Сиб. (g); ВН, Выр. (i) 2) Фойм. (g); Куз. (i)
* <i>ꝛedъ</i>	Косм. (g, adv.); Сиб. (g); Косм., Выр., ВН (adv.); МЯ (num.)	Кос. (g)	1) Сел. (g, i); Фойм., Куз. (g); Лонг., Косм., МЯ, Сиб. (num.); ВН, Косм., Сиб. (i)
* <i>slědъ</i>	Сиб., Кос. (g, i); Куз., ВН (g, d); Косм., Выр. (d, i); Сел., Лонг., Фойм., Волк., МЯ (g)	Косм., Сел. (g, i); Куз. (g); Лонг., Сиб., Кос. (i); МЯ (d)	1) Куз. (g, i); Фойм. (g); Выр., ВН (i) 2) Куз. (g, d); Выр., ВН (d)

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
<i>*směxъ</i>	Косм. (g, i); Выр. (i – adv.)	Лонг., Тер., Сиб. (g, i); Фойм., ВН, Волк., Выр., Куз. (g); Тип., Косм., МЯ (i)	1) Фойм., ВН (g, i); МЯ (g); Куз., Выр. (i) 2) Куз. (g)
<i>*sněgъ</i>	ВН (g); Косм., Выр. (i)	Кос., Тип., Лонг., Косм., Сиб., Тер. (g, i); Волк., ВН, Куз. (g); Тар., МЯ (i)	1) Выр., Падм., Палт., ВН, МЯ (g) 2) Куз. (g)
<i>*stavъ</i>	Косм. (d, i); Куз. (d); Тер. (g)	Куз. (g); МЯ (i)	1) ВН, МЯ (g); Куз., Тер. (i)
<i>*styďъ (b/d)</i>	Лонг., ВН, Сиб. (g)	Куз. (g); Сиб. (i)	1) Лонг. (g) 2) Куз. (g, i)
<i>*plastъ</i>	Сиб. (num., i); МЯ (i)	Лонг., СГ (i)	1) МЯ, ВН (g); Косм., Сел. (i)

6. Односложные *i-основы и некоторые другие названия животных.

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
<i>*gq̄sъ</i>	Сиб. (g, i); Кос. (i)	Кос., Сиб. (g)	–
<i>*losъ</i>	Сел., Кос., Выр., ВН (g); Тер. (i)	Лонг., Сел., Тер. (g, i); Волк., Куз. (g); Косм., Кос. (i)	1) Фойм., Куз., Выр., ВН (g) 2) Фойм. (g)
<i>*molъ</i>	Тип., Тер. (g, i)	Кос., Сиб. (g, i)	
<i>*myšъ</i>	Кос. (g, i); ВН, Лонг., Косм., Сел., Фойм., Выр., Сиб. (g)	Фойм., Кос. (g)	1) Лонг., Косм., ВН, Фойм., Куз., Выр. (g); Сиб. (i) 2) Фойм. (g)
<i>*rysъ (a)</i>	Косм. (g, i)		1) Лонг. (g, i); Куз. (g)
<i>*změjъ</i>	Выр. (g); Як. (i)	–	1) Як. (i)
<i>*zvěrbъ (c)</i>	Палт. (g)	Тер. (g, i); Тип., Волк. (g)	1) Як., Фойм. (g) 2) Фойм. (g)
<i>*vľkъ (c)</i>	Тип. (g)	Кос., Лонг., Тип. (g, i)	1) Выр. (i)

7. Единичные примеры окситонезы форм ед. числа (слова с односложным корнем).

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
<i>*mozgъ</i>	Тер. (i),	Тер. (g, i); Косм., Волк. (g)	1) Выр., Фойм. (g)
<i>*konъ</i>	Сиб. (g)	Сиб. (i); Тер. (g, i)	

	Окситонированные	Баритонированные	Нерелевантные
*dqbъ	Сиб. (g, i)	Кос., Тер. (g, i); Як. (g)	1) Куз., Фойм., Выр., Палг. (g, i); ВН, Косм., Сиб. (g) 2) Як. (i)
*rodъ (c)	ВН (d)	Лонг. (g); Сиб. (g, i)	1) Куз. (g, i); МЯ (g) 2) Куз. (g); ВН (d)
*slojbъ (b/d)	Выр. (i)	Тер. (g, i); Сиб. (g, пун.); Лонг. (g), Косм. (i)	1) МЯ (g, i); Куз., Выр. (i)
*kΓuvъ (a/c)	Сиб. (g, i)	Кос., Тер. (g, i)	1) Сиб. (g)
*klenъ (a/c)	ВН (i)	Кос. (g, i); Лонг., Сиб. (g)	1) ВН, Выр. (g)
*lqъ	ВН (g, i)	Кос.; Тер. (g, i); Фойм. (g)	1) ВН (i)
*mqzъ (c)	Косм. (g)	Косм., Выр., ВН, Палг., Тип., Волк. (g, i); Тамб. (g); Сел., Куз. (i)	1) Тер. (g, i); Сел., Куз. (g) 2) Куз. (g)
*nastъ (c~d)	Сиб. (d, i)	Кос., Тер. (g, i)	
*platъ	Сиб. (g, пун., i)	Сиб. (i)	1) Куз. (g) 2) Фойм. (g)
*sadъ	Сел. (g)	Кос., Сиб. (g, i); Выр., Куз. (g)	1) Лонг., Куз., Тер. (g, i); Выр., Сел. (g) 2) Выр., Сиб. (g)

5.3.2. «Основной» и «периферийный» списки слов а. т. Д по встречаемости окситонезы форм ед. числа.

Общий список существительных муж. рода а. т. Д с окситонезой в ед. числе содержит 77 слов, однако ни у одного информанта он не представлен полностью. Большинство слов а. т. Д лишь у части информантов имеет нафлекссионное ударение в ед. числе, а у остальных акцентуируется по а. т. С.

1. А. т. Д у всех информантов (у некоторых — даже а. т. В) обнаруживают: *гусь, змей, клоч, ком, круг, лист, мыш, нёкоть, низ, локоть, нёрст, след, ус, черевь.*

2. А. т. Д более чем у половины информантов: *брус, верех, долг, горб, зуб, коготь, корм, крюк, лось, нос, плод, пуп, рог, ряд, сереп, став, стыд, сук, уголь.*

3. А. т. Д у половины — трети информантов: *бок, воз, гнев, груз, квет, клок, корень, креж, лад, моль, пласт, плот, плуг, под, стог, сторож.*

4. А. т. D менее чем у трети информантов, но не менее чем у двух из них: *гроб, смех, снег*.

5. А. т. D у одного информанта: *берег, верес, волк, гребень, жёрнов, зверь, колос, остров, пепел, рысь, стебель, хворост* и все слова группы «единичные примеры окситонезы форм ед. числа».

Таким образом, виден основной список существительных муж. рода а. т. D в заонежских говорах — это слова групп 1–3 (49 слов). В него входят, помимо большого числа односложных твердых и *jo*-основ, все слова с корнями структуры **ТЪRT*, все консонантные и *i*-основы, все названия животных из числа обнаруживающих а. т. D, кроме тех, что относятся к праслав. а. п. с. К числу слов с однократно зафиксированной окситонезой форм ед. числа относятся все с полногласием в корне и часть основ с неодносложным корнем — у них окситонированные формы ед. числа следует считать архаизмом; так же следует, по-видимому, оценивать ударение слов 4-й группы и «единичных» *дуб, кон, мозг, плат, луг, наст, сад, слой*. Окситонеза остальных может быть случайной (ложной) или вторичной — как у названий животных *зверь, волк* (а. п. с.). Отметим, что большая часть слов с редко встречающейся окситонезой обнаруживает ее лишь в одном падеже ед. числа.

Ряд основ первой группы в некоторых идиолектах относятся к а. т. В. Обращает на себя внимание также тот факт, что значительное число слов групп 1–2 имеет колонную окситонезу форм ед. числа или смешанную акцентовку, подобную заонежской а. т. D, и в других русских говорах — в частности, в восточнорусских и литературном языке (например, в говоре Пустошей Шатурского р-на Московской обл. — *червь, лист, мыш, локоть, серп, плод, уголь* — В, *круг, низ, след, горб, верх, нос, рог, плуг, ряд* — В/С). По-видимому, окситонезу таких слов можно считать общерусской.

5.3.3. Представленность а. т. D в идиолектах.

Ниже даны списки слов а. т. D с окситонезой форм ед. числа, зафиксированные в идиолектах (последние помечены в соответствии с местом рождения информанта — см. список информантов в начале п. 5).

Сиб. (37): *берег, бок, черевь, дуб, горб, гребень, груз, гусь, клок, клоч, клюв, коготь, колос, ком, кон, креж, круг, крюк, лист, мыш, наст, некоть, низ, нос, рог, ряд, пёрст, пепел, пласт, плат, плод, плот, след, стыд, сук, ус, жёрнов*.

ВН (25): брус, гнев, горб, гроб, клен, клоч, корм, круг, лист, лось, луг, мыш, низ, нос, плод, род, рог, ряд, след, снег, сторож, стыд, сук, верес, верех.

Косм. (23): брус, горб, черевь, долг, квет, клоч, круг, лад, лист, мыш, муж, низ, нос, плод, пуп, рысь, ряд, след, смех, снег, став, стог, сторож.

Выр. (21): черевь, круг, лист, лось, мыш, низ, плод, плуг, под, пуп, рог, ряд, след, слой, смех, снег, стог, уголь, верех, ус, змей.

Тер. (21): клоч, клоч, коготь, ком, круг, креж, крюк, лист, мозг, низ, пёрст, плуг, под, став, стебель, сук, уголь, ус, верех, воз, зуб.

Куз. (16): бок, брус, черевь, долг, гнев, горб, квет, корм, лист, низ, плод, рог, след, став, стог, уголь.

Сел. (16): бок, брус, долг, горб, гнев, круг, лист, лось, мыш, неכותь, нос, под, сад, след, верех, зуб.

Кос. (14): горб, гусь, коготь, ком, круг, лист, лось, мыш, неכותь, низ, пуп, рог, след, сук.

МЯ (13): круг, лист, низ, нос, плод, пласт, плот, рог, ряд, след, стог, сук, ус.

Лонг. (12): брус, гроб, лист, мыш, низ, плод, плот, рог, след, стыд, сук, уголь.

Як. (12): брус, черевь, долг, гнёв, груз, корм, круг, крюк, лад, лист, хвост, зуб.

Фойм. (11): бок, горб, квет, корм, круг, лист, мыш, низ, рог, след, ус.

Как мы видим, максимальный список, записанный у информантки из Сиб., включает чуть более половины от общего числа слов, у которых зафиксирован а. т. D. Разрыв между максимальным и минимальным списками составляет 26 слов. Наиболее подробные вопросники были предложены информантам из Сиб., ВН, Тер. и Кос., по наиболее кратким или не полностью опрошены информанты из Сел., МЯ и Як. Как видно, это лишь отчасти повлияло на количество зафиксированных у них слов а. т. D.

Каких-либо закономерностей (количественных, встречаемости слов основного/периферийного списка, встречаемости конкретных слов или слов определенного морфонологического типа), соотнесенных с двумя заонежскими диалектами, проследить не удается.

Все короткие списки (11–16 слов), кроме записанных от уроженок Як. и Сел., включают слова «основной» группы (зафиксированные не менее чем у трети опрошенных информантов). Самые короткие списки из полностью опрошенных принадлежат самым молодым информанткам из

Лонг. (1937 г. р., в момент опроса — 51 год) и Фойм. (1955 г. р., в момент опроса — 33 года); они, а также информантка из Кос. являются самыми образованными (среднее и неполное среднее образование).

Информантки из Фойм., Лонг., Кос., Тер., Сиб. и одна из двух информанток из Куз. говорят на полудиалекте, но Сиб., Фойм. и Лонг. показали способность переходить на почти чистый говор.

Стоит отметить, что у матери информантки из Лонг., чей материал мы обозначили как Волк. (1902 г. р.), отмечались архаичные акцентовки слов «периферийного» списка, от которых дочь при опросе отказалась.

Информантка из Кос. (1924 г. р.), опрошенная подробно, единственная показала а. т. Д только у тех слов, которые обнаруживают этот а. т. Д более чем у половины информантов. Ее личный список слов а. т. Д практически совпадает с общерусским списком существительных муж. рода а. п. *d* с окситонезой форм ед. числа, отмечаемой также в литературном языке или в московском просторечии (западнорусский характер списка Кос. ощущается разве что в окситонезе слов *рог* и *ком*). Это может объясняться восточнорусским влиянием на Б. Климецком острове, где расположена д. Косельга, — влиянием, на которое обращали внимание этнографы [Логинов 2001а: 373]. Возможно также, тут сказалось стремление информантки «говорить культурно», по большей части применяя тривиальное накоренное ударение.

Все списки, которые содержат слова, редко обнаруживающие а. т. Д, кроме списков Сиб. и Тер., принадлежат информантам старого времени (до 1914 г. р.): ВН (1907 г. р.), Косм. (1909 г. р.), Выр. (1910 г. р.), Сел. (1903 г. р.), Як. (1914 г. р.). В момент опроса им было от 73 до 85 лет. Нет таких информантов старого времени, у которых не было бы зафиксировано слов «периферийного» списка. Информантке из Сиб. (1933 г. р.) в момент опроса было 70 лет, однако и в 56 лет она сообщила нам отдельные архаические акцентовки, подтвержденные ею впоследствии.

Таким образом, а. т. Д в наименьшей степени сохраняется, вытесняясь а. т. С, у информантов младшего поколения, получивших образование и говорящих на полудиалекте. Ими забыты все архаичные (редкие) акцентовки. Такие акцентовки сохраняются, за исключением Сиб. и Тер., только у говорящих местным говором информантов старшего поколения. Им же принадлежат сравнительно длинные списки слов, относящихся к а. т. Д. Информантка из Сиб., наделенная блестящей языковой интуицией, сохраняет достаточно архаическую систему ударения существительных муж. рода и «способна донести» ее до собирателя.

Иначе обстоит дело с тенденцией к переносу ударения на предлоги. Последовательный перенос ударения на предлоги продемонстрировали представители толвуйского говора: кузарандские информантки и особенно Фойм., в говоре которых не различается ударение, оттянутое с начального слога форм-энклиноменов, и ударение, перенесенное с конечного слога по правилу ляпанья. Достаточно последовательно перенос на предлоги виден у информантки из Сиб., которая сознательно старалась передать местное ударение словоформ.

5.3.4. «Культурное» и «заонежское» ударение существительных муж. рода.

Нам представилась возможность опереться при разборе заонежского материала на свидетельства информантки из Сиб. Ф. С. Анисимовой, которая прокомментировала ударение десятков слов в разных их формах. Отвечая на вопросы акцентологической программы, Ф. С. показала способность различать разные «пласты» акцентуации, выбирая среди предлагавшихся ей акцентовок реально встречающиеся в Заонежье, а эти последние деля на «диалектные» и «культурные». В большой степени развитию у Ф. С. языковой рефлексии, по-видимому, способствовало ляпанье, которое говорящие того поколения, к которому она принадлежит, умеют сознательно снимать либо наводить.

Ниже приводятся некоторые примеры ответов Ф. С. на вопросы программы с пометами «культурное» — «местное», проставленными с ее слов. Для наглядности приведены в основном словоформы, относящиеся к а. т. D (праслав. а. п. *d*), поскольку они отличаются разнообразием возможных у них акцентовок. Указывается также акцентологический статус словоформ с начальным ударением (СЭ, НЭ).

1. Gen. sg. НЭ *ʒad b'ep'æga* (местн.), СЭ *ʒd b'ep'æga* (культ.); dat. sg. СЭ *nó b'er'ægu* (местн.), СЭ *na b'ep'ægu* (культ.) — ср. gen. sg. СЭ *n'ém, ód b'er'æga n'e skájunt'*; у *b'ep'æga*; dat. sg. *nóшал* (СЭ) *nó b'er'ægu*; loc. sg. НЭ *на b'er'ægu* Палт.

2. Gen. sg. СЭ *n'étu dótgu*, НЭ *до́лга* (оба примера — местн.), *далу́а* (культ.); instr. sg. з *ból'шым* (СЭ) *dótgam* (местн.), з *d'lyóm* (культ.).

3. Gen. sg. СЭ з *dóму, ód даму* (местн.), СЭ *од dóма* (культ.); instr. sg. СЭ *зá дамам* (местн.), СЭ зь *dóмам* («по-новому»).

4. Gen. sg. СЭ/НЭ з *дуба*, НЭ *ʒad d'ba* (местн.); *мóжна з дубá* (под нажимом); instr. sg. СЭ/НЭ *зá дубьм* (местн.), зь *дубóm* (культ.; «другой раз и так бы сказала»).

5. Gen. sg. СЭ/НЭ *грúзу*, *б'éz* *урúзу*; instr. sg. СЭ/НЭ *зá* *грусам* (местн.), СЭ *за* *грúзám*; *зь* *грусэм* (обе формы — культ.).

6. Gen. sg. СЭ/НЭ *н'и́зднага* *з'с'æ*; НЭ *б'éz* *гус'æ*; instr. sg. НЭ? *зá* *гусæм* (все формы — местные); *зь* *гус'эм* («можно сказать, но мы всё ляпаем» — т. е. культ.).

7. Instr. sg. СЭ *зь* *кóласам* (культ.), СЭ/НЭ *зá* *каласам* (местн.).

8. Gen. sg. НЭ *зат* *круга*, instr. sg. СЭ/НЭ *крусам*; НЭ *пзат* *кругам* (местные формы); *път* *крузóm* (культ.).

9. Acc. sg. СЭ *пóд* *лакат'*, НЭ *пзод* *лакат'*, gen. sg. СЭ *с* *лóкт'æ* (местн.), *с* *л'кт'æ* (культ.).

10. Gen. sg. НЭ *зат* *пруда*; instr. sg. СЭ *зá* *прудам* (местн.), СЭ *зь* *прудам* (культ.).

«Заонежским» Ф. С. считает 1) начальное, не перенесенное по правилу ляпанья, ударение словоформ без предлога (gen. sg. СЭ *дóма*) — как СЭ, так и неподвижное ударение в а. т. А (instr. *(за)* *д'édам*); 2) начальное ударение словоформы при ляпанье (*бзакá*); 3) ударение на предлоге как по правилу ляпанья (instr. sg. НЭ *пзад* *н'изам*), так и по правилу оттяжки на предлог начального ударения «старых» энклиноменов (instr. sg. СЭ *пóд* *н'изам*). «Культурным» она считает 1) ударение на основе у словоформ а. т. С и D при наличии предлога (gen. sg. СЭ *эт* *р'æду*, в противоположность «местным» НЭ *зат* *р'æду* и СЭ *от* *р'æду*) и 2) конечное ударение. Относительно форм с конечным ударением Ф. С. делает замечание, что она сама «другой раз» употребляет их в речи.

Между тем приведенный выше анализ материала по акцентуации существительных муж. рода а. т. D показывает, что конечное ударение форм ед. числа в этом типе вытесняется тривиальным наосновным ударением (слова а. т. D имеют тенденцию к переходу в а. т. С, в крайнем случае — в а. т. D₃). Информанты младшего поколения и образованные явно стремятся к тривиальному накоренному ударению, оставляя в а. т. D лишь основной, устойчивый список слов, в целом близкий «общерусскому списку» слов этого а. т., и по несколько архаизмов. Таким образом, конечное ударение форм косв. падежей ед. числа существительных муж. рода а. п. *d*, будучи «культурным» с точки зрения системы ляпанья, является одновременно архаизмом с точки зрения системы ударения существительных муж. рода.

Интересно в этой связи, что рефлекс конечного ударения отдельных форм сохраняется только при ляпанье, а собственно конечное ударение тех же форм в заонежских говорах утрачено. В первую очередь это касается словоформ косвенных падежей ед. числа существительных муж.

рода а. т. D. Так, конечное ударение форм косв. падежей ед. числа ряда слов устанавливается исключительно по формам с ляпаньем, при том что от конечного ударения тех же форм информанты отказываются: ср. gen. sg. *ʒad b'er'ega* Сиб., *b'ez мужа* Косм., instr. *nʒat каласам* Сиб., dat. sg. *nʒa насту*, instr. sg. *nʒad настам*, instr. sg. *nʒat n'еплам* Сиб. Имеются и такие случаи, когда часть информантов употребляет конечноударные формы определенных слов а. п. D, а другие от таких форм отказываются, давая лишь их соответствия с ляпаньем.

Подобную закономерность мы усматриваем и в ударении формы praes. 2 pl., где рефлекс конечного ударения у глаголов I спряжения и атематических а. т. С сохраняется только при ляпанье: *n'ea yad'um'e*, *s'm'eyem'es'*, *n'ea pr'in'es'em'e*, *n'ec'em'e* и под. Конечное ударение соответствующих форм начисто утрачено, а приведенные формы с ляпаньем являются ярко выраженным архаизмом; в говорах распространение получила акцентовка *n'es'em'eln'es'om'e*, *yed'um'e*.

6. Заключение

Особенностью современной языковой ситуации в Заонежье является упадок местных говоров и употребление в повседневном общении полудиалекта большинством местных жителей старшего поколения. Люди среднего и особенно молодого возраста, получившие среднее, а кое-кто — и высшее образование, в повседневном общении пользуются литературным языком, имеющим определенный набор северо-западных диалектных черт. Полудиалект представлен разнообразием идиолектов, в структурном плане — переходных форм между местными говорами и литературным языком. Историческое развитие заонежских говоров можно рассматривать как неуклонное возрастание в них «стандартных» черт, появившихся в течение последних полутора веков прежде всего под влиянием городского языка, а в самое последнее время — под влиянием языка средств массовой информации и школьного обучения. В настоящее время можно говорить если не об исчезновении, то о перерождении заонежских говоров.

При переходе на полудиалект и литературный язык наиболее устойчивыми диалектными признаками оказываются особенности фонетики, обусловленные спецификой артикуляционной базы, элементы диалектного синтаксиса и местная «профессиональная» лексика — термины рыболовства, охоты, изготовления саней и лодок и т. п. Достаточно устойчива лексика ландшафта и явлений природы. Легче всего устраняются,

заменяясь стандартными соответствиями, диалектные особенности сло-воизменения.

Наиболее старательно устранимой местной чертой является заонежское ляпанье — перенос ударения с конечного слога фонетического слова на начальный и связанные с ним явления вокализма.

Заонежские говоры, как и другие северо-западные русские говоры «севернокривичского» происхождения, в области акцентуации существительных мужского рода довольно хорошо сохраняют так называемый «архаизм Иллич-Свитыча». Едва ли применительно к акцентной системе говора можно говорить об осознанной «норме» ударения. Тем не менее окситонеза форм косвенных падежей единственного числа слов праславянской а. п. *d* является чертой архаического слоя говоров, постепенно вытесняемой тривиальным наосновным ударением. В этом классе слов информанты оценивают как «местное» начальное ударение любого происхождения, в особенности ударение на предлогах, перенесенное как по правилу ляпанья, так и по закону Васильева–Долобка (у «старых» энклиноменов). Напротив, «культурным», «новым» они считают конечное ударение (нет «деревенского» переноса по правилу ляпанья) и накоренное ударение словоформ косвенных падежей ед. числа а. т. С и D с предлогами.

В этой связи весьма примечательно, что некоторое количество слов муж. рода праславянской а. п. *d* сохраняет рефлекс окситонезы указанных форм только при наличии предлога и ляпанья, а от исконного нафлекссионного ударения тех же форм информанты категорически отказываются.

Литература

- Абраменко 2000 — О. А. Абраменко. Новые данные по рефлексации индоевропейских окончаний gen., dat. и loc. sg. *ā*-склонения (на материале западных и северо-западных говоров русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
- Ардеитов 1957 — Б. П. Ардеитов. К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского гос. пед. ин-та. Кишинев, 1957. Т. 15.
- АССЯ — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии: Словарь: Непроизводные основы мужского рода. («Акцентологический словарь славянских языков») М., 1993.
- Герд, Лебедев 2001 — Очерки и исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда, Г. И. Лебедева. СПб., 2001.

- Гильфердинг — А. Ф. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Архангельск, 1983.
- Глускина 1966 — С. М. Глускина. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Псков, 1968. Т. 2.
- Гринкова 1947 — Н. П. Гринкова. К изучению олонечских диалектов // Академик А. А. Шахматов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947.
- Диалектные различия — Диалектные различия русского языка. Морфология: Программа собрания диалектного материала. М., 1998.
- Дурново, Ушаков 1910 — Н. Дурново, Д. Ушаков. Хрестоматия по великорусской диалектологии. М., 1910.
- Дыбо 2000 — В. А. Дыбо. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. М., 2000. Т. 1.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1979–1986 гг.). М., 1993.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Колесов 1975 — В. В. Колесов. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. М., 1975.
- Куликовский — Г. Куликовский. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Кузнецов 1949 — П. С. Кузнецов. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М., 1949.
- Мызников 2003 — С. А. Мызников. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Логинов 2001 — К. К. Логинов. Этническая история восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Очерки и исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда, Г. И. Лебедева. СПб., 2001.
- Логинов 2001а — К. К. Логинов. Основные и «малые» этнографические зоны Заонежья XIX — начала XX в. // Очерки и исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда, Г. И. Лебедева. СПб., 2001.
- Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.
- Николаев 1990 — С. Л. Николаев. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.
- Николаев 1996 — С. Л. Николаев. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Николаев 2001 — С. Л. Николаев. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001, с. 86–121.

- Образование — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- ОСА — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Основы — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.
- РД — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
- Рыко 2000 — А. И. Рыко. Семантическое распределение окончаний 3-го лица презенса в северо-западных русских говорах // Балто-славянские исследования 1998–1999. Т. 14. М., 2000.
- Рыко 2002 — А. И. Рыко. Новые данные о семантико-синтаксическом распределении флексий 3 л. презенса в северо-западных русских говорах: полипредикативные структуры // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8: Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.
- Тер-Аванесова 1988 — А. В. Тер-Аванесова. Об одной славянской акцентной инновации // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1988.
- Тер-Аванесова 1990 — А. В. Тер-Аванесова. Ударение тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, в говорах Заонежья // Современные русские говоры. М., 1990.
- Тер-Аванесова 2002 — А. В. Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа *а-склоения в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8: Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.
- Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
- Хайду 1985 — П. Хайду. Уральские языки и народы. М., 1985.

Список сокращений

Населенные пункты:

ВГ — Великая Губа
 ВН — Великая Нива
 Волк. — Волкостров
 Выр. — Вырозеро
 Каж. — Кажма
 Кос. — Косельга
 Косм. — Космозеро
 Куз. — Кузаранда

МЯ — Медные Ямы
 Об. — Обод (Дриска)
 Падм. — Падмозеро
 Палт. — Палтега
 Паян. — Паяницы
 СГ — Сенная Губа
 Сел. — Селецкое
 Сиб. — Сибово

Тар. — Тарасы
 Тер. — Терехово
 Тип. — Типиницы
 Тамб. — Тамбицы
 Фойм. — Фоймогуба
 Як. — Якорледина

НЭ — «новый энклиномен» (форма с переносом ударение на начальный слог фонетического слова по правилу ляпанья)

СЭ — «старый энклиномен» (исконная форма-энклиномен)

Summary

On language variations in Zaonezhje

The paper deals with idioms now spoken in the area near the Northern coast of the Onego lake (the Eastern part of Republic of Karelia). The local Russian Onego dialects are now rarely spoken. The idiolects of the native population present the whole range of variety between two poles — the local dialects and the standard language. Most people can «standartize» their speech in accordance with the situation and the topic of their speech. The standard language spoken in this area is characterized by a number of local dialectal features. The difference of local dialects and the «standartized» idioms is described with the respect of phonetic system, declension and accentuation. The paper also deals with the sociolinguistic aspect of the stress shift from the ultimate to the initial syllable of the phonological word which is one of the most prominent features of the Onego dialects.

Учение Р.И. Аванесова о двух аспектах предмета диалектологии применительно к выделению диалектов

Существующие в русской диалектологии варианты выделения территориальных диалектов и их классификации имеют разное методологическое основание. Диалектное членение русского языка, предложенное в [Захарова, Орлова 1970], устанавливается на основе диалектных различий, показанных на картах диалектного атласа русского языка (ДАРЯ). Интерпретация тех же языковых данных в аспекте типологической классификации предпринята в работе [Пшеничнова 1996].

В предлагаемой статье рассматривается вопрос о том, в каких отношениях друг к другу находятся эти два вида классификации одних и тех же диалектов. Проблема связана с некоторыми положениями теории диалекта, разработанной Р.И. Аванесовым.

Выделяя описательную диалектологию как отдельное направление диалектологических исследований, Р.И. Аванесов отмечает, что в целом «объектом описательной диалектологии является диалектный язык в его синхронном срезе» [Аванесов 1965, 24]. Диалектный язык – это система, состоящая из постоянных и варьирующихся звеньев. При этом в качестве системных компонентов диалектного языка могут выступать диалектные микросистемы и макросистемы различных степеней, образованные собранием частных диалектных систем (ЧДС) [Русская диалектология 1964, 11]. Диалектный язык имеет структурный и территориальный аспект. Но как явление, обладающее статусом структуры, он может изучаться вне его территориальной проекции. В этом случае имеется в виду как структура в целом, так и ее отдельные элементы. Последние понимаются в двух планах. Во-первых, это языковые черты, включенные в звенья системы диалектного языка, одни из которых свойственны всем говорам, лежащим в основе данной модели диалектного языка, а другие – различаются в говорах. А во-вторых, как компоненты структуры диалектного языка, те же языковые черты вообще не предполагают сами по себе территориальной проекции, поскольку разные структуры и различия в отдельной структуре «в принципе могут уживаться в одной территориальной точке», и далее – в диалектном языке «между собственно структурным и территориальными аспектами существуют отношения тесной функциональной связи, но никак не тождества» [там же, 34].

Структурным компонентом диалектного языка является соответствующее явление, в котором объединены актуальные для данных диалектов различия

тельные явления. Это – «одно из основных понятий, относящихся к области диалектного языка как структуры» [там же]. В том случае, когда объектом изучения является диалектный язык в его структурных характеристиках вне его диалектной проекции, выделяемые его структурные разновидности имеют типологическое содержание. В частности, в качестве типологических компонентов диалектного языка моделируются ЧДС (микросистемы) как структурные диалектные типы вне территориальной проекции. Из этого можно заключить, что моделирование ЧДС как элементов системы диалектного языка для такого большого массива говоров, каким являются говоры Центра Европейской части России, отраженные в ДАРЯ, может осуществляться лишь по признакам, входящим в состав диалектных различий.

Р.И. Аванесов отмечал, что разграничение территориального и структурного аспектов, необходимое на первой стадии установления типологических характеристик диалектного языка, не исключает последующего рассмотрения диалектного языка с точки зрения структурно-территориальной. Сопоставляя диалектные типы с конфигурацией и типологией изоглосс, можно моделировать «диалекты (любой степени членения) как структурно-территориальные единицы» [там же, 35].

Относя к диалектному типу ЧДС, Р.И. Аванесов дает структурно-типологическую характеристику и диалекту, выделенному по территориальному принципу – это макросистема (разных ступеней членения), составляющая часть диалектного языка [Аванесов 1963, 305-308].

Таким образом, диалект выделяется в результате анализа говоров в территориальном аспекте по признакам, рассмотренным в структурном аспекте. Эти признаки являются членами вариативных звеньев системы диалектного языка и одновременно элементами ЧДС. В результате диалект моделируется как структурно-территориальная единица, в чем проявляется функциональная связь структурного и территориального аспектов при строгом их разграничении на уровне анализа.

Концепция Р.И. Аванесова представляет весьма продуктивной и дает повод для дальнейших поисков в сфере классификации диалектов.

Представляется логичным расширить понятие диалектного типа, и отнести это понятие не только к ЧДС, но к диалекту как макросистеме, моделируемой на основе близких друг другу ЧДС, т.е. на основе говоров, образующих однородную группу (разных уровней деления, или разных рангов). Можно сопоставить модели всех ЧДС по всем языковым чертам, включенным в эти модели, и таким образом определить типологические разновидности диалектного языка, представленные не отдельными ЧДС, а единицами более высокого уровня – однородными группами говоров, образующими диалект определенного типа, а также определить переходные совокупности говоров и совокупности, состоящие из разнородных говоров

Сравнение говоров с целью выделения однородных групп определенно-го диалектного типа по всем признакам, по которым моделируются эти го-воры, может быть проведено в структурно-типологическом аспекте без об-ращения к территории. Иными словами, не только ЧДС, но и диалекты как макросистемы можно выделять, моделировать, изучать как разновидности диалектного языка, т.е. как чистую структуру.

Такого рода исследование на материале русских говоров было проведе-но в [Пшеничнова 1996]. Результаты сравнения русских говоров в структур-но-типологическом аспекте были отражены и на лингвогеографических кар-тах, поскольку говоры имеют статус территориальных вариантов языка.

Лингвогеографическая проекция структурно-типологической классифи-кации обнаружила определенную закономерность в территориальном распре-делении говоров разных диалектных типов [Пшеничнова 1996, 180 и карты 1-7]. В этом проявляется функциональная связь структурно-типологического и территориального аспектов изучения говоров.

В структурно-типологической классификации, как и в диалектном члене-нии тех же говоров на основе изоглосс, структурный и территориальный аспек-ты разграничены и при этом функционально связаны. Но проведение анализа и проявление функциональной связи эксплицируются в обратном порядке. В диа-лектном членении на основе изоглосс деление базируется на признаках, являю-щихся элементами ЧДС и одновременно членами вариативных звеньев системы диалектного языка (структурный аспект), а диалекты выделяются в территори-альном аспекте как единицы структурно-территориальные.

В отличие от этого, в структурно-типологической классификации в ка-честве основания деления берутся те же признаки, что и в диалектном чле-нении, но диалекты выделяются в результате сравнения говоров по этим признака вне территории, а лингвогеографическая проекция полученных результатов (второй, отдельный этап исследования) выявляет неслучайность территориального распределения говоров, объединенных в рамках выде-лившихся классификационных единиц.

Структурно-типологическое сравнение большого массива говоров традици-онными методами, исходя из даваемой диалектными картами визуальной ин-формации, провести невозможно. Необходимо использовать вероятностно-статистические методы и компьютер. Метод такого рода был предложен авто-ром статьи и впервые использован для классификации русских говоров.

Суть метода состоит в следующем. В качестве исходного берется любой го-вор из числа подлежащих классификации. Определяется мера близости (таксо-номическое отношение) этого говора с каждым другим по всем признакам, вхо-дящим в основание классификации. Мера близости показывает, могут данные два говора входить в одну однородную группу или не могут: при неотрицатель-ном значении таксономического отношения (т.е. при положительном или рав-

ном нулю) могут, а при отрицательном – не могут. Выделившаяся таким образом группа – это группа так называемого нулевого приближения. Далее следует ее уточнить. Для этого формируется Эталон типичности выделившейся группы – Эталон типичности нулевого приближения. Он представляет собой совокупность признаков, наиболее распространенных в говорах выделившейся группы (отмеченных не менее, чем в половине говоров данной группы). Далее все говоры, подлежащие классификации, сравниваются с Эталоном типичности нулевого приближения (вычисляется таксономическое отношение каждого говора с Эталоном типичности нулевого приближения). В результате такого вычисления некоторые говоры «уйдут» из группы нулевого приближения (те говоры, у которых значение таксономического отношения с Эталоном типичности отрицательно), а некоторые новые говоры «войдут» в группу. В результате получим группу следующего, первого приближения и также сформируем для нее Эталон типичности первого приближения, с которым снова будут сравниваться все говоры, подлежащие классификации. Таким образом будут получены группы и их Эталоны типичности всех последующих приближений, и такой итерационный процесс будет продолжаться до тех пор, пока состав группы не перестанет меняться. В конечном итоге можно получить однородную группу первого уровня деления или установить, что однородная группа в данной совокупности говоров не выделяется [Пшеничнова 1996, 17-18].

Далее, если однородная группа выделилась, берется говор, который более всего отличается от Эталона типичности окончательно выделившейся группы, и с ним сравниваются все говоры, подлежащие классификации. В результате такого же итерационного процесса, как и при выделении первой группы, выделится (или будет определено, что группа не может выделиться) вторая группа того же уровня деления и в таком случае формируется ее Эталон типичности. При этом часть говоров будет иметь положительное значение с Эталоном типичности как первой, так и второй группы. Это пересечение двух групп, которое является совокупностью говоров, переходным между двумя группами, а остаток от пересечения – это две разные группы, каждая из которых однородна.

Часть говоров, подлежащих классификации, не войдет ни в какую-либо из выделившихся групп, ни в переходную совокупность. Это – «остаток» от деления образует совокупность разнородных говоров.

Далее вся процедура анализа повторяется – отдельно для каждой единицы, выделившейся на первом уровне классификации, и продолжается до того уровня деления, ниже которого перестают выделяться группы определенного диалектного типа. Для русских говоров такое деление завершается четвертым уровнем.

Суть метода изложена в самом общем виде, а в подробном виде отражена в [Пшеничнова 1996].

В настоящее время существуют лингвогеографические карты диалектного членения восточнославянских языков – отдельно русского, белорусского, украинского. Учитывая опыт структурно-типологической классификации русских говоров, целесообразно осуществить анализ такого же типа в применении к белорусским и украинским говорам. Это даст возможность в масштабах восточнославянского континуума определить однородные группы говоров определенного диалектного типа, переходные совокупности и совокупности разнородных говоров и отразить полученные результаты на лингвогеографической карте. Разграничив структурно-типологический и территориальный аспекты исследования, можно выявить их функциональную связь в обратном, по сравнению с диалектным членением, порядке. Таким способом можно уточнить степень дискретности и континуальности восточнославянского диалектного пространства в целом.

Диалектное членение языка и структурно-типологическая классификация говоров воплощают два разных подхода к выделению диалектов. Но в обоих случаях при строгом разграничении структурно-типологического и территориального аспектов изучения говоров выявляется и функциональная связь этих аспектов.

Литература

- [Аванесов 1963] – *Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М. 1963.
 [Аванесов 1965] – *Аванесов Р.И.* О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965.
 [Захарова, Орлова 1970] – *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
 [Пшеничнова 1996] – *Пшеничнова Н.Н.* Типология русских говоров. М., 1996.
 [Русская диалектология 1964] – Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

Summary

R. Avanesov's Theory of the two aspects of dialectal Studies in connection with Distinguishing the Dialects

The article deals with the principle thesis of the Theory of dialect suggested by R. Avanesov - the double-side character of the dialectal language the presence of structural and territorial aspects of "dialectal language", their functional connection and at the same time - their clear distinction. The actualization of this thesis in the areal dialectal subdivision and in structural -typological classification of dialects is discussed in the article, as well as the correlation between the areal dialectal subdivision and the structural-typological classification in the aspect of the thesis mentioned above.

Список научных трудов Т.В.Поповой за 1961-2004 гг.

Монографии

1. Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект. М., 1975 (256 с.).

Коллективные труды

2. Български диалектен атлас. 1. Югоизточна България. София, 1964 (33 карты и комментарии) (12 п.л.).
3. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967 (64 карты и комментарии) (15 п.л.).
4. Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Вып.1. Рефлексы *ѣ. Beograd, 1988 (1 карта и комментарий) (1 п.л.).
5. Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Вып. 2а. Рефлексы *ѣ. М., 1990 (1 карта и комментарий) (1 п.л.).

Статьи

6. К вопросу о типологической характеристике болгарских диалектов // ВЯ, №5, 1961 (0,5 п.).
7. Корреляция твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке // КСИС.в.35.1962 (1,5 п.л.).
8. О границе “южного типа” произношения *ѣ // СМБД, в.10, 1962 (0,2 п.л.).
9. Корреляция твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке. АКД. М., 1963 (1 п.л.).
10. Консонантная система на един югоизточен български говор // ИИБЕ. София, 1965 (2 п.л.).
11. К характеристике взаимодействия между системами вокализма и консонантизма // Советское славяноведение, №5, 1966 (1 п.л.).
12. Системы твердых и мягких согласных фонем в современных болгарских диалектах // Материалы и исследования по ОЛА. М., 1968 (2 п.л.).
13. Группировка юго-западных украинских говоров (на материале КДА) // Материалы и исследования по ОЛА. М., 1968 (2 п.л.) (совместно с Г.П.Клепиковой и В.В.Усачевой).
14. О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // ВЯ, №6, 1968 (1 п.л.) (совместно с Г.П.Клепиковой).
15. Чередования конечных согласных основы в спряжении глагола настоящего времени в югозападном украинском говоре // Праці XIII респ. діал. наради. Київ, 1970 (0,5 п.л.).

16. Чередования конечных согласных основы при образовании сравнительной степени прилагательных в юго-западных украинских говорах // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971 (0,5 п.л.).
17. Вокалізм однієї гуцульської говірки // Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971 (0,5 п.л.).
18. О предмете морфологии, иерархии анализа и единицах описания морфологической структуры языка // Сов. славяноведение, №2, 1971 (1 п.л.).
19. Редуване на крайните съгласни на основата при съществителните имена на *-ач* в български език // БЕ, кн.№4. София, 1971 (0,5 п.л.).
20. Парадигматические консонантные ряды чередований в юго-западных украинских говорах // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972 (2 п.л.).
21. Морфологические чередования глагола в одном из западноболгарских говоров // ОЛА.МИ., 1974 (2 п.л.).
22. Морфологичното акцентно редуване в глаголите от II спрежение като един от признаците за диалектна типологическа характеристика // В памет на проф. Ст.Стойков. Езиковедски изследвания. София, 1974 (1 п.л.) (совместно с Б.Велчевой).
23. Morphologische Alternationen in der Gegenüberstellung Präsens – Aorist in den bulgarischen Dialekten der Gegenwart // Zeitschrift f. Slawistik. № 6. Berlin, 1976 (0,5 п.л.).
24. Морфологическая характеристика глагольного словоизменения в юго-восточном болгарском говоре // СБЯ, 1976 (3 п.л.).
25. Об одном мало известном типе глагольного словоизменения в болгарских диалектах // ОЛА. МИ., 1978 (2,5 п.л.).
26. Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфологический аспект. АДД. М., 1978 (3 п.л.).
27. К вопросу о значении морфологических признаков для диалектного членения болгарского языка // ОЛА. МИ., 1979 (1 п.л.).
28. Морфологическая характеристика слова как основание для установления диалектных соответственных явлений // СБЯ, 1981 (1 п.л.).
29. Проблемы болгарской морфологии // Първа национална младежка школа. София, 1981 (1 п.л.).
30. Синхронное описание одного говора как особый вид диалектологического исследования // ОЛА. МИ., 1981 (1,5 п.л.) (совместно с Л.Э.Калнынь).
31. Из истории фонологической системы болгарского языка. // Първи Международен конгрес по българистика. София, 1983 (0,5 п.л.).
32. Проблемы диалектологии болгарского языка в советской славистике // Советская болгаристика. М., 1983 (0,5 п.л.).
33. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов как способ их синхронной структурной классификации // IX Между-

- народный съезд славистов. Доклады. М., 1983 (1 п.л.) (совместно с М.И.Ермаковой, Л.Э.Калнынь и Л.И.Масленниковой).
34. О некоторых проблемах сопоставительного изучения славянской морфологии. // Советское славяноведение, №5. М., 1984 (1 п.л.).
 35. Отражение на позиционната полумекост във фонетичната транскрипция и фонологическата ù интерпретация // БЕ, кн. 3. София, 1984 (1 п.л.).
 36. Из болгарской диалектной морфологии // СБЯ, 1986 (1 п.л.).
 37. Към въпроса за синхронното морфологично разчленяване // БЕ, кн. 4. София, 1986 (0,5 п.л.).
 38. Морфонологични типове субстантивни парадигми в съвременния български книжовен език. // ЕиЛ, №1. София, 1986 (0,5 п.л.).
 39. Влияние консонантного окружения на судьбу *ѣ в западно- и восточнославянских диалектах / ОЛ.А. МИ., 1987 (1,5 п.л.) (совместно с С.К.Пожарицкой).
 40. О сходствах и различиях в морфонологической структуре болгарского, русского и украинского литературных языков. // Втори Международен конгрес по българистика. Доклади. София, 1987 (1 п.л.).
 41. Введение // Славянская морфология. Субстантивное словоизменение. М., 1987 (с.3-15).
 42. Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном русском литературном языке // Там же (с.16-37).
 43. Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном украинском литературном языке // Там же (с.38-88).
 44. Морфонологические типы субстантивных парадигм в современном болгарском литературном языке // Там же (с.202-235).
 45. Заключение // Там же (с.236-257).
 46. Роль консонантного контекста в истории рефлексов *ѣ в славянских языках // Revue des Études slaves. LXII/4. Paris, 1990 (1,5 п.л.) (совместно с С.К.Пожарицкой).
 47. Глагольная основа в славянских языках в аспекте морфологии // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990 (1 п.л.).
 48. К вопросу о редукации гласных в современных болгарских диалектах // Studia Slavica. К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991 (1 п.л.).
 49. Още веднъж за членуваните форми за мн.число на съществителните от среден род от типа *пилé, момчѣв* българските диалекти // БЕ, кн.4. София, 1991 (0,8 п.л.).
 50. Морфонологические чередования, обусловленные явлениями наращення и усечения в современных славянских литературных языках // Synchronicznie badanie porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich. Warszawa, 1992 (0,5 п.л.).

51. Способы образования общей падежной формы множественного числа существительных мужского рода в тексте Тихонравовского дамаскина XVII в. // Болгарский литературный язык Предвозрожденческого периода. М., 1992 (1,5 п.л.).
52. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации // ИСД. 2. 1993 (5 п.л.) (совместно с Л.Э.Калнынь).
53. О судьбе **ε* и **'a* в современных юго-западных украинских говорах // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994 (0,7 п.л.).
54. Введение // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995 (с. 3-9).
55. Карта 5. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения типа рус.лит. *печь, беречь* // Там же (с. 43-53).
56. Карта 6. Образование падежных форм дательного, творительного и местного падежей единственного числа существительных женского рода типа *соль, грязь, печь, кровь, мать* // Там же (с. 53-64).
57. Карта 7. Словоформы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с флексией "гласный + [ў/в]" (типа *сольу, сол'оу, с'ілеу, с'іл'оу*) в современных югозападных украинских говорах // Там же (с. 64-69).
58. "Восточнославянские изоглоссы": новый тип лингвогеографического исследования // ИСД.4., 1995 (0,6 п.л.).
59. Об одной разновидности карт в монографии "Восточнославянские изоглоссы" // ОЛА. МИ., 1996 (1,5 п.л.).
60. Восточнославянские изоглоссы. // Вестник РГНФ, 3. М., 1997 (0,5 п.л.).
61. Морфонологическая структура глагольных парадигм в восточнославянских диалектах // ИСД. 5. 1997 (0,5 п.л.).
62. Болгарские говоры // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. 1. М., 1997 (с.216-222).
63. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус.лит. *любить* // Восточнославянские изоглоссы. Вып.2. М., 1998 (с.79-105).
64. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус.лит. *платить* // Там же (с.105-130).
65. Флексия глагольной формы 3-го лица ед. ч. настоящего времени // Там же (с.130-170).
66. Опыт картографирования морфонологических явлений в монографии "Восточнославянские изоглоссы" // ОЛА. МИ. 2000 (1 п.л.).

67. К вопросу о морфологической структуре болгарских существительных // Филологический сборник. Памяти проф. С. Б. Бернштейна. М., 2002 (0,3 п.л.).
68. “Восточнославянские изоглоссы” и проблема дифференциации восточнославянского диалектного континуума // ИСД. 8. , 2002 (0,5 п.л.).
69. Предисловие // Восточнославянские изоглоссы. Вып.3. М., 2002 (с.5-8).
70. Формы инфинитива от глаголов с основой на /к,г/ типа рус.лит. *печь, беречь* // Там же (с.106-120).
71. Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус.лит. *ходить, видеть, знать, писать* // Там же (с. 120-129).
72. Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус.лит. *плести, вести, грести и класть, пряхать, грызть* // Там же (с.129-138).
73. Из болгарской диалектологии: к вопросу о взаимодействии между фонологией и морфонологией // ОЛА. МИ. 2003. (1 п.л.).
74. О морфонологической структуре словоформы Тв.ед. существительных женского рода старых *i основ в некоторых современных литературных славянских языках // Аванесовский сборник. М., 2002 (0,5 п.л.).
75. Безударные флексии в глагольной форме 3 лица множественного числа настоящего времени в современных восточнославянских диалектах // ОЛА.МИ. 2004 (2 п.л.).
76. Славянская диалектология: некоторые итоги и перспективы развития (к 40-летию Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения)// ОЛА.МИ.2004 (1,5 п.л.) (совместно с Л.Э.Калнынь и Г.П.Клепиковой).
77. Сопоставление данных национальных атласов как метод установления новых изоглосс // ИСД 9, 2004 (0,5 п.л.).
78. Некоторые вопросы украинского диалектного словоизменения: интерпретация диалектного материала, собранного в одной ЧДС. 1.Глагол (формы инфинитива и презенса) // ИСД.9.2004 (2 п.л.) (совместно с Г.П.Клепиковой).
79. Формы 3 лица множественного числа с нулем в окончании в русских говорах// Материалы и исследования по русской диалектологии. II. М., 2004 (0,7 п.л.).
80. Исследования по славянской диалектологии: итоги и перспективы// Доклады на 1-м Всероссийском совещании “Российское славяноведение в начале XX века”. М., 2004 (1 п.л.) (совместно с Л.Э.Калнынь и Г.П.Клепиковой).
81. Конечные /т/, /т’/ и Ø в формах 3 лица множественного числа настоящего времени // Восточнославянские изоглоссы, вып.4 (в печати) (2 п.л.).
82. Флексии глагольной формы 1 лица множественного числа настоящего времени// Там же (2 п.л.).

Рецензии и обзоры.

83. [Рец.]: *Ст. Стойков*. Българските народни говори. София, 1966, 196 с. // Сов. славяноведение, №1. М., 1966 (0,3 п.л.).
84. [Реф.]: Заседание комиссии ОЛА при МКС // Сов. славяноведение, №5. М., 1966 (0,1 п.л.).
85. [Реф.]: Совещание по ОЛА // Сов. славяноведение, №1. М., 1968 (0,1 п.л.).
86. [Рец.]: *М.Младенов*. Ихтиманският говор. София, 1966, 196 с. // Сов. славяноведение, №1. М., 1968 (0,3 п.л.).
87. [Реф.]: Интересная работа по типологии славянских фонологических структур // Сов. славяноведение, №2. М., 1969 (0,1 п.л.).
88. [Реф.]: УИИ Международный летний семинар по болгарскому языку // Сов. славяноведение, №3. М., 1971 (0,1 п.л.).
89. [Реф.]: *Л.Э.Калнынь*. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973, 398 с. // РЖ "Языкознание". Серия 6, №4. М., 1974 (0,3 п.л.).
90. [Рец.]: *Л.Э.Калнынь*. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973, 398 с. // ОЛА. МИ., 1977 (0,8 п.л.).
91. Вопросы диалектологии на УИИ Международном съезде славистов // ОЛА.МИ., 1979 (1,2 п.л.) (совместно с Л.Э.Калнынь и Г.П.Клепиковой).
92. [Рец.]: *Ю.С.Маслов*. Грамматика болгарского языка. М., 1981, 407 с. // Сов. славяноведение, №6. М., 1982 (0,6 п.л.) (совместно с Т.Н.Молошной).
93. [Рец.]: Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982, 286 с. // Сов. славяноведение, №2. М., 1982 (0,5 п.л.).
94. Обзор работ советских диалектологов-болгаристов (послевоенный период) // ОЛА. МИ., 1984 (2 п.л.).
95. [Рец.]: *Н.Н.Пшеничнова*. Типология русских говоров. М., 1996, 208 с., 7 карт. // Russian Linguistics, 23, 1999 (0,5 п.л.).
96. [Рец.]: С.Б.Бернштейн. Проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000 // ОЛА.МИ., 2003 (0,5 п.л.).
97. [Рец.]: Материалы и исследования по русской диалектологии. 1 (VII). К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Р. И. Аванесова. М., 2002 // ОЛА. МИ., 2004 (0,7 п.л.).

Тезисы

98. Вокализм одного гуцульского говора // XII респ. діал. нарада. Київ, 1962 (0,2 п.л.).

99. Морфонологічні чергування приголосних у дієсловах теперішнього часу в Саджавській говірці. // Наукова рада. Київ, 1966 (0,2п.л.).
100. Чередования конечных согласных основы в существительных на -ач, мотивированных глаголами, в болгарском языке // Кузнецовские чтения. М., 1970 (0,2 п.л.).
101. Морфонологические классификационные признаки глагольного словоизменения как одно из оснований для типологической характеристики болгарских диалектов // Совещание по ОЛА (Ужгород, 1973). М., 1973 (0,2 п.л.).
102. Пучки изоглосс как один из критериев диалектного членения // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Ереван, 1973). М., 1973 (0,2 п.л.).
103. Взаимодействие между фонологической корреляцией твердости-мягкости и морфонологическими чередованиями // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Волгоград, 1982). М., 1982 (0,2 п.л.).
104. Морфонологическое чередование как отражение морфологической вариативности // Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982 (0,2 п.л.).
105. Опыт типологического картографирования материала родственных языков по данным ОЛА // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Ужгород, 1984). М., 1984 (0,3 п.л.) (совместно с С.К.Пожарицкой).
106. Морфонологические чередования, обусловленные явлениями наращеня и усечения, в современных славянских литературных языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989 (0,2 п.л.).
107. Актуальность изучения переселенческих болгарских говоров // Вторые Дриновские чтения. Тезисы. Харків, 1991 (0,2 п.л.).
108. К вопросу о синхронной членимости глагольных словоформ в славянских языках // Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы. М., 1992 (0,2 п.л.).
109. К вопросу о специфике русских северо-восточных периферийных говоров (по материалам трех выпусков "Восточнославянских изоглосс") // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов. М., 2004 (0,2 п.л.).

Редактирование

110. Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973 (40 п.л.).
111. Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981 (20 п.л.). (совместно с С.М.Толстой).

112. Славянская морфология. Субстантивное словоизменение. М., 1987 (20 п.л.).
113. Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.
114. Восточнославянские изоглоссы. 1998. Вып.2. М., 1998.
115. Восточнославянские изоглоссы. 2000. Вып.3. М., 2002.

Переводы

116. *И.Леков*. Об одном неотмеченном явлении синтаксической фонологии в некоторых славянских языках // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971 (0,3 п.л.).
117. *Г.Аронсон*. Морфология болгарского словоизменения. М., 1974 (13 п.л.) (совместно с Н.Г.Обушенковым).
118. *Б.Велчева*. Графико-лингвистический анализ Рьльского Б евангелия начала XIY века. // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982 (1,5 п.л.)
119. *И.Кочев*. Болгарская диалектология после 9.1.1944 г. // Советская болгаристика. М., 1983 (0,5 п.л.).

Сокращения

- БЕ – Български език. София
- ВЯ – Вопросы языкознания. М.
- ЕиЛ – Език и литература. София.
- ИИБЕ – Известия на Института за български език. София.
- ИСД - Исследования по славянской диалектологии. М.
- КСИС – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
- ОЛА.МИ – Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.
- РЖ – Реферативный журнал. ИНИОН АН СССР. М.
- СБЯ – Славянское и балканское языкознание. М.
- СМБД – Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М.

Новые работы о славянском влиянии на языки карпато-балканского ареала*

Карпатская и балканская зоны во многих отношениях - геофизическом (resp.природно-экономическом), лингвистическом, этнокультурном и др. – могут рассматриваться и изучаться в качестве *частей* единой, карпато-балканской макрозоны (1), - разумеется, наряду с изучением каждой из указанных зон как относительно автономных, имеющих свою собственную специфику (2). Карпато-балканская макрозоны на протяжении многих веков и даже тысячелетий характеризуется постоянными миграциями, активными контактами и взаимодействиями различных этносов и – соответственно – их языков. Об этом, в связи с этно- и глоттогенезом славян, подробнее см., например, в книге О.Н.Трубачева «Этногенез и культура древнейших славян» (М., 2002, с.5-8, 10, 22, 24-26 31, 113-116 и др.) (3); ср. также его карты 1-4 (с.23, 28-30), реконструирующие, на основании данных этимологии, пути возможных перемещений древних народов (в том числе и славян), и их контакты на всем пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы, включая карпато-балканскую область, с III до I тыс. до н.э., до начала дунайско-балканской миграции славян (середина I тыс. н.э.). В дальнейшем, когда славяне расселяются в Юго-Восточной (и Восточной) Европе, они начинают взаимодействовать с новыми этносами и этническими группами. Так, *на Карпатах* прежде всего отмечаются активные контакты с восточнороманским населением к северу, а затем и к югу от Дуная (4), также с тюркскими (доосманскими) этническими группами (кипчаками, печенегами [волжскими] булгарами и др.) и древними венграми (5); по мере расселения в Юго-Восточной Европе, *на Балканах*, славяне вступают в контакт с албанским (6) и греческим (7) населением (8). В результате балканской миграции славян «...установилась обширная языковая непрерывность от северных отрогов Карпат до южных р-нов Балканского п-ва». Впрочем, она в этом виде просуществовала недолго: «...В связи с этногенетическими процессами в Дакнии и Паннонии после VI в.н.э.начался длительный период постепенного разобщения славянского населения, обитавшего к северу и к югу от Дуная» (9). Последние по времени, значительные по масштабу и результатам славяно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы ОИФН, тема: «Межязыковые влияния в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект».

неславянские контакты на Балканах, начиная с XIV в., связаны с турецкими завоеваниями в Юго-Восточной Европе (10).

Таким образом, в целом славянский этнический элемент, в той или иной форме, постоянно присутствует в карпато-балканской области на протяжении последних 1500 лет (11), оказывая, в зависимости от действия различных социально-исторических и иных факторов, большее или меньшее воздействие на соседние этносы и – соответственно их языки. Следовательно, изучение славянского влияния на языки карпато-балканской макрозоны (=КБМ) – именно в силу длительного и экстенсивного характера этого влияния – объективно является одним из наиболее важных аспектов проблематики межъязыковых влияний в языках карпато-балканского ареала.

Начало изучению славянского влияния, в том числе в древнейшие эпохи, на иные языки указанной макрозоны положили труды Ф.Миклошича: “Die slavischen Elemente im Rumunischen” (1861), “Die slavischen Elemente im Magyarischen” (1870), “Albanische Forschungen. I. Die slavischen Elemente im Albanischen” (1870). И в дальнейшем славяно-неславянским языковым отношениям исследователи уделяли значительное внимание, и в настоящее время в этой области лингвистики достигнуты значительные результаты (12).

На наш взгляд, для активизации работы по данной проблематике способствуют прежде всего те публикации последних десятилетий, которые широко используют методы лингвистической географии. Сведения о современном распространении славизмов (и их значений), зафиксированные в неславянских языках макрозоны по специальным программам и сетке обследования и репрезентированные в атласах разных типов, образуют необходимую базу для последующих штудий различной направленности (и прежде всего диахронической), в сфере изучения взаимодействий славянских и неславянских языков в КБМ. Напомним, что именно данные о географии большого корпуса славизмов, отраженных на картах ALR, обеспечили успех изучения этого элемента в румынском (13).

1. В этой связи подчеркнем значение создания «Общекарпатского диалектологического атласа» (=ОКДА) (14), карты которого охватывают территорию всего карпатского ареала (=карпатославянские, восточнороманские [15] и венгерские говоры) и часть балканского, - из славянских говоров в нем представлены восточносербские и македонские (болгарские не обследовались по причине отказа ученых Болгарии участвовать в данном проекте), из неславянских есть материал из одного албанского говора (обл. Метохия, Сербия). Разумеется, сетка обследования в некоторых фрагментах территории Атласа редка, - помимо указанного албанского, отметим, что анкетировались лишь 9 венгерских говоров (Северо-Восток Венгрии и Закарпатье). Тем не менее картографирование и этих данных, но в контексте всего карпато-балканского диалектного континуума позволяет представить *общую*

картину распространения многих «славизмов» (т.е. единиц, имеющих славянское происхождение) (16), которая далее должна уточняться и детализироваться для каждого языка с помощью показаний национальных и региональных атласов, диалектных описаний, лексикологических штудий и др.

Далее ареалы славизмов, имеющие различную величину и конфигурацию (что в ряде случаев может свидетельствовать о различиях в хронологии заимствований и/или их источников) становятся объектом диахронического анализа (17); вследствие этого возможно воссоздание истории функционирования хотя бы некоторых таких заимствований в неславянских языках макрзоны. В 6-ти вып. ОКДА (ок. 420 карт) содержатся сведения примерно о 150 славянских лексемах, вошедших в разные периоды в неславянские языки прямо или опосредованно (18). Приведем несколько примеров, показывающих роль Атласа в анализе географии подобных единиц.

1а. Ареалы лексем славянского происхождения охватывают диалекты румынского и венгерского языков (реже – албанского).

Таковы рефлексy слав. *tlaka (<*tolka; o tl > kl см.: Топоров 4, 68): рум. clacă и венг. kaláka ‘бесплатная помощь (соседям)’ (ОКДА 5, № 48,49), рассматривается как раннее заимствование (из идиома [южно]славянского типа), ср. и рум. toloacă ‘пастбище’ – позднее восточнославянское заимствование (19). Продолжения слав. *košъ широко представлены в румынском (coș), венгерском (kas) и албанском (kosh) с широкой семантикой (‘виды корзин’, ‘кузов ваза’, ‘вентеръ’ и под.) (ОКДА 1, № 54) (подробнее о функционировании данного славизма см. в [20]). Слав. *rodъ находит отражение в румынском (rod и большое число дериватов), венг. (pad), алб. (rod) (ОКДА 1, № 12) (подробнее [21]). Слав. *slemę заимствовано в венгерский (szelemen) (в этой форме вошло в некоторые закарпатские говоры – se'lemeno; чаще однако, независимо от венгерского - slem'buna), редко фиксируется в румынском (scléme) ‘балка и под.’ (ОКДА 1, № 8) (22).

1б. Славизм отмечен только в румынском, ср.: рефлекс слав. *obъrǫpъкъ в рум. orință (и варианты) ‘вид кожаной обуви’, имеет широкое распространение в говорах и оценивается как старое заимствование; ср. алб. orangë ‘то же’ (возможно, из сербского) (ОКДА 2, № 27) (23). Слав. *ščavъ (и *ščavъje) отражено в рум. ștevie (варианты – șt"ed"e, ștege, șcāvă и др.) ‘щавель’ (ОКДА 5, № 6); некоторые источники приводят и венг. csáva то же (24). 1в. Только в венгерском зафиксирован рефлекс слав. *gQba ‘гриб’ – gomba (ОКДА 5, № 8,9,11,12) (см. и: MNyTESz 1, 1071).

2. Ареалы, позволяющие изучать проблему «обратных» лексических заимствований. Ср. наличие лишь в карпатоукраинских говорах лексемы bruč ‘бритва’ < рум. brici (и словообразовательные варианты) (ОКДА 4, № 20) < слав. *brǫčъ ‘то же’; ср. также карп.-укр. pazuty (s'a) ‘беречь(ся)’ и под. < рум. (a)păzi ‘то же’ (и др. значения) (ОКДА 4, № 17) < *paziti (se). Вместе с тем как «обратное» се-

мантическое заимствование может рассматриваться карп.-укр. žut 'плоды бука' < рум. jir 'то же' < *(ю.)слав. žigъ (25). «Обратным» заимствованием из венгерского в славянские диалекты КБМ является лексема gazda 'хозяин' и др. < венг. gazda 'то же' (ОКДА 5, № 35) < слав. gospoda (26). Славянское влияние в сфере мотивации (=«внутренней формы») наименований также может быть исследовано на материале ОКДА. Ср., например, фиксацию признака 'сидеть' в обозначении 'посиделок' как в южнославянских диалектах (серб. séditi:k, макед. se'del'ka и под. [см. также болг. седянка]), реже – в севернославянских (см. польск. rośada), но также и в румынском (șezătoare) (ОКДА 4, № 13)(27). Отметим возможное славянское влияние в сфере мотивации на румынский в названиях 'божьей коровки' (модель «корова & Бог»); ср.: слав. bož-ъj-a kogr-a и под. ~ рум. vasa domnului и др. (ОКДА 5, № 69)(28).

Может быть рассмотрено значение ареалогических данных, содержащихся в Атласе, и для решения этимологических проблем, от чего зависит, в частности, уточнение направления иррадиации тех или иных лексических элементов (ср., например, существование противоположных – славянской и неславянской - версий генезиса *krašup [ОКДА 4, № 1; НМ № 3] и *kopil [ОКДА 3, № 51], что усложняет определение траектории их миграции в КБМ). Славянская версия *krašupъ отражена в: ЭССЯ 11, 56 (о славянском источнике венг. karacsony см.: МNyTESz 2? 371), обзор неславянских версий рум. crăciun см. в: Калуж. 30. О славянском происхождении *коруль см.: ЭССЯ 11, 30, 34; о принадлежности рум. coril, алб. koril общему древнему лексическому фонду: Калуж. 30 (там же и иные версии) и под. (29).

Не останавливаясь на этом подробнее, отметим значение для интересующей нас темы другого макроатласа, работа над которым продолжается в настоящее время, - «Малого диалектологического атласа балканских языков»(30).

2. Другим важным трудом, специально посвященным славянскому влиянию на один из балканских языков, является книга албанского слависта Д.Юллы «Славянский фонд заимствований в албанском» (31). Она является первым в албанистике исследованием, выполненным с помощью методов лингвистической географии и содержит более 1000 лексических карт (малого формата) с краткими комментариями. Вопросник атласа был составлен в виде инвентаря лексем (общее их число - ок.800) на основании анализа предшествующих работ (начиная с монографии Ф.Миклошича – см. выше) и содержит единицы (также их фонетические и семантические варианты), славянское происхождение которых не вызывает сомнений, дериваты от них, а также возможные славизмы, слова иного происхождения, вошедшие в албанский через славянское посредство и др.(с.13-14). По Вопроснику обследованы 38 диалектов в 24 округах (= краинах), которые существуют в Албании (таким образом, некоторые из них представлены более чем одним говором, ср., например, краины Шкодер, Корча, Поградец и др.) Карты атласа

отражают как материалы непосредственного анкетирования, так и эксцерпции из албанского (исторического) словаря, что специально отмечается в комментариях; при этом данные картографируются не в каждом отдельном пункте сетки обследования, а *в целом* - по округу (точные сведения о распространении заимствований содержатся в комментарии). В комментарии включены ссылки на другие исследования и словари, где отмечены соответствующие славизмы, также кратко изложены этимологические версии. Кроме того, составлены 50 карт, на которых представлены данные о численности *в каждом* округе славянских элементов, принадлежащих к отдельным лексико-семантическим (=понятийным) группам и подгруппам (всего их выделено - соответственно - 9 и 46) (32). Наибольшее количество славизмов, представляющих *различные* тематические группы (=сельское хозяйство, скотоводство, дом, занятия, фауна и флора и под.), зафиксировано в р-нах Шкодера (402), Тропое (347) и др. на севере Албании, Корчи (430), Поградца (316) и др. - на юго-востоке, Влоры (300) - на юго-западе; наименьшее - в р-не Дурреса (180) Саранды (186) и под. (с.298). Эти данные позволяют выявить зоны наиболее (vs. наименее) интенсивных контактов двух языков.

В специальной главе описаны критерии, которые используются исследователями при хронологической стратификации корпуса славянских заимствований и выявлении наиболее старых из них. Важнейшим является фонетический критерий, учитывающий основные этапы развития звуковой системы албанского (с.317-320); другие критерии - время фиксации славизмов в памятниках письменности (начиная с XIII в.), наличие их в албанском диалекте на юге Италии и под.

Таким образом, ныне, благодаря появлению труда Д.Юллы, существует надежная фактографическая база, отвечающая требованиям науки и суммирующая результаты предшествующих исследований, что позволяет более детально изучить современное состояние и историю славизмов в албанском языке и в его диалектах (33).

3. Третья, рассматриваемая здесь работа о славянском влиянии на языки КБМ - книга Р.Ричардса «Паннонский диалект праславянского: взгляд из древневенгерского» (34). Если первые два труда описывают *современное распространение* славизмов в отдельных неславянских языках макрзоны, то книга Р.Ричардса посвящена *историческим* аспектам проблемы славянских влияний на один язык - венгерский. Анализируется фрагмент пласта ранних лексических славизмов (35), вошедших в древневенгерский язык (=ДВ), источник их определяется как паннонославянский диалект праславянского (= ПаннС), а время усвоения - как период завоевания Паннонии, где было значительное славянское население, венграми, - так наз. «обретение (=взятие) родины» (36) в конце IX - начале X вв.

Состав этого фрагмента (53 единицы) ограничивается аппеллативной лексикой (сс.118-166); принадлежность их ПаннС верифицируется с помощью ряда четких фонетико-фонологических критериев, например, а) отражение в ДВ паннонославянских носовых (существовавших примерно до XII в.) как сочетание гласного с назальным элементом (слав.*sQsěđь > венг. szomszéd, слав.*gręda > венг. gerenda и под.), б) замена (не позже XI в.) слав./c/ на венг./č/ и /t/ (ср. слав.*сѣвь > венг. cső 'труба', слав.*něтєсь > венг. német), в) замена (не позже XI в.) слав./ž/ на венг./ʒ/ (Кнеже ~ Kenese) (IX-X вв.), г) регрессивная ассимиляция согласных как результат падения редуцированных в ПаннС (IX-X вв), ср.: венг.retek 'редька' – трансформация слав.*redьky >...ret'ky > ДВ.rätki >*rätk > венг.retek (с.50-54, 80-86 и др.) и под.

В книге рассмотрены многие славизмы, относительно времени заимствования которых существуют различные точки зрения (ср.: венг. jágom возводится к слав.*агыть, однако высказывается и иное мнение [с. 87]), а также лексические единицы, которые по фонетическим критериям датируются более поздним временем и определяются как заимствования из того или иного славянского языка (ср.: венг.hamut, при чеш.chomout, слвц.chomut и др.< слав.*хомQть и др. - с.54-61). Значительное внимание в книге уделено изложению основных положений исторической фонетики венгерского языка, - в частности, характеристике фонетической системы ДВ (IX-XVI вв.), важнейших изменений, происходивших в ней в области консонантизма и вокализма и влиявших на процесс адаптации древних славизмов – путем трансформации фонетико-морфологического облика заимствований из ПаннС (сс.79-87).

Центральное место в исследовании Р.Ричардса занимает анализ списка (=корпуса) реконструкций ПаннС лексем, вошедших в ДВ (и функционирующих ныне в литературном венгерском языке и/или диалектах), и представляющего собой полное (на настоящий момент) собрание данных о *каждой* лексической единице (включая и критический обзор точек зрения, касающихся интерпретации имеющихся материалов), а также формулировку еще нерешенных проблем. Лексемы данного списка рассматриваются в рамках нескольких тематических групп (топографические термины, строительство и дом, животный и растительный мир и др.). Кроме того, в книгу включен список лексем, зафиксированных в ПаннС и имеющих соответствия в отдельных славянских языках (с.172-180).

Таким образом, книга Р.Ричардса содержит важный материал, отражающий *современное* состояние изученности проблемы славянского влияния на венгерский язык в определенный период истории последнего, датируемый *началом* интенсивных контактов двух этносов на территории Паннонии (37). Это касается как возможности интерпретации конкретных языковых фактов (38), так и некоторых существенных вопросов теории языковых контактов в интересующем нас регионе. В частности, важно, что

Р.Ричардс продолжает дискуссию, ведущуюся в течение последних 10-15 лет, о характере лингвистической сущности ПаннС.

В конце 80-х гг. XX в. Е.А.Хелимский, основываясь на изучении фундаментальных черт фонетико-фонологического строя славянского субстрата, отраженного в древнейших славянских заимствованиях (=апеллативы и топонимика) в венгерском, констатировал высокую степень *однородности* этого субстрата. Он квалифицируется как позднепраславянский (=паннонославянский) диалект и, по версии автора (которая рассматривается как *одна* из возможных), представляет собой «некое койнэ, общее для всех славянских групп древневенгерского государства (при том что исходной диалектной базой такого койнэ скорее всего явилась Паннония). В условиях тесных этнических контактов и массового двуязычия носителями такого койне могли быть не только славяне, но и определенная часть венгров» (39)...«койнэ могло сложиться еще до прихода в Среднее Подунавье венгров (потребность в нем могла возникнуть еще в государстве аваров)». И далее: «...даже заимствования из внешних по отношению к Венгрии славянских языков, например древнечешского или древнерусского, должны были осуществляться через посредство койнэ» (там же, с.361-362) При этом попытки связать ранние славизмы в венгерском (или большую их часть) с *одним* славянским языком или несколькими (в концепции «гетерогенности» пласта славянских элементов) оцениваются Е.А.Хелимским как бесперспективные, поскольку они, в частности, проецируют «в IX-X вв. языковые границы, которые пролегли через праславянский континуум в соответствии с возникшими позднее границами политическими» (там же, с.362), что вместе с тем не исключает возможность культурного и языкового влияния на древних венгров со стороны какого-либо из соседних славянских народов (с.363).

В книге Р.Ричардса нашла отражение его весьма активная реакция на рассмотренную выше точку зрения. Автор излагает свое понимание следствий, которые вытекают из предложенной Е.А.Хелимским концепции. Во-первых, акцентируется внимание на том, что при этом речь должна идти о принципиально *непрямом* характере славянского влияния на ДВ, которое оказывается опосредованным лингвистической системой особого типа (но не самим ДВ!), последняя действует как «фильтр», снимающий некоторые различия между славянскими диалектами и способствующий гомогенизации данного диалектного пространства. Результатом подобной минимизации различий являлось, по мнению Р.Ричардса, облегчение понимания (=коммуникации) (с.104-106). Во-вторых, автор указывает, что идея койнэ (=lingua franca [LF]) в Паннонии разрабатывается и другими исследователями. Так, Г.Лант приписывает аварам создание славянской LF, распространенной в Карпатской области, что способствовало устранению различий между диалектами (языками). Я Харматта предполагал, что в ранних греко-венгерских контактах роль языка-посредника играл славянский язык (болгарский или древнерусский) и что фонетическая

система последнего служила фильтром при заимствовании греческих элементов в венгерский. Наконец, если принять предложенную J.Nichols модель начала экспансии славян из Паннонии (как из *центра* их существования) под давлением аваров (середина IX в.) (с. 204), то ПаннС при определенных условиях *мог* функционировать как койнэ (=LF). В частности, если описывать процесс указанной миграции в социолингвистических терминах, то это предполагает (1) установление статуса «распространяющегося языка», «пограничного языка» (=языка «на острие» экспансии), языка-импульса экспансии; (2) установление того, был ли «распространяющийся язык» перед началом своего движения «этническим языком» или уже LF (когда движение началось, он *всегда* «пограничный» на периферии [т.е. играет роль LF], а в эпицентре – «этнический»). Таким образом, и аварский (=язык-импульс), и славянский (=ПаннС) были скорее «этническими», чем LF, однако в ситуации пограничья (и билингвизма) славянский мог функционировать и как LF (p.107-108). Следовательно, по мысли Р.Ричардса, существование койнэ (=LF) допустимо только в случае, если взаимодействовали славяне и *неславяне* – в условиях экспансии последних и миграции первых. Наличие же койнэ у *славян* в Паннонии, по мнению Р.Ричардса, трудно поддержать (с.109) (40), поскольку славяне вряд ли нуждались в нем для облегчения взаимопонимания (ср.и с.211). Еще более проблематичным кажется ему идея о том, что койнэ играло роль посредника (=«фильтра») (41).

Заметим, что Р.Ричардс, отвергая идею славянского койнэ в Паннонии, в то же время весьма осторожен в определении сущности ПаннС (т.е. идиома-источника древних славизмов): он ограничивается указанием, что его анализ лишь *дает материал* для построения различных сценариев, исходящих из лингвистической гомогенности vs гетерогенности ПаннС (подробнее о следствиях этих сценариев – с.19, особенно - 191 и сл.) (42). Остается несформулированной позиция Р.Ричардса и по вопросу *о месте* Паннонии в теориях, касающихся прародины славян. Он отмечает существование двух теорий: 1) Паннония – прародина (=Urheimat) и 2) более вероятно, что Паннония – центр, «стартовая точка» великой славянской миграции, вызванной давлением аваров (и/или венгров), что не является признанием этой области прародиной (с.205). Можно сожалеть, что автор никак не отметил существование также и гипотезы О.Н.Трубачева о *возвратном* движении славян в начале 1-го тыс. н.э. с Севера на Юг, в Среднее Подунавье, где находился центр праславянской территории (Трубачев О.Н. Указ.соч., с.13, 86 и сл; см.выше).

В заключение необходимо еще раз повторить, что значение книги Р.Ричардса для изучения межъязыковых влияний в КБМ определяется, с одной стороны, корректной экспликацией результатов разысканий многих исследователей в области древних славянских заимствований в венгерском, что дает возможность приступить к диахронической интерпретации имею-

щихся синхронно зафиксированных диалектных и иных материалов (в том числе – в ОКДА); с другой стороны, труд Р.Ричардса позволяет продвинуться в решении проблемы лингвистической сущности славянского идиома, выступавшего в качестве источника древнейших заимствований в (древне)венгерском. И в этой связи критические замечания, содержащиеся в книге, в отношении некоторых существующих гипотез (в частности, версии Е.А.Хелимского) могут быть полезными и способствовать дальнейшей разработке проблемы в целом. Наконец, опыт интерпретации древних славизмов в венгерском может быть, по нашему мнению, учтен при изучении древних славизмов в румынском.

Примечания

- (1) Подтверждением этого единства служат, с одной стороны, существование в ней близких (и генетически связанных) форм хозяйствования, ср., например, отпнного пастушества (см.: Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974); с другой, - функционирование в ее пределах ареально-типологической общности особого типа – балканского языкового союза (БЯС), членами которого являются многие языки Балкан, и (дако)румынский, распространенный на юге и в центре карпатской области (о БЯС см.: Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979), а также наличие соответствующего комплекса различных традиций народной духовной культуры, осознаваемого также как определенное единство, (ср.: «целостность и единство, образованное дискретным и разным» [Цивьян Т.В. Лингвистическая основа балканской модели мира. М., 1990, с.68, 76 и др.]).
- (2) Об успехах подобных исследований свидетельствует значительный прогресс комплекса наук, образующих такое направление, как балканистика (см.: Асенова П. Балканско езикознание. София, 2000, с. 13), а также создание и развитие в последние десятилетия XX в. нового направления – карпатистики, в которой наиболее продвинутым аспектом в настоящее время является карпатское языкознание (см.: Клепикова Г.П. Карпатское языкознание и ОКДА//Studia Slavica Hungarica. 48/4. Budapest, 2003); Она же. Карпатологический аспект славянской диалектологии// Славянское языкознание. XIII МСС. М., 2003).
- (3) Автор, развивая идею о (средне)дунайской прародине славян (там же, с.39, 288 и др.), подчеркивает, что для этнической истории этого региона важно учитывать «подвижность праславян относительно исходных мест обитания, чересположицу мест обитания различных неславянских этнических групп и самих славян, в том числе – в самом центре праславянской территории» (там же, с.135).
- (4) Контакты славянского и романского населения относятся к VI в. (Rosetti A. Istoria limbii române. III. București, 1964, p.29); этим же периодом ученые датируют наиболее старые заимствования из славянского в язык этого населения (=поздняя [балканская] латынь), сохранившиеся в румынском (ср.: рум. șchei < лат. Sclav[in]i < слав. slověne - Мухаила Г. Изучение старославянско-румынских языковых отношений на современном этапе// Polono-Slavica Varsoviensia. Warszawa, 1992, s.22-24 [далее – Мухаила]), тогда как другие ученые относят к этому древнему слою, помимо șchei, также jurin, stâpin, stîină, smintină, măgură, mătură (Hinrichs U. Der Einfluss des Slawischen in SOE// Handbuch. der SOE-Linguistik. Wiesbaden, 1999, S. 624,623 [далее – Hinrichs; Handbuch]). Основная масса старых славизмов в румынском определяются в последнее время некоторыми учеными как заимствования из древне-южноросточнославянского и датируются не ранее XI в. (Мухаила 24-25); ср. датировку этих элементов VI-VII вв. у: Hinrichs 624 (ср. и замечание последнего, что румынские ученые «минимизируют славянское влияние» - S.623).

- (5) Славяно-венгерские контакты в Среднем Подунавье и проникновение большого числа славянских заимствований в (древне)венгерский относят к периоду, хронологически близкому к завоеванию Паннонии венграми (конец IX – начало X вв.) (см.: Хелимский Е.А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X МСС. М., 1988; там же - литература [далее – Хелимский 1988]). Обзор точек зрения, касающихся возможности более ранних контактов славян и венгров см. в: Лизанец П.М. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Будапешт, 1976, с.44-47.
- (6) Появление славян на территории нынешней Албании относят к VII-VIII вв. н.э., об их распространении в этой части Балкан см. у: Селищев А.М. Славянское население Албании. София, 1931, с.50-51 (далее – Селищев); Svane G. Slavische Lehnwörter im Albanische. Aarhus, 1992, S.5 (далее – Svane) и др.
- (7) Влияние славянского языка на греческий признается незначительным, оно отмечается в VI-VII вв., позднее большая часть славянского населения в Греции утратила свой язык и ассимилировалась; следы славянского влияния наиболее заметны в топонимии (Hinrichs 640, с литературой).
- (8) Разумеется, объектом славянского влияния в карпато-балканской области были и другие этносы и языки, ср., например, предположение о таком влиянии на (палеобалканские) языки автохтонного населения, о возможных следах этого см.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982, с.31-38,42-44; Hinrichs 619-620.
- (9) Бернштейн С.Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // Славянское языкознание. X МСС. М., 1973, с.37. Вместе с тем и ныне отмечаются черты, общие для части славянских диалектов на юго-западной периферии Севернотной Славии и для южнославянских диалектов, см.: «...Очевидно, что в начале, до разрыва контакта южнославянская территория (или точнее ареал, где были особенности, которые мы обычно называем южнославянскими) имела вид не сегмента славянской территории, а сектора; в дальнейшем... говоры, которые находились по одну сторону барьера (соответственно – по другую) развивались вместе, уменьшая различия, связанные с различным происхождением и удаляясь от говоров по другую сторону барьера» (Ивиш П. Изобрания огледи. I. Ниш, 1991, с.194-196).
- (10) См.: Hazai Gy., Kappler M. Der Einfluss des Türkischen im SOE // Handbuch.
- (11) Если же принимать гипотезу о «дунайской» прародине славян (и – соответственно – передвижение их к югу от Дуная в VI в н.э. как своего рода *реконквисту*, обратного завоевания, побуждаемого «памятью о реальном былом житье славян на (Среднем) Дунае» (Трубачев О.Н. Указ. соч., с.5), то время пребывания их в карпатской зоне и соседних с нею областях значительно возрастает.
- (12) Обзор работ по проблемам славянского влияния на румынский язык см., например, в: Бернштейн С.Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М., 1948; с.84-99, 120-127 и др.; Mihăilă Gh. Principale etape de l'histoire des études slaves en Roumaine et de leurs rapports avec les études slaves internationales // Romanoslavica. XVI. București, 1968; *Idem*. Etapele principale ale istoriei slavisticii românești și legăturile ei cu slavistica internațională de la începutul pînă la Ioan Bogdan // Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești. București, 1983; *Idem*. Slavistica românească de la Ioan Bogdan pînă la Emil Petrovici // Studii... и др. О работах, посвященных славянскому влиянию на венгерский см. в: Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I-II. Budapest, 1955 (и 1974); Хелимский 1988; Он же. Изучение ранних славяно-венгерских отношений // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и в США. М., 1989 и др. (см. далее о книге Р.Ричардса). Библиографию трудов, касающихся изучения славяно-албанских отношений см., например, в: Селищев; Десницкая А.В. Славянские заимствования в славянском языке. М., 1963; из новейших работ см. в: Svane. О славизмах в греческом см. в: Hinrichs, S.647.
- (13) См., например: Mihăilă Gh. Criteriile periodizării și geografă împrumuturilor slave în limba română // Studii...

- (14) См.: Общекарпатский диалектологический атлас. I. Кишинэу, 1989; 2. М., 1994; 3. Warszawa, 1992; 4. Львів, 1993; 5. Bratislava, 1997; 6. Budapest, 2002; последний, 7-й, вып. находится в печати в Сербии и Черногории.
- (15) Об особенностях корпуса восточнороманских диалектных материалов см. в: *Клепикова Г.П. Рекартографирование в ОКДА// ИСД 9. М., 2004.*
- (16) В изучении славяно-неславянских языковых взаимодействий в БКМ особое внимание обращается на общеметодологическое требование разграничения *генезиса* явлений (=этимологии) и определения *непосредственного языка-источника*, из которого последние входят в соседние языки, поскольку, в частности, на Карпатах «в результате многократных перекрестных заимствований» возникло множество «общих слов и значений, характерных только для этой области» (*Трубачев О.Н. Лингвистическая география и этимологические исследования// ВЯ, № 1, 1959, с.19.*)
- (17) Поскольку синхрония есть развернутая в пространстве диахрония (см., например: *Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI МСС.М., 1968, с.342.*)
- (18) По выпускам ОКДА (отражающим различным тематические группы) славянские заимствования распределяются следующим образом: 1-й – 26, 2-й – 19, 3-й – 22, 4-й – 15, 5-й – 35, 6-й – 15.
- (19) См.: *Клепикова Г.П. Лингвогеография и славяно-неславянские контакты// Polono-Slavica Varsoviensia. Warszawa, 1992, S.45-46.*
- (20) См.: *Калынь Л.Э., Клепикова Г.П. К вопросу о значении многоязыковых атласов для изучения славянского диалектного континуума// ВЯ, №3, 1989, с.98, 100-101.*
- (21) *Клепикова Г.П. К проблеме изучения лексико-семантической вариативности в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме// СБЯ, 1986.*
- (22) См.: *Клепикова Г.П. Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 6. *s(e)lem(b)=. // ОЛА.МИ, 1984.*
- (23) Подробнее: *Клепикова Г.П. Рекартографирование в ОКДА// ИСД 9, 2004.*
- (24) *Mihaila Gh. Criteriile periodizării și geografia împrumuturilor slave în limba română// Studii..., p.46; ср. и: MNYTESz 1, 487.*
- (25) Подробнее: *Клепикова Г.П. Румынзмы славянского происхождения в карпатославянских диалектах// ИСД.4. 1995, с.101-105.*
- (26) см.: *Бернштейн С.Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000, с.263; см. и: MNYTESz 1, 1038.*
- (27) *Бернштейн С.Б. Из проблематики..., с.272.*
- (28) *Клепикова Г.П. О некоторых результатах картографирования в ОЛА и ОКДА лексики из раздела «Животный мир»// ОЛА.МИ. 1992, с.16-18.*
- (29) О возможности сближения этих версий см. в: *Клепикова Г.П. К проблеме использования данных лингвистической географии в историко-этимологических исследованиях// Этимология.1984. М., 1986.*
- (30) *Соболев А.Н. Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. München, 2003.*
- (31) *Ylli Xh. Das slavische Lehngut im Albanischen. I. Lehnwörter. München, 1997. Вторая часть исследования (Das slavische Lehngut im Albanischen. II. Ortsnamen) была опубликована в 2000 г. (München); в третьей части будут изложены некоторые общие проблемы славяно-албанских взаимоотношений. Рецензию А.Н.Соболева, написанную на первый том исследования Дж.Юллы см. в: МДАБЯ. Материалы 2-го рабочего совещания. СПб., 1998, с.130-135.*
- (32) При этом широко используется опыт подобных семантических классификаций лексических славизмов в трудах А.М.Селищева, А.В.Десницкой, Г.Сване и др.
- (33) Следует иметь в виду также появление позднее еще двух важных работ, которые дают новый материал для изучения проблематики славяно-албанских отношений: *Юллы Дж., Соболев А.Н. Албанский тосский говор с.Лешня (краина Скрапар). Marburg, 2003; Они же. Албанский гегский говор с.Мухурр (краина Дибыр). Marburg, 2002. Некоторые мате-*

- риалы этих монографий см. в: *Соболев А.Н.* Славянские заимствования в албанских диалектах. I. Северная Албания // ИСД. 10. М., 2004.
- (34) *Richards R.* The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: the View from Old Hungarian. Los Angeles, 2003.
- (35) Максимальный список апеллятивов славянского происхождения насчитывает примерно 500-650 единиц и несколько сот топонимов, - в словаре И.Кнежи приводится 1500 заимствований с разной степенью надежности славянской этимологии (*Kniezsa I.A.* magyar nyelv szláv jövevényszavai...); колебания в численности, объясняются, с одной стороны, тем, что многие славизмы, лишённые характерных «диалектных» признаков, могут датироваться и как ранние, и как поздние заимствования в венгерском; с другой, - многие неславянские по происхождению слова входили в венгерский через славянский, и при этом сохраняется возможность непосредственного заимствования из языка-источника (ср. венг. *sátor* 'шатер' выводится как из слав. *šatъgь/*šatъgь, так и прямо из тюрк. *šatug [: тюрк.-булг. *šatug]) (см.: Хелимский 1988, с.350).
- (36) Ср. венг. *foglalás*, нем. *Landnahme*, также англ. *Conquest*; об этой модели, предполагающей *не одну* прародину, а множество (что соответствует идее о подвижности древних народов Центральной и Юго-Восточной Европы - см. выше), подробнее в: *Трубачев О.Н.* Указ. соч., с.135.
- (37) При этом не следует преувеличивать длительность и результаты древневосточнославянско-венгерских контактов в Северном Причерноморье - т.е. до прихода венгров в Среднее Подунавье (н, соответственно, такая гипотеза должна быть оценена самым негативным образом [Хелимский 1988, с.362,364]).
- (38) Так, например, на основе данных книги может быть дан квалифицированный исторический комментарий к материалу ряда карт (и НМ) ОКДА, на которых отражены такие лексемы как венг. *csorosozlya, donga, gerenda, lencse, rocska, pisztráng, toromba* и др. Еще больший материал для подобных комментариев даёт национальный венгерский атлас (*A magyar nyelv atlasza. I-VI. Budapest, 1969-1977*) и региональные атласы.
- (39) Хелимский 1988, с.361. Впрочем, см. и сделанное позднее важное уточнение: «...носителями этого койнэ были не только и даже *не столько* славяне, сколько отличавшиеся существенно большей мобильностью в пределах государства венгры... Различия между славянскими диалектами (языками) на территории Венгрии были в данный период достаточно невелики, чтобы не препятствовать автоматическому «пересчёту» диалектных форм в интердиалектные» (*Хелимский Е.А.* Славянское койнэ в Венгрии Арпадов и происхождение славяно-венгерских топонимов в Трансильвании // Мат-лы VI конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы. Лингвистика. М., 1989, с. 52-53).
- (40) Ср.: "All investigative systems are characterized by a certain margin of error, and possibility, however small we think it to be, that there was a koine in operation in Pannonia at the time of the Conquest must be seen in that light" (Op.cit., p.111; курсив наш - Г.К.)
- (41) Вместе с тем этот анализ как будто подтверждает присутствие в этой области феномена «фонологической волны» (=a phonological wave phenomenon), отраженной в рефлексации слав. *q как [ц] и далее в древних заимствованиях в венгерском (ср. 205-208).

Сокращения

- ИСД - Исследования по славянской диалектологии (4, 9). М., 1995; 2004.
 Калуж. - *Калужская И.А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001.
 ОЛА.МИ- Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и иссл. М.
 СБЯ - Славянское и балканское языкознание. М.
 Топоров - *Топоров В.Н.* Прусский язык (4).К.-Л. М., 1984.
 ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. 1-. М., 1974 - .
 ALR - Atlasul lingvistic român. Serie nouă. I-IV. București, 1956-1965.
 MNyTESz - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. 1-3. Budapest, 1067-1976.

Горнопольский словарь - чрезвычайно яркий и во многих отношениях уникальный образец современной южнославянской лексикографии. Он был подготовлен к печати еще в 1960 году, став первым значительным шагом в новой истории диалектной лексикографии Южной Славии, корпус которой на тот момент состоял только из наследия классиков и небольших по объему словарных подборок. Большое значение словаря для славянского языкознания на тот момент явилось не только во введении в научный оборот обширного корпуса юго-западной болгарской диалектной лексики, но и в принципах ее регистрации: горнопольский словарь явился первым словарем полного типа в истории болгарской диалектологии и третьим – во всей южнославянской (после словарей И.А.Бодуэна де Куртэне и Гл. Елезовича).

Несмотря на определенные успехи, которых южнославянская лексикография достигла за сорок лет, прошедшие со времени создания горнопольского словаря², на момент своей публикации он полностью сохранил статус исключительного по своей научной ценности собрания. Помимо большого значения, которое он имеет для болгарской диалектологии, Горнопольский словарь приобретает большую ценность для активно развивающейся в настоящее время диалектологии так называемого центрально-южнославянского ареала, образуемого говорами юго-западной Болгарии, македонскими и юго-восточными сербскими говорами (лексикография последних бурно развилась в последние годы).

Принцип недифференцированного включения лексики, воплощенный в горнопольском словаре, в настоящее время, как и в шестидесятые годы, по-прежнему остается «новым словом» в южнославянской лексикографии: подавляющее большинство современных словарей сербских и болгарских говоров носят дифференциальный характер. Являясь первым болгарским диалектным словарем полного типа, включающим все, записанные в ходе сбора материала лексемы (около одиннадцати тысяч), т.е. *ядро* лексикона носителей говора, собрание горнопольской лексики было пионерским и для лексикографий других южнославянских стран. В югославской лингвистике в восьмидесятые годы концепция полного словаря утвердилась лишь теоретически, а свое практическое воплощение до сих пор нашла лишь в «Словаре сербских говоров Воеводины» (2000; 2002), еще очень далеком от завершения, и выполненном в рамках того же проекта «Словаре говора буневцев Бачки» (1990).

Яркое своеобразие горнопольского словаря, его неповторимую индивидуальность создает редкая для южнославянской диалектной лексикографии авторская установка – показать *функционирование* диалектного слова, - которой подчинена обширная грамматическая информация. Она и чрезвычайно проста и лаконична, и в то же время предусматривает активный и творческий подход пользователя.

Как видно из предисловия к словарю, автор подчинил концепцию «функционального» (Е.Я.) словаря и описания диалектного слова прежде всего задаче как можно более полного отражения морфологической системы говора. Статья снабжена обширной грамматической информацией: указанием рода, формы множественного числа, членных форм существительных, родовых окончаний прилагательных, видовых, аористных, причастных форм глаголов, падежных форм местоимений и т.д. Иллюстративные примеры, по словам самого автора, подобраны так, чтобы по возможности полно продемонстрировать функционирование лексемы в разных словоформах. По своей проработанности и систематичности грамматическое описание слова в горнопольском словаре не только не уступает лучшим образцам диалектной лексикографии (ср. «Словарь сербских говоров Воеводины»), но и, возможно, превосходит их, благодаря своей простоте и отсутствию излишнего максимализма.

Семантическая интерпретация слова в горнопольском словаре также предельно проста. Слова, совпадающие по семантике с литературными, даются в словаре без толкования, а специфические толкуются или через литературный болгарский эквивалент, или описательно. Как и в предыдущем случае, большая нагрузка приходится на иллюстративные тексты, которые не только служат контекстом, проясняющим семантику слова, но нередко представляют собой дефиницию, данную самим информантом, или описание ситуации, в которую это слово включено, что как

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № НШ-2141. 2003. 6.

² Так, в 2000 году опубликован полный, насчитывающий 17 тысяч слов и 4 тысячи фразеологизмов, словарь: Лука Гъльбов. Лексиката на говора в с. Доброславци, Софийско.

правило, гораздо лучше проявляет семантику слова, чем авторское толкование (ср.: *брадѣвица*, та ж., мн. *Брадѣвици*, те Израстьк (по кожата, по корените) *Имѣди кореньчѣта, на кореньчѣта што сѣд* или: *горѣшљаци*, те мн. Народен празник в чест на огња, летни дни 15, 16, 17 (29, 30, 31) јули / *горѣшљаци* – околу елѣнден. *кој работеше, че му се запѣлѣат капитѣ, ѿ сѣнѣто, ѿ сѣдмата* / или: *абанџи*, о м., мн. *абаниџи*, те Шуба / *абанџи кожух – носѣ се озорѣ, от чѣтири коџѣ, с фиџѣли от малко кожѣ ѿдѣнечко / с раховѣ, нѣ ширѣк од енѣтирѣѣтата*³.

Толкование и грамматические пометы – это единственный образец «авторской речи» в словаре. В остальном, автор, переносящий основную нагрузку на диалектный текст, «скрыт». Нам нигде не встретилось никакого рода авторских комментариев или дополнений к дефинициям, будь то грамматического, семантического или иного свойства, которыми изобилуют почти все современные южнославянские диалектные словари (ср. опыт К.Пеева, Д.Петровица, М.Станича и др.), где авторы активно «беседуют» с читателем, информируя его о разных аспектах содержания, функционирования или истории слова или обозначаемой им реалии. В горнопольском словаре о диалектном слове говорит не автор, а порожденный самой традицией текст. Причем не только иллюстративный материал, приведенный в словарной статье, но, что самое главное и уникальное – обширный фрагмент диалектного дискурса, сборник текстов (около 250), отражающий реальную «оказию» лексических единиц словаря, семантическую и морфологическую. Сборник текстов, общим объемом около десяти авторских листов, – это не приложение к словарю, служащее, как это обычно бывает, «примером» функционирования диалектного языка: это интегральная и не уступающая по значимости словнику часть словаря, которая тесно с ним взаимодействует. Можно сказать, что это особая ипостась словника – словник, развернутый в текст.

Горнопольский сборник текстов замечателен не только своим объемом, но и разнообразием, представленным в нем образцов – жанровым, тематическим и социолингвистическим (различный возраст информантов). В основе сборника лежит тот же принцип, что и в основе словника – это принцип полноты, охвата всего имеющегося в распоряжении материала. Естественно, что в сборник включены далеко не все тексты, записанные автором в ходе сбора материала, большая часть которого осталась нерасшифрованной. Принцип полноты в данном случае реализуется в охвате максимального числа типов текстов, продуцируемых данной традицией. Тем самым сборник воспринимается как модель дискурса горнопольского говора, модель ядра поля, образуемого наиболее характерными для данной традиции текстами.

Многомерность этой модели поражает. Здесь представлены диалектные записи фольклорных текстов: эпических песен (№ 1, 52, 53, 56, 58, 61, 88), сказок (№ 115), легенд (№ 21), местных и исторических преданий (№ 6, 7, 75), быличек (*вамѣир* (№ 67, 179), *змеѣ* (№ 168), *уричѣнаџи* (№ 189)); тексты детского фольклора: загадки, считалки, страшилки (№ 227), сказки (переложение «Белоснежки» – № 228), описания игр (№ 204); описания календарной и окказиональной обрядности (свадьба (№ 13, 23, 31, 194-196), родины, крестины, похороны (№ 139), вызывание дождя (*вѣйдудуље*), рождество, *бадни вечер*, *василевден*, святки); тексты из области народного евангелия; народной медицины (лечение от сглаза); толкование снов; исторические повествования (мемораты) о русско-турецкой войне, предания о турецких временах, о русских, описание быта, хозяйственной деятельности (строительство, сельскохозяйственные работы, производство сыра, кулинария, прядение, ткачество), досуга (посиделки), семейного этикета; многочисленные истории из жизни – *«за живото какоф е бил»* (306): рассказы о школе, наводнения, коммунистах, болезни, поездках в Софию и пр.; короткие тексты: отдельные предложения, фразеологизмы, ряды синонимов (это имеет параллель в опытах сербского лексикографа Д.Златковича, автора нескольких словарей устойчивых диалектных текстов).

Такое собрание текстов, даже вне своей связи со словником, представляет собой большую ценность (здесь нельзя не отметить простоту транскрипции, делающую эти записи легко доступными пользователю). Трудно найти подобный опубликованный сборник: в диалектных словарях и диалектологических описаниях тексты-приложения как правило имеют своей целью дать представление о грамматическом строе говора, а отнюдь не служить источником для углубленного исследования семантического и морфологического функционирования максимального числа диалектных лексем. Такие подборки

³ По техническим причинам в рецензии воспроизведены не все знаки ударения.

обычно насчитывают всего несколько единиц, случайно отобранных и включающих ограниченное число слов. В горнопольском сборнике мы имеем редкий образец «оживью», диалектных этнографических записей, обычно доступных нам только в переложениях на литературные славянские языки, исторических рассказов и прочих текстов, которые в своей совокупности составляют всю жизнь традиционного человека, пропущенную сквозь призму его сознания и языка. Тем самым это собрание приобретает огромную ценность не только для лингвистических, но и для культурологических исследований, ибо позволяет реконструировать мировоззрение носителей данной традиции.

Присутствие в словаре сборника текстов открывает возможность для «интерактивной» интерпретации семантики слова, когда пользователь, обращаясь к текстам (к сожалению, словарь лишен отсылок к приложениям), сам реконструирует содержание диалектного слова. Значительный текстовый корпус дает возможность определения частотности употребления, статуса слова в системе, что ведет к выявлению «ключевых» для данной культуры слов, вокруг которых формируются целые текстовые поля. Текст, содержащий образцы самых различных употреблений, дает возможность реконструировать символическую семантику слова, его коннотации, культурную функцию – те компоненты его содержания, которые не отражаются в словарной дефиниции, но без которых невозможно раскрыть образ, закреплённый за словом в сознании носителей языка. Так, как имена-знаки важнейших культурных концептов, подчиняющие себе большое число текстов, проявляют себя в текстах немаркированные в словнике (согласно принятым в словаре принципам описания) лексема *Турчин* (в меньшей степени!) и главным образом *Рус* (*Русин*, *Руснак*, *Москоф*) – с коннотативной семантикой ‘хорошее чужое’ (ср. наименование *братушка*, но способность к сглазу) и - достаточно неожиданно - *Кьеркьегин* ‘черкек’, представляющий собой в горнопольской аксиологии полюс зла.

Вводя в научный оборот обширный корпус южнославянской лексики и тем самым делая шаг к решению ключевой проблемы южнославянской лексикографии - недостаточной изученности ареала, горнопольский словарь намечает особый путь к решению ее главных методологических проблем: что нужно включать в словарь и как отражать в нем прагматику слова. На этом пути словарь достигает большой степени объективизации отображения языковой и культурной реальности, что делает его чрезвычайно ценным источником для исследований по реконструкции картины мира.

Е. И. Якушкина

Bañcerowski J. Podstawy polsko-węgierskiej fonetyki i fonologii kontrastywnej. Budapest, 2001. 110 s.

Банчеровски Я. Основы сопоставительной фонетики и фонологии польского и венгерского языков

В 2001 г. в Будапеште вышла книга известного венгерского слависта польского происхождения, руководителя кафедры польской филологии Будапештского университета им. Л. Этвеша Януша Банчеровского «Основы сопоставительной фонетики и фонологии польского и венгерского языков». Книга задумана как университетский учебник и предназначена прежде всего для венгерских студентов-полонистов и славистов, а также для поляков, изучающих венгерский язык. Она представляет собой сжатое изложение основ фонетической и фонологической систем польского и венгерского языков, а также сопоставление этих систем.

Основную часть книги предваряет глава «Вступительные замечания». В ней автор определяет предмет фонетики, в том числе фонетики контрастивной, даёт информацию об артикуляторном аппарате человека и его функционировании, приводит определения *звука*, *фонемы*, *аллофонов*, явления *коартикуляции*, перечисляет принципы артикуляционной классификации звуков и деления их на две основные группы – гласные и согласные. В разделе, посвящённом долготе, слоговому и фразовому ударению, Я. Банчеровский говорит о пароксигтоническом характере польского ударения и перечисляет случаи, когда ударение падает не на предпоследний слог (при этом предполагается, что данные о типе и месте ударения в венгерском языке известны читателю, так как автор ничего не пишет об этом. Хотя приведение такой информа-

ции не является необходимой для венгерских студентов-полонистов, она могла бы пригодиться читателям, изучающим венгерский язык).

В основной части книги автор приводит описание сначала систем вокализма, а затем систем консонантизма польского и венгерского языков. «Вокалическая» и «консонантная» части завершаются главами, в которых польская и венгерская системы сравниваются друг с другом.

Согласно Я. Банчеровскому, для польского языка система вокализма состоит из 7 фонем: /u/, /u/, /e/, /o/, /ɛ/, /ɔ/, /a/ (см. стр. 38) и 28 гласных звуков, которые являются комбинаторными вариантами соответствующих фонем; для венгерского языка количество гласных звуков и гласных фонем совпадает и равняется 14: /a:/, /ɔ/, /e/, /ɛ/, /o/, /o:/, /e:/, /i/, /i:/, /y/, /y:/, /u/, /u:/ (см. стр. 43–44); автор приводит характеристику звуков и фонем обоих языков по артикуляционным признакам. Говоря об инвентарях гласных фонем польского и венгерского языков, он упоминает о спорных моментах, возникающих при установлении этих инвентарей (так, для польского языка это вопрос о фонологическом статусе /ɛ/, /ɔ/ и /y/), а для венгерского языка – кратких /a/ и /e/. В виде таблиц Я. Банчеровский приводит наборы фонем, устанавливаемые другими учёными, такими, как, например, В. Дорошевский, З. Штибер, В. Ясsem, Б. Рошлавский, З. Клеменевич, С. Шюбер и др. для польского языка (см. стр. 39) и Gy. Laziczus, J. Lotz, J. Tompa, L. Deme, Gy. Szépe и др. для венгерского языка (см. стр. 45).

Описывая системы консонантизма, Я. Банчеровский выделяет в польском языке 89 согласных звуков и 39 согласных фонем (далее приводятся только фонемы): /p/, /b/, /pʲ/, /bʲ/, /t/, /d/, /tʲ/, /dʲ/, /k/, /g/, /kʲ/, /gʲ/, /s/, /z/, /sʲ/, /zʲ/, /t͡s/, /t͡sʲ/, /d͡z/, /d͡zʲ/, /f/, /fʲ/, /v/, /vʲ/, /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /ç/, /çʲ/, /m/, /mʲ/, /n/, /nʲ/, /l/, /lʲ/, /w/, /j/ (см. стр. 56–57); в венгерском языке 58 согласных звуков и 50 согласных фонем: /p/, /p:/, /b/, /b:/, /t/, /t:/, /d/, /d:/, /tʲ/, /tʲ:/, /dʲ/, /dʲ:/, /k/, /k:/, /g/, /g:/, /s/, /s:/, /z/, /z:/, /ʃ/, /ʃ:/, /ʒ/, /ʒ:/, /h/, /h:/, /m/, /m:/, /n/, /n:/, /l/, /l:/, /lʲ/, /lʲ:/, /j/ (см. стр. 73–74). Подобно тому, как это было в «вокалической» части, автор ссылается на точки зрения других учёных и приводит инвентари согласных фонем, которые выделяются ими. В случае польского языка учёные придерживаются различных мнений прежде всего относительно фонологического статуса мягких губных, мягких заднеязычных, /ʃ/, /dʲ/, /tʲ/, /ʃʲ/, переднеязычного зубного /l/, а в случае венгерского языка специалисты высказывают противоречивые точки зрения о наличии-отсутствии долгих согласных фонем и фонологическом статусе /w/, /dz/, /dz:/, /d͡z/, /d͡z:/.

Сравнивая системы вокализма обоих языков, автор задаётся вопросом, какова степень тождественности этих систем, насколько они «взаимозаменяемы» («...w jakim stopniu są one współwymiennie», см. стр. 50). Чем больше у систем общих элементов, тем легче процесс освоения студентами фонетики изучаемого языка. Для польской и венгерской систем – полной «взаимозаменяемости» мы можем говорить только в случае /o/ и /u/, а о частичной – в случае польского /a/ и венгерского /a:/, польского /ɔ/ и венгерских сочетаний /o/ + /m/, /o/ + /n/, /o/ + /r/, польского /l/ и венгерского /l/. Я. Банчеровский отмечает, что вокализм как польского, так и венгерского языков реализует фонологические оппозиции на основании таких различительных признаков, как (в терминологии автора) *przedniość*, *tylność*, *plaskość*, *zaokrągłość*, *otwartość*, *półotwartość*, *przymkniętość*, *niskość*, *średniość* и *wysokość*; различие между языками касается признаков *nosowość*, *środkowość*, *długość* и *półprzymkniętość* (см. стр. 50). Однако комбинация этих признаков в польском и венгерском языках различна.

Сравниваемые языки демонстрируют большое различие в области аллофонических структур (на каждую гласную фонему польского языка приходится несколько аллофонов, в то время как в венгерском однозначное соответствие между гласной фонемой и её аллофоном). Это свидетельствует о сильной разнородности линейных звуковых контекстов данных языков. Богатство комбинаторных вариантов польского вокализма представляет одну из значительных трудностей при освоении венграмми польского языка.

Венгерский язык гораздо чаще польского использует сочетания гласных фонем. Если в польском языке группы гласных фонем, состоящие из трёх или четырёх элементов, встречаются лишь в немногочисленных словах иностранного происхождения (например, *stereoadapter*, *indoeuropejski*, см. стр. 42), в венгерском языке подобные сочетания более частотны и возможны также в собственно венгерских словах (см. стр. 49).

При сопоставлении польской и венгерской систем консонантизма вновь обращает на себя внимание богатство аллофонической структуры польского языка по сравнению с венгерским. Однако кроме различий обе системы обнаруживают много общих черт. В числе прочего они реализуют сходные наборы различительных признаков (в терминологии автора): *zwartość, szczylinowość, wargowość, zębowość, dziąsłowość, palatalność, twardość, welarność, ustność, nosowość, dźwięczność, bezdźwięczność, drżność, bocność*, отличааясь лишь в отношении *laryngalności* и *długości* (см. стр. 85). Благодаря тому, что ряд фонем обладает почти идентичным набором различительных признаков, их можно считать «взаимозаменяемыми» (см. выше). К числу таких фонем относятся /p/, /b/, /v/, /d/, /k/, /g/, /s/, /ʒ/, /ʃ/, /ʒʒ/, /ʃʃ/, /v/, /s/, /z/, /ʃ/, /z/, /m/, /n/, /ɲ/, /l/, /r/, /j/. Фонемы /b/, /d/ автор считает частично «взаимозаменяемыми», так как они встречаются в польском языке только в словах иностранного происхождения и их позиция в фонологической системе не стабилизировалась. Совокупность «взаимозаменяемых» фонем обеих систем консонантизма представлена автором как пересечение множеств фонем польского и венгерского языков. Таким образом, получается, что венгерский язык способен покрыть 61,5% польского фонологического поля, а польский язык – 48% венгерского. По мнению автора, это может иметь большое значение при выработке верной стратегии обучения данным языкам.

Книга Я. Банчеровского содержит и информацию о том, как фонемы польского и венгерского языков представлены на графическом уровне. Для гласных эти сведения даются в главе «Сравнение систем вокализма польского и венгерского языков» в сводной таблице, где сопоставляются аллофоны, фонемы и графемы этих языков (см. стр. 50); аналогичная таблица для согласных фонем приводится в отдельной главе «Представление согласных фонем польского и венгерского языков на уровне графического кода» (см. стр. 93–100). Эта глава полезна для читателей, поскольку и польская, и венгерская графические системы кроме простых пользуются сложными графемами: двусоставными и с диакритическими знаками в польском языке и дву- и трёхсоставными в венгерском, в связи с чем процесс освоения студентами графики этих языков может вызвать некоторые трудности на начальном этапе изучения. Автор отмечает, что как в польском, так и в венгерском языках мы можем заметить значительное расхождение между способом графического обозначения согласных фонем и их фонетической реализацией (когда одна фонема на письме может передаваться двумя и более способами; например, случаи позиционного оглушения или озвончения, а также различные способы обозначения мягкости); и в польском языке, по мнению Я. Банчеровского, это расхождение более сильное.

Сравнивая типы слогов в польском и венгерском языках, автор приходит к выводу, что польский язык располагает большим типом слогов, чем венгерский. Все типы смлلابических структур венгерского языка характерны и для польского, но в польском языке возможны слоги, начинающиеся четырьмя и пятью согласными звуками, и слоги, заканчивающиеся последовательностью четырёх согласных (например, тип CCCCVC *pstrag*, тип CCCCCVC *w źdźbłach*, тип CVCCCC *warstw*, см. стр. 102).

В конце книги помещена библиография, которая содержит наименования трудов известных лингвистов по фонетике и фонологии польского и венгерского языков, а также сопоставительных работ по фонетике и фонологии польского и норвежского, польского и французского, польского и английского, польского и шведского языков. В этом контексте Янушу Банчеровскому принадлежит первый опыт сопоставления фонетической и фонологической систем польского языка и языка не индоевропейской языковой семьи⁴. И несмотря на то, что книга «Основы сопоставительной фонетики и фонологии польского и венгерского языков» имеет скорее практический характер, так как ориентирована прежде всего на использование в глоттодидактике, она вносит вклад и в теоретическое сопоставление языков разных языковых семей.

Л. В. Ныклова

⁴ Януш Банчеровский является также автором вышедшей несколько лет назад книги *Das Polnische und das Hungarische phonologische System. Studies in Modern Philology. Akadémia Kiadó. Budapest. 1998. Vol. 13.*

Содержание

Предисловие.....	3
Preface	4
<i>Л.Э.Калнынь.</i> К вопросу об иерархии методов изучения славянских диалектов	5
<i>Л.Э.Калнынь.</i> Об объекте картографирования в разных типах диалектных атласов.....	14
<i>Н.Е.Ананьева.</i> О современных методах изучения периферийных крестьянских польских говоров	22
<i>О.А.Остачук.</i> Социолингвистический метод в диалектологических исследованиях (ситуация говора языкового меньшинства)	32
<i>Л.В.Ныклова.</i> Использование вопросников при изучении периферийных польских диалектов северо-восточной зоны.....	45
<i>Т.В.Попова.</i> Сопоставление данных национальных атласов как метод установления новых изоглосс	54
<i>И.А.Букринская, О.Е.Кармакова.</i> Лингвистическое картографирование как метод изучения лексики диалектов	60
<i>Г.П.Клепикова.</i> Рекартографирование в «Общекарпатском диалектологическом Атласе» (=ОКДА).....	71
<i>С.А.Мызников.</i> Лингвогеографические методы изучения субстратного ландшафта в русских говорах Северо-Запада.....	93
<i>М.И.Ермакова.</i> К методам изучения истории серболужицких диалектов (с привлечением памятников серболужицкой письменности)	102
<i>А.А.Плотникова.</i> Этнолингвистические и социолингвистические методы изучения южнославянских диалектов	112
<i>Е.И.Якушкина.</i> Две парадигмы в изучении южнославянской диалектной лексики	124
<i>С.К.Пожарицкая.</i> Беспредложный творительный падеж в севернорусских говорах на общеславянском фоне (семантика и синтаксис)	131

<i>Г.П.Клепикова, Т.В.Попова. Некоторые вопросы украинского диалектного словоизменения: интерпретация диалектного материала, собранного в одной частной диалектной системе. 1.Глагол (формы инфинитива и презенса)</i>	159
<i>С.Л.Николаев. Ударение деминутивов на *ε в синевирском говоре</i>	199
<i>Ф.Р.Минлос. Ономатопозитическая редупликация в восточнославянских диалектах.....</i>	204
<i>Л.Э.Калнынь. О некоторых особенностях контакта русских диалектов с литературным языком.....</i>	220
<i>А.В.Тер-Аванесова, А.И.Рыко. Говорить по-культурному и лязгать по-заонежски (о языковых разновидностях в Заонежье)</i>	227
<i>Н.Н.Пшеничникова. Учение Р.И.Аванесова о двух аспектах предмета диалектологии применительно к выделению диалектов</i>	291
<i>Список научных трудов Т.В.Поповой. 1961-2004 гг</i>	296
<i>Г.П.Клепикова. Новые работы о славянском влиянии на языки карпато-балканского ареала</i>	304
<i>Н.В.Котова. Горно поле, Дупнишко. Речник (Е.И.Якушкина)</i>	316
<i>J.Bañcerowski. Podstawy polsko-węgierskiej fonetyki i fonologii kontrastywnej (Л.В.Ныклова)</i>	318

Научное издание

**Исследования по славянской диалектологии.9.
Методы изучения территориальных и
Социальных диалектов. К итогам
опыта славянской диалектологии XX в.**

**Сборник статей
Отв. редактор Л.Э.Калнынь**

**Компьютерная верстка:
С.А.Карасев, М.Н.Толстая**

Обложка: С.А.Карасев, М.И.Леньшина

**Подписано в печать 30.03.2004 г.
Тираж 300 экз. Заказ № 46**

**Объем 20,0 печ.л.
Цена договорная**

Логос. ООО «Конти» г. Москва

